

**АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д.И. ГУЛИА**

**Зураб Вианорович
АНЧАБАДЗЕ**

Избранные труды

в двух томах

II

**Очерк этнической истории
абхазского народа.**

Статьи

СУХУМ – 2011

ББК 63.3(5 Абх)+63.3(5Абх)-7

Составитель и ответственный за выпуск **Куправа А.Э.** – доктор исторических наук, профессор, академик АНА

Зураб Вианорович Анчабадзе

Избранные труды в двух томах. Т. II. – Сухум. 2011. – с. 349.

Серия «Научное наследие».

© АБИГИ им Д. И. Гулиа

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящий том вошла монография «Очерк этнической истории абхазского народа» (Сухум, 1976), в котором обобщены взгляды З.В. Анчабадзе на этническую составляющую политической истории Абхазии и где ярко артикулирована авторская позиция, утверждающая историческую и этнокультурную самостоятельность абхазов.

В томе представлен ряд статей З.В. Анчабадзе по вопросам истории Абхазии. В этих работах отражены исследовательские позиции ученого по ключевым для его творчества проблемам. Они ярко передают полемический дар З.В. Анчабадзе, его умение вести научную дискуссию, критически анализировать идеи и концепции, выстраивая собственные контрдоводы и аргументацию.

Большой блок материалов связан с публикацией серии статей, в том числе биографических, посвященных деятелям абхазской истории. Опубликованные в свое время на грузинском языке в томах «Грузинской советской энциклопедии», эти работы остаются по существу неизвестными абхазскому и в целом русскоязычному читателю. Между тем они насыщены ценнейшим историческим материалом. Эти статьи открывают еще одно жанровое направление в творчестве З.В. Анчабадзе, дополняют важными штрихами научный портрет исследователя, открывают новые грани его научного наследия.

Перевод статей с грузинского на русский язык осуществлен доктором исторических наук, профессором Георгием Зурабовичем Анчабадзе. Он же любезно предоставил неопубликованную работу отца: «К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса».

Кроме того, из богатого наследия З.В. Анчабадзе по истории горских народов Кавказа, в данный том включена его неопубликованная работа «Очерки истории народов Северного

Кавказа» в средние века. Ч. I. (VI-VIII вв.)» из домашнего архива автора.

Этот двухтомник дает наиболее полную сводку абхазоведческих работ З.В. Анчабадзе и в целом отражает вклад ученого в историографию истории Абхазии.

Выражаем благодарность директору Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии Василию Шамониевичу Авидзба за содействие в издании настоящего двухтомника.

В книге стиль автора сохранен.

ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗСКОГО НАРОДА

ВВЕДЕНИЕ

Изучение этнической истории (от греч. «этнос» – племя, народ) предполагает исследование основных этапов развития народа как этнической общности, т. е. исторической общности людей, взаимосвязанных следующими объективными признаками – общностью экономической жизни, территории, языка и культуры, которые поэтому и называются этническими признаками. Субъективным выражением объективно существующей этнической общности является этническое (национальное) самосознание, т. е. сознание представителей определенной исторической общности людей об их принадлежности к данной этнической (национальной) общности.

Понятие «этническая общность» употребляется в узком и широком смысле. В первом случае имеется в виду конкретно-исторический тип этнической общности. В качестве примера такого рода общности можно назвать абхазскую социалистическую нацию, которая включает в себя лишь абхазов*, являющихся гражданами СССР и в большинстве своем проживающих в Абхазской АССР. Однако абхазская этническая общность (абхазский этнос, абхазский народ) в широком смысле охватывает всех абхазов, где бы они ни проживали – как в СССР, так и за рубежом. То же самое можно сказать о грузинах, армянах, азербайджанцах и многих других народах.

* Этническое название абхазов употребляется в двух формах – «абхаец» и «абхаз». Первая форма встречается в обиходной речи, официальных документах, художественной литературе и т. д. Вторая – в основном в научной литературе.

Этническая общность является категорией исторической, т. е. имеет свое начало и свой конец. Она возникает вместе с возникновением родового строя и постепенно исчезнет в условиях высоко развитого коммунистического общества.

История человечества знает три основных типа этнической общности – племя, народность и нация.

Племя является этнической категорией первобытнообщинного строя (родовое племя) и раннеклассового общества (территориальное племя). Народность складывается с возникновением классового общества и существует на протяжении всех последующих общественно-экономических формаций (исторические типы народности – раннеклассовая, рабовладельческая, феодальная, буржуазная и социалистическая). Нация есть высший тип этнической общности, характерный для капиталистической и коммунистической формаций (буржуазная нация, социалистическая и – в будущем – коммунистическая нации).

Исторические типы этнических общностей отличаются друг от друга как по уровню социально-экономического развития, так и по степени устойчивости своих этнических признаков. Так, если племя представляет собой зародышевую, непрочную этническую общность, которая периодически распадается на новые племена, то народность является уже относительно устойчивой этнической общностью. Что касается нации, то она является вполне устойчивой этнической категорией, основанной на прочной общности своих этнических признаков.

Характер этнической общности и степень ее устойчивости внутри одного и того же этнического типа находятся в прямой зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений. Так, буржуазная народность значительно устойчивее феодальной и, тем более, рабовладельческой народности; этническая устойчивость социалистической нации намного прочнее устойчивости буржуазной нации, вследствие коренного различия социально-экономических базисов, лежащих в основе этих наций.

Кроме перечисленных выше основных исторических типов этнической общности (племя, народность, нация), в историческом прошлом и современную эпоху известен еще один (неосновной) тип этнической общности, который обычно называют

этнической (национальной) группой. Последняя, как правило, не имеет своей этнической территории и проживает на территории другой этнической общности, не имеет порой даже собственного языка, но сохраняет некоторые черты своей культуры и психического склада, а главное – сознание своей этнической индивидуальности (например, зарубежные абхазы в составе населения тех стран, в которых они проживают, представляют собой отдельные этнические группы).

Следует сказать еще о т. н. внутриэтнических категориях, т. е. локальных группах внутри того или иного типа этнической общности (народности, нации), которые, являясь органической частью данной общности, вместе с тем отличаются рядом особенностей в языке, культуре, быту и т. д. Для докапиталистической эпохи основной внутриэтнической категорией являются локальные племена (например, псхувцы или дальцы в составе абхазской феодальной народности), а для буржуазной и социалистической эпох – т. н. этнографические группы (абжуйцы, бзыбцы, самурзаканцы в составе абхазской буржуазной народности). Указанные основные внутриэтнические категории могут, в свою очередь, подразделяться на более мелкие локально-этнографические подгруппы (например, подгруппа аацинцев в составе бзыбской этнографической группы абхазской социалистической народности).

Несколько слов о т. н. этнических (национальных) процессах, из которых складывается исторически конкретное этническое развитие народа.

Основными этническими процессами являются два – консолидация этноса (этнической общности) и разложение этноса, которые противоположны друг другу по своему характеру и этническим последствиям. Первый процесс выражает поступательное развитие этноса – его зарождение, формирование, укрепление, расцвет. Общий процесс этнической консолидации народа складывается из совокупности частных этнических процессов, выражающих становление его отдельных этнических признаков – общности экономики, территории, языка и культуры.

Важным фактором, в котором находит свое отражение объективный процесс консолидации этноса, является субъек-

тивный процесс формирования его этнического самосознания. Последнее представляет собой своего рода барометр этноса, реагирующий на все важнейшие перипетии в его историческом развитии.

Второй процесс представляет собой обратное развитие этноса – его постепенное отмирание и уход с исторической арены. Таким образом, этнические процессы консолидации (становления) и разложения (упадка) этноса выражают две основные исторические стадии в развитии данной этнической общности.

Элементы нового этноса зарождаются в недрах старой этнической общности и окончательно формируются на ее развалинах. Поэтому разложение старого этноса и зарождение нового этноса – это по сути дела две стороны единого процесса этнического развития народа.

Важными этническими процессами являются процессы этнической интеграции (слияния) и этнической дифференциации (распада) этносов. В первом случае несколько этнических общностей (родственных, неродственных) интегрируются в единый новый этнос, причем процесс этот осуществляется обычно под этнической гегемонией одной из сливающихся общностей. Во втором случае, наоборот, единая этническая общность дифференцируется на несколько (две и больше) новых этнических общностей. Последние находятся между собой в этническом родстве и в совокупности образуют этническую семью, происшедшую от общего этноса-предка.

В истории встречается также процесс этнической трансформации, когда определенный этнос под влиянием различных исторических обстоятельств изменяет в той или иной мере свой этнический облик (меняет язык, территорию, культуру и т. д.), но при этом сохраняет свое прежнее имя (этноним) и этническое самосознание.

Важной стороной этнического развития являются ассимиляционные и диссимиляционные процессы. Этническая ассимиляция может быть полной, когда ассимилирующая этническая общность целиком поглощает ассимилируемую общность, и частичной, при которой ассимилируется лишь часть другого этноса. Кроме того, понятие «полной» и «частичной» ассимиля-

ции предусматривает и степень этнического поглощения ассимилируемой общности.

Ассимилируемая общность или часть ее вначале превращается в племенную или этнографическую группу ассимилирующего этноса, а затем может вовсе потерять свои особенности и полностью раствориться в господствующей этнической среде. В зависимости от конкретных исторических условий ассимиляционный процесс может носить насильственный или, наоборот, естественный характер. Иногда ассимиляция протекает в обоих указанных формах.

Этническим процессом, противоположным ассимиляции, является диссимиляционный процесс, при котором ранее ассимилированный (полностью или частично) этнос, в силу определенных причин, восстанавливает свои прежние этнические особенности.

Таковы те основные (главные и частные) этнические процессы, из которых складывается этническая история народа, его развитие от низших форм этнической общности к высшим. Само собой разумеется, что эти процессы протекают не в чистом виде, не изолировано, а в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом. На разных этапах исторического развития народа на передний план выступает тот или иной этнический процесс или его отдельные стороны, которые затем, в зависимости от новых условий, уступают ведущее место другим этническим процессам. В конечном итоге в этих процессах находит свое выражение основная тенденция этнического развития – зарождение, формирование, расцвет и отмирание исторических типов этнической общности.

* * *

Выше были коротко изложены основные вопросы, составляющие содержание этнической истории. В свете этих положений становятся ясными те задачи, которые стояли перед автором при написании настоящей книги. Прежде всего в ней будет рассказано о становлении древнеабхазского этноса еще в условиях первобытнообщинного строя (формирование древних родоплеменных групп), затем, в связи с возникновением и разви-

тием классовых отношений, о становлении абхазских территориальных племен и раннеклассовых народностей. Особое внимание будет уделено возникновению и развитию абхазской феодальной народности, а затем буржуазной народности конца XIX – начала XX вв., на развалинах которой сложилась после победы советской власти абхазская социалистическая народность. Последняя в условиях социалистического строя постепенно переросла в социалистическую нацию и ныне в составе многонационального советского народа активно участвует в строительстве коммунистического общества в нашей стране.

Следует подчеркнуть, что проблема этнического развития принадлежит к числу самых сложных вопросов исторической науки. При решении этой проблемы ученые привлекают разнообразные материалы, добытые представителями ряда научных дисциплин – историками, экономистами, языковедами, этнографами, археологами, антропологами, фольклористами, искусствоведами и др. Поэтому этногенетика (специальная историческая дисциплина, занимающаяся проблемами этнического развития народов) является наукой комплексной, теснейшим образом связанной с самыми различными научными дисциплинами.

Этногенетическая литература об абхазах пока еще бедна (как, впрочем, и по этнической истории многих других народов нашей страны). Имеется лишь несколько специальных трудов, посвященных этногенезу абхазов (Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл и др.).

Настоящий труд представляет собой краткий очерк этнической истории абхазского народа и поэтому, естественно, не претендует на глубокое и всестороннее освещение затронутых вопросов. Монографическое изучение этнической истории абхазов на разных этапах ее развития – дело будущего.

В настоящих очерках использованы некоторые материалы предыдущих работ автора по истории древней и средневековой Абхазии, в которых значительное место было уделено вопросам этнической истории абхазского народа. Главы по этнической истории абхазов в буржуазную и социалистическую эпохи публикуются впервые. В этой части автор широко опирался на исследования своих коллег-специалистов по истории Абхазии

XIX – XX вв. (особенно Г. А. Дзидзария, а также А. Э. Куправа, А. А. Абшилава, Б. Е. Сагария, С. И. Шария, Г. П. Лежава, А. К. Адлейба, В. И. Карчава, М. Ш. Хварцкия, Х. В. Ахалая и др.). Кроме того, им были использованы работы представителей других отраслей абхазоведения (Ш. Д. Инал-ипа, Х. С. Бгажба, Л. А. Шервашидзе, Б. Г. Тарба и др.).

Как первый опыт написания систематической истории этнического развития абхазов с древних времен до наших дней, настоящая работа, конечно, не может быть свободной от некоторых недостатков, и автор с благодарностью примет все замечания, которые помогут ему в дальнейшей работе по вопросам этнической истории абхазского народа.

Г Л А В А I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АБХАЗСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

§ 1. Древнейшее население Абхазии

Территория Абхазии, как и большая часть Закавказья, является одним из древнейших очагов цивилизации. Некоторые ученые полагают, что данный регион входил в ареал формирования человека, о чем свидетельствуют как будто остатки ископаемой человекообразной обезьяны, обнаруженной в Восточной Грузии («удабнопитек»). Впрочем, другие ученые считают этот вывод пока еще недостаточно обоснованным. Однако все сходятся на том, что Закавказье, особенно западная его часть, являлось местом обитания древнейшего человека. Достаточно сказать, что на сегодняшний день из более чем 200 памятников нижнего палеолита*, обнаруженных на Кавказе, более 130 приходится на территорию современной Грузии, а из них значительная часть – на Абхазию.

Когда на территории Абхазии обитали древнейшие люди, тогда уровень Черного моря был примерно на 60 м выше современного. Поэтому самые древние памятники были обнаружены здесь в зоне, возвышающейся над современным уровнем моря на 80–110 м. Нижнепалеолитические стоянки располагались, очевидно, по берегам рек.

По насыщенности остатками древнего каменного века восточное побережье Черного моря, особенно территория Абхазии, занимает, пожалуй, первое место в Советском Союзе. Ос-

* Нижнепалеолитическая эпоха длилась около 800 тыс. лет и закончилась за 40–50 тыс. лет до нашего времени.

татки эти относятся главным образом к т. н. ашельскому времени (в Абхазии известно более 15 местонахождений этого периода), а отдельные памятники, по мнению некоторых ученых, относятся к еще более раннему времени – к шелльской эпохе.

Специальное изучение ашельских памятников Абхазии показало, что они имеют местное происхождение, но наряду с этим проявляют определенные генетические связи с нижним палеолитом Черноморского побережья Малой Азии.

В ту отдаленную эпоху население земного шара было очень редким. Между отдельными заселенными пунктами могли быть большие безлюдные пространства. Однако в некоторых областях, особенно благоприятных для обитания первобытных людей, расстояния между отдельными палеолитическими стоянками иногда бывали и небольшими. К числу таких областей принадлежала территория современной Абхазии, где следы обитания ашельского человека обнаружены во всех районах.

Ашельские материалы Абхазии имеют близкое сходство между собой. Возможно, что в данном случае мы имеем дело не только с результатом спорадических взаимосвязей, но и с определенным естественным процессом дифференции ашельских общин.

В продолжение всего начального этапа развития первобытного общества ведущей формой хозяйства была охота, и охотничий образ жизни определял весь быт первобытного человечества. Наряду с охотой важное значение имело и первобытное собирательство.

Нижнепалеолитические общины представляли собой замкнутые эндогамные* группы, состоявшие из нескольких десятков человек, сообща владевших своей «кормовой территорией». Такая группа людей, или орда, вела независимое от других существование. Первобытные люди, преодолевая огромные трудности, добивались, хотя и очень медленно, определенного прогресса в хозяйственной и общественной жизни, закладывали основы дальнейшего развития первобытного человечества.

* Эндогамия – заключение браков внутри данной общины (от греч. «эн-дос» – внутри, «гамос» – брак).

Завершающим этапом в развитии нижнепалеолитического человечества была эпоха мустье (около 100 – 40 тыс. лет тому назад). В эту эпоху произошел ряд существенных изменений как в технике, так и в идеологии первобытного человека. Но в целом данная эпоха также относится к дородовому периоду истории первобытнообщинного строя. Ареал распространения мустьерской культуры был значительно шире, чем на более ранних ступенях палеолита. В частности, в эпоху мустье человек широко расселяется и на территории Кавказа. В Грузии, например, мустьерские находки встречаются почти везде. Довольно широко представлены мустьерские местонахождения и на территории Абхазии. Еще в 30-х годах археологи обнаружили следы мустье в 23 пунктах края, а в дальнейшем эти находки были значительно умножены.

В соответствии с прогрессом техники происходят изменения в хозяйственной жизни мустьерских людей, в частности более высокого уровня достигает их охотничье хозяйство. Как видно, в ту же эпоху внутри дородовой общины возникает первое разделение труда – по полу и возрасту. Охота постепенно становится делом мужчин, а собирательство – занятием женщин. Отдельные виды труда закреплялись за подростками и стариками.

Развитие половозрастного разделения труда способствовало вызреванию тех общественно-экономических элементов, которые впоследствии привели к возникновению матриархальной (материнской) родовой общины. Огромное значение имело постепенное ограничение кровосмесительных половых отношений внутри эндогамной общины и зарождение зачатков экзогамии*.

Резкое похолодание, вызванное наступлением ледникового периода, заставило мустьерских людей, т. н. неандертальцев, заселять пещеры и площадки под нависающими скалами. На территории Абхазии имеется большое количество пещер, среди которых многие были удобны для обитания первобытного человека. В некоторых из них были найдены следы позднемустьерского челове-

* Экзогамия – заключение браков между представителями разных родовых групп (от греч. «экзон» – вне, «гамос» – брак).

ка. Большие коллекции мустьерского времени собраны в ряде пещер, расположенных вблизи северных границ современной Абхазии – в районе Сочи и Адлера.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в мустьерскую эпоху начинают появляться первые признаки оседлости. Временные стойбища первобытных людей постепенно превращаются в более или менее постоянные лагеря.

Важным историческим явлением мустьерской эпохи было усиление культурных взаимосвязей между дородовыми общинами. Хотя присущие каждой стоянке различия в обработке кремня и в типах орудий говорят о продолжающейся еще обособленности этих общин, но, как правильно отмечает А. А. Формозов, уже начинается группирование на определенных территориях стоянок с одним культурным обликом, что говорит о возникновении каких-то связей между разными общинами, приводивших к установлению известного однообразия в способах обработки кремня в данном районе. По мнению того же автора, «для мустьерской эпохи можно, по-видимому, говорить об обособлении по облику культуры Кавказа и прилегающих районов».

О наличии реальных межобщинных связей мустьерского населения Кавказа, обитавшего в смежных районах, говорят и абхазские материалы. Так, мустьерский инвентарь, найденный близ Очамчир, обнаруживает значительное сходство с синхронными материалами из Прикубанья и Крыма.

Развитие производительных сил и межобщинные связи вызвали соответствующие прогрессивные изменения и в сознании первобытного человека. В мустьерскую эпоху, главным образом на ее заключительном этапе, возникают первые зародыши искусства, а также зачатки религиозных верований.

Таким образом, мустьерское время явилось важным этапом в процессе перехода от дородовой общины (составлявшей основную ячейку древнейшего и наиболее длительного периода истории человечества) к новой фазе исторического развития – к родовой общине в ее матриархальной форме. Именно в мустьерскую эпоху зародились многие черты культуры и социальных отношений, которые стали характерными для последующего времени.

* * *

Рассмотренная выше эпоха нижнего палеолита была в целом доэтнической стадией истории человечества. Люди той эпохи, даже неандерталец (как показало анатомическое строение его голосового аппарата), еще не владели членораздельной речью и объяснялись друг с другом лишь с помощью отдельных звуков, которые дополняли мимикой и жестами. В таких условиях, строго говоря, не могло быть языка как этнического фактора. Примитивная экономика первобытных людей не могла обеспечить прочность их социальной общности; дородовая коммуна в зависимости от конкретных условий часто распадалась и вновь скапливалась, меняясь в своем составе. Ее «кормовая территория» также не могла иметь для нее постоянное значение: исчерпав ресурсы на данной территории, первобытные люди перемещались на другую. Человек той эпохи сохранял в своем быту немало пережитков животного состояния; сознание принадлежности к данной общине носило примитивный, во многом еще стадный характер.

Все это говорит о том, что первобытная орда, даже на мустьерском этапе своего развития, не могла представлять собой этническую общность. Однако в позднемустьерское время закладываются примитивные зачатки такой общности, которая была обусловлена началом перехода к оседлости и возникновением зачатков локальных вариантов материальной культуры, зародышами духовной культуры, дальнейшим совершенствованием речевого аппарата.

Что касается вопроса о генетических связях описанного выше первобытного общества с последующим населением Кавказа, то, по нашему мнению, можно согласиться с О. М. Джапаридзе, который пишет: «Начиная с ранних эпох в Закавказье незаметно каких-либо существенных изменений в культуре, которые бы увязывались со значительными изменениями этнического состава. Поэтому не исключена возможность, что носители культуры древнего каменного века были непосредственными предками тех племен, которые

позже входили в кавказское языковое и культурное единство».

§ 2. Ранняя этническая история населения Абхазии

Переход к верхнему палеолиту (около 40 – 12 тыс. лет до н. э.) выразился в очень важных изменениях в технике, в формах хозяйства, образе жизни, общественных отношениях и в самом физическом облике людей, которые сформировались в тип современного человека (*homo sapiens*). Именно в этот период складывается родовой строй в его первичной (матриархальной) форме, возникают примитивные племенные организации, и общество начинает принимать этнические черты. Все эти коренные социально-экономические изменения могут быть охарактеризованы как «верхнепалеолитическая революция».

В связи с существенным прогрессом в развитии производительных сил люди верхнего палеолита стали легко осваивать высокогорные зоны, и поэтому в ту эпоху они сравнительно быстро заселили почти весь Кавказ. Только на территории Грузии выявлено более 60 верхнепалеолитических местонахождений, а из них значительная часть приходится на Абхазию, где памятники той эпохи обнаружены во всех районах как в приморской, так и в нагорной зонах.

В период своего расцвета верхнепалеолитическая культура на Кавказе и в прилегающих районах Передней Азии отличается удивительным однообразием, что позволяет сделать заключение об общих этнических чертах ее носителей. По мнению О. М. Джапаридзе, «процесс образования Кавказской культурной и этнической общности должен был начаться в верхнепалеолитическое время. По материалам, имеющимся на сегодняшний день, выглядит так, что основным очагом образования этого единства должно было быть Западное Закавказье – нынешняя Западная Грузия. Именно здесь в междуречье Риони и Квирилы, выявлены основные памятники ранней ступени верхнего палеолита. В других местах Закавказья, и вообще на Кавказе, памятники этого времени к данному моменту известны меньше».

К концу верхнего палеолита и в начале мезолита (XII – VI тыс. л. до н. э.), как свидетельствуют археологические материалы, происходит постепенный распад палеокавказской (древнекавказской) этнокультурной общности, чему в немалой степени способствовал физико-географический рельеф Кавказа. В этот период на Кавказе выделяются три основных локальных варианта археологической культуры: 1) закавказский, 2) северо-западный, или «Губский» (от Губской пещеры в Прикубанье) и 3) северо-восточный, или «Чохский» (от аула Чох в Дагестане). Как видно, эти три культурно-археологические общности способствовали зарождению трех основных лингвистических общностей палеокавказской (иберийско-кавказской) языковой семьи, хотя, конечно, ничего определенного о языке того времени сказать нельзя (см. ниже).

Что касается территории Абхазии, то в археологическом отношении она входила в закавказский ареал верхнепалеолитической культуры, но здесь встречаются и элементы Губского варианта. Так что Абхазия того времени, особенно в западной ее части, представляла, по-видимому, этнический стык между южной (закавказской) и северо-западными этнокультурными общностями.

Некоторые исследователи закавказскую культуру этого периода связывают с т. н. «капсийской» позднепалеолитической культурой Средиземноморья и на этом основании предполагают, что проблема баскско-кавказских взаимосвязей не лишена основания и корни ее следует искать в далеком прошлом – в мезолито-капсийской эпохе.

В период неолита (около V–IV тыс. до н. э.) в развитии общества произошла новая социально-экономическая и культурная революция (т. н. «неолитическая революция»), выразившаяся прежде всего в переходе от хозяйства по преимуществу собирательного к производящему хозяйству. Именно в этот период возникают первобытное земледелие, скотоводство, гончарное производство и др. Наступает расцвет родового строя.

Основную ячейку общества развитого матриархата, как полагают некоторые ученые, составляла большая материнская семья, состоявшая из мужчин и женщин четырех-пяти поколений. Численность такой «семьи» могла достигать до 200 и более

человек. Во главе материнского рода стояла старшая женщина из старшей в роде семьи.

Совокупность материнских родов, сохраняя деление на парные брачные группы (фратрии), образовала племя, которое при развитом матриархате тоже нередко возглавлялось женщиной.

Племя представляло собой основную этническую единицу той эпохи. Если род носил экзогамный характер, то племя в целом представляло собой эндогамную организацию. Это в известной мере способствовало его сплочению. Вместе с тем после «неолитической революции» возникают экономические предпосылки для роста численности отдельного племени и укрепления взаимосвязей между родственными племенами. Следует, однако, подчеркнуть, что количественный рост племени в тех условиях не мог еще привести к его оформлению в более крупную этническую единицу. Дальше племени этническая форма родового строя не смогла развиваться ввиду его весьма узкой экономической базы, которая не могла обеспечить существование крупной этнической общности и на определенном уровне количественного роста племени неминуемо приводила к его дроблению на новые, более мелкие племенные единицы. Поэтому племя (даже на патриархальной стадии развития) представляло собой весьма непрочную этническую общность, оно по сути дела являлось лишь ее зародышевой формой.

В силу сказанного выше, племя той эпохи может быть охарактеризовано следующим образом: племя есть исторический тип зародышевой этнической общности эпохи родообщинного строя, которое возникло на базе непрочной общности экономической жизни, территории, языка и культуры, и отраженной в общности этнического (племенного) самосознания.

Как установлено археологами, кавказский неолит возник на почве местного верхнего палеолита и мезолита. На территории Зап. Закавказья представлены два близких друг другу варианта неолитической культуры – один охватывает в основном район Гурии и Мегрелии, второй – Абхазию и Сочи-Адлерский сектор.

В этот период было положено начало хозяйственной дифференциации родовых общин: неолитические поселения в при-

брежной зоне специализируются в основном на земледелии и рыболовстве, а поселения горной полосы занимались преимущественно скотоводством и охотой. Представители «горного» и «берегового» неолита устанавливают (сначала спорадически, а затем все более и более регулярно) взаимообмен производимой ими продукцией. Это уже тогда вело к культурному сближению между горными и прибрежными племенами.

Вместе с тем одним из результатов «неолитической революции» явился окончательный распад бывшего кавказского этнолингвистического единства на три группы этнических общностей – западную, восточную и южную, который в основном завершился, по-видимому, в конце поздненеолитической эпохи, примерно к середине IV тысячелетия до н. э.

В эпоху энеолита (кон. IV – начало III тыс. до н. э.) происходит относительно быстрое разложение матриархально-родового строя и постепенное утверждение патриархата. Вместе с этим на смену матриархальным племенам приходят патриархальные племена, которые этнически характеризовались теми же чертами, что и матриархальное племя, но их социально-экономическую основу составлял патриархально-общинный строй. Этот последний, как известно, представлял собой форму разложения первобытнообщинного строя, и поэтому основанная на нем этническая организация в целом также представляла собой форму разложения племени как этнической категории первобытнообщинной формации.

Однако в период своего расцвета патриархальные племена отличались большей устойчивостью, чем предшествовавшие им матриархальные племена. Это объяснялось, прежде всего, значительно более постоянной оседлостью, которая была обусловлена относительно прочной для того времени базой воспроизводящего хозяйства, основу которого составляли земледелие и скотоводство. В этот период впервые складываются союзы соседних племен, в которые входили преимущественно родственные по своему происхождению племена, но в дальнейшем в такие союзы стали включаться и неродственные племена.

В эпоху ранней бронзы (III тысячелетие до н. э.) в Зап. Закавказье бытует однотипная земледельческая культура, которая в прибрежных районах, главным образом в Абхазии и Сочи–

Адлерском секторе, по-прежнему отличалась своими особенностями.

Как было отмечено выше, со вступлением родового общества в патриархальную стадию начинается процесс разложения первобытнообщинного строя. Прогресс хозяйственной техники (плужное земледелие, успехи металлургии и пр.) создает условия для перехода к индивидуальному производству. Это приводит к постепенному утверждению частной собственности на орудия и средства производства. Патриархальные семьи все более объединяются не по родственному признаку, а по принципу территориального соседства. С течением времени возникает т. н. территориальная, или соседская, община, которая, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности» (К. Маркс).

В соседской общине того времени каждая семья является собственником своей усадьбы и части скота, а иногда и части пахотных земель, но основная часть пахотных угодий, а также пастбища, лесные массивы и водные источники составляют общую собственность; она как бы покоится на двух формах собственности: старой – общинной и новой – частной. В этом и выражается ее переходный характер от доклассового к классовому обществу.

В эпоху патриархата структура рода в значительной степени усложняется; род превращается в сложный организм, состоящий прежде всего из различных родственных групп и ячеек. Родственные семейные общины по-прежнему поддерживают между собой разносторонние связи, образуя так называемую патронимию. Родственные патронимии объединяются в более крупные единицы, среди которых важнейшей является патриархальный род. Объединения родов составляют племя.

Подобная структура патриархальных родов четко отражена в этнографических пережитках абхазов, сохранившихся до недавнего прошлого. Элементарную клетку общества составляла отдельная семья («атаацва»); ближайшие родственные семьи объединялись в своеобразные патронимии, которые назывались «абипара» (досл. «сыновство по отцу»); объединение патрони-

мии составляло «братство» («аешьара»). Совокупность последних составляла патриархальный род в собственном смысле, именованный «ажвла» (букв. «семя»). «Как общественная единица, ажвла характеризовалась предполагаемым или реальным единством происхождения, экзогамностью, известной общностью территории, некоторых хозяйственных интересов и религиозной жизни, иногда наличием общефамильной тамги для клеймения своих животных законом родовой мести, гостеприимства и взаимопомощи. Все члены ажвла считались братьями» (Ш. Инал-ипа). Совокупность родственных и соседних родов – ажвла составляла племя, «народ» – «ажвлар» (букв. «семена»).

Основной надстройкой разлагающихся патриархально-общинных отношений являлся строй т. н. «военной демократии», пережитки которого сохранялись в общественном быту абхазов долгое время, вплоть до позднего средневековья. Важнейшие дела племени решались на общем «народном собрании» («ажвлар рейзара» – букв. «собрание родов»), в котором принимали участие все взрослые мужчины. На время военных походов община или племя выбирали себе военных вожаков – «апыза»; все мужчины были вооружены и обучались владению боевым оружием с отроческих лет; военную повинность отбывал каждый взрослый мужчина.

Таким образом, в начале I тысячелетия до н. э., на позднем этапе (если не раньше) колхидской бронзовой культуры и в условиях утверждения металлургии железа, население приморской и предгорной частей Абхазии стояло на той ступени общественного развития, которое являлось кануном образования классового общества. Что касается горных районов края, то здесь родовые отношения еще в значительной степени сохраняли свою силу.

Материальная культура населения Абхазии рассматриваемого периода достигла весьма высокого для своего времени уровня. Об этом свидетельствуют разнообразные орудия труда и воинского снаряжения, предметы украшения и части одежды, обнаруженные в большом количестве во время археологических раскопок. Яркие образцы орнаментирования на некоторых бронзовых предметах и глиняных сосудах являются показателем вы-

сокого мастерства и художественного вкуса обитателей Абхазии той эпохи.

В эпоху разложения первобытнообщинного строя на новую ступень поднимается также духовная культура и идеология общества. В частности, в этот период возникают своеобразные героические сказания и легенды, в которых получает яркое отражение борьба народных масс за дальнейшее покорение сил природы, против внешних врагов, зарождающегося социального неравенства и т. д. К числу таких произведений народного творчества принадлежат легенда об Абрскиле – непримиримом богоборце, носителе добра и справедливости; эпические сказания о нартах – могущественных богатырях; героические песни о выдающихся деятелях борьбы за народную свободу.

Социально-экономическому и культурному уровню абхазского общества той эпохи соответствовала сложная система религиозных верований политеистического характера. Обожествлялись силы природы, различные отрасли трудовой деятельности человека, каждая из которых имела свое божество-покровителя, культ предков и т. д. Основы патриархальных религиозных воззрений, заложенные в ту эпоху, пережиточно бытовали у абхазского народа в течение длительного времени.

§ 3. Палеокавказская этническая общность и проблема происхождения абхазов

Важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при решении вопроса о происхождении абхазов, является их генетическая принадлежность к палеокавказской («иберийско-кавказской», «яфетической») этнической семье, подразделяющейся на четыре ветви: картвелы, или грузины (народ, состоящий из трех этнографических групп: карты, заны, или мегрелочаны, и сваны), абхазо-адыги (абхазы, абазины, кабардинцы, черкесы, адыгейцы, убыхи), нахи, или вейнахи (чеченцы, ингуши и др.) и дагестанцы (аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы, табасаранцы и др.). Последние две ветви некоторые ученые объединяют в одну – нахско-дагестанскую.

Представители палеокавказской этнической семьи являются древнейшими обитателями Кавказа (отсюда и название –

«палеокавказские») и связаны друг с другом общностью происхождения. Поэтому этногенез абхазского народа нельзя рассматривать вне связи с общей проблемой происхождения палеокавказского этнического мира, как это до сих пор делали некоторые исследователи.

Этническое родство палеокавказских народов прежде всего подтверждается данными их языков. И. А. Джавахишвили в работе «Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков» (1937 г.) показал, что чем в более ранние периоды истории коренных кавказских языков удастся заглянуть, тем более явственно выступает родство между ними как в лексике, так и в грамматическом строе. Исходя из этих фактов, А. С. Чикобава также утверждает: «Кавказские языки – это понятие генеалогическое».

Здесь же следует отметить, что некоторые лингвисты (особенно в последнее время) либо вообще отрицают генетическое родство между тремя основными группами палеокавказских языков (картвельская, абхазо-адыгская и нахско-дагестанская), либо считают данный тезис пока недоказанным. По этому поводу надо сказать, что палеокавказский язык-основа («праязык») существовал в такую далекую эпоху (верхний палеолит, мезолит), от которой до нас дошло очень мало коренных его элементов, да сам язык этот был в то время весьма слабо развит как в лексическом, так и в грамматическом отношении, чтобы от него могло остаться в ныне существующих языках достаточное количество реликтов, на основании которых можно было бы убедительно доказать генетическое родство палеокавказских языков. Однако, нам кажется, сторонники этого родства приводят и такие аргументы, которые вряд ли могут быть объяснимы только длительными контактами между носителями этих языков в далеком прошлом. Вместе с тем следует указать, что первый этап научного обоснования этого родства – сравнительно-историческое изучение языков внутри каждой из групп палеокавказской семьи в отдельности – пока еще далеко не пройден. Наконец, а в данном случае для нас это самое важное, вопрос об этническом родстве палеокавказских народов отнюдь не сводится только к языковой общности, и, как пра-

вильно указывал И. А. Джавахишвили, подтверждается самыми разнообразными историческими материалами.

Кроме того, важное значение для этногенеза народов Кавказа, в том числе и абхазского народа, имеет устанавливаемый в науке факт генетической близости палеокавказских языков с некоторыми ныне мертвыми языками Передней Азии, в частности с хаттским (протохеттским), хурритским, урартским и др., которые, возможно, в далекой древности входили в состав палеокавказской семьи языков и в этом случае, надо полагать, восходят к общему протопалеокавказскому корню.

Так, например, к абхазо-адыгским языкам, по мнению ряда отечественных и зарубежных ученых, особенно близок протохеттский (хаттский) язык. Известный венгерский ученый Ю. Месарош, специально изучивший убыхский язык в связи с древними языками Малой Азии, пришел к следующему выводу: «Если сравнить вымерший ныне убыхский язык с древнеанатолийским хаттским языком, получим заслуживающие внимания доказательства теснейшей генетической связи обоих языков. В особенности грамматический строй этих языков так близок, что вряд ли можно сомневаться в теснейшей связи обоих языков». Того же мнения придерживается и Г. А. Меликишвили. Он пишет: «Употребление префиксов в качестве морфологических элементов, а также многие другие явления морфологической структуры языка на самом деле сближают его (хаттский язык. – **З.А.**)... с горскими кавказскими языками (убыхским, черкесским, абхазским и др.)». Возможность генетического родства древних абхазо-адыгских племен с протохеттским этническим миром допускает и ряд других ученых (И. М. Дьяконов, С. Г. Еремян, И. М. Дунаевская и др.).

По мнению некоторых ученых, протохеттам были близки племена кашков, фиксируемые с XVIII в. до н. э. в хеттских источниках в северо-восточных районах Малой Азии. Этноним «кашки» увязывают с древним названием адыгов – «кашаги». С XII в. до н. э. в ассирийских источниках в качестве варианта названия кашкского племенного союза фигурирует этноним «абешла», который увязывается с названием древнеабхазского племени апсилов. Исходя из этого, Г. А. Меликишвили заклю-

чает: «Анализ племенного названия дает нам как будто основание утверждать, что народ кашков (или во всяком случае какая-то его часть) этнически должна была быть северокавказского (абхазо-черкесского) происхождения». Однако тот же автор подчеркивает, что «он далек от того, чтобы кашков считать протохеттами, а последних – абхазо-адыгами». Как видно, кашки-абешла составляли ту часть абхазо-адыгской этнической общности (союз племен), которая в III–II тысячелетии до н. э. бытовала еще в северо-восточном секторе Малой Азии и была связана единством происхождения с хаттами (протохеттами).

Факт бытования определенной части этнических предков абхазо-адыгских народов в северо-восточной части Малой Азии и в юго-западной части Закавказья подтверждается прежде всего топонимическими материалами, на которые указывали многие авторы (П. Услар, А. Глейе, Н. Марр, А. Грен, П. Ушаков, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Д. Гулиа и др.). Укажем лишь на некоторые (древние и современные) топонимические реалии на данной территории – Синопэ, Акампис, Арипса, Апсареа, Дуабзу, Супса, Ф/п/асис и др.

Все эти названия, встречающиеся главным образом в приморских частях указанной выше территории, с несомненной очевидностью свидетельствуют, что данная область в далеком прошлом была населена предками абхазо-адыгов.

Об этнических связях абхазо-адыгов с переднеазиатским миром свидетельствуют и этнографические параллели, в частности, древнейшие религиозные верования. Интересные данные о несомненных связях абхазского языческого пантеона с хетто-митанийскими религиозными воззрениями приводит Д. И. Гулиа. Это подтверждают также абхазо-адыгские этногонические предания, по которым далекие предки народов Западного Кавказа переселились сюда с юга.

К такому же выводу приводят и антропологические материалы. Б. В. Бунак считает, что древнейшее население Зап. Кавказа и Малой Азии принадлежало к одному антропологическому типу, который он называет «понтийской расой». По его мнению, представители его появились на Кавказе вследствие передвижения малоазийских племен по Черноморскому побережью.

Эта раса сформировалась, по Бунаку, в междуречье Чороха и Аракса.

О тесном единстве между Кавказом и Передней Азией того времени свидетельствуют и археологические материалы. Как замечает Е. И. Крупнов, «вывод о тесных древнейших взаимосвязях Кавказа и Малой Азии и даже о прошлом культурном единстве этих областей популярен и в СССР, и среди зарубежных ученых (Гюбер, Меларт, К. Шеффер, М. Дюнан и др.). Для этого имеются серьезные основания; они заключаются как в общих чертах «энеолитической» культуры Кавказа и анатолийского «халколита», так и в фактах широкого обмена между Кавказом и странами Ближнего Востока».

Как должны быть исторически интерпретированы приведенные выше факты? На этот вопрос современная историография дает по существу два ответа. Так, по мнению Л. Н. Соловьева, «около рубежа III и II тысячелетий в Колхидской низменности происходит смена населения, о чем свидетельствуют появление совершенно иных керамических форм, обнаруживающих, с одной стороны, равно как и в сопутствующем инвентаре, близость в общих чертах с Очамчирским поселением, с другой стороны, носящих тесные связи с культурными центрами Малой Азии. С большой долей вероятности можно рассматривать эту смену населения в Колхидской низменности как первый этап продвижения на Кавказ малоазийских кашков, принесших сюда не только своеобразный малоазийский тип глиняной посуды, но и собственную металлургию».

Что касается вопроса о переселении на Кавказ, в частности на рубеже III – II тысячелетий до н. э., какой-то группы малоазийских племен, то это положение вполне допустимо, т. к. в этот период в центральных и восточных районах Малой Азии имелись соответствующие предпосылки для выселения оттуда определенной части местного населения, в частности и в кавказском направлении. Однако тезис Л. Соловьева о «смене населения» на Зап. Кавказе в то же время вызывает возражение ряда специалистов (Г. Меликишвили, О. Джапаридзе, Ш. Инал-ипа и др.). Так, Ш. Инал-ипа пишет: «Сейчас трудно с полной уверенностью решить, происходили ли в древности (может быть, с середины III тыс. до н. э.) продвижения абешла-

кашкайцев из Малой Азии на Зап. Кавказ с длительными остановками на своем пути, отмеченными множеством доисторических абхазо-адыгских топонимов на территории Грузии или все это Кавказское Причерноморье занимали многочисленные родственные племена, из исторического развития которых впоследствии образовались древние абхазские, адыгские и западногрузинские народности».

Прежде мы склонялись к первой из этих точек зрения, хотя допускали, что западнокавказские аборигены «были родственны пришельцам». Однако в настоящее время, по нашему мнению, больше данных в пользу второй точки зрения, которой придерживаются многие специалисты, и в первую очередь археологи. Как видно, родственные абхазо-адыго-картвельские племена с древнейших времен заселяли западную часть Кавказа и некоторые прилегающие к ней районы Малой Азии, что, разумеется, не исключало в те или иные периоды передвижения отдельных племенных массивов как с юга на север, так и в обратном направлении.

Эпоху процветания дольменной культуры в Абхазии, т. е. конец III – первая половина II тысячелетия до н. э., следует рассматривать как период формирования древнеабхазского этноса, т. к. скорее всего именно в это время произошел окончательный распад протоабхазо-адыгской этнической общности. По этому вопросу К. С. Шакрыл пишет: «С течением времени ... внутри древнего предка абхазско-адыгских народов, очевидно, в связи с возникшей территориальной разобщенностью отдельных этнических групп данного народа и образованием территориальных диалектов происходил процесс дифференциации. В дальнейшем эта раздробленность стала способствовать распадению самого пранарода на отдельные самостоятельные этнические группы со своими самостоятельными, качественно отличными друг от друга языками. Как нам представляется, пранарод абхазско-адыгских народов в эту эпоху распался на две большие группы – абхазскую и адыгскую. Позже от этих этнических групп отпочковалась третья, которую составили убыхи».

В настоящее время трудно датировать время окончательной дифференциации этнического предка абхазо-адыгов на самостоятельные этносы. Однако анализ общих лексических ма-

териалов абхазско-адыгских языков позволяет сделать некоторые выводы по этому вопросу. Так, названия многих хозяйственно-бытовых предметов у них общие – в частности предметов, связанных с ткацким и кузнечным делом. Это позволяет предположить, что ко времени возникновения ткацкого ремесла и металлообработки (бронзовой) это была пока еще одна этническая общность. Важно отметить и то обстоятельство, что общими являются и термины, связанные с названием лошади (при наличии звукового соответствия), а если учесть, что в Передней Азии лошадь стала играть большую роль с начала II тысячелетия до н. э., то эту дату можно принять за определенный рубеж в процессе этнической дифференциации предков абхазо-адыгов.

В этой связи интерес представляет и следующий факт, связанный с кашками и абешлами – предполагаемыми предками адыгов и абхазов. Если в начале II тысячелетия до н.э. они выступают только под одним именем – «кашки» («каска»)*, то к концу этого тысячелетия наряду с «кашками» появляется и второй термин – «абешла» (апсилы – апсуа). «Как полагают отдельные ученые, – пишет К. С. Шакрыл, – в ту эпоху [рубеж II – I тысячелетия до н. э. – **З.А.**] древние предки абхазов (абешлы) и адыгов (кашки) выступали как самостоятельные этнические группы со своими самостоятельными языками. Иначе говоря, абхазы (абешлы) говорили на абхазском (абешлайском) языке, а адыги – на адыгском (кашкском) языке. Стало быть, распадение пранарода абхазско-адыгских народов могло произойти задолго до их упоминания в древних ассирийских памятниках [т. е в XII–VIII вв. до н. э. – **З.А.**]».

Таким образом, если дальнейшие изыскания окончательно подтвердят этногенетическую связь между кашка-абешлами, с одной стороны, и адыго-абхазами (кашко-апшилами) с другой, то завершение процесса этнического распада их предка следует датировать примерно первой половиной II тыс. до н.э.

Начиная с дольменной эпохи на территории Абхазии устанавливается тесная преемственная связь культурных форм с культурой последующих времен. Это указывает на непрерыв-

* Некоторые ученые с этим этнонимом связывают географическое название «Кавказ».

ную этническую связь между создателями разновременных культурных памятников вплоть до эпохи, когда на этой территории письменными источниками локализируются бесспорно абхазские племена.

В этой связи можно привести следующее заключение Л. Н. Соловьева: «Анализ погребального обряда дольменной культуры и сравнение с существовавшими еще недавно религиозными представлениями и обычаями абхазского народа привели нас к выводу о том, что между ними нет существенных, принципиальных различий. На протяжении около 4000 лет прослеживаются с чрезвычайной стойкостью одни традиции погребального культа... Отсюда можно сделать вывод, что в этническом составе населения, занимающего эту территорию с конца III тысячелетия, когда здесь появился данный культ, и до современной эпохи не происходило коренных изменений».

Последующая стадия культурного развития общества на побережье Абхазии, тесно связанная с предшествующей, представлена значительным комплексом памятников, известных под названием «колхидской культуры». Б. А. Куфтин, говоря об инвентаре абхазских дольменов, пишет: «Все эти предметы, являясь прототипом кобанских (колхидских – З.А.), указывают на несомненную преемственную связь между строителями дольменов и тем населением, которое позднее развивало кобанскую культуру».

Колхидская культура развивалась в тесном культурно-экономическом контакте с соседними и синхронными ей кобанской и прикубанской культурами. Между носителями этих культур существовали, несомненно, и этнические связи. «Следует иметь в виду, – пишет Е. И. Крупнов, – что некоторая общность материальной культуры на всей территории соответствовала в прошлом и языковой общности, так как все древние племена по Тереку, Кубани и Риону до середины I тысячелетия до н. э. составляли одну иберо-кавказскую семью». Эту языковую общность, разумеется, следует понимать в том смысле, что на всей этой большой территории господствовал не один язык, а группа родственных языков, причем не только в зоне распространения трех близких друг другу культур, но и на территории каждой из них в отдельности. Нельзя поэтому приписывать,

скажем, колхидскую культуру какому-либо одному народу. В создании этой культуры участвовали предки картвелов, абхазов и некоторых других народов. Это положение признает большинство современных исследователей (Г. Меликишвили, О. Джапаридзе и др.).

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в системе единой колхидской (западногрузинской) культуры исторические памятники Абхазии отличаются своими особенностями. Б. Куфтин выделил ряд культурных форм, которые являлись «местной особенностью, присущей абхазской бронзе». О. Джапаридзе и Г. Гобеджишвили также говорят о «весьма своеобразном, локальном варианте колхидской культуры» на территории Абхазии.

Вполне возможно, что это своеобразие было обусловлено не только особенностями хозяйственной жизни местного населения, но и его этническими особенностями. В частности, оно являлось, надо полагать, показателем этнической индивидуальности (в целом) населения Абхазии рассматриваемой эпохи.

Однако в условиях еще существовавшего патриархально-общинного строя на территории Абхазии должны были проживать племена, которые отличались друг от друга как по языку (диалектам), так и по элементам культуры, представляя в известном смысле отдельные этнические единицы. На это обстоятельство указывают, в частности, весьма конкретные различия в погребальных обрядах, которые, как известно, принадлежат к числу важнейших этнографических признаков. По заключению М. М. Трапша, в VIII – VI вв. до н. э. в Абхазии «существовали четыре типа погребального обряда: через простое захоронение покойников в вытянутом положении на спине или в скорченном положении на боку, через кремацию и, наконец, в глиняных урнах. Это обстоятельство указывает, по-видимому, на некоторые различия в этническом составе населения, жившего на территории Абхазии... В этот период весь Кавказ, в том числе и Абхазия, был ареной бурных исторических событий и передвижений древних этнических групп, от которых могли сохраниться следы в традиции и культуре».

Действительно, именно в этот период на территорию Абхазии проникают с севера киммерийцы, скифы и др., которые оставили определенные следы в археологических памятниках

того времени. Однако эти вторжения, как видно, носили эпизодический характер и поэтому названные северные элементы не оказали существенного влияния на этнический облик коренного населения древней Абхазии.

Именно поэтому, надо полагать, М. Трапш приходит к выводу, что «основная часть населения Абхазии, несомненно, принадлежала к одной этнической группе». Подобное заключение может быть принято с той оговоркой, что данная «этническая группа» представляла собой не единую народность, а родственные племена, связанные общностью происхождения. Тем не менее между ними порой могли быть определенные различия в культуре и быту, что, очевидно, и находило свое выражение в различии погребальных обрядов.

Как уже отмечалось, в период расцвета колхидской культуры (рубеж II – I тыс. до н. э.) на Черноморском побережье Кавказа происходило интенсивное разложение первобытнообщинных отношений и формирование классовой организации общества. Именно в этих условиях, как известно, складываются более или менее устойчивые союзы соседних (и в значительной части родственных) племен, которые являлись зачатками народностей, сложившихся уже в последующую историческую эпоху.

Г Л А В А II

АНТИЧНАЯ ЭПОХА

§ 1. Этническая характеристика населения раннеантичной Абхазии

В раннеантичный период (VI – IV вв. до н. э.) в хозяйственной и общественной жизни населения Абхазии происходят коренные изменения, которые были обусловлены дальнейшим развитием производительных сил, в первую очередь металлургии железа. Разнообразные железные предметы богато представлены в раскопчном инвентаре того периода и содержатся даже в самых бедных погребениях, что по справедливому заключению А. Л. Лукина, «является показателем вполне завершившегося перехода к железу, уже широко и повсеместно используемого».

Значительно возросла роль земледелия, которое в прибрежной и предгорной зонах окончательно закрепило за собой ведущую роль. В горных районах по-прежнему превалировало скотоводство, которое, как и в предшествующую эпоху, носило в целом ялажный характер, с сезонными перекочевками скота с побережья в горы и обратно.

В рассматриваемый период значительно возросла также роль различных ремесел и промыслов, особенно гончарное производство, ткачество, кожевенный промысел и др.

Развитие сельского хозяйства и различных ремесел привело к значительному росту разделения труда и специализации производства, что обусловило заметный рост избыточных продуктов, поступавших в торговый оборот как внутри страны, так и за ее пределы.

Внутренняя торговля по-прежнему выражалась главным образом в обмене между обитателями горных районов и при-

брежно-предгорной полосы. На побережье Абхазии возникают торгово-ремесленные пункты, куда горные жители поставляли продукты своего хозяйства и обменивали их на нужные им товары.

Особенно широкого размаха достигает в ту эпоху внешняя торговля, развитие которой было тесно связано с древнегреческой колонизацией колхидского побережья. В VI – IV вв. до н. э. население Абхазии, как и всей Колхиды, поддерживает экономические связи в основном с собственно Грецией (с Афинами), а также с приморскими городами западной и северной частей Малой Азии, греческими городами северного Причерноморья и со странами Востока – Персией, Сирией, Египтом и др. Следует также отметить, что через Закавказье проходил важный торговый путь из Индии в Европу; одним из участков его была рионо-квирильская магистраль, с которыми были связаны и города Абхазии.

В рассматриваемую эпоху население Абхазии переживает важный сдвиг и в своем социальном развитии. Под влиянием коренных хозяйственных изменений и глубокого имущественного расслоения общинников родовой строй сменяется раннеклассовыми отношениями. Около VI в. до н. э. образовалось единое Колхидское царство, в состав которого входила и значительная часть Абхазии.

Археологические находки в приморской зоне страны, в частности многочисленные нумизматические материалы («колхидки» и др.), свидетельствуют о далеко зашедшем процессе классового расслоения местного общества в V – III вв. до н. э. Однако в горных районах края устои первобытнообщинного строя сохранялись в значительной мере еще в течение длительного времени.

Большую роль в экономическом и социальном развитии Колхиды играли греко-местные приморские города, главным из которых на побережье Абхазии была Диоскурия. Эти города способствовали ускорению роста производительных сил, втягивали местных жителей в экономические связи, стимулировали процесс классовобразования в обществе, способствовали проникновению в местную среду передовой древнегреческой культуры и т. д.

Вместе с тем местное население, в свою очередь, играло немалую роль в развитии древнегреческих полисов, причем с течением времени эта роль все более возрастала. Оно оказывало большое влияние на культурно-бытовой уклад греческих колоний, расположенных на территории Абхазии.

Как уже указывалось, значительная часть территории Абхазии входила в состав Колхидского государственного объединения, возникшего не позднее VI в. до н. э. Северная граница этого царства доходила примерно до р. Бзыбь. По своему внутреннему политическому строю Колхидское царство представляло собой децентрализованное государственное образование, объединявшее многочисленные мелкие «племена», слабо связанные между собой. «На всем протяжении существования Колхидского царства в нем сохранялись сильные территориально-этнические группы («племена»), которые при административном разделении страны не были органически слиты и смешаны между собой. Царской власти удавалось лишь временно объединить их».

Следует отметить, что термин «племена» в каждом конкретном случае должен употребляться в строго определенном смысле. В одном случае это были обычные племена, т. е. этнические единицы разлагавшегося первобытнообщинного строя, а в другом – «племена», которые должны быть квалифицированы как этнические общности, стоявшие на уровне раннеклассовых отношений, т. е. как небольшие народности. Такие этнические образования в научной литературе получали название «территориальных племен», которые качественно отличаются от племен предшествующей эпохи, поскольку их основу составляли не общинно-родовые отношения, а классовые, хотя и отличавшиеся пока еще примитивным характером. Наступила эпоха т. н. раннеклассового строя, экономическую основу которого составляли частная собственность индивидуальных производителей-общинников на основные средства производства с сохранением в пережиточных формах элементов общинной собственности (в основном на лесные угодья, пастбища, водные ресурсы). Господствующую прослойку такого общества составляла, как правило, военная и духовная аристократия, которая отличалась своим богатством, а также наличием определенного количества

рабов и другого рода зависимых людей. Родоплеменная структура и некоторые старые обычаи составляли лишь внешнюю оболочку такого племени.

Резюмируя приведенные выше материалы, следует сказать, что административная и политическая децентрализация Колхидского царства (первичной основой которого следует считать, конечно, экономическую раздробленность страны) была в значительной степени обусловлена и этнической раздробленностью края. Если соседняя Иберия (Картли) по своему этническому составу была в основном однородной страной, то в Колхиде, наряду с ведущей народностью – колхами – проживало немало других племен и народностей, каждое из которых отличалось своей этнической индивидуальностью. В частности, определенная племенная пестрота была характерна и для территории Абхазии, составлявшей в тот период северную часть Колхидского государства.

Во II в. до н. э. (очевидно, в конце этого столетия) единое Колхидское государство прекратило свое существование. Важную роль в этом сыграли, надо полагать, местные этнополитические образования, которые с развитием и укреплением у них раннеклассового строя стали систематически проявлять партикуляристские тенденции. Кроме того, известную роль сыграли также некоторые горские (в частности, северо-кавказские) племена, которые в тот период постоянно вторгались в Колхиду, особенно на территорию Абхазии.

Все эти обстоятельства облегчили понтийскому царю Митридату VI Евпатору (111 – 63 гг. до н. э.) уже в начале его царствования осуществить присоединение Колхиды к своим владениям.

* * *

Исследование вопроса об этнической принадлежности и расселении отдельных племен на территории Абхазии в античную эпоху представляет собой весьма сложную задачу. Многие этнические названия, зафиксированные у античных (греческих и римских) писателей, исчезают уже в древности или в ранне-

феодалный период, в силу чего порой совершенно не представляется возможным установить этнический облик их носителей и, в частности, более или менее убедительно обосновать их генетическую связь с какой-либо конкретной современной народностью.

Как отмечалось, территория Абхазии в античную эпоху входила в состав крупной политико-географической единицы, которую античные авторы называли «Колхидой», а все ее население обозначали нередко общим именем «колхи». В научной литературе давно установлено, что термины «Колхида» и «колхи» употреблялись античными писателями в двух смыслах – в широком (собирательном) и узком (этническом).

«Колхида» в широком смысле охватывала территорию всей современной Западной Грузии и северо-восточные районы Малой Азии, не исключая г. Трапезунта. Это обстоятельство, как отмечает Г. А. Меликишвили, «вовсе не значит, что мы имеем дело с распространением одной и той же этнической группы [в данном случае колхов. – З.А.]. В частности, – продолжает он, – в том случае, когда в качестве северной границы Колхиды указывается Главный Кавказский хребет или район Питиунта-Диоскурии, термин «Колхида» употребляется, несомненно, в его широком (географическом), а не в узком (этническом) значении».

Что касается узкого, этнического значения термина «колхи», то под ним в античных источниках подразумевались эгры (или эгрисцы) – предки современных мегрелов, которые, начиная с позднеантичной эпохи, выступают под именем «лазов». Анонимный автор V в. н. э. (Псевдо-Арриан) под собственно «колхами» («лазами») подразумевал коренное население области, расположенной к югу от Диоскурии (совр. Сухум) до р. Апсара (совр. Чорохи). Он пишет: «От Диоскуриады ... до р. Апсара прежде жил народ, называемый колхами и переименованный в лазов».

Хотя некоторые античные авторы крайним северным пунктом расселения колхов (в этническом смысле) считают Диоскурию, но тем не менее «рассматривают ее как пункт, находящийся на территории неколхских племен (гениохов, санигов)» (Г. Меликишвили.)

Перейдем к анализу сведений древних авторов об отдельных «племенах», локализуемых на территории исторической Абхазии в раннеантичную эпоху.

Кораксы, колы. Эти «племена» впервые упоминаются в сочинении Гекатея Милетского (VI в. до н. э.). О кораксах Гекатей сообщает следующее: «Кораксы, племя колхов, вблизи колов... Кораксийская крепость и Кораксийская стена». По соседству с кораксами (к югу от них) Гекатей помещает «племя» колов. Он пишет: «**Колы, народ у Кавказа...** Предгорья Кавказа называются Колскими горами».

Исходя из сведений Гекатея, нельзя сказать ничего определенного об этнической принадлежности кораксов и колов или дать их точную локализацию. Единственное, что можно сказать более или менее определенно, так это, во-первых, что они жили на территории исторической Колхиды, и, во-вторых, что племя колов занимало, по-видимому, не прибрежную, а нагорную часть страны.

Более определенные сведения о кораксах и колах дает анонимный автор IV в. до н. э. (Псевдо-Скилак Кариндский). Перечисляя «племена» Кавказского Причерноморья с севера на юг, он называет их в следующей последовательности: синды, керкеты, тореты, ахеи, гениохи, кораксы, колы, меланхлены, гелоны и колхи. С последними (т. е. с колхами) Псевдо-Скилак увязывает города Диоскурию и Гюэнос. Из этого можно сделать вывод, что кораксы и колы локализируются к северу от Диоскурии и в этническом отношении они не колхи, поскольку Псевдо-Скилак называет их отдельно от колхов.

Далее, римский автор I в. н. э. Плиний Секунд помещает кораксов вблизи «колхского города Диоскуриады, а затем дает следующую картину расселения племен близ Диоскурии: «...Племя авсилов, крепость Себастополис (Диоскурия. – **З.А.**), ... племя санигов». Таким образом, близ Себастополиса, по Плинию, живут, с одной стороны, апсилы, с другой – саниги. По-видимому, кораксы могут быть отождествлены с одним из этих племен. В частности, кавказовед Томашек считал допустимым увязать кораксов с апсилами, полагая, что у древних авторов эти названия выступают как синонимы. Однако в таком случае надо допустить передвижение апсилов с севера на юг, т.

к. впоследствии, как мы увидим ниже, они локализируются уже южнее Севастополиса. Во всяком случае на основании данных Гекатея и Псевдо-Скилака считать кораксов и колов колхскими племенами в узком (этническом) смысле нет достаточных оснований.

Гениохи. Вопрос о гениохах является одним из самых сложных в этнонимике Кавказского Причерноморья античной эпохи. По этому вопросу в научной литературе высказывались самые различные точки зрения. Одни считали их сванами (И. Орбели и др.), другие принимали гениохов за прямых предков абхазов (Д. Гулиа), третьи – за предков мегрело-лазов (С. Джанашиа и др.), четвертые же считают, что нельзя отождествить гениохов с какой-нибудь конкретной народностью Кавказа и принимают это название за собирательный термин, объединяющий определенную группу мелких народов и племен Черноморского побережья Кавказа (Л. Лавров и др.); высказывалось, наконец, и такое предположение, что «гениохи – это вовсе не этнический термин, а название профессиональных возчиков, обслуживавших торговые операции на перевальных дорогах между Северным Кавказом и Причерноморьем» (Н. Квезерели-Копадзе).

Что же можно почерпнуть у древних авторов о «гениохах» применительно к западному побережью Кавказа?*

Прежде всего следует указать, что источники совершенно четко отличают гениохов от собственно колхских племен. Некоторые античные авторы, говоря о гениохах, упоминают их отдельно от колхов. Так, Псевдо-Скилак при перечислении племен помещает между гениохами и колхами кораксов, колов, меланхленов и гелонов. Страбон указывает, что колхи обитают за гениохами. Географ Птоломей (III в. н. э.) пишет: «Вдоль Понта [обитают] ахеи, керкеты, иниохи и свано-колхи». Диони-

* В данном случае мы не касаемся тех «гениохов», которые локализируются некоторыми античными авторами в северо-восточном секторе Малой Азии. Г. Меликишвили считает возможным, что «в этом случае мы имеем дело с проникшим с севера элементом. Или же ... название гениохи всплыло здесь вследствие ассоциации с названием живших в этом районе с древнейшего времени племени Иганиехи».

сий Египетский (II в. н. э.) четко отделяет друг от друга гениохов и колхов: первых он причисляет к «чадам земли Пеласгийской», а вторых объявляет «выходцами из Египта». Интересно в этом отношении и указание Псевдо-Орфея (IV в. н. э.) о том, что вдоль побережья Кавказа живут «славные племена колхов, гениохов и абасков».

Таким образом, по данным античных источников, гениохи представляли собой «племя» (или группу родственных племен), которые этнически не были колхами. Вместе с тем, как видно из тех же материалов, этнически они отличались и от абазгов, зихов и ахейцев. В частности, из приведенного выше сообщения Псевдо-Орфея можно заключить, что гениохи не тождественны не только колхам, но и абазгам; Страбон отделяет гениохов от ахейцев и зихов, а Псевдо-Скилак говорит, что ахеи и гениохи были соседями. Приведенные показания источников, которые можно было бы умножить, дают основание заключить, что под названием «гениохи» античные авторы подразумевали этническую общность, отличающуюся в той или иной мере от ее соседей – зихов, абазгов, колхов и др.

Вместе с тем ряд античных авторов определенно указывает на то, что термин «гениохи» представлял собой и собирательное понятие для обозначения группы племен или их подразделений. Так, например, Плиний Секунд говорит о «многоименных родах гениохов», а Псевдо-Скилак называет гениохов народом «разнородным».

Основную массу гениохов античные авторы обычно локализовали к северу от Питиунта (Пицунда). Плиний Секунд, описывая абхазское побережье с юга на север, отмечает сначала племя апсилов, затем город Себастополис (Сухуми) город Кигн (?), реку и город Пеней (очевидно, Питиунт, от латинского «пинус» – сосна) и, наконец, «многоименные» племена гениохов. Страбон, ссылаясь на Артемидора, помещает «побережье гениохов в 1 000 стадий» к северу от «великого Питиунта».

Из приведенных источников видно, что гениохи занимали в основном ту же территорию, на которой впоследствии локализируются саниги (см. ниже). На возможность локализации гениохов и санигов в одном и том же секторе указывает сравнение показаний Помпония Мела (I в. н. э.), который пишет, что

«Диоскуриада основана на земле гениохов», и Арриана (II в. н. э.), свидетельствующего, что Себастополис (т. е. та же Диоскурия) находятся «на земле санигов».

Все это дает основание признать правильным положение, выдвинутое И. А. Орбели, что в названии санигов «мы имеем... точную параллель названия гениохов». Поддерживая это положение, Г. А. Меликишвили указывает, что «название санигов, возможно, является вариантом названия «гениох». По звуковому составу эти названия довольно близки друг к другу. Чередование «S» и «H» мы имеем и в других племенных названиях (напр., Sper и Hiber)». Нам кажется, что можно согласиться с мнением названных ученых и допустить отождествление гениохов с санигами, вопрос об этнической принадлежности которых будет рассмотрен ниже.

Кроме гениохов, кораксов и колов, как выше указывалось, на территории Абхазии того времени локализуются и другие «племена» – ахейцы, меланхлены, гелоны и др. Дионисий Египетский локализует ахейцев севернее гениохов, а Псевдо-Скилак помещает меланхленов и гелонов (вместе с кораксами и колами) между гениогами и колами. Трудно сказать что-либо определенное об этих племенах, тем более, что некоторые из этих названий явно не местного происхождения*, но можно полагать, что эти племена относились к абхазо-адыгской этнической общности. Не случайно цитированный выше Дионисий объединяет синдов, киммерийцев, керкетов, торотов, ахейцев, гениохов и зихов под общим названием «чада земли Пеласгийской» и отделяет от них колхов, живущих «за страной тиндаридов» (ср. Дранда?) и являющихся якобы «выходцами из Египта».

* * *

В античную эпоху материальная и духовная культура населения Абхазии поднимается на новую, еще более высокую

* «Меланхлены», например, в переводе с греческого означает «черноризцы».

ступень. С одной стороны, это было следствием дальнейшего роста местных производительных сил, а с другой – результатом резко усилившихся культурно-экономических связей с внешним миром, в первую очередь со странами древнегреческой культуры, а затем и с эллинизированным Востоком.

Художественное творчество населения Абхазии рассматриваемого периода нашло свое отражение в большом и разнообразном археологическом материале, обнаруженном в ряде пунктов Абхазии. Наряду с памятниками местного искусства на территории Абхазии того времени широко были представлены и иноземные памятники.

Дальнейшее развитие получила в античную эпоху языческая религия абхазов. Именно тогда (во всяком случае не позднее), надо полагать, сложилось представление об едином и главном божестве – Анцва, который, по народным повериям, является творцом и покровителем всей вселенной. Это знаменовало определенный этап в процессе консолидации единой абхазской этнической общности.

Четкое оформление получил весь дохристианский языческий пантеон абхазов: Аиргь и Ажвейпшаа – божества лесов, дичи и охоты; Айтар – бог обновления природы, размножения и скотоводства; Афы – божество грозовых явлений природы; Ашьха инху – духа гор; Дзыдзлан – божество воды; Джаджа – богиня плодородия, покровительница полей и растительности; Ерыш – божество ткацкого ремесла и других женских работ; Анана-Гунда – покровительница пчел и пчеловодства; Шашвы – покровитель кузничного ремесла и др.

§ 2. Абхазские территориальные племена в позднеантичный период

В рассматриваемую эпоху в социально-экономической жизни Абхазии произошли существенные изменения. Если в раннеэллинистический период прибрежная зона Абхазии, в частности ее города, переживала расцвет, то с конца II в. до н. э. начинается постепенный упадок хозяйственной и политической жизни. Это обстоятельство объясняется не только внешнеполитическими условиями (вторжения понтийцев, римлян и др.), но

и важными сдвигами во внутренней жизни местного общества, в частности, концентрацией земельной собственности в руках немногих и разорением основной массы непосредственных производителей. В результате значительная часть населения вынуждена была покинуть насиженные места и уходить в другие районы.

Как показывают археологические материалы, ряд населенных пунктов в этот период прекратили свое существование. Характерны в этом отношении сообщения Плиния, что – «богатый город Пителинт... разграблен гениохами», а Себастиополис «теперь (середина I в. н.э.) находится в запустении».

Такая обстановка, разумеется, не способствовала поступательному этническому развитию местных территориальных племен, приводя к их перемещению и изменениям этнических границ.

Саниги. Одной из наиболее крупных этнических единиц, отмечаемых источниками на территории Абхазии, были саниги, которые, как видно, составляли часть гениохского объединения племен. Как уже отмечалось выше, этноним «саниги», возможно, является вариантом названия «гениохи».

По вопросу об этнической принадлежности санигов в научной литературе высказывались различные мнения. Санигов объявили сванами (И. Орбели, Д. Гулиа и др.), мегрело-чанам (Н. Марр, С. Джанашиа и др.), садзами (А. Дьячков-Тарасов и др.), наконец, жанеевцами (Л. Лавров).

Сванская теория этнической принадлежности санигов не подтверждается историческими материалами. В древности сваны занимали территорию нынешней Рача-Лечхуми, ряд северо-восточных районов Мегрелии и, возможно, юго-восточную (нагорную) часть нынешней Абхазии. Однако нет никаких данных, свидетельствующих о том, что сваны когда-либо обитали на территории нынешних Гагрского и Сочинского районов, в которых именно и локализуются саниги в позднеантичное и ранне-средневековое время.

Теория о мегрело-чанском происхождении санигов опирается главным образом на показания Ипполита Кипрского (III в. н. э.), по которому следует, что «санны» (чаны-лазы) якобы идентичны «санигам». Однако это отождествление, как видно,

возникло под влиянием созвучия этих названий. Г. Меликишвили пишет по этому поводу: «Отождествление санигов с саннами могло возникнуть на основании внешнего сходства этих названий. Поэтому нельзя считать несомненной принадлежность санигов-генихов к западногрузинским (имеются в виду мегрело-чаны, или мегрело-лазы – З.А.) племенам». Такое заключение тем более правомерно, что ни один из античных авторов, кроме Ипполита, не отождествляет санигов с саннами (лазо-чанами), а наоборот, они четко отличают их друг от друга (Плиний, Арриан, Мемнон, Псевдо-Арриан и др.).

Не может быть признана убедительной и гипотеза о жаневском происхождении санигов, которая по сути дела также основана лишь на созвучии «сан» и «жан».

По нашему мнению, наиболее приемлемым предположением об этнической принадлежности санигов является тезис об их генетической связи с позднейшими джигетами-садзами, высказанный вскольз еще А. Дьячковым-Тарасовым.

На такой вывод наводит прежде всего то обстоятельство, что саниги Арриана и Псевдо-Арриана локализируются там же, где в период позднего средневековья фигурируют садзы (садзен), или джики грузинских источников.

Говоря о расселении садзов (до их выселения в Турцию более 100 лет назад), Л. Люлье указывал, что «племя садзен занимало пространство по берегу Черного моря от реки Хамыш до Гагра». О языке садзов нам известно мало, но те отдельные слова и фразы, которые сообщает турецкий путешественник первой половины XVII в. Эвлия Челеби, позволяют заключить, что лингвистически это был самостоятельный язык, а в середине прошлого столетия Г. И. Филипсон писал, что «этот народ (садзы – З.А.), говорящий чистым абхазским языком, имеет еще особое наречие – асадзипсуа, не похожее ни на абхазский, ни на убыхский язык».

Указанный язык (асадзипсуа – букв. «садско-абхазский») был одним из языков палеокавказской языковой семьи. Важным фактором, свидетельствующим о принадлежности санигов к абхазо-адыгской этнической среде, является топонимика Сочи – Гагринской зоны. Все коренные названия этого района принадлежат к абхазско-адыгскому языковому миру (абхазские, садз-

ские, убыхские, адыгские), и каких-либо следов топонимики иного происхождения здесь не прослеживается.

В древние времена, как видно, предки садзов занимали значительно более широкую область, распространяясь в частности и в южном направлении. На это указывает ряд фактов, прежде всего топонимического характера: географические названия с формой «рипш» (Дурипш, Звандрипш, Гулрипш и др.), которые более всего встречаются именно в районе расселения садзов (Цандрипш, Гагрипш, Миклрипш и др.), название речки Садзаю близ с. Дурипш.

Важно отметить и то, что известное абхазское святилище Дыдрипш (близ сел. Ачандара) в древности являлось, по всей вероятности, святилищем садзов. На это намекает абхазское предание, по которому первыми жрецами Дыдрипшского святилища были Садзба, т. е. садзы по происхождению, на что указывает их фамилия.

В свете этих данных, указание Арриана, что на земле санигов «лежит город Себастополис», получает реальное содержание. Как видно, в этот период (первая половина II в. н. э.) ареал расселения санигов или, во всяком случае, их политическая гегемония доходили до района нынешнего Сухуми. Такое перемещение этнических и политических границ гениохов-санигов могло произойти в результате резких политических неурядиц на территории Колхиды и, в частности, Абхазии на рубеже нашей эры.

Надо отметить, что в недалеком прошлом владения садзов охватывали более обширную территорию и в северном направлении. Это вытекает хотя бы из того факта, что в районах приморской Убыхии (до урочища Вордане) оставались следы садзского населения даже в середине XIX в. Это свидетельствует о постепенной ассимиляции садзов – жителей побережья – спустившимися с гор убыхами.

Этническую обособленность санигов и идентичность с позднейшими джиками-садзами подтверждают также грузинские исторические источники, которые в период позднего средневековья называют их «джиками». Наиболее конкретное описание джиков и их страны мы находим у Вахушти Багратиони.

У него они полностью соответствуют садзам и области их расселения.

Таким образом, исторические материалы дают основание считать, что садзская теория происхождения античных санигов гораздо ближе к истине, чем гипотезы об их этнической принадлежности к мегрело-чанским, сванским или адыго-абхазским племенам. Это была особая этническая общность, очень близкая по языку и происхождению к абхазо-адыгам, но не идентичная им. Впоследствии она была ассимилирована адыгами, убыхами и особенно абхазами.

Апсилы и абазги. Из этнических групп, локализуемых античными авторами на территории античной Абхазии, наиболее важное значение для нас имеют апсилы и абазги – непосредственные предки абхазской народности.

Апсилы, как и саниги, впервые упоминаются в сочинении римского писателя I в. н. э. Плиния Секунда. В своей «Естественной истории» он пишет: «Племя апсилов (*gens Absilae*) и крепость Себастополь на расстоянии 100 тысяч шагов от Фази-са; племя санигов *gens Sahnigae*), город Кигн и город Пеней и, наконец, племена гениохов, различающихся многими названиями (*multis nominibus Heniochorum gentes*)». Это ценное описание почти целиком можно отнести к территории современной Абхазии. Как нетрудно заметить, здесь перечисление этнических единиц и городских населенных пунктов дается по направлению с юга на север. Вначале он называет племя апсилов, к северу от них помещает город Себастополис (или на территории апсилов?), затем следуют города – сначала Кигн, а далее Пеней. Под последним, как выше отмечалось, имеется в виду, очевидно, Питиунт, а под Кигном – какой-то населенный пункт, расположенный между Себастополисом и Питиунтом. К северу от Питиунта простирается земля гениохов.

В приведенном описании Плиния, как мы видим, саниги отделяются от гениохов, что как будто противоречит приведенным выше соображениям об идентичности гениохов и санигов. Возможно, однако, что здесь имеет место смешение этнических терминов.

Первое упоминание абазгов содержится в сочинении («Перипле») греческого автора первой половины II в. н. э. Фла-

вия Арриана, который сообщает весьма важные сведения по этногеографии позднеантичной Абхазии. Эти сведения приобретают особую ценность потому, что в отличие от многих других авторов Арриан лично побывал на Кавказе, и в частности в Абхазии, куда ездил по специальному поручению римского императора Адриана в целях подробного ознакомления с положением дел на местах.

О племенах, проживавших на территории Абхазии, Арриан пишет следующее: «За лесами живут апсилы... С апсилами граничат абасги. Рядом с абасгами – саниги, в земле которых лежит Севастополь». Однако, к сожалению, Арриан не указывает точных границ отмеченных им племенных объединений. В некотором отношении исключение составляют саниги, о которых сообщается, что в их земле был расположен Севастополис. Определенно лишь указание, что апсилы и абазги жили между лазами (с юга) и санигами (с севера).

Вопрос о локализации этнических общностей, бытовавших на восточном побережье Черного моря, специально рассмотрен в диссертации М. П. Инадзе, посвященной монографическому исследованию сведений Арриана о Грузии. О местожительстве лазов М. Инадзе пишет: «Они в начале I в., в основном, занимали территорию южнее р. Фазис (Риони. – З.А.). В последующее время они распространяются и севернее реки Фазиса. В частности, нужно предполагать, что во II в. территория Лазского княжества простиралась до р. Хобоса, т. е. современного Ингура (Арриан, Птоломей)». Что касается расселения абазгов и апсилов, то по этому поводу М. Инадзе говорит: «Судя по данным «Перипла», территория княжеств апсилов и абазгов во II в. распространялась от р. Ингура примерно до Сухуми (т. е. до Севастополя Арриана), который находился на территории санигов».

В дальнейшем, как видно, на территории Абхазии происходит существенное перемещение этнических общностей. М. Инадзе пишет: «Со II в., в связи с продвижением лазов к северу и занятием ими территории княжеств апсилов и абазгов, к северу же должны были передвинуться и основные группы апсилов и абазгов. Так, например, если прежде (во II в.) северная граница княжества абазгов проходила южнее г. Севастополя (Суху-

ми), позднее (в V в.) таковой уже являлась река Абаск (Псоу?), сам же Севастополь, находящийся тогда на территории санигов, теперь находился на территории апсилов.

Таким образом, апсилы и абазги в продолжении II–V вв. заняли территорию от Севастополя до реки Абаска. Эта территория во II в. входила в княжество санигов, которое, согласно Арриану, простиралось в это время от Севастополя до реки Ахеунта (Шахе?).

К VI в. апсилы и абазги захватили и остальную территорию санигов, подчинили их своему политическому влиянию и распространили на них свое этническое название».

Г. Меликишвили также высказывает предположение, что уже во II в. лазы оттеснили апсилов и абазгов на север и довели свою этнографическую границу почти до района Диоскурии – Севастополиса.

По вопросу об этнической принадлежности апсилов и абазгов подавляющее большинство ученых (Н. Марр, И. Джавахишвили, Л. Лавров, Ш. Инал-ипа и др.) придерживаются того взгляда, что они были племенами абхазского происхождения, непосредственными предками нынешних абхазов.

Но высказано и другое положение. Например, П. Ингороква считает, что абазги и апсилы являлись «кارتвельскими племенами». Того же мнения придерживаются С. Каухчишвили, Н. Ломаури и некоторые другие авторы. Однако для признания абазгов и апсилов картвельскими этническими общностями нет реальных оснований. Как свидетельствует их последующая этническая история, они находились в прямой генетической связи именно с абхазским народом, а не с каким-либо другим этническим образованием. Эти этнонимы доньше сохранились в форме «апсуа» в качестве самоназвания абхазов и «абаза» – самоназвания абазин.

Племена абазгов и апсилов были ближайше родственными этническими единицами, как на это, в частности, указывают их наименования, восходящие к одному корню – «пс» – «бз». Еще П. Услар подчеркивал, что термины «апсуа» и «абаза» суть простые видоизменения одного и того же названия.

Что касается форм «абхази» («апхази») и «апсил» («апшил»), то они, как видно, грузинского образования. Во всяком

случае грузинский облик первого термина не оставляет сомнения, а конечное «ил» второго этнонима восходит, как видно, к грузинскому суффиксу этнических названий «ел» (типа мегр-ел-и, имер-ел-и и т. п.). На это указывает, в частности, армянская форма данных этнических терминов – «апхазк» и «апшелк», – которая, несомненно, была воспринята через грузинскую среду.

Глубокая древность этнических корней абхазского народа на территории нынешней Абхазии подтверждается различными научными данными. Одним из веских доказательств этого является обряд т. н. «воздушного» погребения, зафиксированный многими античными авторами (Нимодор Сиракузский, Аполлоний Родосский, Ник. Дамаский и др.) у обитателей древней Колхиды, а затем, в позднее средневековье – у абхазов (Дж. Лукка, Э. Челеби, А. Ламберти, Вахушти Багратиони и др.). Локализация этого обычая, не встречавшегося у древних народов Кавказа (кроме некоторых адыгейских племен), на восточном побережье Черного моря на протяжении тысячелетий свидетельствует, что он восходит к предкам абхазского народа, проживавшим в античную эпоху на той же территории.

Далее, считаем необходимым отметить, что выдвинутый некоторыми авторами тезис о появлении абазгов и апсилы на территории нынешней Абхазии лишь в первые века нашей эры полностью опровергается новыми археологическими открытиями. В частности, раскопки в Цебельде показали, что население данного района, проживавшее здесь в I – V вв. (т. е. апсилы), генетически теснейшим образом было связано с местной культурой I тысячелетия до н. э. Памятники цебельдинской культуры по своему происхождению теснейшим образом связаны с предшествовавшими им памятниками колхидской и кобанской культур. Эта органическая культурная преемственность является свидетельством и этнической преемственности.

Таким образом, основную часть населения античной Абхазии составляли этнические общности абхазо-адыгского происхождения (ахейцы, кораксы, колы, позднее – саниги, абазги, апсилы и др.). Из них прямыми предками абхазского народа были апсилы, абазги, а возможно, и некоторые другие местные племена.

В позднеантичную эпоху (по-видимому, не раньше II в. н. э.) в южную Абхазию проникают племена мегрело-чанского происхождения («лазы»), которые оттесняют абхазов к северу. Не исключено также, что горные районы нынешней юго-восточной Абхазии занимали сванские этнические элементы.

* * *

Ценные сведения по истории культуры позднеантичной Абхазии дают материалы археологических раскопок из древних городищ и селищ указанного времени. Ведущее место в культурном развитии края играла, разумеется, городская цивилизация, которая представляла собой органический синтез как внешних (греческих, римских, восточных), так и местных элементов культуры. Культура городов позднеантичной Абхазии, после относительно продолжительного упадка, вызванного событиями рубежа н. э., вновь вышла на путь поступательного развития и достигла весьма высокого для того времени уровня. Памятники культуры, дошедшие до нас от того времени, указывают на то, что определенная часть городского населения представляла собой эллинизированных выходцев из коренных жителей края.

Характерные черты своеобразной грекоместной культуры были присущи в известной степени и сельскому населению Абхазии того периода. Яркое представление о культуре и быте сельского населения внутренних районов Абхазии, где в основном проживало только местное население, дают результаты археологических раскопок цебельдинских могильников. Вскрытый погребальный инвентарь состоит из посуды, оружия, бытовых вещей, предметов украшения и одежды скульптурных фигурок, монет и т. д.

Материалы цебельдинских раскопок свидетельствуют о том, что высокая культура сельского населения Абхазии того времени имела, как уже отмечалось, глубокие местные корни. В территориальном отношении памятники этой культуры не являются изолированными и встречаются также в других пунктах края, особенно на территории Гульрипшского и Очамчирского

районов. Вместе с тем они отличаются рядом своеобразных черт как в области материальной, так и духовной культуры, что, по мнению М. М. Трапша, позволяет ставить вопрос о выделении в Западном Закавказье особой археологической культуры под названием «цебельдинской». Как свидетельствуют письменные источники, о которых речь будет вестись ниже, основной ареал распространения цебельдинской культуры в первом тысячелетии н. э. совпадает с территорией расселения апсильского племени и поэтому культура может быть названа «апсильской культурой».

В античной Абхазии, особенно в городах, сравнительно широкое распространение получил греческий язык. Надо полагать, что местные грамотные люди употребляли греческий язык в качестве письменного языка. Кроме того, не только местные греки, но и определенная часть коренного населения (преимущественно представители знати и торгово-ремесленных кругов) владели в той или иной степени греческим языком и в качестве разговорного. После распространения здесь христианства греческий язык, как видно, становится также языком церковного богослужения. От того времени до нас дошло немало памятников древнегреческой письменности, обнаруженных в различных пунктах Абхазии.

После утверждения римского господства на побережье Абхазии получил распространение и латинский язык, о чем свидетельствуют некоторые его памятники из Себастополиса и Питиунта. Однако латинский язык, как видно, не имел широкого распространения среди местного населения; во всяком случае, масштабы его применения не могут сравниться с распространенностью греческого языка. Основная же масса населения оставалась неграмотной.

В позднеантичную эпоху среди коренного населения Абхазии по-прежнему бытовали языческие религиозные верования. Определенное указание на это сохранилось в ряде археологических памятников.

Вместе с тем надо отметить, что в рассматриваемую эпоху на территории Абхазии получили известное распространение и религиозные верования греко-римского происхождения, при-

чем некоторые из них, надо полагать, проникли в какой-то мере и в местную среду.

К концу античной эпохи на Черноморское побережье Кавказа, в частности на территорию Абхазии, сравнительно быстро проникает христианская религия. Уже в первой четверти IV в. одним из главных центров христианства на Кавказе становится Питиунт, где была учреждена епископская кафедра. Не позднее того же столетия христианство проникает и во внутренние районы Абхазии. В частности, о сравнительно широком распространении христианства свидетельствуют погребальные обряды цебельдинских некрополей и могильный инвентарь, носящий на себе следы христианской символики. Христианские захоронения покойников составляли около 90 % общего числа погребений. Однако около 10% погребений составляли языческие захоронения. Это говорит о том, что, несмотря на победу христианства, в V в. определенная часть населения Цебельды по-прежнему придерживалась дохристианских верований.

Тем не менее проникновение христианства в местную, в данном случае апсильскую, среду является несомненным фактом. Не случайно византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский писал, что апсилы «с давних пор уже христиане».

Факт распространения христианства в Абхазии (как на побережье, так и в особенности во внутренних районах края) имел важное историческое значение. Он свидетельствует, что уже в тот период (IV – V вв.) господствующие классы нуждались в новых, более сильных средствах идеологического воздействия на народные массы. Христианство, несомненно, способствовало утверждению феодальных отношений, которые в тех исторических условиях играли прогрессивную роль. Важное значение имело распространение христианства и с точки зрения перспектив этнического развития местного населения. Оно способствовало нивелированию его культуры и поднятию ее на более высокий уровень. Кроме того, христианство, как и всякая монотеистическая религия, в сравнении с многобожием содействовало более тесному этническому сплочению народа.

Г Л А В А ІІІ

СРЕДНИЕ ВЕКА

В настоящей главе будет освещен вопрос о формировании и этнических судьбах абхазской феодальной народности в эпоху средневековья (V – XVIII вв.).

Феодальная народность возникает и развивается на основе феодального способа производства. Она представляет собой исторический тип сравнительно устойчивой этнической общности эпохи феодализма, которая возникла на базе относительной общности экономической жизни, территории, языка и культуры, отраженной в общности ее этнического самосознания.

Хотя этническая устойчивость феодальной народности прочнее, чем устойчивость рабовладельческой, или, тем более, раннеклассовой народности, но в целом она тоже не выходит за рамки относительности, поскольку характерная и для феодализма экономическая раздробленность не может, разумеется, обусловить высокую этническую устойчивость народности в целом и ее отдельных этнических признаков в частности. Поэтому феодальная народность по сути представляла собой (особенно на ранних этапах своего этнического развития) совокупность областных, в большинстве своем разрозненных племен, которые сохраняли весьма устойчивые этнографические особенности. Одно из этих племен обычно играло ведущую этническую роль; вокруг него группировались все остальные племенные общности данной народности.

§ 1. Абхазские раннефеодальные народности

К началу VI в. на территории, составляющей современную Абхазию, существовало несколько этнополитических образова-

ний, находившихся в различных степенях зависимости от Лазского (Эгрисского) царства. Это – Абазгия, Апсилия, Мисиминия и южная часть Санигии, получившие свое название от основных «племен», населявших эти области (абазги, апсилы, мисимияне и саниги). Приморская зона южной части Очамчирского района и Гальский район в значительной части населены были эгрисцами и непосредственно входили в состав Лазского царства.

Местоположение и этнополитические границы этих областей представляются приблизительно следующим образом*.

Южную часть территории, населенной в VI в. прямыми предками абхазского народа, занимало племя апсилов, этническая граница которых на юге доходила, по-видимому, до р. Галидзга (Эгрис-цкали груз. источников). На востоке Апсилия соседствовала с областью мисимиян. Граница между ними проходила близ укрепления Тзибил (нын. Цебельда), которое входило в состав Апсилии. На северо-западе Апсилия граничила с Абазгией – по р. Гумиста или вблизи нее. Главным приморским центром Апсилии был Сухуми (груз. Цхуми, абх. Акуа), который именуется «городом Апсилии» в своде древнегрузинских летописей «Картлис цховреба». В состав Апсилии, следовательно, входили территории таких ведущих провинций феодальной Абхазии последующего периода, как Гума и Абжуа.

Северными соседями апсилов были абазги. Прокопий Кесарийский пишет: «За апсилами ... по берегу (морю) живут абазги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта». Если южная граница Абазгии пролегла где-то между Сухуми и Н. Афоном (Анакопия), то северная ее граница проходила по р. Бзыбь (Капоэти груз. источников). Таким образом, Абазгия занимала в основном территорию Бзыбской Абхазии феодальной эпохи. Крупнейшими приморскими пунктами Абазгии были Анакопия и Пителиунт (Пицунда).

Третьей сравнительно крупной областью на территории Абхазии VI столетия была Мисиминия.

* Подробнее об этом см. кн.: З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. М., 1959, стр. 6 – 16.

Византийский историк VI в. Агафий указывает, что мисимияне «живут севернее народа апсилов и несколько восточнее». С востока, по сообщению другого византийского историка – Менандра, Мисиминия граничила со Сванетией, а южный отрезок ее восточной границы упирался непосредственно в Лазику. Северная граница Мисиминии проходила по Главному Кавказскому хребту (в районе Клухорского перевала), а на северо-западе, в горной зоне, она граничила с Абазгией, возможно, по верховьям р. Келасури. Территория Мисиминии, таким образом, полностью охватывала провинцию феодальной Абхазии Дал и некоторую часть Цабала (Цебельды).

Следующая этническая область, которая локализуется на территории исторической Абхазии, это саниги (сагины, или сагиды Прокопия Кесарийского). Саниги в VI в. обитали за р. Бзыбь, на территории современных Гагрского и Адлерского районов, и, может быть, далее к северу, т. е. занимали ту же, примерно, территорию, на которой они обитали уже в конце позднеантичной эпохи и где впоследствии было локализовано абхазское «племя» садзов (Джикети груз. источников).

Таким образом, этнографическую карту Абхазии VI века можно представить примерно в следующем виде: юго-восточную приморскую часть современной Абхазии (приблизительно до р. Галидзги) населяли лазы (эгрисцы). К северу и северо-востоку от них (до Цебельды) проживали апсилы, юго-восточную, нагорную часть Абхазии занимали мисимияне. К северо-западу от Апсилы, вплоть до р. Бзыбь жили абазги. К северо-западу от последних, на территории нынешней Гагрской зоны, и дальше – саниги.

Об этнической принадлежности «племен» собственно Абхазии мы можем сказать следующее: апсилы и абазги, как уже отмечалось, были, бесспорно, племенами абхазского происхождения и явились непосредственными предками позднее сложившейся единой абхазской феодальной народности. Саниги, о чем также говорилось выше, были, по всей вероятности, предками садзов, впоследствии ассимилированных абхазами, а затем, частично, убыхами.

Что касается вопроса об этнической принадлежности мисимиян, то он не может окончательно считаться решенным. Не-

которые авторы считают их одним из сванских племен (С. Каухчишвили и др.). Другие склоняются к признанию их одним из племен абхазской этнической принадлежности (Ш. Инал-ипа и др.), третьи полагают, что это было «смешанное» племя мегрело-сванского происхождения (П. Ингороква), по нашему же предположению, мисимияне являлись этнически индивидуальным племенем палеокавказской этнолингвистической семьи, родственным абхазским и картвельским племенам.

Однако вопрос этот сложный, требует, конечно, дальнейшего изучения, в этнических же судьбах мисимиян самое важное для нас то, что впоследствии они слились с абхазским народом. К какой бы этнической группе они ни принадлежали, мисимияне являлись прямыми предками цабало-дальской этнической ветви абхазской народности, представители которой обитали на территории исторической Мисиминии вплоть до второй половины XIX века.

Для определения уровня их этнического развития и, в частности, степени их этнической устойчивости, необходимо осветить вопрос о внутренней хозяйственной и общественной структуре политических образований Абхазии рассматриваемого периода.

С. Н. Джанашиа, который специально занимался изучением истории общественных отношений в Абхазии раннефеодальной эпохи, считал, что здесь в VI в. господствовали в основном, феодальные отношения. В частности, в Абазгии по его мнению, господствовала «раннефеодальная общественная сословность».

Феодальные отношения постепенно пробивали себе дорогу и в других областях Абхазии. В этом отношении Апсилия не только не уступала, а, возможно, и превосходила Абазгию, в чем, надо полагать, сказывалось и непосредственное влияние соседней Лазики, где феодальные отношения были более развитыми. Близкими апсилам «по образу жизни» были мисимияне (Агафий), хотя здесь, в горных условиях, должны были устойчивее сохраняться патриархально-общинные пережитки, которые в той или иной степени были характерны и для других областей Абхазии, особенно в нагорной ее части, где они, конечно, продолжали занимать ведущее место. Определенную роль в социальных отношениях населения Абхазии играл и примитив-

ный рабовладельческий (патриархально-рабовладельческий) уклад. Однако господствующими были уже феодальные отношения.

Исходя из факта раннефеодального характера классовой структуры абхазских обществ VI столетия, можно сделать вывод, что в этническом отношении эти общества не являлись уже обычными территориальными племенами, каковыми они были в античную эпоху, в условиях раннеклассовых отношений. Феодальный общественный строй и его политическая организация, как отмечалось выше, требуют наличия более устойчивой этнической общности, нежели племя, а такой общностью, как уже об этом говорилось, может быть только народность.

Поэтому мы считаем, что абазги, апсилы, мисимияне и саниги в начальный период раннефеодальной эпохи являлись уже небольшими народностями, тем более устойчивыми, чем более развивались в них феодальные отношения, обеспечивающие народности более прочную социально-экономическую базу, чем раннеклассовые отношения.

Однако, с другой стороны, и в тех условиях этническая устойчивость малых феодальных народностей должна была быть весьма относительной. Возьмем, к примеру, абазгов. Проконий сообщает, что они «искони веков» имели двух правителей, один из которых «властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную». Характерно, что и после социального переворота, который привел к установлению в Абазгии феодальной политической власти (VI в.), абазгская знать, как и прежде, вновь избирает не одного, а двух правителей – для западной и восточной частей страны. Не подлежит сомнению, что такое внутреннее политическое разделение Абазгии на две области выражало в известной степени и относительную неустойчивость раннефеодальной абазгской этнической общности.

В условиях дальнейшего развития социально-экономической и политической жизни страны, в частности, в результате роста феодальных отношений вглубь и вширь, неминуема должна была произойти этническая консолидация в более крупную и более устойчивую этническую общность – в единую феодальную народность. Этому процессу в значительной

степени способствовало этническое родство консолидирующихся элементов.

Исторические общности раннефеодальной Абхазии, разумеется, жили не изолировано, а в тесной связи с соседними народностями и племенами. С древних времен ближайшими южными соседями абхазских племен – апсилов, абазгов и других – были лазы, или эгрисцы (колхи античной эпохи), – непосредственные предки занской (мегрело-чанской) ветви грузинского народа. Абхазы всегда поддерживали с лазами многосторонние контакты, которые с течением времени систематически ширились и крепились. Связанные с лазами, как и с другими картвельскими племенами, узамы этнического родства, предки абхазского народа жили с ними общей исторической жизнью, которая обуславливалась не только этно-генетическими связями и многовековым территориальным соседством, но и сходством форм общественно-экономической жизни и совпадением внешнеполитических интересов. Непосредственным соседом абхазов (на юго-востоке) было и другое картвельское «племя» – сваны.

На территориальном стыке между абхазскими и картвельскими племенами этнические границы не раз перемещались, приводя к неизбежным в таких случаях этническим взаимопроникновениям.

Из других непосредственных соседей абхазских этнических общностей рассматриваемого периода авторы того времени (Прокопий и др.) называют зихов (зехов), брухов, аланов и др.

Этническая принадлежность приморских зихов («зехи» Прокопия Кесарийского), проживавших к северу от современной Абхазии, не поддается точному определению. Есть основание считать, что в раннефеодальную эпоху под этим названием выступают не только адыгские (черкесские) племена, но и этническая группа, состоящая в ближайшем родстве с абхазами. Здесь уместно отметить, что адыги и до сих пор называют абхазов именем «а-зега».

Еще более неясен этнический облик упоминаемых Прокопием брухов. По-видимому, это племя проживало в верховьях Б. Лабы и Мзымты в соответствующей полосе Главного Кавказского хребта. Возможно, что брухи имели какое-то отношение к

предкам убухов, впоследствии сместившими к Черноморскому побережью в район Хоста – Сочи. В таком случае брухи принадлежали к палеокавказской этнической семье и были ближайше родственны абхазо-адыгской этнической группе.

Брухи обитали «между абазгами и аланами», которые следовательно, тоже были близкими соседями абхазов (Прокопий). Как свидетельствуют различные источники той эпохи, Марухский и особенно Клухорский перевальные пути связывали Абхазию именно с аланской территорией. Последний в византийских источниках назывался «мисимиянским путем», а в более поздних грузинских источниках – «абхазским путем».

Как видно, причерноморские зехи (зихи) и, возможно, некоторая часть алан сыграли определенную роль в этнических судьбах абхазского народа. Что касается брухов, если они действительно являлись предками позднейших убухов, то можно сказать, что они ассимилировали некоторую часть приморских абхазов, но не исключено, что какая-то часть брухов, в свою очередь, была ассимилирована абхазами.

§ 2. Консолидация абхазской феодальной народности

В течение второй половины VI века и VII столетия в политической жизни этнических образований Абхазии не произошло существенных изменений. Абазгия на протяжении этого периода существует как самостоятельная этническая единица, непосредственно зависящая (с середины VI в.) от Византии, а Апсилия и Мисиминия по-прежнему входят на вассальных началах в состав Лазики.

Однако с конца VII в. положение в Абхазии начинает изменяться. В связи с дальнейшим развитием феодальных отношений и вторжением арабов в Зап. Грузию в отдельных частях Абхазии, зависимых от Лазики, усиливается тенденция к обособлению, поддержанная, как видно, арабскими захватчиками.

В труде анонимного армянского географа конца VII в. (Ананя Ширакаци?) содержится интересное известие о населении Абхазии того времени: «...На морском (Понтийском) берегу – страна авазгов, где живут апшилы и авазги до приморского

своего города Севастополиса и далее до реки Дракона..., отделяющего Абхазию от страны Егер».

Данное сообщение представляет особенный интерес в том отношении, что в нем апсилы и абазги названы вместе как обитатели «страны авазгов», которая упоминается отдельно от «страны Егер», т. е. Лазики (Мегрелии). Под Драконом, надо полагать, подразумевается р. Кодор, к которой, по-видимому, были отодвинуты к концу VII в. границы Абазгии, включавшей, таким образом, в себя значительную часть территории приморской Апсилии вместе с городом Севастополем (Сухуми).

Вместе с тем упоминание армянским географом абазгов и апсилов в отдельности говорит, несомненно, о том, что они еще не слились полностью в одну народность, и Апсилия продолжала пользоваться какими-то сюзеренными правами. На это указывает, в частности, то обстоятельство, что у византийского писателя Феофана Хронографа Апсилия еще в начале VIII столетия фигурирует как внутренне самостоятельное владение с собственным правителем.

Однако после этого Апсилия как самостоятельная единица нигде не упоминается. Приблизительно с 30 – 40 гг. VIII в. Апсилия уже выступает в виде составной части «Абхазии», как более крупного этнополитического объединения. В этой связи надо указать на то обстоятельство, что в своде «Картлис цховреба», принадлежавшем царице Анне (XV в.), встречается выражение «город Абхазии и Апсилии Цхуми», которое мыслится как признание Апсилии в виде составной части Абхазии. Прав поэтому И. А. Джавахишвили, который пишет, что в 30-х годах VIII в. Апсилия уже входила в состав Абхазии.

Во главе нового политического объединения, включавшего в себя и Абазгию и Апсилию, стояли абазги, поэтому и их название распространилось на всю объединенную страну. С. Н. Джанашиа по этому поводу пишет: «Среди довольно большого количества племен, населявших территорию современной Абхазии, к VIII в. явное преобладание получили абазги. Это этническое название вскоре приобретает более широкое, обобщающее значение. Грузинская форма его – «апхазы», или «абхазы», которая получена из «абазг» – «абазх» путем внутреннего перераспределения согласных, в соответствии с фонетическими зако-

нами грузинского языка (стягивание согласных к началу слова), постепенно получает всеобщее распространение».

Такое преобладание абазги получили в силу того обстоятельства, что политически их владение оказалось сильнее и развитее, чем владения других этнических образований на территории Абхазии – апсилов, мисимиян и др. Если абазги уже с VI в. пользовались политической самостоятельностью и непосредственно зависели от Византии, то Апсилия и Мисиминия еще более полутора веков входила в состав Лазики. Менее пострадала Абазгия и от кровопролитных ирано-византийских войн в VI в. Кроме того, когда происходила упорная борьба за освобождение Абхазии от арабского владычества (первая половина VIII в.), то ведущую роль в ней сыграла именно Абазгия. Эта страна испытала господство арабов в меньшей степени, чем Апсилия и Мисиминия, на территории которых непосредственно размещались арабские гарнизоны, в частности, по Кодорскому ущелью.

После изгнания арабов территория Абхазского владения («Абхазское эриставство» грузинских источников) охватывает уже значительную область от р. Келасури на юге до р. Нечепсухо на севере. В этих границах абхазского владения («эристава») Леона I утверждает византийский император Лев Исавр (717 – 741 гг.). В письме к правителю Западной Грузии Арчилу Леон I писал: «Дал мне кесарь (император Византии – **З.А.**) эту страну в наследственное владение..., и отныне она является моей вотчиной от Клисуре до Малой реки Хазарии, куда достигают вершины Кавказские».

Под названием «Малая река Хазарии» подразумевается река Кубань. Однако вряд ли политическая граница Абхазии доходила когда-нибудь до Кубани. Во всех источниках последующего времени этой границей считается сектор города Никопсии, который был расположен на левом мысе небольшой бухты у устья р. Нечепсухо, близ нынешнего с. Ново-Михайловского (развалины Никопсии сохранились до настоящего времени). Так, например, автор X в. Елифан Кипрский писал, что Никопсия была расположена «на границе между Абхазией и Джикией». На это же указывают и грузинские писатели XI в.

Важно отметить, что политическая (и, возможно, этническая) граница Абхазии, проходившая в секторе Никопсия, считалась в то же время крайним пределом владений «греков», т. е. Византии. В некоторых сводах «Картлис цховреба» прямо говорится, что «Никопсия... находится между Абхазией и Джигетией и является границей Греции». Поскольку Абхазское эриставство было византийским вассальным владением, то его северная граница, следовательно, считалась в то же время и границей Византии.

В источниках не сохранилось сведений о том, каким образом граница Абазгии (Абхазии) была доведена до р. Нечепсухо. Определенную роль здесь, очевидно, сыграло то обстоятельство, что данная территория (от Бзыби до Нечепсухо) была населена ближайше родственным абазгам населением – санигами и зехами. Общие интересы борьбы против иноземных захватчиков (в частности, против хазаров) также стимулировали, надо полагать, это объединение. Поскольку Абазгия являлась вассалом Византии, то помощь со стороны последней в этом акте вряд ли приходится отрицать.

Что касается политической границы Абхазии на юге, то И. А. Джавахишвили считал, что она в VIII в. проходила по Эгрис-цкали. Очевидно, он имел в виду то место из сочинения грузинского историка XI в. Джуаншера, в котором говорится: «И потребовал кесарь границы Греции, приморскую страну, которая есть Абхазия, и сказал так: «От Эгрис-цкали до Малой реки Хазарии, которая есть граница Греции со времен Александра [Македонского]». Однако в другом сообщении Джуаншера, которое приводилось выше (письмо Леона I Арчилу), прямо указывается на Клисур (Келасури) как на фактическую южную границу Абхазского владительства.

Такое разночтение можно объяснить тем, что областью между реками Келасури и Эгрис-цкали, в ее приморской части, после изгнания арабских захватчиков непосредственно овладели византийцы. Эта область представляла собой основную часть

района Великой Абхазской стены*, которую византийцы, несомненно, должны были занять своими гарнизонами, отторгнув фактически от западно-грузинских владений Арчила.

Таким образом, в состав Абхазского владительства, помимо собственно Абазгии, вошли: область Зехов и Санигия на севере, часть Апсилии (до р. Келасури и нагорные ее области), а также, по-видимому, и Мисиминия, поскольку Леон I владел крепостью Собгиси, которая, вероятнее всего, находилась у Марухского перевала, а бывший «мисимиянский путь» на Сев. Кавказ (через Клухорский перевал) отныне стал именоваться «абхазским путем».

Этническую основу описанного выше политического объединения Абхазии составляла консолидация отдельных абхазских и родственных им племен и народностей в единую абхазскую народность. В этой связи следует указать на то обстоятельство, что с середины VIII в. ни апсилы, ни мисимияне отдельно в источниках не упоминаются. В частности, Джуаншер, описывая события 30-х годов VIII в. (борьбу против арабского полководца Мурвана Кру), говорит не об отдельных абхазских племенах, а только об «абхазах».

Таким образом, процесс образования абхазской феодальной народности завершился, в основном, в VIII веке. Главную роль в этом этническом процессе сыграли абазги и апсилы. Слияние этих небольших народностей привело к созданию этнического ядра единой феодальной народности, с которым впоследствии слились и другие этнические компоненты, бытовавшие на территории исторической Абхазии, – мисимияне, саниги и др. Обитатели горных районов Абхазии, надо полагать, в меньшей степени были втянуты в этот процесс этнической консолидации абхазского народа.

Если политическое объединение абхазских племен и народностей было осуществлено под гегемонией абазгов, то ведущую роль в их этническом слиянии сыграли, как видно, апси-

* Высказанное в последнее время положение, что указанная стена была воздвигнута лишь в первой половине XVII века (Т. Берадзе и др.) не может быть принято, пока обстоятельное комплексное изучение этого памятника не решит окончательно вопроса о времени его постройки.

лы, которые в культурном отношении оказались наиболее развитыми и исторически занимали в Абхазии центральное положение. Их диалект, надо полагать, лег в основу формирования единого языка абхазской народности. На все это, возможно, указывает и то обстоятельство, что самоназвание апсиллов стало самоназванием всей абхазской народности – «апсуа». Этноним а-баз-г сохранился в самоназвании одной из этнических ветвей абхазской феодальной народности, известной впоследствии под названием «абазины» (в XIX–XX вв. сформировались в самостоятельную народность).

* * *

К 80-м годам VIII в. в Западной Грузии сложились объективные условия для объединения всей страны в единое политическое образование. Ведущую роль в этом процессе сыграло Абхазское княжество. Как писал С. Н. Джанашиа, в этот период «бывшее владение лазских царей было вконец расшатано и ослаблено большими войнами и враждебными действиями иностранных захватчиков, происходивших, главным образом, на территории ведущих плоскостных районов страны, а также бесконечными насилиями и поборами имперских чиновников». Абхазия, напротив, «сумела к этому времени накопить достаточное количество внутренних сил». И действительно, Абхазия значительно меньше пострадала от разорительных войн с персидскими, византийскими и арабскими захватчиками, и после их изгнания, как мы знаем, абхазские области объединились в одно крупное княжество, чему немало способствовало слияние нескольких небольших родственных групп в единую абхазскую народность. Все эти моменты привели к тому, что постепенно Абхазия установила свое политическое влияние в Эгриси.

Присоединение Эгриси к Абхазии, которое исподволь подготавливалось в течение длительного времени, произошло, как видно, в конце 70-х годов VIII в., а в самом конце того же столетия абхазский владетельный князь Леон II, используя благоприятно сложившуюся внутри- и внешнеполитическую обстановку, освободился от византийской зависимости и объявил себя царем. Новое политическое образование по национальному

происхождению правящей династии получило название Абхазского царства.

В состав Абхазского царства вошли не только собственно Абхазия и Эгриси, но и Сванетия, а также все остальные земли Западной Грузии вплоть до Лихского (Сурамского) хребта. Поэтому Абхазское царство уже с самого начала своего возникновения по своему этническому составу оказалось неоднородным. Оно являлось многоэтническим государством, которое наряду с абхазами, сыгравшими ведущую роль в его образовании, включало в себя и другие этнически родственные народности и племена – на северо-западе адыги, садзы и др., а на востоке и в центральных областях – картвелы в лице, прежде всего, эгрисцев и сванов, древнейших обитателей Зап. Грузии, и затем в лице издавна переселившихся сюда картов, говоривших на грузинском языке.

В Абхазском царстве картвельский элемент составлял определенное большинство населения, а также занимал большую и ведущую часть территории этого царства. Кроме того, он оказался более развитым в социально-экономическом и культурном отношении. Поэтому грузинский язык постепенно получает всеобщее распространение в Абхазском царстве в качестве основного языка письменности и культуры, вытеснив греческий язык, который ранее выступал в этой роли, в частности, в собственно Абхазии.

Все это обусловило то обстоятельство, что вскоре после своего возникновения Абхазское царство, а вместе с ним и собственно абхазы активно включаются в общую систему политических образований феодальной Грузии. Одним из проявлений этого явилось перенесение столицы царства в Кутаиси, расположенном ближе к центральным грузинским областям.

Что касается территории собственно Абхазии, то она вошла в состав Абхазского царства в виде трех административных единиц – Абхазского, Цхумского и, частично, Бедийского. Границы этих единиц были установлены примерно следующим образом: северная часть Абхазии составила т. н. Абхазское эриставство, которое тянулось до Никопсии включительно, центральная часть исторической Абхазии составила Цхумское эриставство, а южная часть современной Абхазии (от Галидзги до

Ингури) вошла в состав Бедийского эриставства, границы которого простирались до р. Цхенис-цкали.

Характер деления Абхазского царства на отдельные административные области (эриставства) показывает, что в основу этого деления был положен этноплеменной принцип (ср. «Сванетия», «Гурия», «Рача-Лечхуми» и др.). Этому же принципу, по-видимому, придерживались и при учреждении тех эриставств, в которые была включена территория Абхазии. Поэтому Бедийское эриставство было населено в основном эгрисцами (мегрелами). Собственно абхазское население проживало в Цхумском эриставстве (исторические Апсилия, Мисиминия и Вост. Абазгия), а также в Абхазском эриставстве, которое включало в себя западную часть исторической Абазгии, Санигии и область зехов. Абхазы проживали, возможно, и в некоторых местах северо-западной части Бедийского эриставства.

В связи с изменившимися географическими и историческими обстоятельствами этнические термины «Абазгия» («Абхазия») и «абазги» («абхазы») в различные периоды меняли свое значение, приобретая новые оттенки. Так, в VI – VII вв. Абазгией, как было показано, называлась лишь часть современной Абхазии, а абазгами именовались только ее обитатели. После же образования объединенного Абхазского княжества (эриставства) в 30 – 40-х гг. VIII в. термин «Абазгия» (груз. «Апхазети») обозначал уже территорию всего княжества от Келасури (или Галидзги) до Никопсии, а население этой страны, слившееся в целом в одну народность, получило в грузинских и иностранных источниках единое название «абхазы» (греч. «абазги», груз. «апхазни», арм. «апхазк» и т. д.), поглотившее прежние этнические термины края – «абазги» (в узком смысле), «апсилы», «мисимияне», «саниги» и др.

С 70-х годов VIII в., в связи с образованием Абхазского государства (сначала княжества, а затем царства), термин «Абхазия» получает дополнительное значение. С этого времени территория всей Зап. Грузии обычно именуется «Абхазией», хотя и прежде употреблявшийся в этом смысле термин «Эгриси» не вытеснился полностью. Новое значение приобретает и термин «абхазы». Если ранее он обозначал конкретную историческую общность – вначале племя, потом небольшую народ-

ность абазгов, а затем и единую абхазскую народность, то теперь он начинает употребляться и в качестве собирательного термина, обозначающего все многоэтническое население Западной Грузии. Трудно, а порой и вовсе невозможно определить, в каком случае в источниках имеются в виду собственно абхазы, и в каком абхазы в широком смысле – все население Абхазского царства.

Однако в отдельных источниках эпохи Абхазского царства термин «абхазы» имеет узкое, чисто этническое значение, а термин «Абхазия» подразумевает не Абхазское царство в целом, а собственно Абхазию. Так, византийский автор середины X в. Иосиф Генесий, перечисляя представителей народностей, принимавших участие в восстании под руководством Фомы Славянина (821 – 823 гг.), называет абазгов, лазов и иберов. В данном случае под абазгами разумеется не все население Западной Грузии, а собственно абхазы, поскольку рядом с ними названы и лазы (эгрисцы). Автор грузинской летописи «Матианэ Картлиса» (XI в.), неоднократно упоминая «абхазов» в смысле всего населения Абхазского царства, вместе с тем называет и Абхазию как этническую область. Так, например, в фразе «Леон ... завладел Абхазией и Эгриси до Лихи» он имеет в виду собственно Абхазию в узком смысле, так как наряду с Абхазией здесь упоминается и Эгриси – эта основная в то время область Западной Грузии.

Таким образом, при указании источников эпохи Абхазского царства (IX – X вв.) об «Абхазии» и «абхазах» в каждом конкретном случае необходимо по возможности решать, когда имеется в виду собирательно-политическое понятие, разумеющее всю Зап. Грузию и ее население в целом и когда собственно Абхазию и ее коренное население, сохранившее свою этническую индивидуальность.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что, как правило, когда в источниках упоминаются «абхазы» вообще, то, поскольку речь тогда идет о всем населении Абхазского царства, наряду с другими его этническими компонентами, всегда имеют в виду и собственно абхазов. Их активное участие во всех важных событиях политической и общественной жизни Абхазского царства,

в частности в борьбе за объединение феодальной Грузии, не подлежит сомнению.

Передовая абхазская общественность того времени играла активную роль и в культурной жизни Абхазского царства, культурная и церковная политика которого также диктовалась общегрузинскими интересами.

Объединительная (политическая и культурная) деятельность абхазских царей пользовалась значительной поддержкой широких масс разноэтничного населения царства, заинтересованного в ликвидации политической раздробленности, прекращении феодальных междоусобиц, в укреплении военной мощи государства, способного противостоять внешним захватчикам.

Широкие массы были также более заинтересованы в распространении грузинского языка и письменности, в том числе и в церковной, поскольку грузинский язык уже в IX в. являлся общенародным языком для большей части населения царства и был более доступным для родственных народностей, проживавших на территории Абхазского царства, нежели греческий язык, совершенно чуждый по своему строю и основной лексике кавказским языкам.

Освобождение Абхазского царства от церковного подчинения константинопольскому патриарху и установление его зависимости от мцхетского католикоса привело к полному господству картлийской (восточногрузинской) церкви на всей территории царства, в том числе и в собственно Абхазии.

В связи с этим новое, расширительное значение получил термин «грузин» («картвели»). В X в. «грузином» становится всякий, кто становится халкедонитом (на Кавказе) и кто слушает богослужение на грузинском языке, т. е. приобретает чисто конфессиональное (религиозное) значение, какое до этого, скажем в Абхазии, придавалось термину «грек». Однако такое понимание термина несколько не исключало этническую индивидуальность того или иного «грузина-халкедонита», негрузина по своей национальной принадлежности, скажем, – абхаза, адыга, осетина или двала.

§ 3. Абхазская феодальная народность в составе единого Грузинского царства

В XI – XII вв. общественно-экономический строй населения ведущих районов Абхазии, как и всей феодальной Грузии, принял формы вполне сложившегося, развитого феодализма. Подразделение Абхазии на две основные географические зоны – приморскую (низменную) и горную – по-прежнему оказывало свое влияние на хозяйственный быт и социальные отношения в крае. Если в приморской части ведущей отраслью хозяйства было земледелие, то в горных районах, как и прежде, превалировало скотоводство.

Внутренняя торговля сводилась в основном к обмену продукцией между жителями горной и приморской частей. На побережье Абхазии имелись крупные торговые центры – Цхуми, Бичвинта и Анакопия. Торговые отношения распространялись и за пределы собственно Абхазии. Об этом говорят обнаруженные здесь грузинские монеты XI – XIII вв., а также византийские и западноевропейские монеты. Развитое для того времени феодальное хозяйство и внутренние экономические взаимосвязи способствовали еще большему этническому сплочению населения Абхазии.

Что касается высокогорных районов Абхазии, то здесь по-прежнему господствовали раннеклассовые и патриархально-общинные отношения, но зависимость населения этих районов от развитого феодального приморья была значительно сильнее, чем раньше.

К концу X в. в феодальной Грузии уже полностью сложились все необходимые социально-экономические и политические предпосылки для объединения местных царств и княжеств в единое относительно централизованное государство. На рубеже X – XI вв. Грузия в основном объединилась. Первым царем объединенной страны стал Баграт III Багратиони, который с материнской стороны был наследником правящей династии Абхазского царства.

Территория Абхазии вошла в состав единого Грузинского царства в виде трех отдельных административных единиц – эриставств (как и прежде в период существования Абхазского

царства). По словам Вахушти, «так было до царицы Тамары» при которой, как видно, порядок разделения Западной Грузии («Имерети») на эриставства был изменен. В частности, можно считать, что было упразднено так называемое эриставство Абхазия, а его территория присоединена к Цхумскому эриставству.

При объединении Цхумского и Абхазского эриставств в одну административную единицу исходили, надо полагать, из этнического принципа, поскольку оба эриставства были населены в основном с абхазами. Одним из косвенных подтверждений этого может служить то обстоятельство, что во главе Цхумского эриставства при царице Тамаре (1184–1213 гг.) стоял феодальный род Шервашидзе (Чачба), который, как известно, впоследствии возглавлял Абхазское феодальное княжество.

С возникновением единого Грузинского государства, в становлении которого Абхазское царство долгое время играло ведущую роль, термины «Абхазия» и «абхазы», сохраняя свое прежнее значение, распространяются и на всю Грузию и ее население в целом (т. е. становятся синонимами обычно употреблявшихся в этом смысле терминов «Сакартвело» и «картвели»).

Вместе с тем термины «Абхазия» и «абхазы» употреблялись по-прежнему и в узком смысле, разумеющем соответственно абхазов и Абхазию. Так, в словах автора грузинской летописи «История и восхваление венценосцев» (перв. пол. XIII в.): «Собрал он всю Сванетию, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети» – перечислены все области Зап. Грузии того времени, в числе которых и названа собственно Абхазия. Тот же автор, говоря о народностях и племенах, входивших в состав Грузинского царства, перечисляет обитателей Западной Грузии в следующем порядке: «абхазы, сваны, мегрелы, гурийцы, рачинцы, такверцы и маргуетцы». Совершенно очевидно, что в данном случае летописец под словом «абхазы» подразумевает не все население Зап. Грузии, тем более, всего Грузинского царства, а только обитателей собственно Абхазии, т. е. употребляет его в узком этническом смысле.

Таким образом, в XI–XIII вв. термины «Абхазия» и «абхазы» употреблялись в трех смыслах, которые обозначали: 1) собственно Абхазию и абхазскую народность; 2) Западную Грузию и ее обитателей и 3) всю Грузию и ее население в целом.

Распространение терминов «Абхазия» и «абхазы» на всю Грузию и ее население в целом являлось, в конечном итоге, отражением той активной роли, которую сыграло Абхазское царство в борьбе за объединение феодальной Грузии.

* * *

Этническая территория Абхазской средневековой народности по Черноморскому побережью Кавказа была значительно шире, чем в настоящее время. Выше отмечалось, что политические границы Абхазского княжества (от Галидзги до Никопсии) в основном совпадали с этническими границами абхазской народности, которая в тот период состояла из двух этнических подразделений – абазаа (абазги) и апсаа (апсилы). Впоследствии первые составили этническую основу абазинской народности, а вторые – позднесредневековой абхазской народности. Однако в рассматриваемый период (зрелое средневековье) абазги и апсилы, как мы уже знаем, составляли одну народность, которая является общим предком наших нынешних абазин и абхазов.

А. Н. Генко, специально занимавшийся изучением истории абазинского языка, по поводу этнического термина «абазаа» писал: «Так называли представители черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая исчезнувшую ныне на Кавказе народность убыхов), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья (нынешние Туапсинский и Сочинский районы, а также Абхазская АССР)», причем абхазско-абазинские наречия «в отдаленном прошлом составляли единый в языковом отношении коллектив, взаимопонимание в пределах которого было значительно легче достижимо, чем в настоящее время».

Х. С. Бгажба в результате сравнительного анализа абхазских и абазинских диалектов также пришел к заключению, что «в более древние времена абхазы и абазинцы составляли одну этническую группу, представлявшую единый в языковом отношении коллектив, говоривший на одном языке. Эти различия в диалектах, первоначально незначительные, впоследствии обре-

ли свои особенности. Однако и в наше время абхазо-абазинские наречия остаются весьма близкими, сохранившими общность грамматического строя и основного словарного фонда, при котором достигается взаимопонимание между представителями этих диалектов, не исключая в целом и далеко ушедшего в своем обособлении тапантского диалекта».

На языковое единство абазинских и абхазских диалектов указывает и К. В. Ломтатидзе, которая пишет: «Тапантский диалект сохранил вместе с другими абхазо-абазинскими диалектами единый грамматический строй и основной словарный фонд. Ашхарский диалект проявляет еще большую близость к южно-абхазским диалектам».

Откуда и когда появились на Северном Кавказе предки нынешних абазин?

Л. И. Лавров приводит ряд интересных материалов, свидетельствующих о расселении предков абазин в средневековую эпоху на побережье Северо-Западного Кавказа, и приходит к следующему выводу: «Географическая номенклатура Адлерского, Лазаревского, и Туапсинского районов Краснодарского края носит абазинские следы ... Данные топонимики, как и исторические предания, подтверждают, что северо-кавказские абазинцы некогда жили на Черноморском побережье северо-западнее Абхазии. Но анализ топонимических терминов позволяет сделать еще одно предположение: предки шкаварцев (ашхарцев) обитали примерно от Гагр до Адлера или Мацесты, а далее на северо-запад обитали предки тапантовцев».

О времени переселения абазин с Черноморского побережья на Северный Кавказ имеются следующие данные. Как отмечает Л. Лавров, «абазинские предания единодушно передают, что среди них тапантовцы первые совершили переселение. Вслед за ними двинулись другие абазинские племена. Переселение, очевидно, не было стремительным и эпизодическим. Оно совершалось постепенно». А. Генко также предполагал, что тапантовцев следует считать первыми переселенцами с Северо-Западного Кавказа. По его мнению, предки тапантовцев примерно в XII–XIII вв. спустились с северного предгорья и таким образом отделились от основной массы абхазов. Первое же положительное указание на абхазо-

абазинские поселения на Сев. Кавказе относятся к самому концу XV века.

Следовательно, поскольку предки абазин жили в средние века на Черноморском побережье Кавказа, в частности на территории нынешних Сочинского, Лазаревского и Туапсинского районов, то они занимали одну общую территорию с предками современных абхазов, которые непосредственно соседнили с областью нынешних абазин.

Все это и приводит к выводу, что в рассматриваемый период предки абазин и абхазов составляли одну народность, которая отличалась общностью (разумеется, относительной) языка и территории. Об общности культуры предков абхазов и абазин красноречиво свидетельствуют сравнительные этнографические данные, пережиточно сохранившиеся у их современных потомков. Общность хозяйственного уклада у населения приморских районов Северо-Западного Кавказа и побережья Абхазии в средневековую эпоху подтверждается различными источниками.

Составную часть абхазской феодальной народности в рассматриваемую эпоху составляли и саниги-садзы, проживавшие в приморской зоне Сочи – Гагрского сектора в окружении абазгов. Хотя в быту они употребляли свое собственное наречие (т. н. «асадзипсуа» – «абхазское наречие садзов»), но абхазский язык и для них был общенародным. Еще в середине XIX в. сохранились пережитки двуязычия садзов. По свидетельству Г. Филипсона, как уже сообщалось выше, «этот народ, говорящий чистым абхазским языком, имеет еще особенное наречие – асадзипсуа, не похожее ни на абхазский, ни на убыхский языки. Мало-помалу оно приходит к забвению; им говорит иногда чернь и то как бы украдкой от чужих людей».

Расселение абхазо-абазинского этноса на значительной части западнокавказского Причерноморья вплоть до позднего средневековья подтверждается и рядом исторических источников XVII – XVIII вв. (см. ниже).

Что касается ближайших соседей абхазов на севере – адыгов (черкесов), то по справедливому утверждению Л. Лаврова, «исторические источники до XVIII в. знают среди черкесов

лишь такие племена, которые в ту пору обитали или на северной стороне Главного Кавказского хребта, или возле устья реки Кубани».

Если территория нынешних Туапсинского, Лазаревского, Сочинского и Адлерского районов Краснодарского края еще в эпоху средневековья была населена в основном представителями абхазской народности, из которых часть в тот же период переселилась на Северный Кавказ, а оставшаяся часть с течением времени была ассимилирована пришлыми адыгами (на севере) и убыхами (на юге), то тем более абхазским по своему этническому составу должно было быть население этого края и в XI – XII вв. Указание византийского автора X в. Константина Багрянородного, что «от реки Никопсиса до города Сотириуполя (в котором, вероятнее всего, следует видеть Пицунду. – **З.А.**) по морскому берегу лежит Абазгия на пространстве 300 миль», приобретает вполне реальное значение в свете приведенных выше данных. Не случайно также, что именно этот район составлял в Абхазском царстве (а затем до конца XII в. и в объединенной Грузии) так называемое Абхазское эриставство.

Что касается южных пределов расселения абхазов в рассматриваемый период, то они, как видно, оставались в основном теми же, что и во времена Абхазского княжества, т. е. доходили, примерно, до р. Галидзга. Основное население Цхумского эриставства в IX – XII вв. состояло из абхазов по преимуществу апсильского происхождения.

Как уже отмечалось, объединение Цхумского и Абхазского (абазинского) эриставств, происшедшее при царице Тамаре, в известной степени диктовалось этническим единством населения названных административных единиц.

* * *

Сохранился целый ряд исторических документов, подтверждающих этническую индивидуальность абхазской народности в период существования единого грузинского царства, в состав которого входила собственно Абхазия с населением абхазского этнического облика. Важные свидетельства об этом

содержатся, в частности, в древних грузинских источниках. Так, большой интерес в этом отношении представляют данные, содержащиеся в цитированной выше «Истории и восхваления венценосцев» (сост. в 20-х гг. XIII в.).

Термин «Абхазия» автор указанного сочинения употребляет в двух смыслах: для обозначения собственно Абхазии и иногда – всей Западной Грузии (хотя один раз он употребил его для обозначения Грузии в целом). Обычно для обозначения Западной Грузии автор пользуется термином «Имерети», «Имерские страны». Перечисляя последние, он пишет: «Вардан (Даддани) собрал всю Сванетию, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети». Здесь перечислены все «Имерские страны» и Абхазия в том числе. Как мы видим, автор не отождествляет Абхазию с Эгерией (Мегрелией) или какой-нибудь другой частью «Имерети», а называет ее наряду с остальными областями Западной Грузии. Значит Абхазия является отдельной этно-географической единицей в составе Грузинского царства.

В административном отношении эта единица отождествлялась, как видно из того же источника, с Цхумским эриставством. Если в только что приведенной выдержке среди отдельных провинций Западной Грузии наряду с другими названа и Абхазия, то при перечислении эриставств автор ее уже не упоминает, но зато называет Цхумское эриставство. Это и дает нам основание отождествить его с Абхазией в географическом смысле.

Этнический термин «абхазы» в «Истории и восхвалении» употребляется только в узко этническом смысле и понимает собственно абхазов, причем они упоминаются не только в ряду этнических частей грузинской (картвельской) народности (карты с их подразделениями, мегрелы и сваны), но вместе с ними названы также осетины и кипчаки (половцы). Так что здесь мы имеем дело не только с грузинскими этническими группами, но и представителями негрузинских народностей (осетины, кипчаки). К таковым, как мы увидим, автор «Истории и восхваления венценосцев» относит и абхазов.

На такой вывод наводит следующее место из данного сочинения, где, рассказывая о продвижении грузинских войск перед бацианским сражением (1205 г.), автор пишет: «С одной

стороны шли абхазы и имеры, с другой – амеры». Это место бесспорно свидетельствует, что в понимании автора абхазы в этническом смысле не входили в состав грузинской народности (амеры – восточные грузины и имеры – западные грузины), а представляли самостоятельную этническую единицу.

Автор «Истории и восхваления» сохранил нам еще одно интересное свидетельство этнической индивидуальности абхазской народности. По его словам, царевич Георгий (сын Тамары) при рождении получил прозвище «Лаша», которое «переводится с языка апсаров как «Просветитель вселенной (солнце)».

В данном случае выражение «язык апсаров» должно быть переведено как «абхазский язык», поскольку термин «апсары» является словом того же корня, что и «апсилы» или самоназвание абхазов «апсуа». Слово «Лаша» действительно абхазское. Оно означает по-абхазски «светоч», «светлый» (синоним солнца).

Таким образом, историческое произведение «История и восхваление венценосцев», автор которого является современником описываемых событий, содержит, как мы видим, ценные свидетельства по вопросу об этническом состоянии абхазов того периода. Этот источник должен быть объективно использован каждым исследователем исторического прошлого абхазов, а не игнорироваться полностью или фальсифицироваться, как это, к сожалению, делали некоторые авторы, пытавшиеся отрицать этническую индивидуальность средневековых абхазов и их прямую этническую связь с современными абхазами.

Грузинские средневековые источники содержат еще немало важных сведений об этнической индивидуальности абхазов в рассматриваемую эпоху. В этом отношении большой интерес представляют собой составленные в XI – XIII вв. списки народностей и племен Кавказа и, в частности, Грузии того времени. Эти «списки» представляют собой добавления грузинских писателей к перечням народов мира, составленным античными авторами.

Материал такого рода мы впервые встречаем у грузинского писателя XI в. Ефимия Афонского, который в список народов мира, составленный Эпифаном Кипрским (IV в.), включил некоторые кавказские народности, которых не было в этом списке.

Здесь Ефимий Афонский абхазов называет в ряду таких народностей, как осетины, джики (в данном случае черкесы), эгры и др. Интересно, что Ефимий отдельно вносит в свой список картов и мегрелов, подчеркивая этим, что они являются носителями разных языков, но не упоминает ни месхов, ни кахетинцев или гурийцев, включая их в понятие «картвели» (карти), т. к. все они говорят на диалектах одного и того же языка.

Поскольку же особо включает в свой список абхазов, то это, несомненно, свидетельствует о том, что и они, по Ефимию, являлись носителями особого языка, почему он и выделяет их в самостоятельную народность, как, скажем, джиков или осетин.

Другим важным источником такого рода является список народностей, составленный анонимным грузинским автором не позднее XIII в. Этот список восходит к т. н. «Хронике» Ипполита Кипрского (III в.), но по существу является самостоятельным сочинением, очевидно в части, касающейся народов Кавказа. Так, автор включает в список целый ряд кавказских народностей, в том числе и абхазов, которые упоминаются в ряду таких народов, как русские, индийцы, турки, арабы, персы и др.

Заслуживает внимания, что анонимный автор, так же как и Ефимий Афонский, включает в свой список грузинскую народность не в целом, а каждую из ее этнических ветвей в отдельности (карты, мегрелы, сваны). Подобно Ефимию, автор считает мегрелов и сванов самостоятельными этническими единицами, т. к. они говорят на особых языках. На этом же основании автор включает в свой список и абхазов, говоривших на языке, отличавшемся от других языков.

Таким образом, приведенные выше данные со всей определенностью свидетельствуют, что в представлении грузинских авторов того периода абхазы являлись самостоятельной этнической единицей. В свете этих данных, а также аналогичных материалов, почерпнутых из других источников, положение об этнической индивидуальности средневековых абхазов не может быть подвергнуто никакому сомнению. Абхазы средневековья представляли собой этнически самостоятельную народность со всеми присущими ей самобытными этническими чертами.

Вместе с тем необходимо отметить, что в политическом отношении многие средневековые авторы, как местные, так и

иностранцы, представляли себе абхазов, так же, как и осетин, двалов и др., в виде составных частей «грузинского народа» в широком смысле, т. е. в смысле культурно-политического объединения, возглавляемого картвельской народностью. Если в X в. термин «картвели», как отмечалось выше, приобрел помимо узко этнического еще более широкое – конфессиональное значение, то после образования единого Грузинского царства он получил и политический смысл – так стали называть всех подданных этого царства, независимо от их этнической принадлежности (подобно тому, как в условиях Абхазского царства термин «абхаз» в широком смысле обозначал все население этого государства).

* * *

В рассматриваемый период культурное состояние Абхазии приобретает все более типичный феодальный облик, характерный для всего Грузинского царства. Это объясняется тем, что тогда Абхазия экономически и политически была связана с Грузией сильнее, чем когда-либо в предшествующую эпоху.

Культурная близость Абхазии с Грузией находила свое выражение прежде всего в том, что в этот период на территории Абхазии грузинский язык являлся языком письменности, государственного делопроизводства и церковного богослужения. Почти все лапидарные и иные надписи из Абхазии, дошедшие до нас от того времени, сделаны на грузинском языке. Встречающиеся в тот период в отдельных храмах надписи на греческом языке представляют собой лишь пережиточное явление чисто культового характера.

Следует, однако, отметить, что грузинский язык получил распространение преимущественно среди абхазской феодальной знати и известной части торгово-ремесленного населения городов. Разговорным языком коренного населения края оставался абхазский.

Большое количество христианских храмов, построенных в Абхазии в то время, свидетельствует о том, что феодальная культура носила здесь ярко выраженный христианский характер. По словам Ш. Я. Амиранашвили, «памятники средневеко-

вой архитектуры Абхазии, следуя общему развитию грузинской архитектуры, сохраняют своеобразный облик», что позволяет говорить о существовании в ту эпоху «абхазской школы» архитектуры Грузии. Вместе с тем продолжало развиваться абхазское народное зодчество, отличавшееся яркими самобытными чертами.

О высоких эстетических вкусах Абхазии того времени свидетельствуют классические образцы декоративной скульптуры, сохранившиеся на некоторых архитектурных сооружениях, а также остатки памятников настенной живописи и рисунки на керамических сосудах.

* * *

Эпоха расцвета и политического единства феодальной Грузии была в то же время кануном ее длительного упадка, затянувшегося на несколько столетий вплоть до присоединения к России. Постепенное усиление экономической и политической мощи крупных феодалов, узурпации ими местной власти и закрепощение ими свободного крестьянства обусловили рост их сепаратистских тенденций. Установление тяжелого монгольского господства ускорило политический распад Грузинского государства. Монгольские захватчики всячески поощряли действия местных правителей (эриставов и др.), направленные на укрепление их политического иммунитета.

Страна постепенно становится на путь экономического упадка, оживают отсталые формы натурального хозяйства, которые всемерно способствуют развитию процесса политической децентрализации.

Именно в этот период в Грузии начинает распространяться практика работорговли, приводившая в монголо-татарские и другие страны представителей наиболее здоровой части местного населения. В этом отношении не составляла исключения и территория Абхазии, в частности Цхуми, где уже в начале XIV в. свили себе гнезда люди, промышлявшие этим позорным делом, наносившим колоссальный вред местному обществу.

В первой половине XIV в. феодальная Грузия освободилась от монгольского владычества, но его отрицательные результаты давали о себе знать и в последующее время.

В Грузии начались междоусобные войны, которыми воспользовались бывшие эриставы, а затем уже мтавары (владельцы князья), чтобы еще больше упрочить свою власть в подчиненных им владениях. Один из них, Георгий Дадияни, занял, по сведениям Вахушти, всю Мегрелию и Цхумское эриставство до Анакопии включительно. Прежние цхумские эриставы Шервашидзе вынуждены были ограничиться лишь территорией, расположенной к северо-западу от Анакопии, и признать верховный сюзеренитет мегрельского мтавара.

Между тем Шервашидзе пользовались всяким удобным случаем, чтобы восстановить свое владычество в Южной Абхазии. Это вызывало ответные карательные действия со стороны Дадияни, которые не только упорно отстаивали свое приобретение, но даже на некоторое время включили в состав своего княжества новую территорию вплоть до р. Бзыбь. Именно в этот период районы исторической Абхазии, расположенные между Галидзгой и Кодори, в их приморской и предгорных частях, стали интенсивно заселяться мегрельскими элементами, ассимилировавшими ту часть абхазского населения, которая здесь оставалась.

В рассматриваемый период (XIV – XV вв.) на побережье Абхазии возникло несколько гегуэзских колоний, которые хотя и были слишком малочисленны, чтобы повлиять на этнический состав или языки народов Кавказа, но косвенно наносили большой вред этническим судьбам кавказских народов, в том числе и абхазов, т. к. широко практиковавшаяся гегуэзцами работорговля навсегда отрывала от народа лучшие элементы его производительного класса.

В конце XV в. феодальная Грузия окончательно распалась на отдельные царства и княжества. В то же время по соседству с ней сложились два агрессивных государства – султанская Турция и шахский Иран, которые систематически осуществляли по отношению к Грузии ярко выраженную захватническую политику. Все это привело к созданию весьма отрицательной обста-

новки для грузинского и абхазского народов, как и для народов всего Кавказа.

Сложившаяся обстановка крайне неблагоприятно отражалась на социально-экономических отношениях и культурном состоянии страны. Очевидным показателем хозяйственного упадка в Абхазии был тот факт, что в течение XIV – XV вв. здесь не было создано ни одного архитектурного или иного памятника, который мог бы сравниться с творениями предшествующих времен.

Одним из последствий изменения общей обстановки на территории Абхазии рассматриваемого периода явилось выселение определенной части ее населения (преимущественно из северных районов страны) на Северный Кавказ. Это переселение положило начало утверждению на северных склонах Кавказского хребта представителей абхазской этнической общности, которые впоследствии стали формироваться в самостоятельную абазинскую народность.

§ 4. Этническое состояние абхазского народа в XVI – XVIII веках

В XVI в. феодальные междоусобицы в Зап. Грузии стали усиливаться. Это приводит к ослаблению Мегрельского владетельного княжества, чем воспользовались абхазские мтавары Шарвашидзе, которые во втором десятилетии XVII в. добиваются политической самостоятельности и формально вступают в непосредственную вассальную зависимость от имеретинского царя.

Политическая анархия в Западной Грузии особенно усилилась во второй половине XVII в. Мегрельское княжество ослабло еще более и окончательно потеряло свою гегемонию в крае. Создавшемуся положением вновь не замедлили воспользоваться абхазские феодалы, которые стали подвергать Мегрелию систематическим набегам. Иерусалимский патриарх Досифей, находившийся там в 70-х гг. XVII в., свидетельствует, что «абхазы опустошили Мокви, Зугдиди и всю страну от Диоскурии до Гипиуса (Цхенис-цкали)». Причем Дадиани был так беспомощен, что «не в силах был прогнать абхазов».

Само собой разумеется, что от нескончаемых феодальных междоусобиц прежде всего и более всего страдали народные массы. Другой иностранный наблюдатель того времени – антиохийский патриарх Макарий пишет: «Но особенно сильно страдает простой бедный народ, так как победители разрушают его дома, уводят его в плен, а затем продают его или держат у себя в качестве рабов». Все это, конечно, резко отрицательно отражалось на этническом положении местных народов.

В конце 70-х гг. XVII в. политические неурядицы в Мегрельском княжестве разрастаются еще более. Это обстоятельство снова используют абхазские феодалы, которые в начале 80-х гг. вторглись на территорию княжества и захватили его северные районы вплоть до р. Ингури. В отличие от прежних времен, когда абхазские феодалы, совершив набег, возвращались обратно с добычей и пленниками, теперь сын абхазского владетеля Сарек Шарвашидзе решил обосноваться на захваченной территории и сумел осуществить свое намерение. В начале XVIII в. захваченная Сарекком область была окончательно присоединена к Абхазскому княжеству.

Описанные выше события вновь привели к изменению политических и этнических границ Абхазии. Выше уже говорилось, что в конце XIII – начале XIV вв. мегрельские феодалы отторгли от Абхазии значительную территорию и с течением времени часть ее (вплоть до р. Кодори) сумели даже этнически освоить.

Еще в середине XVII в. политическая и этническая граница между Абхазским и Мегрельским княжествами проходила по Кодори. Арканджелло Ламберти, живший тогда в Мегрелии, пишет по этому поводу: «Границей [Мегрелии] со стороны абхазов, или абасков, является река, называемая местными жителями Кодор». И дальше: «Сейчас же после переправы через Кодор обитают абхазы со своим языком». Судя по карте Мегрелии, составленной А. Ламберти, граница между княжествами проходила по нижнему и среднему течению Кодора, а затем сворачивала на востоке по линии Бедиа-Сатанджо, а за пределами этой линии, в горах, также проживали абхазы».

На Кодор, как границу между Абхазским и Мегрельским княжествами, указывает и ряд других авторов XVII века (Дж. Лукка, Д. д'Асколи, Макарий Антиохийский, Ж. Шарден и др.).

Однако с 80-х гг. XVII в., как выше отмечалось, политическая граница стала изменяться в пользу Абхазского княжества. Чтобы утвердиться на захваченной территории, абхазские владельцы стали переселять сюда абхазов (дворян и крестьян) и таким образом с конца XVII в. здесь появилось постоянное абхазское население. Вначале, как видно, абхазы этнически освоили лишь область между Кодором и Галидзгой. Именно это обстоятельство имел в виду Вахушти, когда он писал: «Абхазы завладели (территорией) до р. Эгриси (Галидзга) и сами обосновались там». Однако процесс абхазизации оставшегося там мегрельского населения в некоторых пунктах затянулся на длительный период.

Затем абхазы осваивают и район между Галидзгой и Ингури, который с первой половины XVIII в. получил название «Самурзакано». Но количество переселившихся сюда абхазов было, как видно, незначительным и поэтому абхазизация этого района шла гораздо более медленными темпами. Кроме того, сюда постепенно проникали беглые крестьяне из внутренних районов Мегрелии.

Перейдем к вопросу о северных границах Абхазии. Итальянский путешественник первой четверти XVII в. Джовани Лукка сообщает, что в то время абхазские поселения тянулись на север до мыса Кодош, близ Туапсе, за которым уже начинались адыгские земли. Эвлия Челеби (40-е гг. XVII в.) также свидетельствует, что этническая граница между абхазами и приморскими адыгами проходила в районе того же кодошского сектора. В 20-х гг. XVIII в. Главани Ксаверио указывает, что абхазы проживали даже до Суджук-кале (в районе нынешн. Новороссийска). На это же указывает и автор середины XVIII в. Пейсонель.

Таким образом, вплоть до XVIII столетия население абхазского этнического корня занимало приморскую территорию Северо-Западного Кавказа до Туапсинского сектора, а отдельные их поселения тянулись и дальше на север, вплоть до Суджук-кале.

Однако северная политическая граница Абхазского княжества в XVII–XVIII вв. проходила значительно южнее его северных этнических границ; она простиралась, как видно, не дальше Сочи-Адлерского сектора, за которыми были расположены владения независимых абхазских «беев» (Челеби, Главани и др.).

Следовательно, если на юге политические границы Абхазского княжества расширялись, что влекло за собой расширение и этнического ареала расселения абхазов, то на севере, наоборот, политические границы отступают к югу и вслед за этим происходит систематическое сокращение этнических границ.

В северном секторе Сочи – Туапсинской зоны с течением времени происходит черкесизация абхазского населения пришлыми адыгами, а в южной – ассимиляция абхазов спустившимися с гор убыхами. Этот процесс происходил в XVIII – первой половине XIX вв. Еще в середине прошлого века, как было уже сказано, Г. Филипсон констатировал, что «во всей земле убыхов чернь знает асадзипсуа», т.е. садзский диалект абхазского языка.

* * *

Как выше не раз отмечалось, население Абхазии всегда подразделялось на две группы – горное и приморское. Дж. Лукка (XVII в.) прежде всего указывает, что «абхазы населяют горы» и имеют «в горах много селений», но тут же добавляет, что «абхазы рассеяны до морского берега».

Эвлия Челеби тоже делил население Абхазии на горное и приморское. По его подсчетам, здесь («в горах и на побережье») обитало до 25 «племен». К приморским племенам он относит «Чач», «Арт», «Чанды», «Субиш», «Кютасси» и др.), к горным – «Псху», «Ахчипсы», «Мача» и др. Следует, впрочем, отметить, что в ряде случаев Челеби за «племя» принимает владения отдельных крупных феодалов («Чач», «Арт» и др.).

Абхазы вели оседлый образ жизни. Дж. Лукка пишет, что абхазы, «выбрав себе пребывание в одном месте, не покидают его». Об этом же свидетельствуют и другие авторы того времени (А. Ламберти, Вахушти и др.).

Две резко друг от друга отличающиеся географические зоны – прибрежная и горная – обуславливали и различие их хозяйственного профиля. В горных районах по-прежнему господствовало скотоводство и охотничий промысел, а земледелие было ограничено; в прибрежной зоне основой хозяйства было земледелие, а также морские промыслы – рыболовство, дельфинобойство и др. Между указанными крайними зонами была расположена средняя, переходная полоса – зона предгорий. Здесь хозяйство носило смешанный характер – скотоводство и земледелие имели примерно равный удельный вес.

Однако, несмотря на большие хозяйственные возможности, которые могли быть обусловлены богатой природой края, экономика абхазского общества рассматриваемого периода стояла на низком уровне вследствие политической раздробленности и обусловленными ею постоянными междоусобицами, а также засилия турецко-османских захватчиков.

В стране безраздельно господствовали натурально-хозяйственные отношения. Дж. Лукка свидетельствует, что «в ней (в Абхазии) нет городов» и что «монета у них (у абхазов) не в ходу». Э. Челеби также утверждает, что свои продукты абхазы «выменивают без посредства денег».

Все это, разумеется, значительно ограничивало экономическую общность народности, что весьма неблагоприятно отражалось на остальных этнических признаках.

Внешняя торговля абхазов сводилась к товарообмену в некоторых прибрежных пунктах с турецкими или западноевропейскими купцами, прибывавшими сюда морским путем. Основным товаром, который более всего был необходим обитателям Абхазии, была соль; второе место в импорте занимали товары, нужные местным феодалам – предметы роскоши, оружие и т. п. Вывозили из Абхазии предметы сельского хозяйства, лес (преимущественно самшит), но главным «товаром», за которым охотились купцы, были живые люди – рабы. По свидетельству А. Ламберти, «турки исключительно требуют невольников», а их местными контрагентами в этом позорном деле были главным образом феодальные элементы.

В результате подобной «торговли» от национального организма систематически отрывалась лучшая, наиболее здоровая

его часть, а по единогласному показанию всех источников абхазы занимали одно из первых мест среди рабов, вывозимых с Кавказа (наряду с черкесами и грузинами).

Вместе с тем работорговля, как и другие отрицательные факторы (междоусобицы, внешние вторжения и пр.), сильно тормозила развитие экономики страны. Опасаясь похищения, непосредственные производители вынуждены были обрабатывать земли лишь в непосредственной близости от своего жилья, оставляя большие земельные массивы. Значительно суживалась также возможность отгонного скотоводства.

Работорговля, наконец, способствовала консервации отсталых, застойных форм натурального хозяйства. Импортные товары обменивались не на предметы труда, а на главную производительную силу – человека. Поэтому работорговля не только не подрывала, а, наоборот, укрепляла устои натурального хозяйства в феодальной Абхазии.

Приведенные данные со всей очевидностью вскрывают тот огромный урон, который работорговля наносила этническому развитию народов Кавказа, в том числе и абхазскому народу.

В социальном строе Абхазии рассматриваемого периода по-прежнему господствовали феодальные отношения. Высокого уровня эти отношения достигли в прибрежной, ведущей части Абхазии. Вахушти писал, что здесь зависимые сословия «весьма преданы своим господам и покорны им». Это показание, разумеется, следует понимать не в смысле гармоничных отношений между господствующим и зависимым сословиями, а в смысле сравнительно высокого уровня развития феодального строя в Абхазии.

Что касается «горных абхазских племен», то, по свидетельству Э. Челеби, они «никогда не смешиваются с прибрежными абхазами», и это, несомненно, объясняется тем, что феодальные отношения у них были менее развиты, чем у прибрежных абхазов, а пережитки патриархально-общинного уклада занимали значительное место.

Господство замкнутого натурального хозяйства и соответствующее воздействие турецких захватчиков обуславливали крайнюю политическую раздробленность страны, а это, в свою

очередь, вызывало ряд отрицательных последствий для этнического состояния народа.

Формально во главе княжества стоял один владетель, но Абхазия, как правило, была разбита на более или менее крупные уделы, которыми правили его ближайшие родственники. Так, в конце XVII в. сыновья владетеля Абхазии Зегнака Шарвашидзе (Чачба) – Ростом, Джикешия и Квапу – поделили страну на три части: территория до р. Кодор досталась старшему брату Ростому, который унаследовал от отца титул владетельного князя. Джикешия утвердился в области между реками Кодор и Галидзга, которая впоследствии была названа «Абжуа» («Срединная область»), а младший – Квапу занял район между Галидзгой и Ингури, названный позже «Самурзакано» по имени сына Квапу Мурзакана Шарвашидзе. В XVIII в. выделился новый удел – Гума (между Гумистой и Кодором), которым также управлял представитель владетельного дома.

Правители Абжуа, Гума и Самурзакано номинально считались вассалами главного владетеля, резиденцией которого было село Лыхны («Зупу» грузинских источников), но фактически далеко не всегда ему подчинялись. Однако и эти сравнительно крупные области, как и удел самого владетеля (Бзыбская область), политически не были едиными. Они состояли из более мелких княжеских владений, которые формально были подчинены владетелю или удельным князьям, а на деле представляли собой типичные сеньории, во многом аналогичные грузинским сатавадо эпохи позднего средневековья.

Отмеченная политическая раздробленность создавала благоприятную почву для систематических междоусобиц, от которых прежде всего страдали широкие народные массы. Именно в такой обстановке могла возникнуть старинная абхазская поговорка: «Большие люди поссорились, а их крестьяне перебили друг друга».

Феодальные междоусобицы существенно ослабляли хозяйственную жизнь страны, поскольку они приводили к разорению полей, вырубанию многолетних насаждений, истреблению и угону скота. В таких условиях непосредственный производитель терял импульс к интенсивному труду, что в конечном итоге

резко ухудшало материальное положение народных масс и приводило к сокращению естественного прироста населения.

В таких условиях, в каких пребывала абхазская народность в период позднего средневековья, общая численность населения не только не росла, а, наоборот, имела тенденцию к систематическому уменьшению. Если, по подсчетам Э. Челеби, общее число абхазов в середине XVII в. составляло около 100 тыс. чел., то к началу XIX в. население Абхазского княжества едва насчитывало 60 тыс. душ.

Совершенно очевидно, что в подобной обстановке резко падало общезнаменное самосознание и все больше подменялось областническими и узко-сословными интересами, причем главным образом такие настроения царили в феодальной среде. Представители господствующего класса из-за своих сеньориальных интересов всегда готовы были поступиться интересами страны в целом и даже пойти на сговор с иноземными захватчиками.

Отмеченные выше отрицательные явления сильно подрывали основы этнического единства абхазского народа.

* * *

Как уже отмечалось, экономическая база абхазской народности в данный период отличалась крайней хозяйственной раздробленностью и упадком, что не могло не отразиться соответствующим образом на степени общности и устойчивости ее языка и культуры.

Еще Дж. Лукка отмечал, что абхазы имеют свой особый язык, который «резко отличается от языка их соседей», а Д. д'Асколи причислял абхазский язык, к числу важнейших языков Причерноморья. Э. Челеби указывал, что язык абхазов был распространен вплоть до мыса Кютасси (Туапсинский сектор). О южной границе распространения абхазского языка конкретное указание имеется у А. Ламберти: «Как за Фазисом мегрельский язык сменяется грузинским, так и за Кораксом (Кодором) сменяется абхазским». Или: «Сейчас после переправы через Кодор живут абхазы со своим языком».

Следовательно, ареал распространения абхазского языка в Причерноморье в основном совпадал с областью расселения абхазов. Однако он не был единственным языком на данной территории (от Кодора до Кютасси). Челеби отмечает здесь бытование садзского (садша) и убыхского языков. Отсутствие в Абхазии поселений городского типа, если не считать Сухумской крепости, где, по словам русского разведчика Языкова (вторая половина XVIII в.), «гарнизон и все обыватели – турки», обусловило то обстоятельство, что абхазское население проживало в деревнях. Так, еще А. Ламберти отмечал, что «в городах и крепостях абхазы не живут». В данном случае Ламберти, разумеется, имеет в виду основную массу абхазов. Что касается феодалов, то наиболее могущественные из них имели хорошо укрепленные замки, развалины которых в немалом числе дошли до нас.

Условия постоянной внешней угрозы и систематические междоусобицы наложили свой отпечаток на характер поселений и весь быт абхазского населения. Тот же А. Ламберти пишет, что абхазы «обычно собираются вместе десять или двадцать семейств одной фамилии, выбирают где-нибудь возвышенное место, строят из соломы несколько шалашей (очевидно, типа акуацв. – **З.А.**) и обводят все крепким забором и глубоким рвом». Далее он сообщает, что «абхазы в ожидании нападения обыкновенно спят одетые в броню, с пикой в руках, щит кладут под голову, а оседланную лошадь привязывают у своего ложа». Именно поэтому ведущее место в воспитании абхазской молодежи занимала военная подготовка, Ламберти пишет об этом следующее: «Молодежь никогда не сидит без дела, а проводит время то обучаясь владению пикой, то подбрасывая в воздух тяжелые вещи с целью накопления сил, то перескакивая через канавы, чтобы приучить себя к ловкости».

Характерной чертой жизни абхазов прибрежной зоны было мореходство – на особых т. н. «абхазских лодках». Имея в виду эту часть абхазов, Вахушти писал, что абхазы в морских боях «стойки и могущественны», и они «по морям ходят на судах, в которые садятся по сто, двести и по триста человек».

В культурной жизни абхазов многие авторы того времени находят общие черты с культурой адыгов и других горских на-

родов и племен. Так Дж. Лукка прямо указывает, что «образ жизни (абхазов) такой же, как у черкесов». О том же свидетельствует и Ламберти, который писал, что у абхазов «такие же обычаи», как у сванов, черкесов и аланов (осетин). Эти сообщения указывают не только на уровень социально-экономического развития абхазов, но и на характер культуры (материальной, духовной) и народного быта.

Общий упадок, который переживала хозяйственная и общественно-политическая жизнь абхазского народа, отразился и на его культуре. Одним из ярких проявлений этого упадка было постепенное искоренение христианства в крае и связанных с ним элементов феодальной культуры. Вместе с тем у абхазов стали оживляться дохристианские религиозные верования.

Если еще в начале XVII в., как свидетельствует Дж. Лукка, христианство в Абхазии имело некоторое распространение, то в дальнейшем оно подверглось быстрому искоренению. Уже Ламберти подчеркивает, что абхазы «только по имени христиане, но по набожности ничего христианского». В том же духе высказывался и Шарден, по словам которого абхазы «не имеют понятия о сущности (христианской) религии, ни о ее обрядах».

Приведенные указания нельзя, конечно, понимать в том смысле, что за какие-нибудь полвека от христианства в Абхазии действительно не осталось никакого следа, но в условиях систематического роста турецкой экспансии во второй половине XVII в. и после быстрого искоренения христианства в Абхазии было вполне закономерным явлением, и попытки отдельных представителей господствующего класса задержать этот процесс не могли иметь успеха.

Зато под влиянием тех же турецких захватчиков в Абхазии стал постепенно внедряться ислам, который впервые проникает сюда не позднее начала XVII в. и распространяется главным образом среди представителей господствующего сословия, связанных с турками. Что касается эксплуатируемых сословий, то они в своей массе были равнодушны к новой религии, особенно в южных частях страны. В северной же части исторической Абхазии (севернее Гагр) ислам распространялся значительно быстрее и основательнее. Уже в начале XVII в., по свидетельству

Дж. Лукка, владетельный князь Северной Абхазии носил чисто турецкое имя – Карабей.

Распространение ислама в Абхазии имело отрицательное значение в этническом развитии народа, т. к. разделение его (хотя и в значительной мере формальное) на христианскую и мусульманскую части, конечно, ослабляюще сказывалось на этнической сплоченности абхазов, а во второй половине XIX в. ислам сыграл роковую роль во время т. н. махаджирства (см. ниже).

Одним из показателей культурной деградации страны был упадок грамотности среди верхушечных слоев населения. Хотя в XVII–XVIII вв. в феодальных кругах Абхазии основным письменным языком продолжал оставаться грузинский литературный язык, но степень его распространения была значительно ниже, чем в период существования единого Грузинского царства. Вместе с тем в исламизированной части феодального класса получили известное распространение арабский и турецкий письменные языки.

* * *

Изложенные выше материалы свидетельствуют, что этническая жизнь абхазского народа в XVI–XVIII вв. испытывала значительный упадок, который проявлялся в ослаблении его этнических признаков. Это находило свое конкретное выражение в экономической раздробленности, в сокращении ареала распространения языка, в оживлении и консервации отдельных племенных языков и диалектов, упадке культуры и т. д.

Отмеченный упадок этнической жизни был обусловлен крайне неблагоприятной обстановкой, в которой оказалась абхазская феодальная народность к концу средневековья. Политическая раздробленность, феодальные междоусобицы, работорговля, турецкая экспансия и т. п. – все это были факторы, которые ставили абхазский народ перед опасностью этнического вырождения.

В тех исторических условиях небольшая абхазская народность, как и другие народы Закавказья, не могла рассчитывать

на свое национальное спасение собственными силами. Единственная реальная возможность предотвращения полной этнической деградации могла появиться лишь в результате присоединения к русскому государству.

Г Л А В А IV

НОВОЕ ВРЕМЯ

В 1801 г. Восточногрузинское царство добровольно присоединилось к России. Этот акт предопределил присоединение к Российскому государству и других частей Грузии, в том числе и Абхазского княжества (1810 г.). Прежде всего, «это был великий исторический акт, спасший грузинскую нацию, все многонациональное население Грузии от физического и духовного истребления» (Э. А. Шеварднадзе). Несмотря на утверждение национально-колониального гнета, вхождение в состав России объективно имело также огромное прогрессивное значение для дальнейшего экономического, политического и культурного развития грузинского и абхазского народов.

§ 1. Этническое состояние абхазского народа в первой половине XIX в.

В рассматриваемый период абхазо-абазинская этническая общность подразделялась на три основные группы: собственно абхазы, занимавшие отрезок Причерноморья от р. Жоквары (Гагра) на севере и до р. Ингури на юге; садзы, или джигеты, обитавшие в районе от Жоквары до р. Хоста, и абзины, жившие разбросанно по верховьям р. Кубани и ее горных притоков.

Каждая из указанных этнических ветвей абхазо-абазинской общности, в свою очередь, подразделялась на внутриэтнические группы (племенные, этнографические или феодально-родовые).

Область расселения собственно абхазов называлась Большой Абхазией, которая составляла непосредственно Абхазское княжество. Здешние абхазы подразделялись на следующие территориальные группы: бзыбцы (примерно нынешний Гудаутский район), гумцы и абжаквинцы (Сухумский район), гульрипшцы, абжуйцы (нын. Гульрипшский и Очамчирский районы) и самурзаканцы (Гальский район)*. В горной части Большой Абхазии проживали полунезависимые от владетельской власти племена цабальцев (цебельдинцев), дальцев и псхувцев. Общее число жителей Большой Абхазии, по приблизительным данным 30-х гг. XIX в., составляло около 80 тыс. чел.

Территория, занятая садзами, в некоторых источниках именуется Джигетией, а в других – Малой Абхазией. Садзы подразделялись на две основные территориальные группы: приморские (собственно садзы) и горные садзы, или медовеевцы.

Приморские садзы состояли из нескольких феодально-родовых «обществ»: Цан, Гечь, Арто, Цвиджа и др., а горные садзы (медовеевцы), проживавшие в основном в верховьях Мзымты, составляли три небольших племенных единицы – ахчипсоуцы (в районе Кбаада – ныне Красная поляна), айбговцы (к югу от ахчипсоуцев), чужгуча (к юго-западу от айбговцев) и несколько более мелких общин.

По словам Ш. Д. Инал-ипа, садзы являлись «самой обособленной абхазской этнической группой, проявлявшей значительную близость к северокавказским абазинам, с одной стороны, и населению западной части бзыбской Абхазии, с другой».

Абазины (самоназвание «абаза») делятся на две основные группы: тапантовцы (иначе басхогцы) и ашхарцы. Абхазы называют абазин «ашвуа». Ашхарцы обитали на горных склонах Сев. Кавказа (отсюда название – «ашхараа» – горцы), а к северо-востоку от них, в равнинах предгорий, – тапантовцы (от осетинского «тапана» – низина, равнина). Абазины занимали верховья

* Население Самурзакано было смешанным — абхазско-мегрельским. Причем господствующий класс состоял преимущественно из абхазов, а в составе трудящихся преобладали мегрелы.

Большой и Малой Лабы, Урюпа, Зеленчука и Кубани, где они жили попеременно с черкесами, карачаевцами и др.

Тапантовцы (басхогцы) состояли из шести ответвлений, носивших имена своих князей (в источниках они нередко именуются тюркским словом «алты-кесек» – «шестидольные»). Ответвления эти следующие: биберд, лоу, дударук, кияч, джантемир и клыч. Из шести ответвлений состояли также и ашхарцы – башилбай, там, кызылбек, баракай, шагай и баг.

Общее число представителей абхазо-абазинской этнической общности, по тем же ориентировочным данным 30-х годов прошлого века, составляло около 130 тыс. чел.

* * *

В первой половине XIX в. в Абхазии продолжали господствовать феодальный строй и натурально-хозяйственные отношения. Основной отраслью производства оставалось земледелие при ведущей культуре кукурузы, которая постепенно вытесняла просо. Земледельческая техника по-прежнему носила примитивный характер. В горных районах края важную роль играло скотоводство. Горное земледелие, охота, ремесло и другие отрасли также занимали большое место в хозяйственной жизни.

После присоединения края к России в его экономической жизни, хотя и постепенно, но все же происходили определенные сдвиги. Абхазия, как и другие части Кавказа, все более и более втягивалась в общероссийскую хозяйственную систему. Росли экономические взаимосвязи внутри страны и с соседними народами.

Определенную роль играло в этом дорожное строительство, которое вели русские власти, преследуя прежде всего военно-стратегические цели. В 30-х гг. возводилась дорога по прибрежной полосе, в строительстве которой принимали участие и местные жители – абхазы, садзы, мегрелы и др. К 1840 г. была построена дорога Илори – Зугдиди. В 1832 г. был официально разрешен приход в Сухум торговых судов, и здесь утверждается таможенная застава. В 1845 – 1846 гг. Сухум был связан морским сообщением с Керчью

и Одессой. После открытия в 1858 г. порта в Поти сообщение между ним и Сухумом принимает почти регулярный характер. В 1853 г. была открыта почтовая дорога от Сухума до Редут-Кале протяженностью в 110 верст; эта дорога соединила Сухум с другими городами Грузии, в результате этого, по словам современника, Сухум «вступил ... в общую семью их, как самый молодой член».

Однако в целом пути сообщения в Абхазии оставляли желать много лучшего. Дорожное строительство велось плохо, проложенные пути быстро приходили в негодность. Тем не менее, как уже отмечалось, определенную роль в экономической жизни страны они все же сыграли.

Абхазское население все более и более втягивается в товарно-денежные отношения; уже в конце 20-х гг. источники отмечают, что «абхазы начали приходить к сухумскому базару». В 1839 г. царский чиновник Ольшевский в официальном донесении писал: «Большая часть абхазов узнала теперь цену деньгам, и потому охотнее продают свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров. Одна только соль выменивается на гомию (просо)... Но ежели абхазцу не нужна соль, то он старается продать свои произведения на деньги». А вот что говорит М. Селезнев (середина 40-х годов) о бомборском базаре: «Каждодневно базар наполняют толпы абхазов: они прохаживаются дружно из лавки в лавку..., торгуют яйцами, сыром и своим тарелочным медом». В Пицунду абхазские крестьяне также «приносили свои разные произведения домашнего хозяйства и продавали».

С. Пушкарев (начало 50-х гг.) также свидетельствует, что торговые операции велись «в Сухум-Кале, Келасурах, Очемчирах и других пунктах, куда туземцы приносят свежие плоды, домашнюю живность, звериные шкуры, произведения сельских промыслов, пригоняют скот и проч. Предметами же покупки туземцев служат различные привозные товары..., особенно соль и железо».

Растущие экономические связи – как внешние, так и особенно внутренние – способствовали дальнейшему развитию зачатков экономической общности абхазской народности.

* * *

Важным фактором этнической консолидации абхазов была та борьба, которую они с нарастающей активностью вели против социального и национального гнета. В течение дореформенного периода XIX в. абхазский народ не раз восставал с оружием в руках против царско-русских колонизаторов и местных феодалов, причем характерным явлением было постепенное нарастание масштабов движения. Особенно крупным было восстание 1866 г., охватившее большую часть населения Абхазии. Хотя в тех исторических условиях эти восстания неизменно заканчивались поражением трудящихся масс, однако они ускорили падение крепостного права (что само по себе явилось весьма важным фактором дальнейшего этнического развития народа) и способствовали росту национального самосознания.

Определенную роль в этнической консолидации абхазов того периода играл т. н. институт асаства (от абх. «асас» – гость). В условиях феодального произвола, междоусобиц, внешних вторжений и т. п. происходило значительное передвижение населения внутри страны. По тем или иным причинам многие люди, особенно крестьяне, в одиночку или семьями, были вынуждены переходить из одного района в другой и поселяться на новых местах на правах «асасов» (зависимых переселенцев). По данным 1867 г., почти в каждой абхазской деревне проживало от 5 до 15 семейств, переселившихся из других мест. Такие поселения способствовали в известной мере нивелированию языка, хозяйственных и культурных форм.

В течение рассматриваемого периода, как и ранее, происходило систематическое включение в состав абхазской народности иноэтнических элементов. Частые набеги абхазских феодалов на соседние области, в частности, в районы Мегрелии и Гурии, приводили к захвату пленных, из которых значительная часть навсегда оставалась в Абхазии. Таким путем здесь возникли даже определенные социальные категории, как-то: «агруа» («мегрел»), «агураа» («гуриец») и др. Другой формой этнической инфильтрации было бегство в Абхазию трудовых элементов соседних народностей, происходившее преимущественно на социально-классовой поч-

ве. Особенно много людей переселялось из соседней Мегрелии, где крепостнические отношения были развиты сильнее, чем в Абхазии.

В этой связи интересно отметить, что после присоединения Абхазии к России в состав абхазского этноса включаются и русские этнические элементы в лице пленных или беглых солдат. Последних особенно много было в горных районах Абхазии, где некоторые авторы 20 – 30-х гг. XIX в. насчитывали до трех тыс. русских, из которых многие были «женаты на местных женщинах». Указанная цифра, возможно, преувеличена, но интересно, что когда русские войска вступили в 1837 г. в Цебельду, то они обнаружили здесь около 130 беглых русских солдат, из которых некоторые проживали здесь в течение 25 – 30 лет.

Однако, с другой стороны, в рассматриваемое время и многие абхазские элементы навсегда отрывались от родного этноса. В данном случае на первое место должна быть поставлена работорговля («пленопродавство»), которую по-прежнему практиковали местные феодалы. Хотя русские власти и вели борьбу против этого позорного явления, особенно после образования в 30-х годах т. н. Черноморской укрепленной линии, но существенных результатов эта борьба не давала. Как и раньше, многие молодые абхазы попадали на невольничьи рынки Турции и Ближнего Востока.

Абхазские крестьяне перемещались в другие области в результате набегов на Абхазию соседних феодальных элементов. Особенно большой урон в этом отношении наносили северным районам Абхазии набеги убыхских феодалов.

Порой абхазские крестьяне, по той или иной причине, сами совершали побег в соседние районы. Характерной была, например, тяжба между абхазским и мегрельским владельцами по поводу «бегства крестьян из одного владения в другое».

Большой урон этническому состоянию абхазского народа наносили частые эпидемии и голод в неурожайные годы. По сообщению Р. де Скасси, чума, свирепствовавшая в Абхазии в 1811 – 1812 гг., привела к гибели около половины населения Абхазии. В неурожайные годы, несмотря на природные богатства края, немало людей умирало и от голода.

Таким образом, отмеченные выше отрицательные явления (междоусобицы, внешние вторжения, работорговля и пр.) и в первой половине XIX в. продолжали оказывать свое негативное влияние на абхазский этнос, однако с течением времени их интенсивность заметно слабела, что являлось объективным результатом присоединения Абхазии к России. После окончания Крымской войны и особенно после упразднения владетельской власти и введения в крае непосредственно русского управления (1864 г.) почти все эти отрицательные явления были изжиты.

* * *

После присоединения к России среди абхазского населения стали постепенно намечаться определенные сдвиги и в области культуры. Хотя в целом основные элементы материальной культуры народа (характер поселения, жилые и хозяйственные постройки, одежда, пища и др.) оставались в целом такими же, какими были в позднесредневековую эпоху, но и в этой области проявлялись некоторые новые элементы. Так, отдельные представители господствующего класса строят новый тип жилого дома – т. н. «акуаскя», распространившийся из Западной Грузии, вводят в употребление европейскую одежду и т. п.

Более заметны были изменения в области духовной культуры. В течение первой половины XIX в. в Абхазии по-прежнему имели распространение грузинская и, в меньшей степени, турецкая письменность. Вместе с тем постепенно входит в употребление и русская грамота. Так, М. Селезнев, побывавший в Абхазии в 40-х гг. XIX в., свидетельствует, что здесь многие пишут по-грузински и по-турецки, а «теперь, образовываясь в Бомборах и Сухуме, даже по-русски».

К 60-м годам того же века относится зарождение письменности на абхазском языке. В этом деле огромная заслуга принадлежит выдающемуся русскому языковеду П. К. Услару, который специально изучил абхазский язык и в 1862 г. опубликовал его грамматический очерк. Он же создал на основе русской графики (с использованием нескольких грузинских букв) абхазскую азбуку. В 1865 г. в Тифлисе был издан первый абхазский букварь, составленный комиссией под руководством И. Барто-

ломея, который в предисловии к букварю писал: «Букварь этот составлен комиссией, состоявшей под моим председательством из членов Д. П. Пурцеладзе и В. Ц. Тригорова, при содействии природных абхазцев: священника И. Гегиа, прапорщика Г. Курпикидзе и дворянина С. Эшба. Абхазский текст пересмотрен и исправлен в 1863 г. князем К. Г. Шервашидзе, а в 1864 г. князем Г. А. Шервашидзе, по предложению которых бзыбское произношение, сначала принятое в букварь, было заменено общеабхазским». В основу букваря был положен усларовский алфавит. Тексты для чтения были переведены с русского языка, но в конце букваря был приложен сборник абхазских пословиц, составленный Г. Курцикидзе.

Первый абхазский букварь почти не получил практического применения ввиду отсутствия абхазских школ и учительских кадров, а также вследствие ряда неблагоприятно сложившихся в 60 – 70-х гг. обстоятельств.

В дореформенный период XIX в. в Абхазии возникали и первые очаги народного образования. В 1810 г. в с. Лыхны, а затем (в 1846 г.) в Пицунде были сделаны попытки учредить духовные школы, но они не увенчались успехом. Первыми учебными заведениями в Абхазии были миссионерские школы, открытые священником Д. Мачавариани в с. Окуми (1851 г.), а затем в Дихазурга (1856 г.). Обучение в них велось на русском и грузинском языках в духе религиозного воспитания. С. Пушкарев в 1854 г. писал, что в Сухуме и Лыхнах были учреждены две школы, в которых «обучаются с успехом до 40 мальчиков-абхазцев, предназначенных к поступлению в духовное звание или для должностей переводчиков». Эти школы, как видно, во время Крымской войны были упразднены. В 1863 г. в Сухуме была открыта начальная «горская школа» с пансионом на 40 мальчиков-абхазов, а в 1864 г. – в с. Илори. В 1865 г. общее число учащихся в Абхазии составляло 362.

Определенную роль в развитии школьного дела в Абхазии сыграло т. н. «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Оно содержало здесь 10 школ, в которых в 1876 г. числилось 312 учащихся (269 мальчиков и 43 девочки).

В 1870 г. в Сухуме была открыта для девушек прогимназия, которая явилась первым женским учебным заведением в крае.

Народные массы Абхазии проявляли большое стремление к «благодетельному образованию» (М. Селезнев). В 1868 г. Д. Мачавариани писал, что «из разных ближайших деревень многие абхазцы привели к нему детей своих обоюбого пола для обучения грамоте». В том же году в отчете Сухумской горской школы отмечалось, что «абхазцы заметно начинают сознавать важность и необходимость воспитания своих детей... Просят о зачислении детей своих на казенный счет и даже на свой счет». Еще раньше Д. Бакрадзе отмечал: «...Как они (абхазы) понимают пользу грамотности и как сильно их желание, чтобы дети их учились, видно из того, что из бывших в 1864 г. в школах никто их не покинул, напротив, число их значительно возросло». То же самое отмечается и в отчете начальника Сухумского отдела за 1875 год: «Школы не могут вмещать всех, желающих учиться».

Такое стремление к образованию и обучению своих детей, которое имело место в широких массах населения, было одним из проявлений роста национального самосознания абхазского народа. И хотя число открытых в Абхазии школ было весьма ограниченным, а обучение в них носило русификаторский характер, но тем не менее они играли определенную положительную роль в деле распространения грамотности среди населения, в деле сближения абхазов с русским и грузинским народами.

В этот же период формируются первые кадры абхазской национальной интеллигенции – как военной, так и гражданской. Среди немногочисленной плеяды абхазов-интеллигентов того времени прежде всего надо упомянуть С. Г. Званба (1809 – 1855 гг.), подполковника русской армии, первого этнографа-абхазоведа. Из других представителей абхазской интеллигенции рассматриваемого периода следует назвать Т. Шакрыла, Д. Шервашидзе, К. Шервашидзе, Г. Шервашидзе, Г. Эмухвари, В. Инал-ипа, Ц. Гагулиа-ипа и др.

Большую роль в развитии культуры и образования среди населения Абхазии сыграли представители передовой русской и грузинской интеллигенции. Здесь в разное время побывали мно-

гие ссыльные декабристы и другие прогрессивные деятели, которые имели контакты с представителями местного населения (П. и А. Бестужевы, В. Норов, В. Вольховский, С. Кривцов и др.). Особо следует отметить В. И. Багриновского, который своей ботанической (в Сухумском ботаническом саду) и особенно врачебной деятельностью снискал большую популярность среди абхазов. В своей докладной записке на имя начальства (от 12 октября 1843 г.) В. Багриновский писал: «Занимаясь в течение двух последних лет лечением абхазцев, я нашел, что болезненность между ними очень велика и что они с большим доверием прибегают к помощи медицины. За всяким моим приездом в какую-нибудь абхазскую деревню всегда окружает меня толпа несчастных страдалцев, просящих пособия; а так как Сухум-Кальская аптека едва достаточна для батальонного лазарета, наполненного постоянно больными, то я, будучи не в состоянии оказать помощи больным, вполне уверенным, что пособить им от моего только желания зависит, принужден был выписывать лекарства из вольных аптек. Но это, делая мне больше известности между туземцами, привлекло ко мне такое число больных, что наконец я нахожусь в совершенной невозможности давать им нужное пособие». Багриновский просил для начала снабдить его аптекой и назначить ему, хотя бы на год, хорошего переводчика, который «в это время мог бы мне пособить к изучению абхазского языка».

Русские люди типа В. Багриновского могли принести (и приносили) большую пользу в деле культурного развития абхазского народа, но, к сожалению, в тот период таких было немного и далеко не всегда они имели возможность осуществить свои благие намерения. Зато значительно больше было царских чинуш – военных и гражданских, – которые всеми мерами стремились проводить русификаторскую политику правительства, вызывавшую нараставшее сопротивление местного населения.

Среди замечательных русских деятелей, оставивших большой след в культурном развитии абхазского народа, еще раз надо назвать П. К. Услара, а также И. Бартоломея, В. Тригорова и многих русских авторов, писавших об Абхазии и абхазах в специальных трудах или на страницах периодических изданий

того времени (Е. Зайцевский, Ф. Торнау, П. Каменский, А. Нордман, М. Селезнев, С. Пушкарев, Г. Радде и многие другие).

Следует подчеркнуть также большую роль в развитии культуры и просвещения абхазского народа и представителей грузинской интеллигенции того времени – Д. Бакрадзе, Д. Мачавариани, Д. Пурцеладзе, С. Баратова (Бараташвили), Е. Сакварелидзе, Н. Гогоберидзе и др.

§ 2. Абхазская буржуазная народность

В 60-х годах XIX в. в Российской империи была проведена крестьянская реформа, приведшая к отмене крепостного права. Несмотря на то, что эта реформа носила крепостнический характер и сохранила много пережитков феодальных отношений, она имела большое прогрессивное значение, поскольку создала определенные условия для относительно быстрого развития капитализма как в центре империи, так и на ее окраинах. В Абхазии крестьянская реформа была проведена несколько позже – в 1870 г., но и здесь она вела к тем же последствиям, что и в других областях страны.

Указанная реформа имела весьма важное значение и с точки зрения перспектив дальнейшего этнического развития абхазского народа, поскольку она являлась необходимой предпосылкой и исходным фактом буржуазной трансформации абхазской этнической общности, зачатки которой наметились уже в предреформенные годы. Однако прежде чем абхазский народ перешел к новой ступени своего этнического развития, ему пришлось пережить трагические события, которые не только прервали надолго его нормальное в тех условиях историческое развитие, но даже поставили под угрозу само физическое существование абхазского этноса. Имеется в виду массовое выселение абхазов в Турцию, вошедшее в историю под названием махаджирства. Причиной махаджирства были колониальная политика российского ца-

ризма и провокационные акции правительства султанской Турции, поддержанные частью местных феодалов¹

Переселенческое движение началось сразу же после присоединения Абхазии к России. Часть феодалов, недовольных этим актом, вскоре же переселилась в Турцию вместе со своими подвластными. Переселение имело место и после вооруженных выступлений 1821 и 1824 гг., а также после карательных экспедиций в горы Абхазии в 30 – 40-х годах. В результате уже в середине XIX в. на территории Турции насчитывалось до 20 тыс. абхазов.

Большая переселенческая волна имела место после завершения Кавказской войны в 1864 г. и подавления общенародного восстания 1866 г., когда почти полностью выселились садзы и горские абхазские племена. Однако наиболее крупное, массовое переселение абхазов в Турцию произошло в результате Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. и нового антирежимного восстания абхазов, вспыхнувшего в те годы.

По приблизительным данным (точных подсчетов, разумеется, никто не вел), в тот период в Турцию выселилось примерно 30 тыс. чел., что составляло около 40 проц. всего населения Абхазии, причем большинство махаджиров состояли из представителей центральной (Гумской) Абхазии. Н.Я. Марр по этому поводу писал: «(Абхазия) была обезлюдена в своей даже центральной этнографической части. Так, от всего Гумистинского района (ныне Сухумский и Гульрипшский районы. – З.А.) остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского...».

Злосчастные абхазы, навсегда покидавшие свою древнюю родину, проявили трогательные примеры патриотизма, безграничной любви к своей отчизне. Вступая на ненавистные турецкие корабли, они увозили с собой «горсточку родной земли, тщательно завязанной в платочки и башлыки». Вот что рассказывал один из очевидцев выселения последних абхазских махаджиров из Псху: «Ужасно было видеть, с какой нежностью псхувцы прощались со своей родиной. С утра до вечера были

¹ Подробнее см.: Г. А. Дзидзария. «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», Сухуми, 1975.

слышны душераздирающий плач женщин и детей, их крики; грустные прощальные обедни и поминки по умершим продолжались неделями в домах и на кладбищах. Со всех сторон приходили гости и друзья, чтобы попрощаться с выселяемыми... Грустные седые старики с беспокойными лицами бродили среди могил предков, прощались с ними навсегда, оставляя землю отцов и дедов... Строгие всадники, которые не желали продавать своих коней, неоднократно спасавших хозяев от смертельной опасности, выводили их к лесу и выстрелом под ухо убивали своих любимых существ. Особенный крик и плач были слышны, когда группа махаджиров направилась к Сухуму. Кричали и плакали как уходящие, так и провожающие... В середине мая (1879 г.) в Псху не осталось ни одного абхаза. Перед уходом абхазы подожгли все дома и строения».

Другой очевидец выселения абхазов писал: «Картина была страшная и нельзя было смотреть равнодушно на многих, рвавших на себе волосы и проливавших слезу отчаяния».

Те же абхазы, которые остались на родине, «одну только просьбу решились предъявить мне, – писал начальник Сухумского отдела полковник Аракин: «Что хотите делайте, только не выселяйте нас в Турцию».

Такой большой патриотизм могли проявить лишь люди, имевшие глубокое чувство родины и этнического самосознания. Носителями этого чувства были прежде всего представители трудящихся масс. Что касается феодалов-махаджиров, то в большинстве своем они были безразличны к судьбам родины и думали только о том, чтобы увезти с собой в Турцию побольше подвластных им крестьян.

Даже много лет спустя абхазы-махаджиры стойко отстаивали в Турции свое национальное лицо. С. П. Басария, побывавший там в 1910 г., рассказывал: «В Константинополе мне приходилось беседовать со студентами (главным образом с абхазцами) турецкой академии... Мне говорили: «Мы оставили «Апсны» – «Страну души» – Абхазию, думая сохранить свои национальные особенности, а эти «тюфяки» (имеются в виду правители Турции. – З.А.) совсем хотят одурачить нас; мы теперь настаиваем, чтобы в школах разучивали горское пение, думаем создать свою азбуку, решили не бросать свой нацио-

нальный костюм». Было видно, что они с горечью на сердце вспоминали свою родину, милую «страну души»^{*}.

Однако, к счастью, не все переселившиеся в Турцию махаджирьы остались там. Вскоре же примерно половина махаджиров (около 15 тыс. чел.) возвратилась на родину, несмотря на многие препятствия со стороны султанских и царских властей. Один из вернувшихся махаджиров впоследствии вспоминал: «Погоревали-погоревали и решили вернуться на родину. Турки не пускали нас, приходилось бежать от них тайком. Но в России нас не принимали и, задерживая в Батуме, отправляли обратно в Турцию. Мы снова бежали оттуда. И, наконец, русская власть сжалась над нами и стала беспрепятственно принимать нас и расселять по абхазским деревням».

После окончания Русско-турецкой войны царские власти подвергли абхазский народ жестоким репрессиям. В одном из официальных документов того времени предлагалось: «...не производя никакого официального расследования, признать все население возмущившейся местности виновным и причастным к измене и в виде наказания применить к ним такие мероприятия, которые заключали бы в себе свойства карательного характера, вместе с тем могли бы служить основой для устройства этого несчастного населения на таких началах, каковые соответствуют идеям и целям правительства».

И действительно, подавляющее большинство абхазов власти объявили «виновным населением» с запрещением селиться в приморской зоне, а также ближе чем на 20 верст к городу Сухуми. Абхазы были объявлены «временными жителями» своей страны и за малейшее антиправительственное выступление им грозило поголовное выселение с родины.

Земли, оставленные абхазами-махаджирами, царское правительство стало раздавать крупным военным и гражданским чиновникам, которые использовали их для колонизации, принявшей в 80 – 90-х гг. весьма широкий характер. В Абхазии и на «свободные» земли стали поселяться колонисты различной на-

^{*} И до сих пор многие из потомков абхазских махаджиров, проживающих в Турции, сохраняют свой родной язык, элементы этнической культуры и абхазское национальное самосознание.

циональной принадлежности – русские, греки, армяне, немцы, эстонцы, болгары и др. В тот же период усиливается переселение в Абхазию обезземеленных крестьян из соседних районов, главным образом из Мегрелии. Этим крестьянам царские власти не предоставили льгот и даже препятствовали их переселению в Абхазию, поэтому обычно они становились арендаторами у крупных землевладельцев.

В результате всего этого Абхазия в короткое время превратилась в многонациональный край, где языком межнационального общения постепенно становился русский язык. Грузинский общественный деятель Ф. Сахокиа в 1903 г. писал: «Кто путешествовал здесь (в Абхазии. – З.А.) лет 20 назад, тот не поверит, как этот край изменился за такой короткий срок. Этнический состав жителей стал пестрым. Вы услышите здесь русскую, грузинскую, греческую, армянскую речь; увидите здесь мегрельское кабахи, турецкую фреску, русский картуз – все перемешалось здесь»¹.

Вместе с тем Ф. Сахокиа с возмущением отмечает крайне притесненное положение абхазов на своей родине: «Когда вы приглядитесь к здешней жизни, – продолжает он далее, – то невольно зададитесь вопросом: Куда же делись коренные жители этой страны?.. Но чтобы увидеть их, всем придется пройти по каменистым тропам целых сорок верст».

В результате сложившейся обстановки расселение абхазов на их этнической территории носит полосный характер. Северная (бзыбцы) и южная (абжуйцы, самурзаканцы) группы абхазского этноса, ранее связанные центральной (гумской) этнографической группой, оказались теперь оторванными друг от друга поселениями колонистов.

К началу XX в. расселение различных колониальных групп на территории Абхазии приняло следующий вид (как это представляется по Справочной книге «Черноморское побережье Кавказа», изданной в Петрограде в 1916 году): «Абхазия в настоящее время в административном отношении образует Сухумский округ, состоящий из следующих административных участков (прежде отдельных округов): Гудаутского, Гумистин-

¹ В понятие «Абхазия» Ф. Сахокиа не включал «Самурзакано».

ского, Кодорского и Самурзаканского. **Гудаутский участок** самый северный; он обнимает всю так называемую Бзыбскую Абхазию от Гагр до Нового Афона. **Населен он почти исключительно абхазцами, числом до 30 тысяч душ** обоего пола (8 тыс. других национальностей: армяне, греки, мингрельцы и др.). Административный его центр местечко Гудауты, на берегу моря. Гумистинский участок составляет центральную часть Абхазии с г. Сухумом. Он простирается от Псиртсхи (Н. Афона) до р. Кодора. **Абхазского населения в этом участке почти нет** (есть только три маленькие деревни), а заселен он преимущественно выходцами из разных стран, главным образом мингрельцами, трапезундскими греками, армянами, немцами, русскими и эстонцами. Население его официально исчисляется в 21 тыс. душ обоего пола. **Кодорский участок**, иначе Абжуа, тянется от р. Кодора до р. Галидзги. **Население его чисто абхазское, простирающееся [насчитывающее] до 20 тыс. душ обоего пола** (5 тыс. человек других национальностей: турки, греки, армяне, русские, немцы и др.). Административным центром этого участка служит м. Очемчиры. Наконец, Самурзаканский участок идет от р. Галидзги до р. Ингура, т. е. до границ Мингрелии. Это самый большой из всех четырех участков. Население его официально показывается до 38 тыс. человек обоего пола. **Населен этот участок самурзаканцами** – племенем абхазского происхождения с значительной примесью мингрельского элемента. Центром его управления служит м. Окум.

Население Абхазии сосредотачивается в настоящее время исключительно по береговой полосе страны, которую мы и называем поэтому «культурной полосой». Но прежде лет 40 назад, поселения существовали всюду в горах. Наиболее значительными из них были поселения псхувцев, в долине р. Бзыби, и цебельдинцев и дальцев в долине р. Кодора. После окончательного покорения Кавказа, около 1864 года, население этих долин все целиком эмигрировало в Турцию и места их бывших аулов в настоящее время совершенно пустыют (исключая Цебельду, которая теперь быстро заселяется разными пришельцами, преимущественно греками и армянами)».

Приведенная здесь пространная выдержка из указанной выше книги (стр. 366 – 367) в целом правильно отражает численность и расселение обитателей Абхазии того периода. Для сравнения приведем демографические материалы по Абхазии («Сухумскому округу») по данным переписи 1897 г. Общее число жителей округа составляло 106 178 чел. Из них: абхазы – 58697, грузины – 25640 (из них мегрелы – 23810), армяне – 6 552, русские – 6 011, греки – 5 393, прочие – 3 886.

Как видим, к исходу XIX в. абхазы все же составляли несколько более половины населения Абхазии.

Следует, однако, подчеркнуть, что тенденция изменения национального состава населения Абхазии характеризовалась в тот период гораздо более быстрыми темпами роста неабхазского населения за счет новых пришлых элементов (например, долины Дала на рубеже XIX – XX вв. были заняты сванами, в результате чего образовалась т. н. Абхазская Сванетия). Кроме того, естественный прирост собственно абхазского населения тормозился процессом деэтнизации некоторой его части, главным образом в Самурзаканском участке.

Эта тенденция еще более прогрессирует в последующие годы. К началу Первой мировой войны этнический состав населения Абхазии представлял следующую картину:

Национальности	колич. (в тыс.)	процент
Абхазы	51281	38,3
Грузины	37414	28,0
Армяне	16794	12,5
Русские и украинцы	21 978	16,4
Прочие (эстонцы, немцы, поляки и др.)	6 282	4,8
Всего:	133 749	

В сравнении с переписью 1897 г. число абхазов уменьшилось, как мы видим, на 7400 чел., в то время как количество представителей других национальностей заметно возросло. Мало того, если по переписи 1897 г. абхазы составляли более половины населения страны, то по данным 1914 г. они составили уже менее 40%.

Уменьшение числа абхазов следует отнести не только за счет грузинизации (мегрелизации) части абхазского населения в Самурзакано, но и за счет превышения смертности над рождаемостью в некоторых местах края (см. ниже). Дальнейшее увеличение же числа представителей других национальностей объясняется, в основном, продолжавшейся иммиграцией.

* * *

В рассматриваемую эпоху, несмотря на отрицательные следствия колониальной политики царизма и пережитков крепостнических отношений, происходит постепенное углубление и укрепление общности экономической жизни абхазского народа на базе развивающихся капиталистических отношений. Особенно этот процесс начинает проявляться с конца XIX века. Правда, Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. и последовавшее за ней махаджирство сильно затянули практическое осуществление крестьянской реформы в Абхазии и значительно отбросили назад народное хозяйство края. Во время войны, как свидетельствует очевидец, «турки жгли русские, болгарские, греческие поселки и аулы не покорявшихся им абхазцев... Обширные поля маиса, засеянные еще до войны, прекрасные сады и виноградники были или уничтожены, или же не находилось более рук для уборки их... Вид Сухума был плачевен. Турки окончательно разрушили его, и одни лишь остовы каменных строений торчали как памятники варварства. Они уничтожили в городе все деревья и даже ботанический сад».

После такого разорения, конечно, потребовалось немало времени, чтобы хоть в минимальной степени нормализовать экономическое положение края. Обстановка усугублялась и тем, что земельная реформа в Абхазии, после ее завершения, приняла еще более крепостнический характер, чем это предусматривалось положением от 1870 г. Так, абхазские крестьяне получи-

ли всего лишь 112 тыс. десятин или менее 2 десятин на душу, а князья и дворяне – более 100 десятин на семью. Все это, разумеется, существенно тормозило экономическую консолидацию страны, а, следовательно, и дальнейшую этническую консолидацию абхазской народности. Тем не менее неблагоприятные условия не могли остановить рост буржуазных отношений в Абхазии. Объективный ход исторического развития брал свое, и постепенно социально-экономическая жизнь страны стала налаживаться.

Важное значение в этом отношении имело новое дорожное строительство. После войны регулярный характер принимает морское сообщение. На побережье Абхазии пароходы заходили в Цандришш (ныне Гантиади), Гагры, Пицунду, Гудауты, Псырцху (Нов. Афон), Сухум и Очамчире. Другие пункты побережья сообщались между собой посредством казенных шхун и более мелких судов (баркасы, фелюги). В 1888 г. в Сухуме была построена железная пристань. После завершения строительства Поти – Тифлисской железной дороги (1872 г.) Абхазия, которая была связана с Поти регулярными пароводными рейсами, получила возможность более тесного и постоянного общения с центральными районами Грузии.

В 1891–1892 гг. построено приморское шоссе Новороссийск – Сухум, проложена дорога от Сухума до Цебельды; кроме того, проведена определенная работа по строительству и благоустройству дорог в юго-восточной части Абхазии.

Значительный рост дорожных коммуникаций в Абхазии сыграл немалую роль в деле развития экономических взаимосвязей между ее отдельными районами.

Систематически росли торговые связи населения, особенно внешняя торговля. Если в 1886 г. стоимость товаров, вывезенных из Абхазии (главным образом кукуруза), составляла 868 тыс. руб., то в 1893 г. она составила 1 290 тыс. руб. Росли и обороты внутреннего рынка. По переписи 1897 г. в Абхазии «занятых в торговле» насчитывалось около 2 тыс. человек.

Усиление внешних торговых связей Абхазии, как и всей Грузии, шло за счет роста торговли с Россией, а через нее – с мировым рынком. «Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его мест-

ные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости, – создавал себе рынок для своих фабрик». Эта ленинская характеристика полностью применима и к пореформенной Абхазии.

Абхазское крестьянство стало прогрессивно втягиваться в товарно-денежные отношения и приобщаться к вольнонаемному труду. Один из очевидцев в 1884 г. писал: «Абхазцы, соседние с Ново-Афонской обителью... с охотой работают за поденную плату и сами напрашиваются на работу... Абхазцы, которых прежде нельзя было нанять работать за деньги, ныне добровольно работают на обитель».

То же самое наблюдалось и в местной промышленности. Корреспондент грузинской газеты «Квали», говоря о рабочих Кодорского лесопильного завода, писал в 1898 году: «До сих пор помню мою беседу с одним абхазом: «Сидеть на арбе по найму, быть слугой и свинопасом, лучше смерть». Это было твердой верой каждого абхаза; сейчас, думаю, наступает другое время – этот мой знакомый работает на заводе по найму. Думаю, в коротком будущем все абхазы втянутся в это дело».

В пореформенной абхазской деревне происходил относительно быстрый рост имущественной дифференциации среди крестьян. По свидетельству одного современника, к концу XIX в. в абхазской деревне «кто сильнее, тот большим и лучшим участком владеет. Все это порождает крайнюю бедность многих из них».

Главным фактором разложения крестьянства в Абхазии было начавшееся еще до войны 1877 – 1878 гг. развитие торгового земледелия. Постепенно все отрасли земледелия и животноводства принимают торговый характер. Местом сбыта сельскохозяйственных продуктов являлись город Сухум, а также Гудауты и другие местечки. Ведущей товарной отраслью сельского хозяйства Абхазии становится табаководство, которое стало развиваться с 80-х годов. В 1898 г. культура табака занимала уже второе место в сельском хозяйстве края (после кукурузы). В 1885 г. в Абхазии было 444 табачных плантаций площадью в 177 десят., а в 1901 – 1905 плантаций площадью в 3478 десят. Средний размер плантации увеличился с 0,39 десят. в 1885 г. до 1,2 десят. в 1901 г. Только морем из Сухума и Гудау-

ты в 1893 г. было вывезено около 42 тыс. пуд. табака. Т. Сахокиа в 1903 г. писал: «Кто знает, сколько разбогатело на сухумской торговле табаком, сколько приобрело целые состояния, большие поместья». Табаководством вначале занимались преимущественно переселенцы – греки и армяне, но постепенно организацией табачных плантаций стали заниматься и абхазы. Хотя табаководство в Абхазии с самого начала приняло односторонний колониальный характер, при котором местное табачное производство являлось придатком табачных предприятий метрополии, но на месте оно быстро приобретало плантационно-капиталистические черты, способствуя дальнейшему социальному расслоению местного населения.

В связи с определенным ростом промышленности и торговли постепенно растет городская жизнь. Население Сухума, например, с 1888 по 1897 годы увеличилось с 1 300 чел. до 8 тыс. Через Сухум шли все основные операции по экспорту табака. Растет и экономическое значение абхазских «местечек». По словам очевидцев, побывавших в Абхазии в 1898 году, «Гудауты в настоящее время представляют более торговый центр, чем обыкновенное абхазское селение... Гудауты приморский пункт, центр довольно бойкой торговли, в особенности табаком». Такими же чертами отличалось и местечко Очемчиры.

Однако в целом торговля и городская жизнь Абхазии, этого колониального уголка Российской империи, не получила, конечно, широкого развития. К началу XX в. население городов едва достигало 10 проц. от общего числа жителей Абхазии. Правда, довольно быстро стало расти население Сухума, единственного города края. В 1912 г. оно составило 24 тыс. чел. т. е. в сравнении с 1897 годом увеличилось втрое.

Тем не менее, несмотря на колониальную политику царизма «развитие капитализма в России вширь не могло не оказывать влияния на экономическое развитие Абхазии, которое вместе со всей Грузией являлось частью целого – народно-хозяйственного организма России» (Г. А. Дзидзария).

В начале XX столетия дальнейший рост переживает табачная промышленность. Если в 1907 г. площадь табачных плантаций занимала всего 4386 десят., то в 1914 г. она возросла до 13 104 десят. В 1909 г. из общего числа 143 селений в Абха-

зии табаководством занимались в 95 селениях (66 проц.). т. н. «хозяйственные» табачные плантации, в которых табак производился для личного потребления, постепенно исчезают. На табачные рынки России в 1913 г. вывозилось из Абхазии 814 проц. произведенного табака, в Закавказье – 44 проц., за границу – 14,2 проц. В Абхазии имели своих представителей и свои склады крупнейшие табачные фирмы России. Рядовые табаководы становились объектом жестокой эксплуатации со стороны кулаков, а также скупщиков, которые в большинстве своем являлись агентами русских и зарубежных фабрикантов.

Развитие капиталистического земледелия превратило землю в обычный товар, главным покупателем которого являлись капиталисты города и деревни, а продавцами – обедневшие крестьяне и разорившиеся помещики, не сумевшие приспособиться к новым условиям.

Вместе с тем все шире и шире практиковалась земельная аренда, плата за которую тоже систематически росла. Одновременно, в связи с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений, натуральная аренда все более вытеснялась денежной арендой, причем не только в табаководстве, где она была основной, но и в аренде земель под кукурузу.

Все больше становилось на капиталистические рельсы и помещичье хозяйство, хотя и не в таких масштабах, как крестьянское.

Промышленность Абхазии начала XX века развивалась очень медленными темпами, и это было характерно для колониальной окраины. Самыми крупными заведениями были 8 лесопромышленных предприятий с общим числом рабочих в 260 чел. и суммой продукции в 65 тыс. руб. (1911 г.). Другие промышленные заведения Абхазии представляли в подавляющем большинстве мелкие и мельчайшие кустарные и полукустарные заведения. В 1911 г. общее количество предприятий достигло 395, сумма продукции составила 186 тыс. руб., а число постоянных рабочих – 1045. Предприятия эти производили в основном только те продукты, которые не завозились из России. В состоянии застоя находились кустарные промыслы, ибо конкуренция ввозимых товаров становилась все сильнее.

Таким образом, накануне Первой мировой войны Абхазия более или менее прочно стояла уже на пути капиталистического развития, несмотря на то, что в ее экономике и общественном строе сохранялись еще сильные пережитки феодальных отношений. Конечно, степень развития капиталистического уклада в дореволюционной Абхазии была недостаточной для того, чтобы обеспечить такую общность экономической жизни ее населения (в том числе абхазов), которая характерна для буржуазной нации, но относительная общность хозяйственной жизни более высокая, чем в эпоху феодализма, и обеспечивающая экономическую базу для формирования буржуазной народности, несомненно, была налицо.

К началу XX в. в Абхазии уже сложились, в основных чертах, социальные группы, характерные для классовой структуры буржуазного общества. В абхазской деревне имелась прослойка кулачества и обуржуазившихся помещиков, а также определенное число сельских пролетариев и полупролетариев, подвергавшихся капиталистической эксплуатации.

Что касается социальных групп буржуазного типа среди городского населения (Сухума и «местечек»), то отличительная особенность их была в том, что в крае, весьма пестром в этническом отношении, они носили, естественно, многонациональный характер. Среди промышленных капиталистов Абхазии были и отдельные представители абхазского населения. Определенный, хотя и незначительный, процент (около 10) абхазцы представляли и в составе промышленных рабочих Абхазии. Рабочие абхазской национальности встречались главным образом на лесоразработках, на железнодорожной стройке и в сельскохозяйственных экономиках. В составе же городского полукустарного и торгового пролетариата, который преобладал в Сухуме и местечках, абхазцев было немного.

* * *

Рассматриваемый период представляет важную веху в развитии абхазской языковой общности. По существу это было

время зарождения и первоначального формирования абхазского литературного языка.

Как известно, абхазский язык состоит из двух основных диалектов – бзыбского (Гудаутский район) и абжуйского (Очамчирский район). Сопоставление грамматического строя бзыбского и абжуйского диалектов показывает, что как в морфологическом, так и в синтаксическом отношениях системы этих диалектов почти тождественны. Расхождения между названными диалектами наблюдаются главным образом в фонетике; в частности, бзыбский диалект имеет более сложную фонетическую систему, выражающуюся в наличии нескольких специфических звуков, отсутствующих в абжуйском диалекте.

Некоторые расхождения между абхазскими диалектами имеются и в лексическом отношении. Так, например, в словарный состав абжуйского диалекта проникло некоторое число мегрельских и грузинских (в основном через посредство мегрельского) лексических элементов. Зато в бзыбском диалекте, носители которого в прошлом тесно соприкасались с черкесскими племенами, отложилось определенное количество адыгских слов. Однако следует подчеркнуть, что лексические расхождения между бзыбским и абжуйским диалектами в целом не нарушают свободного взаимопонимания между их носителями.

После создания П. К. Усларом абхазского алфавита, составленного на основе русской графики, начал формироваться абхазский литературный язык. При изучении абхазского языка П. Услар пользовался содействием носителей бзыбского диалекта, в результате чего в его алфавит вошли некоторые специфические для этого диалекта звуки.

Как упоминалось выше, в 1865 г. в Тифлисе был издан абхазский букварь, подготовленный комиссией во главе с И. Бартоломеем, который в своем предисловии указывал, что «бзыбское произношение, сначала принятое в букварь, заменено общеабхазским». Под «общеабхазским» автор разумел абжуйский диалект, имея в виду, возможно, то обстоятельство, что абжуйские звуки полностью представлены в бзыбском диалекте, тогда как последний, как указывалось, имеет ряд специфических фонем.

В первых памятниках абхазской письменности абжуйский диалект, как основа формирующегося литературного языка, утвердился не сразу. Анализ этих памятников, относящихся ко второй половине XIX и началу XX века, выявляет в них два слоя, которые восходят к обоим диалектам – абжуйскому и бзыбскому. Это объясняется тем, что к составлению указанных памятников привлекались носители обоих диалектов. Характерно, что в ряде случаев диалектные особенности сосуществуют в одной и той же книге.

Однако в конечном итоге абхазский литературный язык был сориентирован на абжуйский диалект, имеющий, как отмечалось, более простую фонетическую систему. Определенную роль в этом сыграло, конечно, и то обстоятельство, что наиболее видные представители начального этапа развития абхазской национальной письменной культуры и, в частности, основоположники абхазского литературного языка (Д. Гулиа, С. Чанба, А. Чочуа и др.) происходили из Абжуйской Абхазии.

Хотя первый абхазский букварь, как выше отмечалось, фактически не получил практического применения, но в некоторых школах края предпринимались попытки его использования. Так, по свидетельству Д. Бакрадзе, в 1867 г. в окумской школе «семь абхазцев, знающих абхазский язык, упражняются в оном по новому букварю».

Однако в целом зачатки абхазской письменности по ряду причин надолго задержались в своем развитии. Главную из них надо видеть в том, что царские власти и проводники ее политики на Кавказе всячески препятствовали зарождению письменности у местных горских народов. Даже такой деятель, как П. Услар, создатель первого абхазского алфавита, считал, что «туземная грамота должна служить только тому, чтобы ... облегчить для них изучение русского языка». Он же считал, что горские народы Кавказа не могут иметь своей письменной литературы. Еще более определенно на этот счет высказывался другой видный официальный деятель на Кавказе – Е. Вейденбаум, по мнению которого принятие абхазской письменности должно было служить, в частности, вытеснению грузинского литературного языка среди абхазов. Он писал по этому поводу в конце XIX века: «Абхазский язык, не имеющий письменности и лите-

ратуры, обречен, конечно, на исчезновение в более или менее близком будущем. Вопрос в том: какой язык заменит его?.. Очевидно, что роль проводника в население культурных идей и понятий должен был бы играть не грузинский, а русский язык. Мне кажется поэтому, что учреждение абхазской письменности должно быть не целью само по себе, а только средством к ослаблению, путем церкви и школы, потребности в грузинском языке и постепенной замене его языком государственным. Упустив это из виду, мы рискуем создать, сверх грузинской и прочих автономий, еще и автономию абхазскую».

Однако, разумеется, передовые представители местной общественности рассуждали совершенно иначе. В создании и распространении абхазской письменности они видели важнейшее средство создания национальной культуры абхазского народа. Именно этой идеей руководствовались Д. И. Гулиа и К. Д. Мачавариани, приступая к созданию нового абхазского алфавита, который был опубликован в 1892 г. Авторы использовали алфавит Услара, переработанный Бартоломеем и его комиссией, с изменением и дополнением буквенных начертаний применительно к практическим нуждам. «По этой азбуке, – писал впоследствии Д. Гулиа, – начали учиться грамоте абхазцы. Открывалась возможность говорить с народом на его родном языке. Конечно, было чрезвычайно тяжело продвигать и пропагандировать абхазскую книгу в условиях царского самодержавия через школу, где занятия велись преимущественно на русском языке. О других путях первое время нечего было и думать. Но, так или иначе, основа была заложена. Впереди предстояла упорная каждодневная работа и борьба».

В 1909 г. абхазская азбука была усовершенствована народным учителем А. М. Чочуа, издавшим новый букварь для употребления в абхазской народной школе. В 1914 г. в Тифлисе вышло второе, дополненное издание букваря А. М. Чочуа (и после этого он неоднократно переиздавался с дополнениями и изменениями).

Между тем, по справедливому заключению Х. С. Бгажба, в конце XIX – начале XX в. абхазская письменность «имела весьма ограниченную функциональную широту: письменность не была массовой. На абхазском языке издавалась главным обра-

зом церковная литература» («Краткая священная история», Евангелие, молитвенники, требник и др.).

Большую роль в распространении абхазского литературного языка сыграли первые художественные произведения Д. Гулиа (см. ниже). Особо должна быть отмечена также и выдающаяся роль в этом первой абхазской газеты «Апсны» («Абхазия»), издававшейся в Сухуме в 1919 – 1920 гг. Выпуск газеты был налажен группой интеллигентов-абхазцев во главе с Д. Гулиа, который стал ее редактором. Газета вначале выходила два раза в месяц, а потом стала еженедельной (всего вышло 85 номеров). В первом номере Д. И. Гулиа, поздравляя своих соотечественников, писал: «Сегодняшний день, 27 февраля, для нас, абхазов, весьма замечательный день. Он выше всех праздничных дней: сегодня вышла в свет газета на абхазском языке под названием «Апсны». Абхазы говорят: «День прибавился на один прыжок оленя». Так и мы сегодня продвинулись вперед на один олений прыжок. Надеюсь, мы уже не пропадем, если в должной мере используем новое приобретение».

Выход первой абхазской газеты стал значительным событием в культурной жизни абхазского народа. Она способствовала дальнейшему развитию абхазской литературы, развитию и распространению в массах литературного языка. Газета пропагандировала просвещение среди народа, давала учителям советы, как проводить обучение детей родному языку.

Весьма важное значение имело обучение абхазских детей русскому языку. На этом языке велось преподавание с самого начала открытия школ в Абхазии (50 – 60-е годы XIX в.). Учебниками служили те же пособия, что и в русских школах, вне учета особенностей преподавания русского языка детям – абхазам. Только в 1910 г. в Тифлисе была издана книга для чтения по русскому языку – «Родная жизнь», которую составили С. Алферов и А. Чукбар. Она была предназначена «для 4 и 5 отделений начальной школы среди абхазского населения и для полешкольного чтения». Авторы поставили целью «дать детям материал из хорошо известной им жизни» и посвятили большинство учебных текстов природе Абхазии, жизни и нравам абхазов. В книгу были включены и произведения классиков русской художественной литературы.

Несмотря на отдельные недостатки, «Родная жизнь» С. Алферова и А. Чукбар оказалась, несомненно, удачной и очень полезной в деле развития речи учащихся и расширения их кругозора.

Хотя в целом качество преподавания русского языка в абхазских школах оставляло желать много лучшего, но и то, что делалось в этом направлении, несмотря на русификаторские замыслы официальных учебных властей, сыграло определенную положительную роль в деле приобщения детей-абхазов к культуре великого русского народа.

Следует также отметить, что в некоторых школах края, в которых обучались и дети-абхазы (особенно в Самурзакано), по инициативе прогрессивно настроенных учителей-грузин велось также и преподавание грузинского языка. Однако царские власти всячески препятствовали преподаванию грузинского языка в школах Абхазии, видя в этом угрозу официальной политике русификации местного населения.

Таким образом, можно считать, что возникновение абхазской письменности и формирование национального литературного языка подняли в целом относительную общность языка абхазской народности до уровня, характерного для языковой общности буржуазной народности.

Дальнейшие шаги в своем развитии сделало народное образование. Во время войны 1877 – 1878 гг. большинство учебных заведений было сожжено турецкими войсками, но после войны школы были вновь открыты, и число учащихся стало постепенно расти. К 1901 г. в Абхазии насчитывалось 100 школ, 3951 учащийся и 152 учителя. В 90-х годах были созданы три школы с сельскохозяйственным уклоном (в Лыхнах, Очамчирах и Окуме).

С начала XX в. сдвиги в области народного образования становятся еще более заметными. Правительственные органы не могли не считаться с потребностями капиталистического развития и, в определенной степени, с ростом национального самосознания абхазского народа. Несколько средних и начальных учебных заведений работало в Сухуме: семиклассное реальное училище, женская гимназия, горская школа, городское учили-

ще, двухклассное училище и др. В Гаграх было открыто реальное училище, а в Гудаутах и Очамчирах – начальные училища.

Некоторое оживление в области школьного строительства наблюдалось и в сельских местностях Абхазии. Почти в каждой деревне по настоянию населения открываются одноклассные церковноприходские школы. В некоторых крупных населенных пунктах были открыты также двухклассные школы.

Однако упомянутые сельские школы приносили мало пользы и многие из них влачили жалкое существование. Это хорошо сознавало местное население и требовало коренного улучшения дела народного образования. Об этом, в частности, свидетельствует решение представителей Кодорского участка, собравшихся в Моквах по вопросу о «существующих школах и какие школы нужны» (1913 г.). Народные представители говорили: «Мы хорошо сознаем пользу учения, мы знаем, что только образование может вывести нас из настоящего тупика. К сожалению, существующие сельские школы мало способствуют стремлению к образованию. Так как мы, по бедности своей, не можем отдавать своих детей в разные города для пополнения знаний, полученных в селе, то нам нужны в селах такие школы, которые бы давали законченное, пригодное к жизни, образование... Школы должны при этом так воспитывать своих детей, чтобы они не гнушались своими занятиями, которыми занимаются их отцы – земледелием, садоводством, скотоводством... Желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с образованными учителями». На этом же народном собрании обсуждался и вопрос о родном языке – ораторы призывали к улучшению преподавания абхазского языка.

В то же время проводилась определенная работа по созданию учебников и учебных пособий для абхазских школ. Упомянутая выше абхазская азбука, составленная Д. Гулиа и К. Мачавариани и опубликованная в 1892 г., способствовала развитию преподавания абхазского языка в школах. В 1908 г. А. М. Чочуа подготовил букварь, который затем, как уже отмечалось, неоднократно переиздавался. Учебник по арифметике на абхазском языке написал и издал Ф. Х. Эшба. В 1912 г. первый абхазский географ М. Шервашидзе составил на родном языке карту Абхазии для абхазских школ.

Из учебных заведений Абхазии особо следует отметить Сухумскую горскую школу, в которой получили первоначальное образование многие впоследствии видные представители абхазской интеллигенции – Д. И. Гулиа, Ф. Х. Эшба, А. М. Чочуа, Н. С. Джанашиа, В. Х. Гарцкия и др.

Важно отметить, что с самого начала существования горской школы в ней вместе с детьми-абхазцами обучались и дети других национальностей. Так, например, в 1875 г. учащиеся школы по национальному составу распределялись следующим образом: абхазцев – 42, русских – 17, греков – 5, евреев – 3, болгар – 2, армян – 2, немцев – 1. Такое же положение имело место и в дальнейшие годы, так что в школе по существу дети воспитывались в духе дружбы.

В начале XX в. сеть школьных учреждений в Абхазии еще больше расширилась. В 1914 – 1915 учебном году здесь насчитывалось 156 школ с числом учащихся 8720 чел. и 264 преподавателя. Стали открываться учебные заведения по подготовке учителей для народных школ. В 1910 г. при Сухумской женской гимназии был открыт 8-й педагогический класс, а в 1912 г. при Сухумском городском училище открыты двухгодичные педагогические курсы, которые были упразднены в 1915 г. в связи с основанием Сухумской учительской семинарии. В 1917 – 1918 учебном году в семинарии числилось 50 учащихся. Из них: абхазцев – 31 чел., грузин – 14, русских – 5. Изучение родного языка для абхазцев и грузин было обязательным. В 1918 г. при семинарии были организованы т. н. начальные образцовые абхазская и грузинская школы как база педагогической практики и усовершенствования будущих учителей.

В 1914 – 1915 учебном году в Абхазии функционировало 148 школ, в которых обучались 7885 учащихся, что составляло всего 6,5 проц. ко всему населению края. Однако, несмотря на определенные успехи, дело народного образования в досоветской Абхазии стояло в целом на низком уровне. На просвещение отпускались весьма незначительные средства. Около 90 процентов абхазского населения оставалось неграмотным.

К началу XX в. по инициативе представителей передовой местной общественности из абхазцев, грузин, русских, армян и др. Сухум становится довольно значительным для того времени культурным центром. Здесь создается ряд общественных культурно-просветительных и научных организаций: Отделение Общества распространения грамотности среди грузин, Общество распространения просвещения среди абхазцев, Армянское благотворительное общество, Общество народных университетов, Сухумское общество сельского хозяйства, Сухумская садовая и сельскохозяйственная опытная станция, Общество изучения Черноморского побережья, Отделение Красного креста, Общество борьбы с туберкулезом и др.

В Сухуме выходили журналы «Черноморское сельское хозяйство» (с 1903 г.) с приложением «Черноморский селянин» и «Известия Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции», «Труды» Курортной комиссии и др. Издавались также газеты – «Сухумский листок» (1908 – 1917 гг.) и «Сухумский вестник» (1911 – 1917 гг.) – органы либеральной буржуазии.

В Сухуме и других местах открываются библиотеки и читальни.

Национальное развитие абхазского народа в рассматриваемую эпоху тесно связано с возникновением и развитием художественной литературы, основоположником которой был Д. И. Гулиа.

Литературный талант Д. Гулиа пробудили устные произведения родного народа – его песни, сказки, предания, пословицы и поговорки. Другим литературным источником, питавшим его творчество, была передовая русская, грузинская и мировая литература.

Первый сборник поэтических произведений Д. Гулиа был издан в 1912 г. в Тифлисе. Эта дата справедливо считается годом рождения абхазской художественной литературы. Сборник открывался знаменательным восьмистишием:

А ну, моя книга бодрей (живей, проворней),
Духом не падай,
Не застревай меж дворами,

Для тех, кому ты нужна (кто хочет тебя), будь доступной.
Приятным добрым словом весели (радуи) людей,
Говори мудрым языком.
Все, какие ни есть, новости
Рассказывай по-абхазски.

(Подстрочный перевод)

Впоследствии Д.И. Гулиа вспоминал, с каким трудом он издал и распространял свою книгу: «Я подготовил в 1910 г. сборник своих стихотворений – первый сборник на абхазском языке. Подготовить его оказалось делом сравнительно легким. Труднее оказалось его издать. Вооружившись терпением и настойчивостью, с твердой верой в свое дело, я решил издать сборник хотя бы на свои средства. Наконец я занял некоторую сумму у Общества по распространению просвещения среди абхазцев и издал сборник в Тифлисе. Надо было распространять книги. Пришлось мне забрать их домой. Я их дарил гостям, через них посылал в деревни, в школы».

В 1913 г. была опубликована поэма Д. Гулиа «Переписка юноши и девушки», которой было положено начало абхазской любовной лирике.

В 1917 г. Д. Гулиа пишет весьма знаменательное стихотворение «Вперед», которое явилось его поэтическим откликом на февральско-мартовские революционные события в Петрограде.

Времена изменились, тучи, нависшие над нами, рассеялись.

Засияло солнце и всех нас разбудило...
Мы свидетели великих свершений в нашей стране.
Двигайтесь вперед! Никто не отставай!

.....
Нужно правильно и решительно действовать,
Не то сойдем с верного пути, возвратимся к темному прошлому.

.....
Крестьянин, рабочий – каждый делает свое дело.
Пробуждайтесь, вставайте, довольно!..

(Подстрочный перевод)

В 1918 г. Д. Гулиа опубликовал замечательный рассказ «Под чужим небом» – первое произведение абхазской художественной прозы. Ряд других произведений он напечатал в 1919 – 1920 гг. в газете «Апсны»; все они проникнуты чувством беспредельной любви к родине, мотивами борьбы и утверждения жизни («Моя родина», «Апсны» и др.).

Вокруг Д. И. Гулиа стала группироваться абхазская литературная молодежь. В 1919 г. при Сухумской учительской семинарии был организован литературно-драматический кружок, которым руководили Д. Гулиа и А. Шакая. Кружок издавал еженедельный рукописный журнал «Утренняя звезда». О значении этого события Д. Гулиа писал в газете «Апсны». «Наши питомцы читают свой журнал «Утренняя звезда», и с той поры я убедился, что мой труд не пропал даром, посев дал свои всходы. Я увидел яркую утреннюю звезду, и надо полагать, что скоро станет светло...».

Одним из соратников Д. Гулиа и зачинателей абхазской литературы является С. Я. Чанба (1886 – 1937 гг.) – основоположник абхазской драматургии и первый крупный прозаик. Он впервые начал печататься в газете «Апсны». В частности, на ее полосах была опубликована замечательная пьеса С. Чанба «Амхаджир», в основу которой положены трагические события выселения абхазов в Турцию в 70-х гг. прошлого века. В эти же годы в газ. «Апсны» печатают свои первые произведения впоследствии видные абхазские писатели и поэты И. Когониа, Дз. Дарсалиа, М. Лакербай, Ш. Хокерба, М. Хашба и др.

В начале XX в. делают первые шаги абхазская драматургия и театральное искусство. Зачинателями этого дела были Д. Гулиа, С. Чанба, А. Шакая, П. Шакрыл, М. Хашба и др. В 1917 – 1918 гг. начали работу передвижные абхазские театральные труппы любителей, которые играли как оригинальные, так и переводные пьесы. Как уже отмечалось, в 1918 г. А. К. Шервашидзе открыл в Сухуме драматическое училище, которое просуществовало около года.

В развитии абхазской театральной культуры важную роль сыграл грузинский профессиональный театр, неоднократно га-

стролировавший в Сухуме в конце XIX – начале XX вв., а также основанный в 1914 г. первый абхазско-грузинский хор под руководством Дзуку Лолуа.

В конце XIX – начале XX вв. происходит дальнейший рост абхазской интеллигенции. Прежде всего следует назвать поэта и общественного деятеля Г. М. Шервашидзе (1846 – 1918 гг.), который был тесно связан с передовой грузинской общественностью того времени. Г. Шервашидзе писал свои произведения на грузинском и русском языках. Представителями того же общественно-культурного круга были Д. Г. Анчабадзе и Д. З. Чхотуа, первые из абхазов, обучавшиеся в Московском и Петербургском университетах.

Формирование абхазской демократической интеллигенции конца XIX – начала XX вв. теснейшим образом связано также с именем Д. И. Гулиа. Он был одним из составителей азбуки и одним из первых абхазских учителей-просветителей. Он первый поэт, выпустивший книги на абхазском языке, редактор первой абхазской газеты, первый историк, собиратель фольклора и организатор первого театра, он же был одним из первых абхазских общественных деятелей. Д. Гулиа и вся его деятельность – это живое олицетворение того, что Абхазия вступила в новую фазу исторического развития после вовлечения ее в общероссийскую экономическую и культурную жизнь. Д. И. Гулиа явился выразителем и певцом национального и культурного пробуждения абхазского народа.

Замечательными народными учителями-абхазцами были Ф.Х. Эшба (1856 – 1928 гг.), прозванный «дедом абхазской школы», и В. Х. Гарцкия, позднее – А. М. Чочуа и К. Ф. Дзидзария. В начале XX в. целый ряд абхазцев заканчивают различные учебные заведения России – историк и филолог С. М. Ашхацава, юрист Г. М. Зухбая, врачи В. А. Шервашидзе, В. Т. Анчабадзе, инженер Р. Какубава и др.

Следует особо отметить выдающегося художника, театрального деятеля и историка искусства А. К. Шервашидзе (1867 – 1968 гг.), который в 1918 г. основал драматическое училище в Сухуми.

В конце XIX – начале XX вв. публикуется ряд научных исследований местных деятелей: Ф. Эшба – «Местечко Очемчире,

селения Илори и Беслахуба» (1891 г.), В. Гарцкия – «Из абхазских народных преданий и поверий» (1892 г.), П. Чарая – «Об отношении абхазского языка к яфетическим» (1912 г.), Н. Джанашиа – «Религиозные верования абхазов» (1915 г.), «Абхазский культ и быт» (1917 г.) и др.

На развитие абхазской национальной культуры рассматриваемого периода огромное воздействие оказали передовая русская и грузинская культуры. Лучшие представители абхазской общественности формировали свое мировоззрение под непосредственным влиянием выдающихся русских и грузинских деятелей.

Особо следует отметить весьма плодотворную деятельность в Абхазии многих представителей передовой русской и грузинской интеллигенции: Н. М. Альбова, А. Н. Дьячков-Тарасова, А. А. Остроумова, В. В. Марковича, С. А. Альферова, В. М. Козлова, А. И. Мосткова, Н. Н. Смецкого, а также Т. Сахокиа, П. Чарая, Н. Джанашиа, К. Мачавариани, Т. Хускивадзе, А. Джугели, С. Норакидзе, М. Дадиани-Анчабадзе и многих других.

В рассматриваемую эпоху абхазский народ развивал и приумножал свою древнюю и самобытную культуру. Большое место в жизни абхазов по-прежнему занимало устное художественное творчество, представленное самыми разнообразными жанрами, – исторические предания, легенды, песни (трудовые, военные, свадебные, лирические, шуточные и т. д.), пословицы, скороговорки, анекдоты и др.

По-прежнему большой популярностью среди абхазов пользовались народные сказители. Так, широкую славу снискал слепой певец-сказитель Жана Ачба (1846 – 1916 гг.), который под аккомпанимент апхярцы исполнял большей частью собственные произведения, отличавшиеся злободневной социальной тематикой.

В народе широко пользовались различными музыкальными инструментами: апхярца (двухструнный, смычковый), аюмаа и ахумаа (многострунные, щипковые), ачарпын (свирель) и др.

Широкое распространение в народе имело танцевальное искусство (сольное и групповое), а также спортивные игры (военные, с мячом и др.), различные виды конных состязаний и т.д.

Следует отметить применение рациональных способов народного врачевания, особенно костоправство и лечение пулевых ран.

В абхазской народной среде по-прежнему имели распространение различные религиозные верования – ислам, христианство, а в особенности пережитки доклассовых и раннеклассовых верований. Господствующие классы и царские власти всемерно добивались консервации религии в народе.

В абхазском народном быту сохранялись и основные элементы прежней материальной культуры – орудия труда, оружие, одежда, пища, жилища, хозяйственные сооружения, предметы домашнего обихода и др. Однако под влиянием развития капиталистических отношений и растущего культурного влияния со стороны русского, грузинского и других народов во все сферы хозяйственного и общественного быта все более внедряются новые элементы. Особенно это наблюдалось среди имущих слоев населения.

Наряду с положительными традиционными элементами народной культуры сохранялись и многие отрицательные (феодално-патриархальные обычаи – кровная месть, разорительные поминки, знахарство, классовое аталычество, религиозные предрассудки и др.). Правда, передовые представители абхазской общественности вели борьбу – и порой небезуспешно – с этими вредными пережитками, но в условиях того времени, разумеется, нельзя было и мечтать об их полном искоренении.

Духовный облик («психический склад») абхазской народности отличался многими положительными чертами. Одной из них было исключительное трудолюбие народных масс. Вопреки лживым утверждениям царских колонизаторов, будто «абхазец самое многое работает один месяц в году, а остальное время бродяжничает по горам и лесам», трудящийся люд, как свидетельствуют объективные наблюдатели, отличался большими способностями и прилежанием. Так, автор работы «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь», изданной в конце прошлого века, писал об абхазцах-учащихся монастырской школы: «Если по детям можно справедливо судить о родителях, то я имею неоспоримое основание вывести заключение об абхаз-

цах как о народе, необыкновенно способном и обладающем прекрасными душевными качествами... Многим детям, поступающим из самых глухих местностей, в четырехлетнее пребывание в школе не приходится делать даже ни одного серьезного замечания, так, безусловно, хорошо они ведут себя, проявляя при этом и необыкновенное прилежание».

Позднее (в 1929 г.) А. М. Горький, ознакомившись с песенным фольклором абхазов, говорил: «Хорошие песни, чудесные песни! Такие мелодии мог создать только коллектив, только трудовой народ. Как надо любить и чтить своих героев, чтобы трогательно, горячо, мужественно петь о них!».

Характерной чертой абхазского народа было широкое гостеприимство. В конце XIX в. В. Немирович-Данченко писал: «Возьмите вы любого крестьянина – грузина, абхаза, горца – как он красив и ловок; как он сумеет всюду и при всякой обстановке отстоять свое достоинство, не растеряться, не ударить в грязь лицом! И в этой бедной семье абхазского поморья мы встретили такой изящный прием, как и в других местах горного Кавказа».

По-прежнему абхазы отличались мужеством, ловкостью. «Приученные с младенчества к бесстрашию, ловкости, они все отличные стрелки, так что горлицу убивают пулей в 100 шагах и более» (М. Селезнев).

Хотя царские власти не жаловали абхазов доверием и не брали их в армию, но в годы Первой мировой войны т. н. «абхазская сотня», составленная из добровольцев, на полях сражении покрыла себя громкой боевой славой.

Завершая характеристику культурной общности абхазской буржуазной народности, необходимо подчеркнуть, что ленинское положение о «двух национальных культурах в культуре каждой нации» полностью распространяется и на буржуазные народности. Несмотря на целый ряд общих этнических черт в культуре буржуазной народности, в том числе и абхазской, в ней наличествуют антидемократическая культура господствующего класса и элементы демократической культуры трудящихся масс.

* * *

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в дореволюционный период абхазская народность, несмотря на определенные успехи в своем этническом развитии в условиях капитализма, не имела в конечном итоге перспектив дальнейшего роста. Население Абхазии по существу было лишено даже самого элементарного медицинского обслуживания. Правительство расходовало на это мизерные средства. Так, например, в 1913 г. на медицинские нужды по всему округу было отпущено всего 92 тыс. руб., в то время как на административно-полицейские расходы было ассигновано 165 тыс. руб.

Народные массы были лишены, конечно, и курортного обслуживания. Сухумские дома отдыха и пансионаты были совершенно недоступны трудящимся, как и т. н. Гагринская климатическая станция (открыта в 1903 г.), превращенная в буржуазно-аристократический курорт.

В результате в ряде мест Абхазии смертность среди населения превышала рождаемость. Так, по наблюдениям Н. С. Джанашиа, в конце XIX в. «в деревне Бомборы, где 38 семейств, в продолжении четырех лет родилось 11 человек, а умерло – 41. Из 11 родившихся в живых только трое. В деревне Баклановка (с. Аацы) в продолжение с 1887 по 1897 год родилось 137 человек, умерло же 260, т. е. на 123 души больше, чем родилось».

Существенных сдвигов в этом отношении не произошло и в дальнейшем. В 1909 г. жители села Квитаули обратились к властям с петицией, в которой между прочим говорилось: «Гибнем мы благодаря отсутствию медицинской помощи. Для нас недоступны как врачи, так и медикаменты... и мы предоставлены естественному течению болезни; поэтому не удивительно, если у нас смертность больше рождаемости».

В подобных условиях, разумеется, абхазский народ лишился возможности естественного прироста и подвергался опасности физического вырождения.

Такова была диалектика конкретной обстановки, в которой пребывал тогда абхазский народ: с одной стороны, объективный ход исторического развития (в частности, становление капиталистических отношений в крае и все большее втягивание его населения в общероссийскую хозяйственно-культурную жизнь) стимулировал буржуазно-этническую трансформацию абхазской народности, но, с другой стороны, жестокая колониальная политика царизма ставила ту же народность под угрозу этнического вымирания. Таких народностей в царской России было немало и спасти их могла только коренная революция.

* * *

Большую роль в процессе национальной консолидации абхазского народа сыграла революционная борьба трудящихся Абхазии против царизма и буржуазно-помещичьего строя.

Могучим фактором мобилизации народов России на борьбу против самодержавия и капитализма стали идеи марксизма-ленинизма, принципы пролетарского интернационализма. Партия большевиков и ее создатель В. И. Ленин понимали, что в многонациональной России победа социалистической революции возможна лишь при наличии четкой программы и по национальному вопросу. Творчески развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин создал стройное учение по национальному вопросу, разработал научные принципы национальной политики Коммунистической партии.

Марксизм-ленинизм раскрыл место и роль национального вопроса в эволюционном преобразовании мира, показал его подчиненность интересам классовой борьбы пролетариата, интересам социализма. Ленинское учение о полном равноправии всех наций и их праве на самоуправление сыграло огромную революционизирующую роль в национально-освободительном движении России и всего мира.

Народные массы Абхазии, руководимые местными большевистскими организациями, проявили большую революционную активность уже во время первой русской революции. Начальник Сухумского округа Джандиери показывал, что в ноябре

1905 г. им «был собран в м. Гудаутах большой сход абхазцев всего Гудаутского участка, на котором я обратился к ним с речью о необходимости для абхазского населения держаться существующего правового порядка и не примыкать ни к какому из противоправительственных движений. Когда я кончил речь то один..., встав на возвышение, со своей стороны обратился с речью к сходу на абхазском языке. Кроме того, на этом же сходе я увидел другого агитатора, тоже задержанного по настоящему делу, именно фельдшера Гудаутского приемного покоя Григория Орджоникидзе, который... как с абхазцами, так и лично со мной говорил и спорил на грузинском и русском языках... Именно он доказывал, что правового порядка уже не существует и что каждый волен действовать по своему усмотрению». Джандиери со своими приближенными вынужден был покинуть сход, т. к. основная масса его участников выразила свое согласие с большевистскими ораторами.

Царские власти в союзе с местными буржуазно-помещичьими элементами стремились насадить межнациональную рознь среди трудящихся Абхазии, в частности пытались столкнуть абхазов с представителями других национальностей, проживавших в Абхазии. Подавляющее большинство абхазского народа не поддавалось этой провокационной затее. Характерна в этом отношении позиция народного героя Хаджарата Кяхба, активно боровшегося против помещиков в начале 900-х годов. Ему были чужды какие-либо националистические идеи; он боролся, как мог за интересы всех крестьян.

На одном из многолюдных митингов в Сухуме в октябре 1905 г. были обсуждены и приняты требования народа к власти, изложенные в 17 пунктах. Хотя в целом эти требования носили мелкобуржуазный характер, но имелись пункты, которые выражали подлинные интересы и национальные чаяния абхазского народа. Так, во 2-м пункте говорилось: «Запретить административным чиновникам называть абхазское население (устно и письменно) оскорбительным и незаслуженным названием: «виновное население». В 17-м пункте выдвигалось требование о предоставлении права коренному населению занимать должности во всех учреждениях Абхазии. В 4-м пункте требовалось

разрешить вернуться на родину абхазцам, угнанным в султанскую Турцию в 1877–1878 годах, и наделения их землей из государственного фонда.

В годы реакции, нового революционного подъема и Первой мировой войны большевики вели огромную и сложную работу в массах, в частности, среди трудящихся Абхазии.

Дальнейший рост классового и национального самосознания трудовых масс абхазского народа заметно возрастает после победы Февральской буржуазно-демократической революции. Весьма характерен в этом отношении многолюдный сход собравшийся в Лыхнах в первой половине апреля 1917 г. На сходе присутствовало более трех тысяч крестьян. Выступавшие князья, дворяне и меньшевики пытались внушить крестьянам идеи об отсутствии классовой борьбы внутри абхазского народа, о единстве интересов помещиков и крестьян. Однако призыв «объединиться в этот исторический день» встретил резкий отпор со стороны трудового крестьянства. Ораторы из его среды заявляли, что крестьяне не могут объединяться с крупными землевладельцами, обладающими к тому же сословно-кастовыми привилегиями, в то время как крестьяне страдают от малоземелья и бесправия. Они требовали полной ликвидации старых порядков и передачи всей власти трудящимся. Особенное впечатление произвела речь молодого народного учителя Дмитрия Кобахиа, который сказал: «Настало время, когда униженные и обиженные будут всем; лозунг об «общенародном единстве» выдуман эксплуататорами лишь для того, чтобы примирить эксплуатируемых с нищетой и бесправием. Мы, трудовые люди, не братья тех, которые много времени стегали нас ремнями, нарезанными из нашей собственной кожи».

Однако контрреволюционное временное правительство не могло и не хотело решить социальный и национальный вопрос в интересах трудящихся. Поэтому народные массы в Абхазии, как и повсюду, с огромной радостью встретили весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало новой эре в истории человечества – эре социализма и коммунизма.

Между тем победе социалистической революции в Грузии и Абхазии суждено было задержаться еще на три года. В тече-

ние этих лет трудящиеся под руководством большевиков вели героическую борьбу за победу Советской власти, которая являлась составной частью общей борьбы трудящихся России против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

В годы меньшевистского господства народное хозяйство Абхазии, как и всей Грузии, оказалось на грани полного разорения. В глубоком упадке находилась и культурная жизнь страны. Меньшевистские заправилы с пренебрежением относились к абхазской национальной культуре. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что в Сухумской горской школе, которая для многих представителей абхазской общественности была святыней, стоял гвардейский эскадрон, а классы были превращены в конюшни. По справедливому заявлению Ш. З. Элиава, «за все время существования правительства меньшевиков мы имели систематическое попрание всяких прав абхазского народа и стремление... превратить Абхазию в объект эксплуатации».

Формально меньшевистское правительство было вынуждено предоставить Абхазии «автономные права» и санкционировать создание т. н. Абхазского народного совета, члены которого в подавляющем большинстве поддерживали политику правительства, однако существование Совета меньшевики рассматривали только как прикрытие их реакционной политики. Внутри Народного совета интересы абхазского народа защищала лишь группа т. н. «независимых социалистов» (М. Цагурия, С. Чанба, Д. Алания, И. Маргания), которая находилась под влиянием большевиков. «Независимцы», используя трибуну Совета, резко критиковали ее меньшевистское руководство и разоблачали шовинистическую политику правительства.

Под влиянием большевистской пропаганды народные массы быстро освобождались от националистических иллюзий. В этом отношении большой интерес представляют воспоминания одного из всадников абхазской сотни (Н. Кокоскерия) о беседе, которую он имел с Н. Лакоба в феврале 1918 г. Н. Лакоба спрашивает у меня, почему мы в Сухуме, а не у себя дома. Я отвечаю ему, что мы защищаем от врагов свою родину – Абхазию. Он усмехнулся и спрашивает:

– В пользу кого?

Я ему сразу отвечаю:

– В пользу абхазского народа.

На это Н. Лакоба возразил:

– Кто такие ваши начальствующие лица? Конечно, князья и дворяне. Кто такие правители города Сухума? Опять-таки они. Назови хоть одного рабочего или крестьянина среди них! Не найдешь. Следовательно, вы охраняете не народ, а кучку господствующих людей...

«Я, – признается Кокоскерия, — целый день ходил как пораженный, и мне стало стыдно носить свои погоны... Для меня открылся новый мир и новые понятия. Я твердо решил сказать своим товарищам, что мы заблуждаемся. Как решил, так и сделал... Среди всадников пошло сильное волнение».

Борьба трудящихся против меньшевистской диктатуры и за установление Советской власти систематически нарастала. В апреле 1918 г. в большей части Абхазии была установлена Советская власть, которая продержалась около 1,5 мес.

В 1919 г. меньшевистское правительство было вынуждено восстановить собственное название страны – «Абхазия» (до этого она по-прежнему именовалась Сухумским округом). Внутреннее административное деление Абхазии в основном оставалось прежним, только участки были переименованы в уезды, а местечки – Гагры, Гудауты и Очамчыры – в города.

Территориальные границы Абхазии официально были определены «от Мзымты до Ингура», но в то же время правительство попыталось отторгнуть от нее Самурзакано, чему воспротивилось само население этой области, исторически и этнически тесно связанное с Абхазией. Зато, с другой стороны, в своем стремлении присоединить к «демократической республике» Сочи-Туапсинский район меньшевистское правительство горячо апеллировало к «историческим правам абхазского народа».

В феврале 1921 г. по всей Грузии началось вооруженное восстание против меньшевиков и иностранных интервентов. В ответ на просьбу восставших рабочих и крестьян части Красной армии по указанию В. И. Ленина вступили в Грузию. 25 февраля 1921 г. Красное знамя социалистической революции было водружено над древним Тбилиси, а 4 марта – и над Сухумом. В жизни грузинского и абхазского народов началась новая эпоха.

* * *

Таким образом, к началу XX в. у абхазского народа сложилась, в основных чертах, такая степень общности экономической жизни, территории, языка и культуры, которая характерна для буржуазной народности. Однако в тех исторических условиях абхазы не только не могли сформироваться в буржуазную нацию, но и, как отмечалось, подвергались угрозе этнического вымирания. Только установление Советской власти избавило абхазский народ от этой угрозы и обеспечило ему дальнейшее поступательное развитие, но уже на принципиально новой – советской, социалистической – основе.

Г Л А В А V

ЭПОХА СОЦИАЛИЗМА

Важнейшей исторической предпосылкой возникновения и развития социалистических наций и народностей в нашей стране явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции, которая привела к установлению диктатуры пролетариата и утверждению общественной собственности на средства производства. Новая социалистическая система общественно-экономических отношений легла в основу формирования социалистических этнических общностей, которые коренным образом отличаются от этнических общностей досоветской эпохи. Если буржуазные нации и народности не могли быть внутренне тесно сплоченными в силу разъедавших их антогонистически-классовых противоречий, то нации и народности социалистической эпохи, которые состоят из дружественных классов и социальных прослоек, являются несравненно более прочными и устойчивыми этническими единицами. Важной особенностью этнического развития в социалистическую эпоху является то обстоятельство, что ведущую силу в этом процессе представляет рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, которая обеспечивает планомерную организацию национального строительства.

Сейчас же после победы Октябрьской революции II Всероссийский съезд Советов по инициативе В. И. Ленина торжественно заявил, что всем национальностям, населяющим Россию, будет обеспечено «подлинное право на самоопределение», а спустя неделю, 2 ноября 1917 года (ст. стиль), советское правительство приняло «Декларацию прав народов России», которая «провозгласила равенство и суверенность всех народов страны».

С этого времени марксистско-ленинская теория по национальному вопросу становится активной практической политикой нашей партии в деле национального строительства и межнациональных отношений. Одной из важнейших задач национальной политики партии было преодоление фактического неравенства (социально-экономического и культурного) между народами нашей страны. В резолюции X съезда РКП (б) (1921 г.) особо подчеркивалась необходимость «последовательной ликвидации всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни».

Совершенно очевидно, что отсталые народы бывшей Российской империи, и, в первую очередь, малые народности, не могли добиться осуществления фактического равенства только собственными силами. В этом деле им требовалась систематическая помощь со стороны более развитых наций нашей страны и прежде всего со стороны великого русского народа и его рабочего класса. В резолюции XII съезда РКП (б) (1923 г.) подчеркивалось, что преодолеть фактическое неравенство «можно лишь путем действительной и длительной помощи со стороны русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния. Помощь эта должна, в первую очередь, выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения».

К числу малых советских народностей, которые особенно нуждались в повседневной помощи во всех сферах социально-экономической, политической и культурной жизни, принадлежали и абхазы. Их дальнейшее развитие, в частности и этническое, постоянно испытывало благотворное влияние и всемерную поддержку со стороны русского, грузинского и других народов нашей страны.

После победы Советской власти в Абхазии на базе развития социалистических общественно-экономических отношений происходил процесс ломки старой буржуазно-феодальной народности, складывание на ее развалинах абхазской социалистической народности.

Как известно, досоветские народности, не успевшие сформироваться в нации, – а такие малые («вымирающие») народности, как абхазская, вообще не имели этой перспективы, – после победы социалистической революции стали складываться сначала в социалистические народности, а затем уже на их базе – в социалистические нации, в отличие от буржуазных наций нашей страны, которые сразу же после победы Советской власти стали формироваться в социалистические нации (русские, украинцы, грузины, армяне и др.).

В процессе своего этнического развития за годы Советской власти абхазская национальная общность прошла следующие стадии или этапы:

1. Складывание социалистической народности (1921 – конец 30-х годов).
2. Формирование социалистической нации (конец 30-х – конец 50-х годов).
3. Развитие абхазской социалистической нации (с конца 50-х годов).

Ниже будет дан краткий обзор этнического развития абхазской социалистической национальной общности в соответствии с указанной периодизацией.

§ 1. Абхазская социалистическая народность

Социалистическая народность представляет собой этническую общность эпохи социализма, возникшую на базе относительной общности экономической жизни, территории, языка и культуры и отраженную в ее национальном самосознании.

Хотя общность основных этнических признаков социалистической народности, как и у всякой народности, по степени своей прочности является относительной, но в целом эта прочность значительно устойчивее, чем у буржуазной (не говоря уже о феодальной) народности. Объясняется это отмеченным выше коренным различием между социалистическим и буржуазным этносами.

Однако, с другой стороны, устойчивость этнических признаков социалистической народности значительно слабее устойчивости таковых у социалистической нации. Это было, пре-

жде всего, следствием их крайней социально-экономической и культурной отсталости, унаследованной от дореволюционного прошлого. Одним из проявлений этого было полное (или почти полное) отсутствие у народности национального рабочего класса, который, как известно, является ведущим классом социалистической нации.

На первом этапе этнического развития абхазского народа в советский период быстрыми темпами происходила прогрессивная ликвидация его фактического неравенства с русским и другими более развитыми народами нашей страны. В этом отношении на примере Абхазии мы имеем яркое проявление торжества ленинской национальной политики, окончательного решения национального вопроса в том виде, в каком он достался нам от дореволюционного времени.

Как указывалось, Советская власть в Абхазии получила в наследство отсталую, примитивную буржуазно-феодалную экономику, густо опутанную многочисленными дофеодалными, в частности, патриархальными пережитками.

Восстановление народного хозяйства и коренные социально-экономические и культурные преобразования стали осуществляться в Абхазии с первых же дней установления Советской власти.

Экономические основы формирования абхазской социалистической народности. Чтобы быстрее ликвидировать экономическое неравенство отсталых районов бывшей Российской империи, партия, как известно, первостепенное значение придавала их промышленному развитию. В этом отношении в таком отсталом крае, каким была Абхазия того времени, практически приходилось начинать с нуля, так как за годы Первой мировой войны и меньшевистского господства даже та незначительная промышленность, которая до этого здесь имелась, оказалась свернутой более, чем наполовину. Из 30-ти небольших предприятий, зарегистрированных в Абхазии в 1921 году, половина бездействовала, а остальные работали с перебоями. Самыми крупными предприятиями республики были Сухумская типография с 33 рабочими и Кодорский лесозавод с 22 рабочими.

В первые годы Советской власти основное внимание уделялось восстановлению старых и созданию новых промышлен-

ных предприятий, преимущественно пищевых и лесоперерабатывающих. Уже в 1923 – 1924 годах в промышленность Абхазии было вложено более 400 тысяч рублей. Большую помощь Абхазии оказывала Российская федерация. В 1925 году из Ленинграда поступило оборудование для Сухумской табачной фабрики, которая отныне стала самым крупным в крае предприятием пищевой промышленности. В следующем году на базе оборудования, полученного из Смоленска, вступил в строй спиртоводочный завод в Гудаутах. В результате к концу восстановительного периода промышленность Абхазии значительно превзошла довоенный уровень.

В 1926 году начались геологоразведочные работы в Ткварчели. Первопроходчиками здесь были шахтеры с Донбасса, а также местные рабочие, значительная часть которых получила в том же Донбассе практическую подготовку. Первая шахта в Ткварчели вступила в строй в 1935 году, а в 1936 году здесь было добыто 112 тысяч тонн угля, в 1940 году – 230 тысяч тонн.

В горняцком Ткварчели сразу же сложился дружный интернациональный коллектив, в котором твердую закалку получали шахтеры-абхазы – один из передовых отрядов сформировавшегося абхазского рабочего класса.

Для дальнейшего развития народного хозяйства республики требовалось создание мощной электроэнергетической базы. В 1932 году началось строительство Сухумской ГЭС, а в следующем году – Ткварчельской ГРЭС. В результате к 1940 году выработка электроэнергии в Абхазии составила 154 млн. квт. ч. (вместо 5 млн. квт. ч. в 1932 году).

В Абхазии, наряду с существенным развитием горной и электроэнергетической промышленности, быстрое развитие получили легкая и пищевкусовая промышленность. Здесь строились чайные фабрики, табачно-ферментационные и эфирномасличные заводы, а также кожевенно-обувной комбинат, рыбзаводы, хлебозаводы, винзаводы, кондитерская фабрика, консервный завод и др. Только пищевая промышленность в 1940 году дала продукции на 37,6 млн. рублей против 191,6 тыс. рублей в 1928 – 1929 годах (в сопоставимых ценах). В 1940 году ее продукция составила 56 проц. всей промышленной продукции

Абхазии. Ведущее место в ней занимала табачная промышленность, второе место – чайная промышленность.

Из предприятий легкой промышленности особое место занимало кожевенно-обувное производство. Выпуск обуви с 1932 года по 1940 год вырос в 10,5 раз и составил 424 тысячи пар.

Индустриализация Абхазской АССР, будучи органической частью процесса индустриализации страны в целом, широко финансировалась из бюджетов Грузинской ССР, РСФСР и общесоюзного. Новостройки республики систематически получали помощь оборудованием, стройматериалами, а также квалифицированной рабочей силой и специалистами высшей и средней квалификации.

Процесс индустриализации в Абхазии, как указывает А. Абшилава, происходил в соответствии с местными условиями. «Необходимости создания всего промышленного комплекса здесь не было. На первых порах строились предприятия, которые были связаны с промышленной переработкой сельскохозяйственной продукции и лесобработывающие заводы. Это не противоречило установке партии на преимущественное развитие тяжелой промышленности, так как социалистическое разделение труда между республиками, специализация и кооперирование в едином хозяйственном организме страны взаимно дополняют друг друга».

Цитированный автор указывает и на другую особенность индустриализации Абхазии, а именно: хронологические рамки индустриализации здесь не совпадают полностью с периодом индустриализации в СССР. В нашей стране, как известно, социалистическая индустриализация началась в 1926 году, а в Абхазии – только с принятием первого пятилетнего плана 1928–1932 гг. Хотя темпы индустриализации в Абхазии были выше темпов по стране в целом, но индустриализация республики в довоенные годы не была завершена. Индустриализация Абхазии, значительно заторможенная в годы Великой Отечественной войны, продолжалась и в послевоенный период.

«Развитие промышленности Абхазии в довоенные годы, – пишет далее А. Абшилава, – гармонически сочеталось с потребностями развития всего народного хозяйства Абхазской АССР,

Грузинской ССР, других республик Закавказья и всей Советской страны».

Продукция, выпускавшаяся промышленностью Абхазии (чай, табак, консервы, обувь и др.), частично реализовалась во многих республиках и областях страны, частично оседала в районах, территориально тяготеющих к Абхазии – республики Закавказья, Северный Кавказ, отчасти Украина (каменный уголь, энергоресурсы и др.) и, наконец, частично реализовалась в самой Абхазии.

Успехи промышленного развития Абхазской АССР в довоенные годы в значительной мере способствовали упрочению экономической общности ее населения, и в частности, экономической общности абхазского этноса.

Весьма важную роль в этом сыграло и социалистическое преобразование сельского хозяйства республики.

* * *

После установления Советской власти в Абхазии сразу же началась реализация аграрной программы Коммунистической партии. Было ликвидировано крупное помещичье землевладение без выкупа. Крестьяне Абхазии получили более 40 тысяч бывших частновладельческих земель. «Первые аграрные преобразования, уничтожив помещичье феодальное землевладение, создали условия для ограничения капиталистического, кулацкого хозяйства и постепенного прихода крестьян к социализму путем социалистического кооперирования. Одним из важнейших условий для этого была социалистическая национализация земли, осуществленная на основе ленинского декрета о земле» (А. Куправа, С. Шария).

В доколхозной абхазской деревне относительно быстро развивались простейшие формы сельскохозяйственной кооперации, которые вскоре получили широкое распространение. Кооперация способствовала росту производительных сил, влияла на развитие экономических связей деревни, обеспечивала укрепление низших групп крестьянства, ограничивала предпринимательскую деятельность эксплуататорских элементов, содействовала осереднячиванию сельского населения.

Различные формы кооперации, распространенные в абхазской деревне, сыграли важную роль в деле складывания предпосылок для внедрения более высшей формы коллективного хозяйства – сельскохозяйственной артели.

Однако, как пишут цитированные выше авторы, «подготовка и проведение коллективизации в Абхазии осложнились спецификой края. Она выражалась в экономической отсталости, в сохранении в деревне патриархально-феодалных пережитков. Осуществление этого процесса затруднялось также другими факторами: пестротой национального состава, различным уровнем культуры, плохо налаженной транспортной связью, большой разбросанностью деревень, многоотраслевым характером сельского хозяйства, сравнительной слабостью политико-организационных предпосылок. Указанные особенности и факторы не могли изменить общих закономерностей коллективизации сельского хозяйства, но они оказывали влияние на формы, методы и сроки его осуществления».

В частности, надо указать на то обстоятельство, что колхозное строительство в Абхазии хронологически развертывалось значительно позднее, чем в ведущих районах страны. Если в последних к концу 1929 года началась сплошная коллективизация, то в Абхазии этот процесс происходил на несколько лет позже. Процент коллективизации в декабре 1929 года составлял здесь всего 3,4 проц., к концу 1930 года – 18,2 проц., в 1931 г. – 32,8 проц.

До середины 1931 года в Абхазии в колхозы шли в основном бедняки и батраки, и лишь после этого в колхозы стали вступать средние крестьяне. Однако зимой и весной 1932 г. имел место выход из колхозов определенной части середняков, главной причиной чего были левацкие перегибы, выразившиеся в попытках форсировать коллективизацию сверху.

В течение 1933 – 1934 гг. партийная организация республики вела большую организаторскую и политическую работу на селе. Во второй половине 1933 года на постоянную работу в деревне были посланы 153 партийных и советских работников, рабочие бригады. На село была направлена значительная сельскохозяйственная техника, в том числе десятки тракторов. В 1934 году в республике функционировало три МТС. Учитывая все

это, VII съезд Советов Абхазии в январе 1935 года дал директиву: «Развернуть работу по организации нового притока трудящихся единоличников в колхозы, не нарушая принципа добровольности колхозного строительства».

В результате проведенной на селе работы уровень коллективизации в Абхазии поднялся в 1935 году до 72 проц., а в 1940 году составил 93,8 проц. Таким образом, решающая победа в колхозном строительстве Абхазии была достигнута в 1935 году. Этот год и считается переломным в коллективизации сельского хозяйства в Абхазии (хотя в Гальском и Очамчирском районах он наступил несколько раньше). Социалистическая реконструкция сельского хозяйства Абхазии завершилась в основном во второй пятилетке, в то время как по стране в целом это произошло к концу первой пятилетки.

Важное значение в социалистическом преобразовании абхазской деревни имело совхозное строительство. Еще в 1921 году в Абхазии было организовано 5 совхозов, а в 1929 году их имелось уже 9. В 1940 году в Абхазии было 13 совхозов, которые занимали около 7 тысяч га земли и обладали основными фондами в 41,5 млн. рублей.

Создание в деревне колхозного строя вместо раздробленной на мелкие частные хозяйства сельской экономики также имело весьма важное значение для дальнейшей этнической консолидации абхазской социалистической народности.

* * *

Весьма существенную роль в этническом развитии, в частности, в деле развития и упрочения экономической и культурной общности народа, как известно, играет дорожное строительство, развитие транспорта.

В этом отношении в республике было сделано многое, особенно с начала 30-х годов. Черноморское шоссе во многих местах было выпрямлено и покрыто гудроном, а во многих местах защищено стенами от оползней и паводков. Велось строительство новых дорог, в частности, к оз. Рица, приводились в порядок проселочные дороги. Сухуми оказался тесно связан

шоссейными путями не только со всеми районными центрами, но и со многими селами.

Большое развитие получило морское судоходство как местное, пригородное, так и межреспубликанское. Строились новые причалы, в частности, в Сухуми были построены большая грузопассажирская пристань и морской вокзал. В 30-х годах Абхазия связалась регулярным воздушным сообщением с Москвой, Тбилиси и многими другими городами страны. Авиалиния связала Сухуми и с высокогорным селом Псху, которое до этого большую часть года было оторвано от других мест.

Первостепенную роль в развитии общности экономической жизни играет рост внутренней торговли. К концу 20-х годов частник в значительной мере был вытеснен из розничного товарооборота, зато быстро росла сеть государственных торговых точек. В 1928 году в Абхазии было 105 предприятий розничной торговли и общественного питания с оборотом 1,4 млн. руб., в 1932 году – 650 предприятий с оборотом в 10,9 млн. руб., а в 1940 году – 1 072 предприятия с товарооборотом в 33,7 млн. руб., т. е. более 100 рублей на душу населения (в 1940 году население Абхазии составило около 315 тысяч человек).

Немалое значение в процессах этнической консолидации придается развитию связи. В довоенный период в республике систематически росло число предприятий связи – почты, телефона и телеграфа. Если в 1921 году их было 14, то в 1930 году их стало вдвое больше – 29, а в 1940 – 52 предприятия. Протяженность почтовых маршрутов в одну сторону возросла с 104 км в 1921 году до 448 км в 1940 году.

Была внедрена и систематически росла радиосеть. Если в 1930 году в республике числилось 650 трансляционных радиоточек, то в 1940 году их было уже 2426 и 1320 радиоприемников.

* * *

Большие успехи в довоенные годы были достигнуты в области здравоохранения. Если до революции в Абхазии было всего 8 врачей, то к 1940 году их число возросло до 382, а число больничных учреждений – с 4 до 40, а коек в них с 92 до 1 380.

Число фельдшерско-лабораторных учреждений возросло с 1 до 87.

Если в 1921 году в Абхазии имелось всего два санатория на 150 коек, то в 1940 году здесь насчитывалось 42 санаториев с 2 250 койками и 20 домов отдыха с 2 072 койками.

Особо следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период в Абхазии полностью было ликвидировано такое заболевание, как малярия, которая до революции являлась бичом местного населения и уносила много человеческих жизней.

В результате неуклонного роста материального благосостояния и культурного уровня населения, улучшения медицинского обслуживания смертность населения значительно сократилась и составила в 1940 году на 1 000 жителей 9 против 17 в 1928 году, а естественный прирост за эти же годы увеличился с 9 до 17, то есть почти вдвое.

Политические основы формирования абхазской социалистической нации. В этнической истории абхазского народа в советский период огромное значение имело создание и развитие в Абхазии советской социалистической государственности.

Как известно, меньшевистские власти, по примеру царских властей, осуществляли в Абхазии политику жестокого национального угнетения. Г. К. Орджоникидзе говорил по этому поводу: «Меньшевистское правительство рассматривало Абхазию как придаточный орган Грузии. И давать ей свободу, хотя они сами много кричали о ней, о национальном самоопределении, в меньшевистской партии считалось преступлением. И когда Абхазия попыталась добиться свободы, когда восстала за свое освобождение, то меньшевики расправились с ней пушками и пулеметами, и от грузинского меньшевистского правительства Абхазия не добила никакой свободы, никаких прав».

Указанное обстоятельство привело к тому, что после установления Советской власти дело решения национального вопроса в Абхазии столкнулось с большими трудностями. Обстановка того момента потребовала превращения Советской Абхазии в самостоятельную республику. В конце марта в Батуме под руководством Г. К. Орджоникидзе, состоялось совещание ответственных работников Кавбюро ЦК РКП (б), ЦК КП Грузии и Абхазии,

которое единогласно приняло решение объявить Абхазию независимой Советской Социалистической Республикой, а ее партийную организацию именовать Оргбюро РКП (б) в Абхазии. 25 мая 1921 года Ревком Грузии издал декларацию «О независимости Социалистической Советской Республики Абхазии», в которой говорилось, что Ревком Грузии «признает и приветствует образование этой республики». Состоявшийся в то же время I съезд трудящихся Абхазии принял резолюцию, в которой отмечалось: «Для изжития национальной розни и для закрепления братского союза Грузии и Абхазии – объявление самостоятельности Абхазии признать правильным».

В своем выступлении на партийном совещании, состоявшемся в августе 1921 года, Г. К. Орджоникидзе, касаясь вопроса о независимости Абхазии, заявил: «Пусть Абхазия будет независима, пусть она излечит свои раны, нанесенные меньшевиками, но в дальнейшем абхазцы сами убедятся в необходимости тесного объединения с советской соседкой – Грузией». И действительно, уже в октябре 1921 года в совместном расширенном заседании пленума Оргбюро РКП (б) и Ревкома Абхазии было принято решение установить тесные связи между Грузией и Абхазией путем заключения, «официального договора двух союзных равноправных республик».

Спустя месяц, 16 ноября 1921 года, Кавбюро ЦК РКП(б) приняло решение «считать экономически и политически целесообразным существование независимой Абхазии», и уже 16 декабря 1921 года представители Грузии и Абхазии подписали в Тифлисе союзный договор между обеими республиками. В договоре говорилось: «Исходя из глубокой общности национальных уз, связывающих трудящиеся массы Грузии и Абхазии и принимая во внимание, что только полное объединение всех сил обеих братских республик может обеспечить как интересы их, так и интересы великой пролетарской революции, Советская Социалистическая Республика Грузии и Советская Социалистическая Республика Абхазии вступают между собой в военный, политический и финансово-экономический союз». В последнем пункте договора говорилось, что «в Федерацию закавказских республик Абхазия входит через Грузию».

Трудящиеся Абхазии единодушно поддержали идею объединения закавказских республик в федеративную республику и образования единого Союза ССР. Чрезвычайный съезд Советов Абхазии, созванный в конце ноября 1922 года, выражая волю абхазского народа, всего населения Абхазии торжественно заявил: «Мы все, как один, заявляем от имени трудящихся Абхазии, что всеми силами будем поддерживать Союз Советов в его работе на благо трудящихся Закавказья. Да здравствует братский союз закавказских республик! Да здравствует единый союз всех республик!».

Образование СССР, как известно, сыграло огромную прогрессивную роль в этнической истории всех народов нашей страны, в том числе и в этническом развитии абхазского народа. «В образовании, укреплении и развитии этого могучего союза равноправных народов, ставших на путь социализма, сыграли свою роль все нации и народности нашей страны, и прежде всего великий русский народ» (Л. И. Брежнев).

В апреле 1925 года III съезд Советов ССР Абхазии утвердил и ввел в действие Конституцию республики. В 4 статье Конституции говорилось: «ССР Абхазия, объединившись на основе особого Союзного договора с ССР Грузией, через нее входит в Закавказскую Социалистическую федеративную Советскую республику, и в составе последней – в Союз Советских Социалистических Республик». В Конституции ССР Грузии, принятой в 1926 году, имелась специальная глава (5) – «О договорной Социалистической Советской Республике Абхазии», которая содержала основные принципы договорных взаимоотношений между обеими республиками.

В области национально-государственного строительства в Абхазии важное значение имела коренизация государственного аппарата. Уже в 1929 году в городских и сельских Советах республики абхазы составляли около 32 процентов общего числа депутатов, грузины – 37 проц. В ведущих наркоматах и других руководящих учреждениях абхазы составляли около 25 проц. их личного состава. В постановлении ЦК КП(б) Грузии от 10 марта 1931 года предлагалось продолжать коренизацию аппарата сверху донизу и предусматривалось проведение ряда практических мер по дальнейшей подготовке кадров работников госаппарата.

парата абхазской национальности. Коренизация как центральных, так и низовых органов власти была в основном закончена в Абхазии в годы завершения строительства социализма в нашей стране.

В период наступления социализма по всему фронту и ликвидации на этой основе недоверия между национальностями, договорные отношения между Абхазией и Грузией изжили себя. Поэтому в апреле 1930 года III сессия ЦИК Абхазии поставила вопрос о преобразовании «Договорной Абхазии» в автономную республику. Было решено исключить из Конституции ССР Абхазии название «Договорная Республика», заменив ее словами «Автономная Республика». Это решение было утверждено на VI съезде Советов Абхазии, состоявшемся в феврале 1931 года. В том же году VI съезд Советов Грузии постановил считать договор между Грузией и Абхазией от 16 декабря 1921 года утратившим силу и «ввести Социалистическую Советскую Республику Абхазию в состав Социалистической Советской Республики Грузии в качестве автономной республики». С этого времени Абхазия стала называться Абхазской Автономной Советской Социалистической Республикой. Отныне исторические взаимосвязи братских грузинского и абхазского народов получают свое дальнейшее развитие и становятся еще более тесными.

Таким образом, как правильно заключает Б. Сагария, советское государственное строительство в Абхазии прошло в своем развитии три этапа: 1. До 16 декабря 1921 года Абхазия была самостоятельной Советской Социалистической Республикой. 2. С декабря 1921 года до февраля 1931 года Абхазия была связана с Грузией договорными условиями и строила свои взаимоотношения с ней на федеративных началах. 3. С февраля 1931 года Абхазия становится автономной республикой в составе ССР Грузии.

* * *

Ленинская национальная политика осуществлялась в Абхазии в борьбе с различными националистическими уклонами, как великодержавным, так и местно-националистическим, имевшими место особенно в первые годы Советской власти.

Так, грузинские национал-уклонисты выступили против декларации Ревкома Грузии о предоставлении Абхазии независимости, которая в тот момент была исторической необходимостью. «Мотивировали» они свое требование тем, что абхазы не составляли большинства в населении Абхазии, забывая при этом, что одной из причин образования Абхазской АССР была задача разрешения национального вопроса внутри самой Абхазии. Шовинисты выступали, в частности, и против мер по развитию абхазской национальной культуры и языка.

На II съезде КП(б) Грузии (1923 г.) великодержавные шовинисты получили решительный отпор.

Вскоре национальные отношения в Абхазии полностью вошли в нормальное русло. В 1936 году Н. Лакоба в своем выступлении в связи с 15-летием Советской Абхазии констатировал: «До Советской власти Абхазия страдала от междунациональной вражды, которую сознательно раздували царские приспешники, а позже грузинские меньшевики. Это зло уничтожила Советская власть – в этом крупнейшее достижение партии... Дружно живут и работают трудящиеся Абхазии».

Территориальная база формирования абхазской социалистической народности. Территория Абхазской АССР, государственные границы ее окончательно сформировались к концу 1920-х годов.

После установления Советской власти обстоятельства сложились так, что Пиленковская волость, к северу от реки Багерипста (Холодная), вошла в состав Сочинского района. В апреле 1922 года ЦИК Абхазии обратился к правительству РСФСР с просьбой восстановить границы Абхазии до р. Псоу. После изучения вопроса ЦИК СССР в октябре 1924 года принял постановление о присоединении Пиленковской волости к Абхазии, ибо это диктовалось историческими предпосылками и экономической целесообразностью. Однако президиум Юго-Восточного крайисполкома, в котором подвизались шовинистические элементы, отказался выполнить это решение ЦИК СССР. Вопрос был окончательно разрешен в пользу Абхазии только в начале 1929 года. Пиленково (ныне Гантиади) и Ермоловка (ныне Леселидзе) были включены в состав Абхазской АССР. V

съезд Советов Абхазии, созданный в апреле 1929 года, приветствовал делегатов Пиленковского района, впервые прибывших на съезд Советов. В своем выступлении на съезде Н. А. Лакоба указал на необходимость принять меры «для экономического и культурного развития этого района».

Таким образом, государственные территориальные границы Абхазии были окончательно определены.

Однако вопрос о территориальной общности абхазской народности этим не исчерпывался. Дело в том, что абхазы компактно проживали только в двух районах республики – Гудаутском и Очамчирском, которые территориально были почти разобщены, так как в расположенном между ними Сухумском районе (историческая Гума) после махаджирства, как выше сообщалось, почти не осталось абхазского населения. По данным переписи 1926 г. в Сухуме проживало всего 600 абхазов, а в Сухумском районе – 1 515 человек. Интересы дальнейшего развития территориальной общности абхазской народности требовали увеличения численности абхазов в Сухуми и прилегающем к нему районе. Очередная перепись, проведенная в нашей стране в 1939 году, констатировала определенные положительные сдвиги в этом направлении. Хотя в сельских местностях Сухумского района абхазское население возросло незначительно, составив всего 1 900 человек, но в г. Сухуме оно увеличилось в 4 раза и достигло 2415 человек. Таким образом, если в 1926 году в Центральной Абхазии обитало всего 4,4 процента абхазов, проживающих в Абхазии, то в 1939 году они составляли почти 8 процентов.

Развитие языка абхазской социалистической народности. Великая Октябрьская революция обеспечила равноправие и необходимые условия для всестороннего развития языков народов нашей страны, особенно языков ранее угнетавшихся наций и народностей. В первой Конституции Грузинской ССР, принятой в 1922 году, было сказано: «Национальным меньшинствам Грузинской ССР обеспечивается право свободного развития и употребления родного языка как в своих национально-культурных, так и в общегосударственных учреждениях».

Решением правительственных органов Абхазии и Грузии языками государственных учреждений в республике становятся

абхазский, грузинский и русский языки. В соответствующем постановлении правительственных органов республики по этому поводу говорилось: «Учитывая многонациональный состав Абхазии, рабоче-крестьянская власть, соответственно численному превосходству в республике абхазского и грузинского населения, имея в виду политическое и культурное значение русского языка, его распространение в Абхазии, признает необходимым избрать в качестве преимущественных языков для официальных отношений языки – абхазский, грузинский, русский, обеспечивая в то же время за органами власти в сельских местностях право пользования языком большинства населения, принадлежащего к национальным меньшинствам».

После победы Советской власти начался новый (третий) период в развитии абхазского литературного языка. В этот период абхазский литературный язык, «продолжая формироваться на основе абжуйского диалекта (главным образом в фонетическом отношении), постепенно меняет свой облик, все более обогащаясь новой терминологией и фразеологией, усложняя свой синтаксис и пр. Влияние абхазского литературного языка на речевую деятельность всех носителей абхазского языка, не исключая молодое поколение бзыбцев усиливается» (А. Генко).

В 20 – 30-х годах была проведена значительная работа по упорядочению научной и общественно-политической терминологии абхазского литературного языка, по установлению его грамматических норм, орфографии и т. д.

Весьма значительно расширяются социальные функции абхазского литературного языка, который теперь становится языком школьного преподавания. Большое значение в этой связи имело дальнейшее развитие абхазской национальной письменности, хотя частая смена алфавитов, которая имела место в 20 – 30-х годах, не могла не сыграть в некоторой степени отрицательной роли. Так, в 1926 году был отменен прежний алфавит на основе русской графики и вместо него введен латинизированный, т. н. аналитический алфавит Н. Я. Марра. Но затем, ввиду его многочисленных недостатков, в 1929 году был введен новый латинизированный алфавит, составленный Н. Яковлевым. В 1938 году вводится абхазский алфавит на базе грузинской графики, в основу которого был положен проект Д. Гулиа,

С. Джанашиа и А. Шанидзе. Абхазская письменность на основе грузинского алфавита функционировала в течение 16 лет. В 1954 году введен новый алфавит на русской графической основе.

Относительно быстрому распространению абхазского литературного языка способствовало то обстоятельство, что два основных диалекта абхазского языка весьма близки друг к другу. «Сопоставление грамматического строя бзыбского и абжуйского диалектов показывает, – пишет Х. Бгажба, – что как в морфологии, так и в синтаксисе грамматические системы этих диалектов почти тождественны».

Наряду с развитием абхазского литературного языка систематически росло и ширилось распространение среди абхазов русского языка, который в многонациональной Абхазии играл роль основного языка межнационального общения. Русский язык преподавался в абхазских школах, подавляющее большинство абхазов, получавших высшее и среднее специальное образование, обучалось в русских учебных заведениях. Среди абхазов все более широкое распространение получал абхазско-русский билингвизм (двуязычие).

Благородному делу обучения абхазских детей посвятили себя многие местные преподаватели. Один из них, заслуженный учитель Абхазии С. Ашванба впоследствии вспоминал: «Сорок восемь лет отдал я преподаванию русского языка. За эти годы только я – один учитель русского языка из большой армии моих коллег – научил ему тысячи абхазских ребятишек. И всегда, приходя на очередной урок, я старался дать ему не только какую-то сумму знаний, но и привить любовь к русскому языку... Я горд, безмерно счастлив, что ребята, узнавшие великий, могучий русский язык с моей помощью, полюбили, оценили его, прониклись к нему глубоким уважением, искренней благодарностью как к настоящему, большому другу».

Важную роль в распространении русского языка среди учащихся абхазов сыграли учебники русского языка для абхазских школ, авторами которых явились Л. Иванов, А. Чочуа, К. Карпов и особенно А. Давидовский.

Культурные основы формирования абхазской социалистической народности. Значительное большинство трудя-

щихся дореволюционной Абхазии было лишено элементарной грамотности. Советской власти пришлось провести в республике колоссальную работу в области культурного строительства и, в первую очередь, по развитию народного образования. Систематически росла в Абхазии сеть общеобразовательных школ и число учащихся в них, о чем свидетельствует приводимая ниже таблица.

**Общеобразовательные школы Абхазии
(на начало учебного года)**

Годы	Число школ	Число учащихся
1921	146	10468
1923	237	14797
1926	273	19 179
1933	438	44093
1940	461	64448

Весьма показателен за эти годы рост удельного веса сельских школ в республике. Так, если в 1928/29 учебном году в селениях было только 2 средние школы, то в 1940 году из 55 средних школ республики в селениях работали 34 школы, т. е. 62 процента.

Вместе с ростом количества школ росло, естественно, и число учителей. Если в 1921 году в школах Абхазии работало всего 238 учителей, то в 1928 году их было 813, а в 1940 г. число учителей составило 2 962 человека.

Систематически росло также количество абхазских национальных школ и число учащихся. Так, если в 1921/22 учебном году было открыто 20 абхазских школ с числом учащихся 2503 человека, то в 1925/26 учебном году насчитывалось 43 абхазские школы с более чем 3 500 учащихся.

В первые годы Советской власти абхазская школа испытывала большой недостаток в учителях-абхазах. Помимо Сухумского педагогического техникума, который готовил препода-

давателей вообще, в 1926 году были открыты специальные курсы для подготовки преподавателей для абхазских школ. Задача обеспечения абхазских школ квалифицированными преподавателями к концу первой пятилетию в основном была решена.

В 1940/41 учебном году в Абхазской АССР имелось уже 78 абхазских школ, которые были обеспечены в основном преподавателями, а также учебниками на родном языке. Большую работу в деле развития абхазской школы и по созданию учебной литературы на абхазском языке провели Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, П. С. Шакрыл, С. П. Басария, К. С. Шакрыл, Д.Х. Барцыц, Б.А. Кация, Е. В. Тарнава, А. Е. Хашба, В. М. Маан, Б. П. Джанашия, С. М. Бадия, В. И. Кукба, А. Ш. Ардзинба и другие.

Широко развернулась в Абхазии работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже в 1921 году. 4 июля 1921 года Ревком Грузинской ССР издал декрет о ликвидации неграмотности, а 12 декабря того же года постановление «О ликвидации безграмотности среди населения Абхазии» было принято абхазским Ревкомом, который обязывал все неграмотное население республики в возрасте от 14 до 50 лет обучаться грамоте в школах, открываемых Политпросветом. В постановлении Ревкома подчеркивалось, что «это мероприятие осуществляется в целях предоставления населению республики возможности сознательного участия в общественной жизни страны».

Однако ввиду недостатка учительских кадров, плановая работа по ликбезу фактически была начата летом 1923 года. К этому времени был закончен учет неграмотных и малограмотных. Из общего числа населения Абхазии, которое исчислялось в 180 тыс. чел., - полностью безграмотных оказалось 124656 человек, то есть 69 проц. Среди них взрослых (от 18 до 50 лет), подлежащих обязательной ликвидации неграмотности, числилось 41,5 тыс. человек, причем, если общее число неграмотных мужчин в возрасте от 18 до 40 лет составляло 60,4 процента от их общего числа, то неграмотных женщин было еще больше – 92,3 процента.

Весьма значителен был процент неграмотных среди собственно абхазов. Даже по данным переписи 1926 г. из общего их числа в 50 тыс. чел. грамотных на родном языке было всего 2

736 человек, в целом же процент грамотных среди всего населения Абхазии в 1926 году составлял в среднем 33, а на селе – 25,7 проц.

В начале 30-х годов работа по ликбезу значительно расширилась. В 1931 – 1932 гг. общее число школ ликбеза в Абхазии достигло 667 и школ для малограмотных – 467. Работа по ликвидации неграмотности в Абхазской АССР в основном закончена к 1937 году – ко времени победы социализма в нашей стране. В 1940 году малограмотных в Абхазии насчитывалось около 10 тыс. человек, т. е. 3 процента населения. Таким образом, республика стала краем почти сплошной грамотности.

Вскоре после установления Советской власти в Абхазии открываются и специальные учебные заведения. Поскольку республика испытывала острую нехватку учителей, то уже в 1921 году в Сухуме были открыты учительские курсы для повышения квалификации преподавателей. В 1926 году в Сухуме создаются педагогические курсы для подготовки учителей в абхазские школы, которые затем были преобразованы в Абхазский педтехникум. Появляются и другие средние специальные учебные заведения. Так, в 1924 г. был создан Новоафонский сельскохозяйственный техникум (в 1924 году переведен в Гагра), затем Очамчирский ветеринарно-зоотехнический техникум, Гудаутский табачный техникум, Сухумский медицинский техникум, музыкальный техникум и др.

1932 год весьма важная веха в истории специального образования в Абхазии. В этом году основаны два высших учебных заведения – Сухумский государственный педагогический институт имени Н. Лакоба (ныне имени М. Горького) и Всесоюзный институт субтропических культур (функционировал до 1937 года).

Сухумский госпединститут стал настоящей кузницей кадров для народного образования; в 1940 году в нем обучалось 1400 студентов. Многие выпускники института работали и в других отраслях культуры и народного хозяйства.

Большое значение имело также открытие в Сухуми Абхазского филиала института усовершенствования учителей Наркомпроса ГССР.

В вузах и средних специальных учебных заведениях Абхазии обучалось немало представителей абхазской национальности, которые по окончании этих учебных заведений пополняли ряды формировавшейся абхазской советской интеллигенции.

Поистине широкие масштабы за годы социалистического строительства получила в Абхазии научно-исследовательская работа. В 1922 году по инициативе руководящих органов республики было учреждено Абхазское научное общество (АБНО), которое в основном занималось изучением производительных сил края. В 1924 году по предложению акад. Н. Я. Марра была организована т. н. Академия абхазского языка.

В августе 1931 года на базе названных выше двух научных учреждений был создан Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АБНИИК), введенный затем в систему Грузинского филиала АН СССР.

Постепенно в Абхазии создается и ряд других научно-исследовательских учреждений. В 1932 году на базе открытого в 1927 году Обезьянего питомника был создан Институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). В 1933 году был организован Сухумский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института чая и субтропических культур, в 1937 году основана Сухумская зонально-опытная станция эфирно-масличных культур. Всего к 1940 году в Абхазии числилось 12 научно-исследовательских учреждений, в то время как в 1921 году их было только два.

Ведущим научным учреждением в Абхазии являлся АБНИИК, который занимался изучением языка, литературы, истории и производительных сил в Абхазии. Большое значение имел выход трудов по истории, этнографии, археологии Абхазии, абхазскому языку. В этих трудах, несмотря на их отдельные, порой серьезные недостатки, вскрывались глубокие исторические корни абхазского этноса на территории Абхазии, его исторические и этнические связи со многими другими народами, с древними цивилизациями. В научных учреждениях Абхазии плодотворную работу вели ученые-абхазы – Д. Гулиа, С. Ашхацава, А. Хашба, В. Кукба, С. Басария, З. Агрба и другие, а также представители других национальностей – А. Фадеев, А. Олонецкий, Н. Антелава, И. Антелава, Т. Кварацхелия и др.

Значительное развитие в Советской Абхазии получило музейное дело. Единственный небольшой музей, открытый в Сухуме в 1917 году, был закрыт при меньшевиках. В 1924 году музей вновь открыт в здании, в котором он помещается и в настоящее время. Большую роль в его становлении сыграли неутомимый краевед, директор музея И. Адзинба, а также Д. Гулиа, А. Чочуа, И. Аджинджал и др.

Уже в 1932 году музей посетило до 10 тысяч человек, причем с каждым годом число посетителей росло, составив в 1937 году 21 тыс. чел., а в 1940 году – 35,6 тыс. чел. Абгосмузей периодически организовывал передвижные экспозиции в районах республики. Он превратился в крупный очаг культурно-просветительской и научной работы.

После установления Советской власти начинается подлинное развитие абхазской национальной литературы.

В 1928 году была организована Абхазская Ассоциация пролетарских писателей, которая в 1932 году оформилась в Союз писателей Абхазии. В полную силу зазвучал творческий голос основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа. С начала 30-х годов Д. Гулиа обогащает абхазскую литературу рядом прозаических произведений, среди которых особое место занимает роман «Камачич». Д. Гулиа обогатил также абхазскую литературу замечательными переводами лучших творений классиков русской, грузинской и украинской литератур. Особо следует отметить перевод бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», вышедший в 1941 году.

Выдающуюся роль в развитии абхазской советской литературы сыграл С. Я. Чанба, который в своих произведениях советского периода отображал сложный процесс социалистического переустройства жизни абхазского народа.

Особое место в абхазской советской поэзии занимает творчество И. Когониа, прожившего недолгую жизнь (1903 – 1928 гг.). Свой яркий и самобытный талант он посвятил воспеванию Великого Октября, его величайших последствий в жизни абхазского народа. Им же создан ряд замечательных эпических произведений, в которых реалистически отражено социальное прошлое абхазов.

Из других писателей и драматургов, литературное творчество которых расцветает в 20 – 30-х годах, надо назвать М. Хашба, М. Лакербай, Д. Дарсалиа и др. В 30-х годах к писателям старшего и среднего поколения того периода присоединяются молодые художники слова – И. Папаскири, Ш. Цвижба, В. Агрба, Л. Лабахуа, Г. Гулиа, Л. Квициниа, К. Агумаа, Б. Шинкуба, И. Тарба, А. Джонуа, Ч. Джонуа, К. Чачхалиа, М. Папаскири, Ш. Чкадуа и др.; литературные критики и историки абхазской литературы – Х. Бгажба, М. Делба, Ш. Инал-ипа и др.

В процессе своего становления и развития абхазская литература всегда ощущала дружескую помощь братских литератур народов нашей страны, особенно со стороны русских и грузинских писателей, что в значительной мере способствовало ее идейно-художественному росту.

В Советской Абхазии с самого же начала было налажено издательское дело. Общий тираж первых изданий составлял всего лишь в 2,5 тыс. экземпляров. В 1930 году было издано 58 книг тиражом в 93,5 тыс. экземпляров, но с небольшим средним объемом – немногим более 2-х печатных листов. В 1940 году издано 62 книги тиражом в 82,2 тыс. экземпляров – несколько меньше, чем в 1930 году, но зато средний объем одного издания возрос от 2 до 5 печатных листов.

С первых же дней Советской власти родилась абхазская советская газета. Уже 21 февраля 1921 года, в дни ожесточенных боев с меньшевистскими войсками, вышел первый номер газеты «Голос трудовой Абхазии» (на русском языке), а с 20 апреля 1921 года стала выходить газета на абхазском языке «Апсны капш» («Красная Абхазия»).

Разовый тираж обеих газет в 1921 году составлял 3 тысячи экземпляров, а в следующем году повысился до 4 тысяч экземпляров. Систематически росло и число подписчиков газет.

С 5 сентября 1937 года на грузинском языке стала выходить газета «Сабчота Абхазети». На местах стали выходить районные газеты на абхазском, грузинском и русском языках. Издавалась и молодежная газета «Комсомолец Абхазии». Общее число газет, выходивших в Абхазии в 1940 году, достигло 9, а их тираж составлял 23,8 тыс. экземпляров.

Печать Абхазии играла большую роль в деле идейно-политического воспитания местного населения, немало способствовала развитию его национальной культуры и этническому развитию абхазского народа в целом.

Выдающуюся роль в истории культуры абхазского народа сыграл абхазский театр. С установлением Советской власти была создана под руководством Д. И. Гулиа театральная труппа, которая разъезжала с постановками по городам и селам Абхазии.

Однако развитие культуры и национального самосознания абхазского народа не могло успешно развиваться без квалифицированного профессионального театра. На это справедливо указывал председатель Главполитпросвета Абхазии Н. Гайворонский, который в 1926 году писал: «Принимая во внимание, что культурное развитие абхазского народа не может быть полным без развития абхазского национального театра, является необходимым организовать абхазскую национальную драмстудию». Такая студия была организована в 1927 году из учащих абхазских школ; в следующем году она оформилась как абхазский сектор Сухумского государственного театра во главе с С. Бжания и тогда же начала свою сценическую деятельность.

В начале 30-х годов в Сухуме была организована абхазская драматическая студия, которую возглавил опытный педагог и режиссер В. Домогаров. В 1935 году ведущие актеры абхазской труппы были направлены в Тбилиси в драматическую студию при театре имени Ш. Руставели, где прошли основательную подготовку под руководством выдающихся грузинских артистов А. Хорава и А. Васадзе.

Абхазская труппа систематически выезжала на гастроли в районные центры и села Абхазии, знакомила трудящихся абхазов с национальным сценическим искусством, способствовала их общему культурному развитию.

Говоря о значении абхазского театра, народный артист СССР А. Хорава писал впоследствии: «Остановившись на росте абхазского национального театра, необходимо указать, что он прошел, несомненно, очень интересный путь, дав ряд значительных в художественном отношении спектаклей, в которых была показана драматургия выдающихся русских и грузинских

классиков и продемонстрирована абхазская национальная драматургия».

Ведущими актерами абхазского театра тех лет были талантливые артисты А. Агрба, Л. Касландзия, Е. Шакирбай, М. Зухба, А. Аргун-Коношок, М. Кове, Р. Агрба, Ш. Пачалиа, Я. Чочуа, И. Кокоскерия и другие.

Многое было сделано для развития вокально-хореографического искусства Абхазии. В 1931 году был организован абхазо-грузинский ансамбль песни и пляски под руководством талантливого исполнителя и собирателя абхазского музыкального фольклора П. Панцулая. Ансамбль поставил много абхазских песен и танцев, которые пользовались большим успехом у зрителей. Немалая заслуга в деле развития абхазского песенно-хореографического и музыкального искусства принадлежит также М. Челидзе и К. Гегечкофи, А. Баланчивадзе, Д. Шведову, Ш. Горгадзе и др.

Много самостоятельных песенно-хореографических ансамблей и кружков возникло в районных центрах, при домах культуры и клубах. В 1932 году организовался хор «столетних стариков».

Значительная работа была проделана по сбору абхазского музыкального фольклора. Большую работу в этом направлении проделали К. Дзидзария, К. Ковач, И. Лакербай и другие. В конце 20-х годов ими было собрано и издано более 150 песен, явившихся первой документальной фиксацией абхазского народного песенного творчества. Немало хороших песен было создано абхазскими советскими композиторами И. Лакербай, А. Маргания, И. Кортуа, А. Чичба, Р. Гумба и др.

Появляются и первые советские художники-абхазы: Л. Шервашидзе, Н. Халваш, Г. Гулиа и др., прошедшие подготовку в Сухумском художественном училище и Тбилисской Академии художеств.

Большую роль в деле развития культуры населения Абхазии, в том числе абхазского народа, имеют культурно-просветительные учреждения. Строительство сети культурно-просветительных учреждений по существу впервые начинается с установлением советской власти.

В 1923 году в Сухуме насчитывалось уже 9 библиотек, но ощущался большой недостаток в нужной литературе и в кадрах квалифицированных библиотекарей, причем все библиотеки были городские и почти не обслуживали сельское население.

В книжные фонды библиотек все больше стали поступать, особенно с середины 20-х годов, книги на абхазском и грузинском языках. Так, в 1925 – 1926 гг. из 8007 книг, распределенных по библиотекам, они составляли 2 140 экземпляров, или 26,7 процента (510 на абхазском и 4 630 на грузинском).

Постоянно росло и число посетителей библиотек – только за 1926 год в них побывало около 40 тысяч читателей и среди них 5426 рабочих и 532 крестьянина. Основную же часть посетителей составляли работники умственного труда – около 20 тысяч человек и учащихся – 7 367 человек, то есть, как видим, рабочие и особенно крестьяне были еще слабо охвачены библиотечным обслуживанием.

В дальнейшем библиотечное дело быстро расширилось, и библиотеки открывались не только в городе, но и на селе. В 1939 году была создана Абхазская республиканская библиотека, а общее число библиотек в республике достигло 159 и их книжный фонд – 152,7 тыс. экземпляров.

Особо следует отметить такой немаловажный факт, как открытие на селе изб-читален, которые впервые стали организовываться с конца 1922 года. Затем их число неуклонно росло, составляя в 1924 году – 33, в 1925 году – 49, в 1927 году – 76 изб-читален, среди них 20 абхазских и 18 грузинских. К концу 1940 года в Абхазской АССР числилось 54 избы-читальни и 48 сельских клубов. В Сухуме с 1924 года функционировал ЦДК – Центральный дом крестьянина, который проводил большую воспитательную работу с приезжавшими в город представителями многонационального крестьянства Абхазии, а также на местах.

В первые же месяцы после установления Советской власти в Абхазии было организовано несколько рабочих клубов, которых до революции, естественно, вовсе не было. Клубы объединяли представителей различных национальностей, среди которых число абхазов систематически росло. В рабочих клубах, помимо того, что в них обеспечивался трудящимся культурный

отдых, велась многогранная воспитательная работа, в частности, в духе социалистического интернационализма. В 1925 году функционировало 11 городских рабочих клубов. Впоследствии рабочие клубы в городах были преобразованы в дома культуры.

Как известно, огромную роль в деле воспитания широких масс трудящихся в духе коммунизма играет кино. До установления Советской власти в Абхазии (в Сухуми) было всего 2 стационарные киноустановки, а в 1940 году их стало 60, т. е. в 30 раз больше, чем в 1921 году. С каждым годом росло число кинопередвижек. В одном только 1940 году число посетителей кино превысило один миллион человек.

* * *

За годы социалистического строительства, в довоенный период, в Абхазской АССР завершился в целом первый этап культурной революции. Уже к началу 30-х годов были в основном решены задачи всеобщего обязательного начального обучения и всеобщего семилетнего обучения в городе. Охват детей школьного возраста в этот период составил 93,3 процента. К 1936 году – ко времени победы социализма в нашей стране – была в основном завершена и ликвидация неграмотности. На 1 ноября 1940 года малограмотных в Абхазии осталось только 10 тысяч человек, что составило 3,2 процента по отношению ко всему населению.

Важной особенностью культурной революции в нашей стране было широкое вовлечение в социалистическое строительство женщин. Как известно, ликвидация фактического неравенства означала также резкое поднятие культурного уровня женщин (особенно у ранее отсталых народов), что было достигнуто в целом почти во всех сферах народного хозяйства и культуры.

Важное значение имел также массовый отход трудящихся от религии.

Все это также обуславливало еще большую этническую сплоченность народностей и наций социалистической эпохи в сравнении с буржуазными этническими общностями.

* * *

Перепись населения, проведенная в нашей стране в 1939 году, констатировала коренные изменения, происшедшие в крае всего за 13 лет. Значительно возросла, во-первых, общая численность населения, составив 312 тыс. человек, т. е. почти в 1,5 раза больше, чем в 1926 году (212 тыс. чел.); во-вторых, существенно изменилась структура населения. Здесь, прежде всего следует отметить успехи урбанизации, т. е. роста городского населения (от лат. «урбанус» – городской) в связи с развитием экономики (в первую очередь, промышленности) и культуры; удельный вес населения городов республики увеличился почти вдвое – с 15 проц. до 28,2 проц. Сельское население наоборот, уменьшилось с 84,9 проц. до 71,8 проц.

Значительно возросло и число рабочих и служащих. В 1939 году они составили 39,4 проц. населения против 11,9 проц. в 1926 году.

Была полностью ликвидирована противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, хотя определенные различия, конечно, остались. Население Абхазии в основном приняло социалистический облик. В республике сложился относительно многочисленный и многонациональный по своему составу рабочий класс – значительное большинство крестьян было объединено в колхозном секторе; сформировалась многонациональная народная интеллигенция; эксплуататорские элементы были окончательно ликвидированы как класс. Такой структурой отличалась в целом и абхазская социалистическая народность.

Однако, несмотря на то, что социально-экономическое развитие Абхазии осуществлялось более быстрыми темпами, чем в целом по стране, уровень его к 1940 году был ниже общесоюзного. Так, если по Союзу в среднем городское население (по переписи 1939 года) составляло 33 проц., то в Абхазии – 28,2 проц. Число рабочих и служащих по Союзу составило 50,2 проц., а в Абхазии – 39,4 проц. Эти цифры свидетельствуют, с одной стороны, что фактическое неравенство между бывшими окраинами и центром страны приближалось к своей ликвидации, но, с другой стороны, пред-

стояло еще немало сделать в области выравнивания социально-экономических уровней между ними. Особенно это относилось к абхазской народности, которая в составе населения Абхазии по уровню социально-экономического развития стояла несколько ниже, чем некоторые другие национальности республики (в частности, грузины и русские). Так, если в среднем по республике городское население составляло, как отмечалось 28,2 проц., то абхазы-горожане составляли всего 13,4 проц. от общего числа абхазов, проживавших в республике, и 8,6 проц. всего городского населения. Кроме того, составляя почти 18 проц. населения Абхазии, в составе местного рабочего класса абхазы представляли всего 5,1 проц. Следовательно, предстояло сделать еще больше в деле выравнивания уровня развития собственно абхазов.

За данный период население Абхазии становится еще более многонациональным. По переписи 1939 года население Абхазской АССР было представлено следующими национальностями: абхазы – 56,2 тыс., грузины – 92 тыс., русские – 60,2 тыс., армяне – 49,7 тыс., греки – 34,6 тыс., украинцы – 8,6 тыс., евреи – 2 тыс., прочие – 8,6 тыс.

Городское население республики по национальному составу представляло такую картину: абхазы – 7 568, грузины – 19 813, русские – 36 165, греки – 7 672, армяне – 6 607, украинцы – 5 304, евреи – 1 813, прочие – 3 192.

Пестротой национального состава отличалось и сельское население края: абхазы – 48 629, грузины – 72 157, армяне – 43 098, греки – 26 949, русские – 24 036, прочие – 5 596.

Многонациональный характер имели почти все промышленные предприятия, государственные учреждения, совхозы и многие колхозы.

Все это обусловило широкие масштабы интернационализации общественной жизни Абхазии. Большую работу по интернациональному воспитанию трудящихся проводила партийная организация республики. Всестороннее сближение представителей различных национальностей края в процессе социалистического строительства, а также постоянно растущее сближение (экономическое, социальное, культурное и т. д.) населения Абхазии в целом, в том числе и абхазской народности, с населением Грузии и всего Советского Союза являлось закономерным явлением обще-

ственной жизни. Все социальные достижения абхазской народности были осуществлены при бескорыстной помощи русского, грузинского и других народов нашей страны.

Абхазский народ вместе со всем населением Абхазии составлял органическую часть единого многонационального советского народа, формирование которого происходило в условиях социалистического строительства.

* * *

Несмотря на выдающиеся достижения в области экономики культуры и социальных отношений, абхазы довоенного времени не успели еще сложиться в социалистическую нацию. Во-первых, абсолютное большинство их (86,6 проц.) составляло сельское население. Удельный вес рабочей прослойки в составе абхазского населения, как и рабочего класса республик в целом, был еще незначительным. Не оформилась еще полностью интеллигентская прослойка, среди абхазов превалировали учителя, а врачей, инженеров, агрономов, экономистов и т.д. было пока немного. Незначительной была также численность абхазского населения в средней части Абхазии (в частности, в г. Сухуми), расположенной между основными территориально-этнографическими группами абхазского народа – бзыбской и абжуйской. Завершение формирования абхазской социалистической народности и консолидации ее в социалистическую нацию происходит в послевоенные годы – в период завершения построения социалистического общества в нашей стране и перехода ее на ступень развитого социалистического строя.

§ 2. Консолидация абхазской социалистической нации

Мирное социалистическое строительство в нашей стране было прервано вероломным нападением фашистской Германии. Весь советский народ под руководством Коммунистической партии поднялся на священную борьбу с немецкими захватчи-

ками. На всех фронтах Отечественной войны бок о бок со всеми народами нашей страны героически сражались и представители абхазского народа.

Около 20 миллионов советских людей погибло в тяжелой борьбе; не вернулись к родным очагам более 300 тысяч сынов Грузии и среди них немало абхазов. Война принесла колоссальный урон всем народам нашей страны и, в частности, их этническому развитию. Однако народы Советского Союза вышли из войны еще более сплоченными.

* * *

После победоносного завершения Великой Отечественной войны трудящиеся нашей родины возвратились к мирному созидательному труду и под руководством Коммунистической партии в исторически короткие сроки восстановили народное хозяйство и развернули борьбу за завершение построения социалистического общества.

В общем строю народов Советского Союза в борьбе за построение развитого социалистического строя активно участвовали и трудящиеся Абхазской АССР, в том числе и собственно абхазы. Трудящиеся Абхазии в указанный период достигли выдающихся успехов и к началу 60-х годов вместе со всей страной пришли к развитому социалистическому обществу.

В данный период в Абхазской АССР произошли существенные сдвиги в демографическом отношении. Несмотря на то, что прирост населения в результате Великой Отечественной войны в значительной степени был заторможен, перепись 1959 года констатировала заметное увеличение населения Абхазии, которое составило 404 738 человек, то есть на 92 853 чел. больше, чем в 1939 году.

В этническом отношении население республики распределялось следующим образом: абхазы – 61 193 чел., грузины – 158 221, русские – 86 715, армяне – 64 425, украинцы – 11 474, греки – 9 011, евреи – 2 332, эстонцы – 1 882, белорусы – 1 389, татары – 1 121, прочие – 5 883.

Общее число абхазов с 1939 по 1959 годы возросло незначительно – всего на 5 тыс. чел. и составило 61,2 тыс. чел., или 15,1 проц. населения республики.

Городское население республики возросло с 88 131 чел. до 14 9677, составив 37 проц. против 28,2 проц. в 1939 году. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве в 1960 году составила около 86 тыс. чел.

Вдвое увеличилось за этот период число городских жителей абхазской национальности – с 7 568 до 15 338 чел., что составило около 11 проц. всего городского населения. В г. Сухуми число жителей абхазской национальности составило 3 647 чел.

Большие успехи в рассматриваемый период были достигнуты в экономическом развитии республики, в первую очередь в развитии промышленности.

Значительно возрос объем валовой продукции промышленности – в сравнении с 1940 годом в 3,3 раза к 1960 году. Одновременно резко улучшилась ее внутренняя структура. Если в 1937 году в валовой продукции промышленности по формам собственности только 70,1 проц. составляла продукция государственной промышленности, а остальные 29,9 проц. падали на кооперативную промышленность, то в 1960 году все 100 проц. продукции были изготовлены на государственных предприятиях.

Резко увеличилось производство промышленной продукции в натуральном выражении, о чем, в частности, свидетельствуют нижеприведенные цифры:

	1940 г.	1960 г.
Электроэнергия – млн. квт. ч.	154	791
Уголь – тыс. тонн	229	1 209
Обувь – тыс. пар	424	1 545
Консервы плодоовощн. – тыс. усл. банок	2 070	8 226
Чай байховый – тонны	1 234	6 261
Вино виноград. – тыс. дкл.	70	356
Табак листовой – тонны	3 602	8 156

Непрерывно росли капитальные вложения в народное хозяйство республики, составив за шестую пятилетку (1956 – 1960 гг.) 100 млн. руб. В городах и поселках было построено около

130 тыс. кв.м жилой площади и около 1 250 индивидуальных домов, а в сельских местностях – 4 665 домов.

В два с лишним раза возросла среднегодовая численность рабочих в крупной промышленности. Так, если в 1940 году она составляла 6,7 тыс. чел., то к 1960 году она достигла 15 тыс. рабочих.

Широкое развитие получили транспорт и связь. В 1960 году только автомобильным транспортом общего пользования было перевезено более 38 млн. чел., а перевозка грузов составила около 4 млн. тонн. Весьма важное значение имело завершение строительства Черноморской железной дороги (1944 г.) и постепенный переход ее к новейшим средствам тяги.

К 1950 году в Абхазии полностью завершилась коллективизация сельского хозяйства, охватив к этому времени 99,6 проц. крестьянских дворов, а в 1960 году – 99,99 проц. Общее число сельскохозяйственных артелей в 1960 году составило 157 против 262 в 1940 году (уменьшение числа колхозов было вызвано их укрупнением, проведенным в 1950-х годах). Число же колхозных дворов в 1940 – 60-х годах увеличилось с 35,9 тыс. до 43,3 тыс. Таким образом, социалистическая система хозяйства стала единственной формой земледелия в Абхазской АССР.

Значительно возросла техническая оснащенность колхозного производства. Так, число тракторов в МТС (с 1958 г. РТС) с 1940 по 1960 годы увеличилось с 171 до 380 (в пересчете на 15-сильные).

В 1960 году в республике было 15 совхозов со среднегодовой численностью рабочих в 4,6 тыс. чел. (в 1940 году – 3,9 тыс. чел.) и земельным фондом в 10 тыс. га (против 6,7 тыс. га в 1940 году).

Значительно возросло в данный период производство основной сельскохозяйственной продукции. Так, заготовки табака с 1940 по 1959 годы увеличились с 4 739 тонн до 9 224 тонны, а заготовки чайного сортового листа – с 6 519 тонн до 25 632 тонны, мандаринов – с 1 618 тонн до 3 117 тонн.

Существенно возросла в республике внутренняя торговля. Сеть предприятий розничной торговли и общественного питания составила 1 840 единиц против 1 072 в 1940 году. Физический объем розничного товарооборота возрос в 3,2 раза.

Большие успехи были достигнуты в области культурного строительства. В 1960/61 учебном году число общеобразовательных школ составило 470, а количество учащихся в них – 69,2 тыс. человек. Из них в городах и поселках обучалось 26 887, а в сельских районах и местностях – 42 321 человек.

Значительно увеличилась сеть детских садов и число воспитателей. Если в 1940 году было 54 детсада с числом воспитателей 165, то в 1960 году они увеличились соответственно до 84 и 305.

С 1959 года в Абхазии имелось уже 2 вуза, поскольку в Сухуми был переведен из Кутаиси Грузинский институт субтропического хозяйства. В связи с этим резко возросло в Абхазии число студентов. Если в 1958/59 учебном году в одном вузе (пединституте) на дневном отделении числилось 1 268 студентов, то в следующем учебном году в обоих вузах обучалось 4 010 студентов.

Кадры высшей квалификации для Абхазии в еще больших масштабах подготовлялись также в Москве, Тбилиси и других городах нашей страны. Общее число специалистов с высшим образованием в 1961 году составило 7 882 человека. Из них: инженеров – 1 231, агрономов, зоотехников, ветврачей и лесоводов – 722, врачей – 1 125, педагогов, экономистов, юристов и др. – 4 804 человека.

Значительный удельный вес в общем составе специалистов с высшим образованием представляли женщины – 37,7 проц. (на 1 января 1957 года). Особенно много работающих женщин было среди врачей и педагогов. Среди врачей, например, они составляли 49,5 проц.

В 1960 году в Абхазии имелось 4 техникума против 6 в прежние годы, это объясняется упразднением педагогических училищ в связи с открытием при Сухумском пединституте факультета педагогики начального образования. Всего специалистов со средним специальным образованием насчитывалось 8056 (из них более половины – женщины).

Что касается собственно абхазов, то в Абхазии с высшим образованием их насчитывалось 814 человек, а со средним специальным образованием – 815 человек. В обоих

случаях это составляло около 11 проц. всех специалистов республики.

Вдвое увеличилось с 1940 по 1960 годы число научных работников в 11 научно-исследовательских учреждениях республики – с 91 до 185 человек. Среди ученых республики было немало абхазов и число их систематически росло.

Весьма существенные успехи были сделаны в области литературы и искусства. Наряду с представителями старших поколений в ряды деятелей литературы и искусства в послевоенные годы влилась и талантливая молодежь – писатели, артисты, художники, скульпторы и др.

Значительно увеличилось число культурно-просветительных учреждений. Так, если в 1940 году в республике было 159 библиотек с книжным фондом в 153 тыс. экз., то в 1960 году насчитывалось уже 281 библиотека, а их книжный фонд составил 1 264 тыс. экз. Число клубных учреждений за те же годы возросло со 140 до 207. Число стационарных киноустановок в республике в 1960 году достигло 182 против 60 в 1940 году, а число посещений киносеансов возросло от 1 025 тыс. чел. до 8 млн. чел.

К концу 1960 года количество радиотрансляционных точек составило около 27 тыс., а число радиоприемников – более 18 тыс. В 1959 году в Сухуми был сдан в эксплуатацию телевизионный ретранслятор, а количество телевизионных установок достигло почти тысячи.

Резко увеличился выпуск книг, журналов и газет. Если в 1940 году было издано 62 книги тиражом в 82,2 тыс. экз., то в 1960 году выпущено 112 названий книг, тираж которых достиг 214 тыс. экз. Увеличился также разовый тираж республиканских и районных газет – с 24 тыс. экз. до 31,5 тыс. экз.

Систематически улучшалось медицинское обслуживание населения. В 1960 году на каждые 1 000 жителей приходилось 2,5 врача и 7,3 больничных коек. Число коек в 30 санаториях и домах отдыха составило 6 303 против 4 322 в 1940 г.

Число физкультурников за 20 лет (1940 – 1960 гг.) увеличилось с 18 500 до 45 382 человек. Среди них, имеющих спортивные разряды – с 151 до 8 836.

В результате дальнейшего роста материального благосостояния и культурного уровня населения, а также улучшения ме-

дицинского обслуживания смертность в республике сократилась и составила в 1960 г. на 1 000 чел. населения 5 чел. против 9 чел. в 1940 году.

Все это привело к тому, что консолидация абхазской социалистической нации к концу 50-х гг. в основном завершилась.

* * *

В послевоенные годы, особенно в конце 40-х – начале 50-х годов, Берия и его подручные пытались проводить в Абхазии великодержавно-шовинистическую политику. Шовинисты упразднили абхазские школы и ввели в них преподавание по всем предметам на грузинском языке. В результате многие абхазские дети, не владевшие грузинским языком, оказались вне школы. Преподаватели абхазской начальной школы и абхазского языка и литературы средней школы остались без работы по специальности. Проводилась великодержавно-шовинистическая фальсификация истории Абхазии, грузинизация абхазской топонимики, в абхазский язык искусственно вводились грузинские слова, абхазы вытеснялись из руководящих советских и особенно партийных органов и т. п.

Такая антинародная политика вызывала справедливое возмущение всех честных коммунистов и широких масс трудящихся Абхазии и Грузии, но попытки противодействовать ей сурово пресекались. Тем не менее эта политика не могла приостановить процесса этнического развития абхазов.

После разоблачения Берия и его приспешников, понесших заслуженное наказание, Центральный Комитет КПСС и ЦК Компартии Грузии приняли решительные меры по ликвидации допущенных искривлений и ошибок. Эти меры имели исключительно важное значение для дальнейшего этнического развития абхазов и укрепления дружбы между грузинским и абхазским народами, между всеми национальностями, населяющими Абхазскую автономную республику.

§ 3. Абхазская социалистическая нация на современном этапе

Понятие «социалистическая нация» ввел в науку В. И. Ленин. Социалистическая нация представляет собой высшую форму этнического развития национальной общности на первой – социалистической – фазе коммунистической общественно-экономической формации. Она обладает теми же четырьмя этническими признаками, что и буржуазная нация¹, но в основе своей, как выше отмечалось, принципиально от нее отличается как нация нового типа, нация без антагонистических классов, нация высокого идейно-политического, культурного уровня, проникнутая духом интернационализма.

Социалистическая нация представляет собой исторически сложившуюся этническую общность эпохи социализма, возникшую на базе **прочной, устойчивой** общности экономической жизни, территории, языка и культуры и отраженную в ее национальном самосознании.

По своему историческому происхождению, как уже отмечалось, социалистические нации подразделяются на два типа: а) социалистические нации, возникшие на базе буржуазных наций и, не пройдя этнической стадии социалистической народности, непосредственно трансформировавшиеся в социалистические нации в течение переходного от капитализма к социализму периода; б) социалистические нации, сложившиеся на базе социалистических народностей, возникших в переходный период в

¹ Некоторые авторы, давая формулировку социалистической нации (или нации вообще), приводят в качестве полновесных этнических признаков и такие как «психический склад» («национальный характер»), «этническое самосознание» и т. д. Однако, как известно, психический склад нации проявляется в общности культуры (культура быта, поведения, межличностных отношений, искусство и т. д.) и поэтому не может выделяться в качестве самостоятельного признака нации. Что касается общности этнического (национального) самосознания, то оно, как уже отмечалось, не является объективным этническим признаком, а представляет собой субъективное сознание людей об их принадлежности к той или иной этнической общности.

результате этнической трансформации буржуазной или добуржуазной народности.

Таким образом, абхазская социалистическая нация по своему происхождению принадлежит к этносам второго типа.

* * *

Становление и окончательная консолидация абхазской социалистической нации происходили на базе тех социально-экономических преобразований, которые произошли в республике, как и по всей стране, в условиях борьбы советского народа за завершение построения социалистического строя и строительства коммунистического общества. Огромную помощь в национальном развитии абхазского народа, как и прежде, постоянно оказывали русский, грузинский и другие братские народы нашей страны.

Как уже отмечалось, в условиях социалистического строительства происходит неуклонный рост численности абхазов: по переписи 1939 года их было 58 тысяч, по переписи 1959 года – 64 тысячи, а по последней переписи (1970 г.) общее число абхазов по территории Советского Союза составляет около 83 тыс. человек. Подавляющее большинство абхазов проживает в Абхазии – 77,3 тыс. человек. Из 2,1 тыс. абхазов, проживающих в Грузии, но вне Абхазии, большая часть – около 1,5 тыс. человек – падает на Аджарию (Батуми и его окрестности).

По отдельным регионам республики абхазское население по переписи 1970 года распределялось следующим образом: Гудаутский район – 28,5 тыс. человек (1 место); Очамчирский район – 27 тыс. (2 место); г. Ткварчели – 8 тыс.; г. Сухуми – 7,5 тыс.; Гагрская зона – 4,2 тыс.; Сухумский район – 1 430 человек; Гульрипшский район – 601 человек; Гальский район – 511 человек.

В советский период в Абхазии также имел место значительный приток населения извне и численность представителей других национальностей (грузины, русские, армяне, украинцы и др.) возрастала не только (порой и не столько) в результате естественного прироста, но и механического прироста (иммиграция). Число абхазов же росло только путем естественного при-

роста, поэтому их доля в составе всего населения Абхазии систематически уменьшалась: если в 1926 году она составила около 25 процентов, то в 1939 году снизилась до 18 процентов, а в 1959 году – до 15 процентов. Однако с этого времени удельный вес абхазов в республике стал несколько возрастать, составив в 1970 году около 16 процентов.

Особенно быстро росло в Абхазии грузинское население. Так, если в 1939 году здесь проживало 92 тыс. грузин, то в 1959 году их насчитывалось уже 158 тыс. человек, т. е. число их возросло на 66 тыс. человек, что в значительной мере являлось результатом их систематической иммиграции. Число русских за тот же период возросло на 26 400 человек (с 60 200 до 86 150 человек), армян – с 50 тысяч до 65 тысяч, т. е. на 15 тысяч человек. Число же абхазов за эти же годы увеличилось только на 5 тысяч человек (с 56,2 тысяч до 61,2 тысяч).

В условиях социалистических общественных отношений миграционные процессы, приводящие к росту многонациональности населения, имеют, как известно, большое прогрессивное значение. На стройках, фабриках, в совхозах и многих колхозах складываются многонациональные коллективы, которые становятся подлинной школой интернационального воспитания масс. Это способствует ломке межнациональных перегородок, прогрессивному взаимовлиянию национальностей, росту роли русского языка как языка межнационального общения.

Все это приводит к тому, что в таких многонациональных краях, как Абхазия, население приобретает те же качественные черты, что и советский народ в целом: в населении Абхазии, как в фокусе, сосредоточены все те характерные особенности, которые присущи советскому народу, как единой интернациональной общности.

Экономические основы абхазской социалистической нации. В рассматриваемый период дальнейшее развитие получила экономика Абхазии. В республике сложилась многоотраслевая промышленность, в составе которой немало предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения. Объем промышленной продукции с 1940 по 1972 годы вырос в 7,2 раза, в том числе: производство электроэнергии – 150 млн. квт. ч. до 545 млн.квт. ч., обуви кожаной – с

424 тыс. пар до 1 640 тыс. штук, консервов – 600 тыс. до 22 400 тыс. условных банок, виноградного вина – с 40 тыс. декалитров до 732 тыс., папирос и сигарет с 655 тыс. до 2 063 тыс. штук и т. д.

В завершающем году 9-й пятилетки трудящиеся Абхазской АССР достигли больших трудовых успехов, основные задания годового плана были выполнены, а по ряду показателей – выполнены досрочно.

В области промышленности по объему реализованной продукции в целом по республике план выполнен на 105 процентов, производительность труда возросла на 6 процентов. Производство некоторых основных видов продукции по республике в 1975 году характеризуется следующими данными:

Уголь – 758 тыс. тонн.

Электроэнергия – 585 млн. киловатт часов.

Шелковые ткани – 400 тыс. погонных метров.

Обувь – 1 615 тыс. пар.

Кондитерские изделия – 2 449 тыс. тонн.

Рыботоровары – 17 203 тонны.

Консервы плодоовощные – 16 719 тыс. условных банок.

Вино виноградное – 772 тыс. декалитров.

Табак ферментированный – 12 176 тонн.

Папиросы – 2 674 млн. штук.

В настоящее время в Абхазии насчитывается около 100 промышленных предприятий, производящих более 400 видов продукции 1300 наименований. Среди них такие крупные предприятия общесоюзного подчинения, как завод «Сухумприбор», завод газовой аппаратуры, табачная фабрика, химзавод и др. В 1974 году объем валовой продукции составил 325 млн. 243 тыс. рублей, а реализации – 331 млн. 387 тыс. рублей. В конце 1975 года на промышленных предприятиях Абхазии в среднем за сутки производилось товаров на сумму 1 273 тыс. рублей.

Промышленность Абхазии в целом успешно справилась с плановыми заданиями девятой пятилетки; за этот период объем промышленного производства в Абхазской АССР возрос на 38,4 проц. (планом было предусмотрено 38,3 проц.) при среднегодо-

вом темпе прироста 6,7 проц. по реализации пятилетнее задание было выполнено на 104,3 проц.

Выдающиеся достижения имеют место и в области сельского хозяйства. В 1972 году в Абхазии числилось 112 колхозов, объединявших 35,5 тыс. дворов и 35 специализированных совхозов. Резко возросли денежные доходы колхозов – с 17 млн. рублей в 1945 году до 62,5 млн. рублей в 1972 году. Значительно расширились масштабы механизации сельского хозяйства. В настоящее время в колхозах и совхозах республики имеется около 2 тыс. тракторов, почти столько же грузовых автомобилей, более 200 чаесборочных машин и много другой техники.

По данным 1975 года, в республике посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий составили 42,3 тыс. гектаров, в том числе в колхозах 24,9 тыс. га, в совхозах – 7,7 тыс.га; государственные закупки некоторых основных видов растениеводства составили:

Чайный лист сортовой – 63 032 тонны.

Цитрусовые плоды – 27 631 тыс. шт

Виноград – 7 502 тонны.

Табак – 6 145 тонн.

Труженики сельского хозяйства Абхазии также успешно завершили девятую пятилетку. На 108 проц. реализован пятилетний план по заготовкам сортового чайного листа, в два раза перевыполнен план производства цитрусовых плодов. Выполнено пятилетнее задание и по заготовкам табака; перевыполнена пятилетка по продаже государству мяса и молока; заметно выправилось положение в зерновом хозяйстве.

Широкое развитие получил транспорт. Перевозка пассажиров воздушным транспортом с 3 617 человек в 1952 году возросло до 390 тыс. в 1972 году, грузов – с 270 тонн до 1670 тонн; перевозки пассажиров морским транспортом возросли с 89 тыс. до 92 тыс., грузов – с 50 тыс. тонн в 1963 году до 7 500 тыс. тонн в 1972 году; железнодорожный транспорт: перевозка пассажиров с 1 125 тыс. человек в 1945 году до 4 млн. в 1970 году, грузов – с 147 тыс. тонн в 1940 году, 2 740 тыс. тонн в 1970 го-

ду; автотранспорт: пассажиров – 7 млн. в 1950 году, 67 млн. в 1972 году; грузов – 115 тыс. тонн в 1950 году, 6 850 тыс. тонн в 1972 году.

Весьма существенно возросли масштабы торговли в республике, в частности, плотность сети розничной торговли и общественного питания. Если в 1954 году на 10 тыс. человек приходилось 26 предприятий розничной торговли и 7 общественного питания, то в 1972 году эти показатели составили соответственно 36 и 13. Число предприятий розничной торговли и общественного питания в 1960 году составляло 1 836, а в 1972 году – 2 429. Число рабочих мест в магазинах в 1960 – 1971 гг. увеличилось с 2 622 до 4 570, а посадочных мест предприятий общепита – с 12 933 до 24 242.

В 1975 году общий объем розничного товарооборота составил около 382 млн. рублей, объем реализации бытовых услуг населению составляет 14,46 млн. рублей.

Таким образом, народное хозяйство Абхазской АССР в настоящее время, как по всей стране, отличается характерными чертами развитой экономики зрелого социалистического общества.

Социальные основы абхазской социалистической нации. Еще за годы довоенного социалистического строительства социальная структура населения Абхазии стала более однородной и, как по всей стране, состояла в основном из рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции. В период коммунистического строительства социальная однородность местного населения становится еще более совершенной.

Как выше говорилось, одним из важных процессов в социально-экономическом развитии населения нашей страны за годы Советской власти была урбанизация – систематический рост городского населения и уменьшения удельного веса сельского населения. Так, в Абхазии по переписи 1970 года городское население республики составляло 245 тыс. человек, или 44,2 проц., сельское – 272 тыс. человек (55,8 проц.). По оценке на 1973 год городское население Абхазии составляло 21 тыс. (44,8 проц.), а сельское – 273 тыс. (55,2 проц.).

Процесс урбанизации интенсивно идет и среди собственно абхазов. Так, по переписи 1926 года в городах Абхазии прожи-

вало всего 3,7 проц. абхазов, а по данным переписи 1970 года 32 проц. (около 25 тыс. человек).

По отдельным городам республики абхазское население в 1970 году распределялось следующим образом: Сухуми – 7,5 тыс. чел., Ткварчели – 8 тыс., Гудаута – 4 тыс., Очамчира – 3,2 тыс., Гагра – 2,2 тыс., Гали – 40 человек. Особенно быстро в послевоенные годы увеличивалось абхазское население в г. Сухуми и Ткварчели. Напомним, что еще в 1939 году абхазы в Сухуми составляли 2415 человек, а в Ткварчели – всего 690 человек.

Единственный город Абхазии, в котором абхазское население не только не увеличивается, а, наоборот, уменьшается – это Гали: в 1939 году в нем проживало 223 абхаза, а в 1970 году – всего 40 человек.

Вместе с общим ростом числа абхазов растет и их удельный вес в составе городского населения Абхазии (хотя и в значительно меньшей степени). Так, в 1939 году он составлял 8,6 проц., в 1959 году – 10,2 проц., а по переписи 1970 года – 11,4 проц., причем удельный вес абхазов среди населения республики в целом составлял, как отмечалось, 16 проц. Это указывает на некоторое отставание урбанизации среди абхазов в сравнении со средними данными по республике в целом.

В связи с урбанизацией и другими социально-экономическими процессами, происшедшими за годы Советской власти, коренным образом изменяется социальная структура населения Абхазии. Еще в 1926 году, как выше было отмечено, она носила ярко выраженный крестьянский характер; на селе проживало 85 проц. населения (в его составе абхазы составляли около 30 проц.). Общее число рабочих составляло только 3,5 тыс. человек, т. е. около 3 проц. всего населения (в числе рабочих абхазов было всего 2,6 проц.).

В годы социалистического и коммунистического строительства происходит быстрый рост числа рабочих из абхазской национальности и соответственное уменьшение доли крестьянского населения (рабочие и служащие вместе составляли в 1970 году 48,2 проц. абхазов). Так, если в 1926 г. абхазы-рабочие составляли только 0,7 проц. всех абхазов, то в 1939 году их удельный вес возрос до 5,1 проц., в 1959 году – до 6,3, а по переписи 1970 года абхазы-рабочие (вместе с семьями) составляют уже

около 30 проц. общего числа абхазов. Соответственно возрастал и удельный вес абхазов-рабочих в составе рабочего класса республики в целом: в 1926 г. – 2,6 проц., в 1939 г. – 3,9 проц., 1959 г. – 6,2 проц., 1970 г. – 10,4 проц.

Определенные изменения происходят и в источниках пополнения рабочего класса республики. «Если в период строительства социализма основным источником пополнения рабочего класса местными национальными кадрами была деревня, то в период строительства коммунизма основным источником пополнения рабочего класса является город, деревня же снабжает рабочими кадрами, главным образом, совхозы» (Х. Ахалая). Как известно, в 1960 году в Абхазии были огосударствлены предприятия промысловой кооперации, в которых работало около 1 600 человек, и бывшие члены артелей влились в рабочий класс. В настоящее время пополнение рабочих кадров промышленности идет и за счет местного крестьянства.

Существенное значение имел качественный рост рабочего класса. Систематически росла партийная прослойка в его составе, увеличивалось число рабочих в советах, профсоюзах и других органах. Руководящая роль рабочего класса среди населения республики становилась все более действенной и совершенней.

Систематически возрастало и число служащих среди абхазов: если в 1926 году они составляли около 1 проц. абхазов, то по переписи 1970 года составляют 18,8 проц. от общего числа абхазов. Соответственно с этим систематически уменьшается доля абхазов-крестьян: если в 1959 году колхозники среди абхазского населения республики составляли около 80 проц., то в 1970 году они составляли только 51,4 проц. абхазов.

Быстро растет абхазская национальная интеллигенция, причем увеличение числа абхазов, получивших высшее образование, особенно быстро происходит в последние полтора-два десятилетия. Уже в 1966 году из занятых в народном хозяйстве высшее образование имели 1 332 абхаза, проживавших в республике (из общего числа в 10 807 человек по Абхазии), а в 1970 году число абхазов с высшим образованием составило 1 773 человека (всего в народном хозяйстве республики высшее образование имели 12 894 человека), т. е. за четыре года их чис-

ло увеличилось на 442 человека, что составляет в среднем около 110 человек ежегодно.

Внутри республики рост абхазских кадров высшей квалификации происходил главным образом на базе Сухумского педагогического института (среди учителей республики в настоящее время около 2 тыс. абхазов), а также на базе Грузинского института субтропического хозяйства. Значительное число абхазов получило и получает высшее образование вне Абхазской АССР. Большую роль сыграло в этом выделение значительных лимитов для молодежи Абхазии в ведущих вузах Москвы, Тбилиси и других городов.

Улучшается и структура абхазской интеллигенции – постоянно растет число инженеров, врачей, агрономов и др.

Вместе с общим ростом числа специалистов высшей квалификации еще быстрее растет удельный вес женщин-специалистов. В 1970 году он составил по республике в целом 45,6 проц., а среди абхазов – 43,3 проц.

В указанный период в Абхазии растет и число работников со средним специальным образованием. Так, в 1970 году их насчитывалось 12 437 человек, а абхазов среди них – 1 426 человек, причем более половины (52,5 проц.) – женщины.

Таким образом, социальная структура населения Абхазии вообще и абхазов в частности принимает в целом черты, характерные для социального облика зрелого социалистического общества.

Территориальные основы абхазской социалистической нации. Основу территориальной общности абхазской нации по-прежнему составляет территория Абхазской АССР. Однако, как выше отмечалось, в республике существовал территориальный разрыв между бзыбской и абжуйской этнографическими группами абхазского народа. В составе сельского населения Центральной Абхазии и в настоящее время проживает мало абхазов: в Сухумском районе – 1 430 человек, в Гульрипшском районе – 510 человек (данные переписи 1970 года). Зато прогрессивно увеличивается число абхазов в г. Сухуми. Если по переписи 1959 года здесь насчитывалось 3 650 абхазов, то в 1970 году их число увеличилось более чем вдвое и составило 7 355 человек.

Систематически увеличивается и удельный вес абхазов в составе населения Сухуми (при общем росте городского населения), о чем свидетельствует следующая таблица:

Перепись	Все население Сухума	Из них абхазов (человек)	Удельный вес абхазов в составе населения Сухуми
1926 г.	21 346	600	ок. 3 проц.
1939 г.	44 230	2 415	4,2
1959 г.	64 730	6 350	5,6
1970 г.	101 800	7 355	7,2

Таким образом, процент абхазского населения в Сухуми растет быстрее, чем население города в целом. Такая же тенденция, по-видимому, будет иметь место и в дальнейшем. Это приводит ко все большей ликвидации территориальной разобщенности между двумя основными этнографическими группами абхазов.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что широкое развитие транспортных средств в республике также способствует укреплению территориального единства абхазской социалистической нации.

Языковая основа абхазской социалистической нации.

Параллельно с развитием и ростом экономики и культуры абхазского народа шло дальнейшее развитие и совершенствование абхазского литературного языка. Проводилась и проводится значительная работа по дальнейшему упорядочению и нормализации грамматической структуры языка, его лексики, составлению переводных и терминологических словарей по разным отраслям знания.

Основным источником дальнейшего обогащения абхазского литературного языка по-прежнему были его внутренние ресурсы, но большое влияние на его развитие оказал главным образом русский язык (преимущественно в лексическом отношении).

Единые нормы литературного языка оказывают нивелирующее влияние на особенности абхазских местных говоров, в силу чего происходит постепенное стирание диалектных различий. Особенно большую роль в этом отношении играют обучение в начальной школе на родном языке, радио, пресса, театр и другие средства культурной и просветительной работы. Для иллюстрации этого положения достаточно привести следующий пример: тираж абхазской газеты «Апсны капш» достигает в настоящее время 15 тыс. экз., то есть один экземпляр приходится на 5 – 6 абхазов, проживающих в республике. Тираж общественно-политического и литературного журнала «Алашара» достиг 6600 экз., а детский журнал «Амцабз» издается тиражом в 11 тыс. экз. Кроме того, издательство «Алашара» ежегодно выпускает на абхазском языке десятки книг (в 1971 году было издано 103 названия книг, из них более половины на абхазском языке).

Особо следует отметить, что за последние два десятилетия заметно увеличилось издание на абхазском языке общественно-политической и научной литературы.

На абхазский язык переведены многие классические произведения русской, грузинской и других литератур народов СССР, а также зарубежных литератур. По справедливому утверждению М. Хварцкия, «абхазская литература настолько уже выросла, степень ее зрелости настолько высока, что она в состоянии передать на абхазском языке все особенности и тонкости произведений других литератур».

Приведенные данные свидетельствуют о том, что абхазский литературный язык широко и глубоко внедрился в массы абхазского народа (при сплошной грамотности населения), и это позволяет заключить, что степень общности родного языка абхазов полностью и прочно стоит на уровне общности языка социалистической нации.

Говоря о языковой общности абхазской социалистической нации, необходимо подчеркнуть, что за годы Советской власти ее вторым родным языком стал русский язык. По данным переписи 1970 года, русским языком свободно владеют около 60 проц. абхазов. Поэтому абхазская нация (как и многие другие советские нации) является по сути дела билингвической (двухязычной) социалистической нацией. По мнению Б. Г. Тарба, специально занимавшегося проблемой билингвизма у абхазов, функции абхазского и русского языков распределяются среди них следующим образом:

«Родной, абхазский язык выполняет различные общественные функции: 1) народно-разговорного языка, 2) языка национальной школы, литературы, театра, радиовещания, культурно-просветительных учреждений, 3) издания газет, журналов, общественно-политической литературы, 4) языка общественно-политической жизни, особенно на селе и т. д.

Русский язык выполняет свои общественные функции: 1) языка делопроизводства и переписки, 2) языка средней и высшей школы и науки, 3) языка переписки с центральными госучреждениями и братскими республиками, 4) языка издания отдельных газет, журналов, книг, родной литературы.

Как видим, билингвизм (двухязычие) в условиях Абхазии вполне закономерное явление, оно подготовлено всем процессом развития многонациональной Абхазской АССР. Отсюда и вытекает необходимость овладения как родным, так и русским языком».

За последнее время в школах, вузах и техникумах республики преподаванию русского языка уделяется все больше внимания. Эта работа приняла более целенаправленный характер после известного постановления ЦК Компартии Грузии «О состоянии преподавания русского языка в учебных заведениях республики и мерах по его улучшению» (июль 1973 г.).

Распространенность русского языка среди абхазов, конечно, будет развиваться и в дальнейшем, но это отнюдь не означает, что будут поколеблены позиции первого родного, т. е. абхазского языка. В действительности социальные функции абхазского языка не только не сужаются, а, наоборот, проявляют устойчивую тенденцию к расширению и росту. Об этом свиде-

тельствуют, в частности, материалы последних переписей населения. Если по переписи 1959 года язык своей национальности объявили родным языком 96,7 проц. абхазов, проживавших в республике, по переписи 1970 года абхазский язык объявило родным 97,8 проц. абхазов. Если в 1959 году только 1 250 абхазов объявили родным языком русский, то по данным переписи 1970 года – 1 280.

То же самое надо сказать и по вопросу приобщения к национальной культуре на родном языке. Так, по переписи 1926 года, из 6 400 грамотных абхазов (что составляло всего 8,5 проц. их общего количества) только 2 750 владели абхазской грамотностью, то есть меньше половины (остальные владели главным образом русской грамотой), то в настоящее время грамотой на родном языке практически владеют все абхазоязычные абхазы.

На примере абхазов еще раз вскрывается абсолютная несостоятельность утверждений буржуазной пропаганды о том, что в нашей стране якобы происходит «языковая русификация» нерусских, и, в первую очередь, малых народов.

Культурные основы абхазской социалистической нации. Дальнее развитие культурной революции в нашей стране в послевоенный период нашло широкое отражение и в Абхазской АССР. В республике значительно возросли масштабы среднего образования. Если в 1945/46 учебном году в школах Абхазии обучалось 53 тыс. человек, то в 1972/73 учебном году число учащихся увеличилось более, чем вдвое, и составило 110 тыс. человек. За это же время количество учителей возросло с 2 960 до 8 335. Вдвое увеличилось общее число получивших высшее образование – с 11 660 чел. до 22 100 человек; среди них 2 680 абхазов, в т. ч. 1 270 женщин. В двух вузах обучается 7 500 студентов (3 000 в пединституте, 3 500 в ГИСХе).

Уровень образования среди абхазов (10 лет и старше), проживающих в республике, по данным переписи 1970 года, представлял следующую картину: всего 59 334 чел., в том числе высшее образование – 2 678, незаконченное высшее – 1 049, среднее специальное – 2 220, среднее общее – 7 943, неполное среднее – 11 457, начальное – 17 309.

Широкое развитие получили в республике научные исследования. В 16 научно-исследовательских учреждениях Абхазии работает более 650 научных работников, а вместе с профессорско-преподавательским составом вузов число научных и научно-педагогических работников в республике перевалило за тысячу человек, среди которых около 70 докторов и более 350 кандидатов наук. В числе ученых республики более 100 докторов и кандидатов наук – представители абхазской национальности: из них следует назвать члена-корреспондента АН ГССР, доктора исторических наук Г. А. Дзидзария, докторов наук Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба, Л. А. Шервашидзе, Л. П. Чкадуа, Х. Ш. Аргун и др.

Большую роль в деле подготовки научных кадров для Абхазии сыграли грузинские ученые С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, Н. Чубинашвили, Г. Читая, К. Ломтатидзе, А. Апакидзе и др.

Значительно выросла в Абхазии писательская организация; здесь в настоящее время ведут творческую работу члены Союза писателей СССР, среди которых более 50 абхазов. Наряду с названными выше абхазскими писателями и поэтами (И. Папаскири, Б. Шинкуба, И. Тарба и др.) в деле дальнейшего совершенствования абхазского литературного языка важную роль сыграли А. Ласуриа, К. Ломиа А. Гогуа А Джения, Ш. Пилия, Ш. Аджинджал, Н. Квициния, Н. Тарба, Г. Гублиа, Б. Гургулиа, А. Аджинджал, Д. Ахуба, В. Анкваб, Т. Аджба, В. Амаршан, М. Ласуриа, К. Ачба, Ш. Чкадуа; литературоведы – Ш. Салакая, А. Аншба, С. Зухба, В. Цвинария, В. Агрба, В. Дарсалия, А. Зухба и др.

Заметно расширилось книго-издательское дело. Так, в 1962 году было издано 75 названий книг тиражом в 111 тыс. экз., а в 1970 году издано 96 книг общим тиражом 326 тыс. экз. В несколько раз возрос также тираж местных газет с 32 тыс. до 68 тыс. (сейчас в республике издается 10 газет – 3 республиканских, 7 районных).

Существенно расширилась в республике сеть киноустановок. Если в 1960 году их было 161, то в 1972 году их число дошло до 254.

Определенные сдвиги имеют место в области театрального искусства. Так, если в 1959 году было поставлено 382 спек-

такля, которые посетили 120 тыс. зрителей, то в 1970 году было поставлено 436 спектаклей, а число зрителей составило 143 тыс. чел. Более заметный рост отмечался в деятельности Абгосфилармонии: в 1960 году было дано 1 000 концертов с числом посетителей в 361 тыс. чел., а в 1971 году – 1 827 концертов, число зрителей – 678 тыс.

Наряду с упомянутыми выше деятелями искусства следует назвать также артистов Н. Камкиа, Э. Когониа, С. Агумаа, Т. Кокоскерия, А. Ермолова, Е. Джения, Р. Джонуа, А. Таниа, В. Маан и др., скульпторов и художников М. Эшба, С. Иванба, Т. Ампар, С. Габелиа, В. Гамгиа, З. Аджинджал, Г. Нармания и др., композиторов и дирижеров С. Кецба, Б. Багателиа, К. Ченгелиа, В. Царгуш, Л. Джергения, А. Хагба и др.

Вдвое увеличилось за данный период число посетителей Абгосмузея – со 110 тыс. в 1960 году до 220 тыс. в 1972 году.

Число библиотек в республике возросло с 281 в 1960 году до 328 в 1972 году; число книг и журналов в них возросло за эти годы с 1 283 тыс. экз. до 2 450 тыс. экз. Достигнуты успехи в области здравоохранения: число больничных коек с 1960 по 1972 годы увеличилось с 2 935 до 4 760, а количество врачей – с 1 193 до 1 509 человек. Число коек в санаториях и домах отдыха возросло с 6 120 до 7 325.

Массовый характер приобрело в Абхазии физкультурное движение. В 1960 году в 585 коллективах было объединено 45 382 физкультурника, а в 1971 году в 646 коллективах состояло 91 тыс. чел. В 1960 году спортивный разряд имели 8 836 чел., а в 1971 году его имели 21,3 тыс. чел.

Культура населения нашей республики приобрела подлинно интернациональные черты. В каждом научном, учебном и другом учреждении культуры, как и в производственных коллективах, дружно трудятся представители различных национальностей, населяющих Абхазию. Абхазские ученые, писатели и деятели других отраслей культуры работают в тесном сотрудничестве со своими коллегами – представителями других национальностей, проживающими в Абхазии, а также испытывают постоянную поддержку деятелей науки и культуры грузинского, русского и других народов СССР.

Выдающиеся достижения абхазского народа, всех трудящихся Абхазии в области экономики и культуры неоднократно отмечали и зарубежные наблюдатели. Так, например, в сентябре 1972 года в Абхазии побывала делегация профсоюзных деятелей Всеобщей итальянской конфедерации труда, которая подробно ознакомилась с жизнью трудящихся республики. В беседе с журналистами руководитель делегации заявил: «Мы приехали в Советский Союз, чтобы воочию увидеть, как живут и работают советские люди. Абхазия очень красива. Она похожа на нашу провинцию Реджио-Калабрия не только природными условиями, экономикой, но и обычаями, гостеприимством жителей. Все места, где мы побывали, произвели на нас большое впечатление. На примере Абхазии мы убедились, что в Советской стране все народы равны, они давно решили проблемы, за решение которых борются итальянские трудящиеся».

* * *

В процессе социалистического и коммунистического строительства коренным образом изменился облик населения республики, во всех областях культуры и образования произошли решающие сдвиги. Определяющими чертами социальной психики трудящихся стали советский патриотизм и социалистический интернационализм. Получают дальнейшее развитие лучшие национальные традиции абхазского народа.

Однако за последние десятилетия во многих местах республики получили известное распространение вредные традиции и обычаи, как-то: пышные многолюдные свадьбы, банкеты по любому поводу, театрализованные похороны и т. п. Все это сопровождалось безмерным винопитием, сбором крупных денежных сумм и прочими негативными атрибутами. В ноябре 1975 года ЦК Компартии Грузии принял очень важное и своевременное Постановление «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями». В настоящее время в Грузии ведется решительная борьба против этих отрицательных явлений, но предстоит еще немалая работа, чтобы добиться их окончательного искоренения.

В связи с указанным постановлением ЦК Грузии бюро Абхазского обкома КП Грузии приняло специальное решение, которым обязало все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации республики вести целенаправленную и систематическую борьбу против консервативных обычаев и традиций, а также разработало систему комплексных мероприятий по дальнейшему культурному развитию населения в соответствии с социально-экономическими задачами, выдвинутыми XXV съездом КПСС.

* * *

Приведенные выше материалы позволяют сделать заключение, что абхазская социалистическая нация обладает всеми основными этническими признаками в устойчивом состоянии: общностью экономической жизни, территории, языка и культуры.

Основу экономической общности абхазской нации составляет прежде всего развитая социалистическая экономика Абхазской АССР, которая отличается определенной целостностью и самостоятельностью. Основой территориальной общности абхазской социалистической нации является государственная территория Абхазской АССР. Общность языка абхазской социалистической нации характеризуется таким глубоким внедрением абхазского литературного языка в народную массу, при котором происходит относительно быстрое стирание диалектных различий и утверждение единого общенародного национального языка. Общность культуры абхазской нации, как и любой социалистической нации, характеризуется глубоким социалистическим содержанием и национальной формой, выраженной в абхазском национальном языке, который считают родным почти 98 проц. абхазов, проживающих в Абхазии.

Объективный факт – существование абхазской социалистической нации находит свое субъективное выражение в национальном самосознании каждого абхаза, отличающего себя в этническом отношении от представителя любой другой национальности.

Таким образом, основные этнические признаки абхазской социалистической нации те же, что и любой социалистической

нации. В этом отношении абхазы принципиально ничем не отличаются от русских, грузин, армян и других «старых» наций нашей страны.

Абхазская социалистическая нация – составная часть советского народа. Важнейшей особенностью абхазской социалистической нации, как и каждой нации и народности нашей страны, является то, что она представляет собой органическую часть советского народа – единой интернациональной общности, сложившейся в результате развития и сближения всех советских этнических общностей в процессе социалистического и коммунистического строительства в СССР. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду КПСС еще раз подчеркнул, что «у нас сложилась новая историческая общность – советский народ, в основе которой лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружба всех наций и народностей нашей страны».

Указанное обстоятельство придает определенные черты всем основным этническим признакам абхазской социалистической нации. Так, экономика Абхазской АССР, составляя основу общности экономической жизни абхазской нации, в то же время является неразрывной частью экономики Грузинской ССР, а эта последняя представляет собой органическую часть экономики СССР – единого народнохозяйственного комплекса.

Территория Абхазской АССР, представляющая основу территориальной общности абхазской социалистической нации, является частью территории Грузинской ССР, а последняя – составной частью территории всего Советского Союза.

Языком межнационального общения абхазской социалистической нации, а также могучим средством ее приобщения к сокровищницам русской и мировой цивилизации является великий русский язык, а национальная культура абхазского народа представляет собой органическую часть единой культуры советского народа.

В силу этого каждому абхазу, как и любому гражданину СССР, присуще глубокое чувство общенациональной гордости советского человека, которое он ставит выше своего личного национального самосознания.

Однако образование советского народа как единой интернациональной социально-политической общности отнюдь не означает, что в нашей стране наступил этап слияния наций.

По этому поводу Л. И. Брежнев при вручении Казахстану ордена Дружбы народов сказал: «Говоря о новой исторической общности людей, мы вовсе не имеем в виду, что у нас уже исчезают национальные различия или, тем более, произошло слияние наций. Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты национального характера, язык, свои лучшие традиции». Сохраняет свои национальные особенности и абхазская социалистическая нация.

В частности, одна из важных особенностей абхазского народа вытекает из его положения как небольшой, малой социалистической нации.

Абхазы – малая социалистическая нация. Термины большая и малая нации (или народности) широко употребляются в нашей социально-политической и научной литературе, и в них вкладывается преимущественно количественный фактор. Однако некоторые авторы включают в эти термины и определенные качественные моменты. Так, например, кое-кто считает, что этнос с числом представителей менее 100 тыс. человек не может быть признан нацией. Исходя из этого критерия абхазы (которых по переписи 1970 года около 83 тыс. человек) социалистической нацией не являются, а, например, гагаузы (которых около 160 тыс. человек) являются нацией. В действительности дело обстоит наоборот: абхазы как мы видели выше, имеют все основные отличительные признаки нации, а гагаузы живут разбросано по Молдавии, Украине и другим республикам, в силу чего не имеют ни общности территории, ни общности экономической жизни, а достаточно отсутствие одного из основных этнических признаков – и нации уже не может быть. Поэтому главное не в одном количественном аспекте, а в наличии или отсутствии всех **основных** этнических признаков. Следовательно, малый этнос коль скоро он по основным этническим параметрам не отличается в целом от крупной нации, тоже представляет собой нацию.

Но тем не менее количественные различия обуславливают и некоторые (непринципиальные) качественные различия между большой и малой нациями, которые находят свое выражение главным образом в таких основных этнических признаках, как общность языка и общность культуры, а именно: эти признаки у малой нации не могут иметь такую качественную определенность, как у крупной нации.

Объясняется это тем, что малая нация как правило, не имеет на своем языке ни полной средней школы, ни вуза. Абхазские дети, например, на родном языке обучаются только в начальной школе (I-III классы), а затем получают образование на другом языке (главным образом на русском). Абхазский же язык и литературу они проходят в средней школе в качестве одного из предметов. Высшее образование абхазы тоже получают не на родном языке (если не считать специального отделения Сухумского госпединститута, который готовит учителей для начальной абхазской школы и преподавателей абхазского языка и литературы для средних школ, но и здесь часть дисциплин преподают на русском языке).

Все это приводит к тому, что малая нация в нашей стране, как правило, двуязычна. Так, подавляющее большинство абхазов старше 10 лет, кроме родного языка, свободно владеют и русским языком. Как выше сообщалось, по переписи 1970 года около 60 проц. абхазов признали русский язык своим вторым родным языком, которым они владеют свободно (для сравнения укажем, что среди грузин таковых оказалось всего 22 проц., а среди азербайджанцев и того меньше – 15 проц.).

Билингвизм оказывает свое влияние и на культурное развитие малой нации. Если у большой нации все отрасли письменной культуры существуют и развиваются в основном на родном языке, то у малой нации на родном языке развивается главным образом художественная литература. Кроме того, писатели малых народов все чаще создают свои произведения и на русском языке. В данном смысле вполне правомерно говорить о русскоязычной литературе малых народов СССР. В этом отношении русские произведения, например, Г. Гулиа или Ф. Искандера, написанные на абхазскую тематику, должны быть, по

нашему мнению, отнесены к абхазской русскоязычной литературе, а не к русской.

Так обстоит с художественной литературой, а что касается научной литературы, науки вообще, то она у малой нации развивается преимущественно на русском языке. Подавляющее большинство трудов абхазских ученых опубликованы по-русски (частично по-грузински). На абхазском языке печатается преимущественно научно-популярная литература и отчасти научная литература малых форм – статьи, заметки и т. п. (впрочем, в последнее время число научных работ, публикуемых на абхазском языке, заметно возрастает).

Таким образом, если в отношении первых двух основных этнических признаков (общность экономики и территории) между большой и малой нацией, можно сказать, не существует никакого различия (в этом отношении такое обстоятельство, как наличие союзной или автономной государственности, решающего значения не имеет), то в отношении двух других основных этнических признаков (общность языка и культуры) можно говорить о существенных (хотя и не принципиальных) различиях.

Выравнивание уровня экономического и культурного развития. В ходе социалистического строительства в нашей стране была решена в целом историческая задача по ликвидации экономической и культурной отсталости угнетенных в прошлом народов и достижения фактического равенства между всеми нациями и народностями. В этом отношении не составляет исключения и абхазский народ.

Однако, как известно, утверждение фактического равенства не исключает некоторых различий в уровне развития народного хозяйства и культуры советских республик и народов (различия эти не выходят за рамки качественного единства), поэтому перед нами стоит актуальная задача в процессе дальнейшего коммунистического строительства неуклонно осуществлять **выравнивание** уровней экономического и культурного развития республик, наций и народностей, чтобы полностью преодолеть эти различия. В этом отношении немало предстоит сделать и в Абхазской АССР.

Рассмотрим прежде всего социально-классовую структуру населения. Если по Союзу в целом рабочие и служащие состав-

ляют около 80 проц. населения (из них 55 проц. рабочих), то среди абхазов они составляют только 48 проц. (из них рабочих – около 30 проц.). Если же сравнить эти данные с данными РСФСР, где доля рабочих составляет 61 проц. населения, то отставание по этому показателю получается вдвое.

Заметное отставание наблюдается и по степени урбанизации: если по Союзу в целом городское население превышает сельское (57 и 43 проц.), то в Абхазии, наоборот, сельское население превалирует над городским (55 и 45 проц.).

Отставание собственно абхазов по этому показателю еще больше: если в 1970 году по республике в целом урбанизация достигала 45 проц., то среди абхазов она составляла только 32 проц.

Отставание абхазов имеет место и по некоторым показателям развития культуры. Так, по уровню развития среднего общего образования в 1959 году мы имели следующие данные по республике: на 1 000 человек (в возрасте 10 лет и старше) людей, имеющих полное среднее образование, приходилось: грузин – 140, русских – 113, армян – 91, абхазов – 78, то есть по этому показателю абхазы занимали 4-е место в республике. По данным за 1970 год видно, что темпы роста по данному показателю у абхазов были несколько выше, чем у других национальностей республики, но тем не менее они продолжают оставаться на 4-м месте: грузин – 209, русских – 166, армян – 142, абхазов – 134.

Рассмотрим данные по высшему образованию.

По переписи 1970 года по Союзу в среднем на 1000 человек (10 лет и старше) приходилось 42 человека с законченным высшим образованием, по Грузинской ССР более 50, а по Абхазии 31 человек. Таким образом, по этому показателю республика отстает как от общесоюзного, так и еще больше от общегрузинского уровней.

Внутри Абхазской АССР по данному показателю абхазы значительно отстают от грузин. В 1970 году в народном хозяйстве Абхазии работало специалистов-грузин с высшим образованием 6 913 чел., что составляло примерно 1 специалист на 30 грузин, проживающих в республике. Абхазов же с высшим образованием работало 1 772 чел., что составляло 1 специалист на 45 человек. Отставание примерно в 1,5 раза. Несколько большее отставание имеет место по среднему специальному образова-

нию. Среди абхазов таковых числилось в 1970 году 1 426 человек, а среди грузин – 6 702 человека.

Внутри Абхазской АССР наблюдается также отставание (по числу людей, имеющих среднее и высшее образование, на 1 000 чел.) города от деревни – в городе 214 чел., на селе – 142 человека (1970 г.). По данным 1959 г. отставание в этой области было значительно больше: 170 и 72 чел.

Таким образом, хотя за последнее время урбанизация и развитие общего и специального образования среди абхазов развивались гораздо более быстрыми темпами, чем когда-либо раньше, но тем не менее они еще заметно отстают в этом отношении как от общесоюзного уровня, так и от общего уровня по Грузинской ССР и, в частности, Абхазской АССР. Поэтому предстоит большая работа по выравниванию уровня развития абхазского народа по этим показателям.

В последние годы, после известного Постановления ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС», новое руководство ЦК КП Грузии проводит большую работу в этом направлении.

Как подчеркнул Э. А. Шеварднадзе в отчетном докладе XXV съезду Компартии Грузии, «работа по всестороннему расцвету Абхазии, Аджарии, Юго-Осетии должна продолжаться, расширяться и углубляться». Он указал также, что необходимо «дифференцировано подходить ко всем регионам республики, ибо, как показывает анализ, серьезная диспропорция в экономическом и культурном развитии, ставшая за последнее время, с позволения сказать, «закономерностью», со временем может дать более ощутимые негативные социальные последствия».

Абхазия – многонациональная республика. Маленькая Абхазия представляет собой один из наиболее многонациональных уголков нашей Родины. По данным переписи 1970 года, национальности, насчитывающие более 1 тыс. человек, распределялись здесь в следующей последовательности:

грузины	– 199 524	чел.	украинцы	– 11 955	чел.
русские	– 92 889	«	евреи	– 4 372	«

абхазы	– 77 276	«	белорусы	– 1 901	«
армяне	– 72 850	«	эстонцы	– 1 834	«
греки	– 13 144	«	татары	– 1738	«
осетины	– 1214	«			

В общем составе населения республики абхазы составляли около 16 проц. (15,9 проц.).

Этническое развитие абхазского народа происходило и происходит в обстановке его тесных, органических связей с остальным населением многонациональной Советской Абхазии, как и с населением всей нашей страны. В этих условиях задачи интернационального воспитания трудящихся республики, в том числе абхазов, приобретают особое значение.

«Учитывая многонациональный состав населения республики, – говорится в отчетном докладе В. М. Хинтба на XXXIII областной партконференции, – Абхазская партийная организация придает важнейшее значение интернациональному воспитанию.

Вопросы дружбы народов, братства национальных республик занимают значительное место во всей деятельности Абхазского обкома, городских и районных комитетов партии. Этому благородному делу служат созданные на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах музеи и комнаты трудовой и боевой славы, обмен делегациями с родственными предприятиями страны, изучение опыта работы передовых предприятий в братских республиках и многие другие мероприятия.

Торжеством интернационализма и дружбы народов явилось празднование 100-летнего юбилея народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа. Под знаком братства всех трудящихся прошли Дни абхазской литературы в Москве, Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Цхинвали и других городах; гастроль абхазского театра в Москве, Тбилиси, на Украине, встречи деятелей культуры Грузии с трудящимися Абхазии».

Огромную роль в деле патриотического воспитания и интернационального сплочения трудящихся Абхазии сыграли славные юбилейные торжества, проведенные в нашей стране за последние годы – пятидесятилетие Великой Октябрьской революции (1967 г.), столетие со дня рождения В.И. Ленина (1970),

пятидесятилетие Союза ССР (1972 г.), тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1975 г.) и др. Вместе со всем советским народом трудящиеся Абхазии приняли в них самое активное участие.

Работу партийных организаций республики по интернациональному воспитанию трудящихся можно проиллюстрировать на примере Ткварчели. «Особенность индустриального Ткварчели – его многонациональность. В строительстве шахт и электростанций участвовали представители почти трех десятков национальностей нашей Родины. Дальнейшее развитие города, рост объема промышленности, строительства показали, что дружба народов стала постоянной движущей силой в успешном претворении в жизнь планов хозяйственного и культурного строительства... Первичные партийные организации, хозяйственные руководители, определяя внутрипроизводственные задачи коллективов, стремятся комплектовать участки, цехи, бригады с таким расчетом, чтобы они были по своему составу многонациональны, чтобы в них умело сочетались жизненный опыт и производственные навыки... Интернациональное воспитание трудящихся Ткварчели не ограничивается задачей укрепления дружбы между представителями различных национальностей внутри предприятий или внутри города... оно осуществляется и широкими производственными связями с коллективами однородных предприятий других республик» (Н. Мисоченко).

Растущая интернационализация нашей общественной жизни ярко проявляется и на примере Гальского района Абхазской АССР. «В недалеком прошлом его население было почти полностью одной национальности. Развитие производительных сил, в частности, создание крупных совхозов, чайных фабрик, а в последние годы – строительство энергетического гиганта – Ингури ГЭС способствовало (расширению национального состава трудящихся района. Вот лишь два примера, свидетельствующих об этом. В Ачигварском совхозе-техникуме трудятся и учатся люди, говорящие на тридцати языках, а коллектив строителей силового узла Ингури ГЭС состоит из представителей 40 национальностей. Это закономерное явление обязывает партийные организации совершенствовать работу по интернациональному воспитанию трудящихся. Райком КП Грузии, парторгани-

зации предприятий, колхозов и совхозов стараются вести ее планомерно и целеустремленно» (К. Закарая).

Большая работа по интернациональному воспитанию учащейся молодежи ведется в многонациональных школах Абхазии. «В нашей автономной республике сеть школ полностью удовлетворяет запросы многонационального населения, обучение ведется на четырех языках: абхазском, грузинском, русском и армянском. 64 школы с контингентом около 30 тыс. учащихся многосекторны. Анализ опыта работы таких многосекторных школ с разными языками обучения дает основание сказать, что в самом их существовании, тем более при правильно организованной системе воспитательного процесса, заложен глубокий интернационалистический смысл. Положительным является и то, что учащиеся школ такого типа дети разных национальностей, во внеурочное время в основном разговаривают друг с другом на русском языке, который с первых же дней в школе становится для них языком межнационального общения» (Т. Рогачева).

Огромную, систематически возрастающую роль в сближении и укреплении дружеских связей между отдельными республиками и национальностями нашей страны играет социалистическое соревнование. Отметим, прежде всего, традиционное соревнование между отдельными городами и районами внутри Абхазской АССР – г. Гагра с Гудаутским районом, Сухумского района с Гульрипшским, Гудаутского района с Очамчирским, Очамчирского района с Гальским и т. д.

Районы и города Абхазии, отдельные трудовые коллективы и республика в целом соревнуются с трудящимися других республик, городов и районов. Так, традиционными стали соревнования тружеников Абхазии, Абхазии и Юго-Осетии, между производственниками Сухуми, Батуми и Кировокана, сухумских железнодорожников с туапсинскими и ленинканскими, горняков Ткварчели с ткибульцами, а энергетиков с севастопольцами, сухумских приборостроителей с коллегами из Львова, Риги и Грозного, авиаторов Сухуми, Тбилиси и Минска, судоремонтников Поти и Сухуми, коллективов педагогических вузов Сухуми, Батуми и Цхинвали, тружеников Очамчирского

района с тружениками Иджеванского (Арм. ССР) и Ленкоранского (Азерб. ССР) районов и т. д.

Отмеченные выше факты, конечно, играли и играют весьма важную роль в деле интернационального и патриотического воспитания трудящихся республики, дальнейшей интернационализации ее населения. Однако, как справедливо отмечала газета «Советская Абхазия» (от 13.VIII.1975 г.), «нашими идеологическими работниками в этом отношении пока сделано не все. Уровень работы по интернациональному воспитанию все еще не отвечает возросшим требованиям времени, нынешнего этапа строительства коммунизма. В деятельности партийных и комсомольских организаций порой должным образом не учитываются специфика классов, социальных групп, национальных интересов и т. д.».

Партийные организации автономной республики, нацеливая трудовые коллективы на успешное выполнение решений принятых на XXV съезде КПСС, XXV съезд Компартии Грузии, XXXIII Абхазской областной партконференции должны и дальше настойчиво работать над воспитанием трудящихся в духе идей дружбы народов, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, мобилизуя на достижение этой благородной цели все силы бойцов идеологического фронта.

В нашей многонациональной республике необходимо максимально использовать все эффективные средства и методы интернационального и патриотического воспитания в целях дальнейшего сближения между различными национальностями внутри республики и между трудящимися Абхазии и других республик. Для этого надо шире использовать возможности печати, радио, телевидения, театра, кино; усилить лекционную пропаганду идей дружбы народов нашей страны; создавать при партийных и комсомольских организациях советы по интернациональному и патриотическому воспитанию; широко использовать возможности социалистического соревнования (между городами, районами, трудовыми коллективами учебными заведениями и др.); усилить работу по интернациональному и патриотическому воспитанию в учебных заведениях, а также в школах партийной и комсомольской учебы, экономического образования; чаще проводить научно-практические конферен-

ции, посвященные различным аспектам национальной политики нашей партии; создавать в трудовых коллективах новые клубы, уголки и стенды интернациональной дружбы; изучать и популяризировать опыт трудовых коллективов по интернациональному и патриотическому воспитанию, проводить экскурсии и заочные путешествия в братские республики; организовать поездки передовиков производства для обмена опытом; чаще проводить Дни дружбы, Дни братских литератур, Дни вузов и др.; еще более активизировать изучение русского языка – языка межнационального общения народов нашей страны; постоянно вести непримиримую борьбу против всех форм буржуазной фальсификации национальных отношений в СССР, против пережиточных явлений шовинизма и национализма, вредных традиций, обычаев и нравов, мешающих межнациональному сближению, интенсивнее внедрять в научные исследования тематику из истории практики дружбы народов; широко проводить конкретно-социологические исследования в развитии национальных отношений, непрерывно совершенствовать старые и искать новые формы и средства интернационального и патриотического воспитания трудящихся.

Вместе с тем следует всегда помнить, что наша республика в сравнении с другими автономными республиками нашей страны является, пожалуй, наиболее посещаемой иностранными туристами. Ежегодно здесь бывает десятки тысяч зарубежных гостей (в прошлом году, например, только из социалистических стран Абхазию посетило около 60 тыс. человек). Кроме того, в Абхазии ежегодно отдыхает более миллиона советских граждан. Это обстоятельство также требует еще большего усиления идеологической работы по интернациональному и патриотическому воспитанию населения республики.

* * *

Огромное историческое значение в жизни народов Советского Союза имеет XXV съезд КПСС, который подвел итоги их труда и борьбы за истекшее пятилетие и наметил грандиозные перспективы развития Советского государства в десятой пятилет-

ке – пятилетке эффективности производства и качества продукции.

В предсъездовские дни и в дни работы съезда трудящиеся Абхазии, как и всей страны, были охвачены большим трудовым и политическим подъемом. Абхазский народ, все трудящиеся Абхазии полны решимости внести под руководством Коммунистической партии свой достойный вклад в развитие нашей Родины в новой пятилетке.

Издательство «Алашара»
Сухум – 1976

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АБХАЗИИ В ТРУДАХ АКАД. С. Н. ДЖАНАШИА

История Абхазии представляет одну из самых молодых отраслей грузинской историографии. В дореволюционное время по истории этой страны не было написано ни одной сколько-нибудь ценной работы, которая прочно вошла бы в актив науки. Необходимые условия для систематического и действительно научного изучения исторического прошлого абхазского народа создаются только после утверждения Советской власти. Появляется ряд работ, которые посвящены как истории Абхазии в целом, так и отдельным ее проблемам.

Однако с сожалением приходится констатировать, что большинство этих работ испытало на себе сильное влияние буржуазной историографии и содержало немало принципиальных ошибок методологического и фактического характера. Отступление от коренных позиций марксистско-ленинской научной методологии, освещение истории абхазского народа в полном отрыве от исторического прошлого грузинского народа, явно недостаточное овладение фактическим материалом, игнорирование грузинских исторических источников и т. п. – вот к чему сводились важнейшие пороки этих работ, что, разумеется, изрядно снижало их научное значение.

Можно поэтому смело сказать, что первым исследователем, который поставил изучение истории Абхазии на прочную научную почву, был акад. С. Н. Джанашиа, выдающийся советский гражданин и ученый, безвременная кончина которого явилась тяжелой утратой для советской исторической науки.

Следует, прежде всего, подчеркнуть, что методом исследовательской работы покойного академика был подлинно научный метод марксистско-ленинского исторического материализма, с помощью которого он подходил к освещению основных вопросов как истории Грузии и Кавказа вообще, так и истории Абхазии в частности. Кроме того, акад. Джанашиа историю Аб-

хазии изучал в тесной связи с историей Грузии, широко привлекая для этой цели ценнейшие грузинские исторические источники.

Определяя основные этапы политического развития Западной Грузии, акад. Джанашиа в своей работе «Происхождение царства Лазики» дает следующую схему этого процесса:¹ «Колхида, мелкие племенные мтаварства (т.е. княжества. – З.А.) переходного периода (здесь, между прочим, имеются также в виду и племенные владения предков современных абхазов – абазгов и апсилов. – З.А.), царство Лазики, «Абхазское царство, Грузинская феодальная монархия, Имеретинское царство и его составные мтаварства (Гурия, Мегрелия, Абхазия и Сванетия) – таковы этапы развития Западной Грузии (до начала XIX в.) с точки зрения чисто политической, – и, следовательно, внешней, – истории» (Разрядка моя. – З.А.).²

Ясно, таким образом, что абхазским элементам на отдельных этапах истории Грузии приходилось играть значительную роль.

На протяжении своей, к сожалению, непродолжительной научной деятельности акад. С. Н. Джанашиа не раз обращался к конкретному изучению основных проблем средней истории Абхазии, разрешая их как в специальных монографиях, так и в своих общих трудах по истории Грузии.

Переходя к отдельным работам акад. Джанашиа, в которых освещаются различные вопросы истории Абхазии,³ следует,

¹ ს. ჯანაშია. ეგრისის სამეფოს წარმოშობა. თბილ. სახ. უნივერსიტეტის შრომ. ტ. I. 1936, გვ. 266.

² „კოლხეთი, წვრილი ტომობრივი სამთავროები გარდამავალი პერიოდისა, ეგრისის სამეფო, საქართველოს ფეოდალური მონარქია, იმერეთის სამეფო და მისი შემადგენელი სამთავროები (გურია, სამეგრელო, აფხაზეთი და სვანეთი) — ასეთია დასავლეთ საქართველოს განვითარების ეტაპები (XIX ს. დამდეგამდის) წმინდა პოლიტიკური, — და, მამასადამე, გარეგანი, — ისტორიის თვალსაზრისით“.

³ Порядок рассмотрения научных работ акад. Джанашиа в настоящей статье дается по принципу хронологической последовательности освещаемых в них фактов.

в первую очередь, указать на его статью «О форме абхазского названия верховного божества», опубликованную в 1923 году.¹ Эта статья, представляющая собой первую печатную работу автора, посвящена одному из интереснейших вопросов истории дохристианских верований абхазов – вопросу этимологии абхазского названия главного божества (ანც^oა).

Изучение этого вопроса имеет свою историю. Еще П. Услар отметил, что абхазское название верховного божества имеет форму множественного числа.² Ему удалось засвидетельствовать такое выражение: ანც^oა დგუქუა «великие боги» (в слове დგუქუა окончание ქუა является формантом множ. числа для предметов так наз. «неразумного класса»). В специальной литературе этот факт отметили также и местные исследователи до-революционного периода – П. Чарая и Н. Джанашиа³ (отец покойного академика), которые, кроме того, указали, что термин ანც^oა имеет в корне слово აბ, что по-абхазски означает «мать», а окончание ც^oა является формантом множ. числа для предметов так наз. «разумного класса». Слово ანც^oა, таким образом, в дословном переводе на русский язык значит «матери».⁴ Акад. Н.

¹ს. ჯანაშია. უზენაესი ღვთაების აფხაზური სახელწოდების ფორმისათვის. იხ. ქართული საენათმეცნიერო საზოგადოების წელიწადეული, I. 1923, თბილ. 23, 69-73.

В примечании на стр. 69 автор сообщает, что эта работа была прочитана им в виде доклада на публичном заседании Грузинского лингвистического общества 6 мая 1923 г.

² П. К. Услар. Абхазский язык, 1862 г., стр. 78.

³ П. Чарая. Об отношении абхазского языка к яфетическим, СПб, 1912 г., стр. 31—33. Н. Джанашиа. Религиозные верования абхазов, журн. „Христианский Восток», т. IV, вып. 1, стр. 74—75.

⁴ В современном абхазском языке аффикс ც^oა является безударным; при произношении слова „матери» ударение, следовательно, падает на передний слог: ანც^oა. Но в слове „бог» мы сталкиваемся с исключением из этого правила: здесь ударение принимает последний слог (ანც^oა). Изменение акцентуации обусловилось, видимо, стремлением избежать одинакового звучания различных по значению слов, чтобы выделять в устной

Я. Марр¹ представлял это слово как название верховного божества в форме *plurale tantum* (дословно «матери»)².

Для проверки и уточнения этих наблюдений С. Н. Джанашиа (в то время студент Тбилисского университета) летом 1921 г. собрал в Абхазии новый интересный материал, осветивший данный вопрос еще больше. В сел. Адзюбжа, например, ему удалось зафиксировать слово აშააღა (той же структуры, что и აბაღა), которое соответствует русскому «творец» от абхазского აშაარა «творение», «создание». Причем С. Н. Джанашиа обратил внимание на то обстоятельство, что это слово (აშააღა) никогда не употребляется отдельно, а встречается только в оборотах речи, например: აშააღა ირშააზ «творцов (или творца) творение». Местоименная частица “რ” (ი—რ—შააზ) показывает, что субъект имеет множественное число, и поэтому, например, абхазское выражение აშააღა ირშაამა переводится так: «Творцы сотворили?». В этой фразе слово აშააღა прямо представлено как подлежащее во множеств, числе. Лишь впоследствии это слово также превратилось в обычное *plurale tantum*.

В своей статье автор приводит ряд других аналогичных примеров и заключает: «Та же местоименная частица “რ” რთვთჳა категорически указывает, что далекие предки говорящего представляли бога как собирателя многих сил».³ Подобное название божества, свидетельствует, что оно состоит из множества частиц, или долей, из которых каждая управляет отдельным проявлением природы. Бог, в понимании абхазов, един, но бесконечно множественен в долях. Причем, С. Н. Джанашиа

речи название верховного божества, хотя вообще, как известно, омография и не чужда абхазскому языку.

¹ Н. Я. Марр. Кавказоведение и абхазский язык. Изв. Имп. АН, 1913, стр. 315.

² *Plurale tantum* — способ выражения единичного предмета в форме множественного числа (ср. ножницы, брюки и т. п.).

³ ს. ჯანაშია. უზენაესი ღვთაების ავხაზური სახელწოდების ფორმისათვის, სტრ. 72.

подчеркивает, что такое явление было характерно не только для абхазов, но и для грузинских племен, и приводит соответствующие примеры, в частности, выражение, зафиксированное им в одном из сел Горийского района: “მაშინ გაგვიწყრა ჩვენი წილი ღმერთი-ო” («тогда разгневалась наша доля бога»)¹.

Факт, освещенный в разбираемой статье акад. С. Н. Джанашиа, имеет немалую научную ценность. Он убедительно свидетельствует о политеистическом характере дохристианских верований абхазов и содержит ясное указание на наличие в их среде матриархальных отношений в глубокой древности.

Большое значение для изучения древнейшего периода истории Абхазии имеет статья акад. С. Н. Джанашиа «Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии»,² изданная в 1940 г. В этой статье акад. Джанашиа опубликовал ценный топонимический материал, проливающий дополнительный свет на происхождение и древнейшую историю родственного абхазам адыгейского народа. Выясняется, что в глубокой древности предки нынешних адыгов проживали на территории современной Западной Грузии, в географической номенклатуре которой они оставили значительный след, сохранившийся и в наше время. В частности, много интересных топонимических фактов акад. С. Н. Джанашиа засвидетельствовал и на территории современной Абхазии.

Прежде всего, он обратил внимание на географические названия, имеющие корень ფსა—ფსგ, что по-адыгейски значит «вода». Например: ლაშაფსგ, речка, впадающая в оз. Рица; ხგფსგ впадает в Черное море северо-западнее Гудауты, а к юго-западу от этого города в море впадает р. კაფსგ. В Абхазии имеется также р. გუმსგ, название которой, как полагает акад. Джанашиа, образовалось от გუმ— ფსგ, т. е. от того же корня.

¹ Там же, стр. 73.

² ს. ჯანაშია. ჩერქეზული (ადიგური) ელემენტები საქართველოს ტოპონიმულში (მომბე, სსრკ მეცნ. აკად. საქართვე. ფილიალი. ტ. I, №8, 1940 წ., გვ. 623-627).

Затем акад. Джанашиа отмечает географические названия с основой “ფა”, что значит по-адыгейски «нос», «конец» – такой формант употреблялся в адыгейском для обозначения устья рек. Этот корень сохранился, по-видимому, в наименовании самой большой реки в Абхазии ბზფ; причем, Джанашиа высказывает предположение, что первоначальное название этой реки могло быть ა—ბას—ა—ფას (от слова «абаск») и, возможно, вначале так назывался пункт у впадения реки в море, а впоследствии это название распространилось и на всю реку.

Далее: названия с корнем ფა «ущелье», «овраг». Этот корень, по мнению акад. Джанашиа, сохранился в абхазском наименовании гор. Сухуми – აფა а также в названии села აბა-ფა (близ Сухуми).

Все эти факты с бесспорной очевидностью свидетельствуют, что территория нынешней Абхазии (как и значительная часть территории Западной Грузии вообще) была местом, где в древнейшие времена бытовали предки нынешних адыгов, от которых, возможно, в то время еще не отделялись предки современных абхазов.

Ряд важных вопросов древней истории Абхазии акад. С. Н. Джанашиа осветил в своей работе «Происхождение царства Лазики», опубликованной в 1936 году.¹ Как указывает само название, в этой работе рассматривается проблема происхождения Эгрисского, или, как его называли древние греки и римляне, Лазского царства. Этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение при изучении генезиса феодальных отношений в Западной Грузии.

Эгриси, или Лазика, представляет собой значительный этап в общем развитии западногрузинской истории. По словам акад. Джанашиа, «Лазика и предшествующие ей племенные образования является тем мостом, через который западногрузинское общество окончательно переходит от древнего мира к фео-

¹ ს. ჯანაშია. ეგრისის სამეფოს წარმოშობა... (см. выше).

дальному».¹ В названной работе акад. Джанашиа поставил своей задачей выяснить, когда и в каких конкретно-исторических условиях образовалась эта социально-государственная единица (საზოგადოებრივ-სახელმწიფოებრივი ერთეული).²

Акад. С. Н. Джанашиа, прежде всего, отмечает, что Эгрисское царство представляет собой продукт последующего развития лазского владения, которое постепенно сумело покорить сходные с ним мелкие племенные мтаварства (“წვრილი ტომური სამთავროები”), в том числе мтаварства (княжества) абазгов и апсилов – предков нынешних абхазов. Поэтому он анализирует предшествующую историю этих владений, опираясь, главным образом, на сообщение Арриана (II в. н. э.). В первую очередь акад. Джанашиа обращает внимание на свидетельство Арриана о том, что правители მეთაურები, лазов, санигов, абазгов и апсилов получают власть не от своего общества, а от римских императоров. Это обстоятельство, по мнению акад. Джанашиа, ясно указывает, что названные правители не могут считаться вождями родоплеменного общества. С другой стороны, их власть должна была опираться на какие-то местные общественные силы, что уже знаменовало наличие определенной социальной дифференциации.

Образование этих мелких княжеств (мтаварств) произошло, по мнению акад. Джанашиа, в результате дальнейшего развития древних скептухий, представлявших собой «племенные организации», на которые было разделено Колхское царство. Причем, последующая децентрализация Колхиды и создание отдельных, независимых друг от друга владений явились плодом собственного, внутреннего развития западногрузинского общества, а не результатом римской политики «разделяй и властвуй», как это думали некоторые исследователи. В этом легко убедиться после изучения социально-экономической

¹ „ეგრისი და მისი წინამორბედი ტომობრივი წარმონაქმნები წარმოადგენდნენ ხიდს, რომლითაც ეს ქვეყანა ძველი სამყაროდან ფეოდალურში გადავიდა უკვე საბოლოოდ“ (стр. 266).

² Там же, 266.

структуры названных владений, которая отличалась крайней сложностью. Прежде всего, здесь еще оставались сильные пережитки родового строя; кроме того, определенный вес имели уже элементы первоначального (патриархального) рабства (“პირველყოფილი მონობა”). Наконец, наряду с перечисленными укладами здесь существуют уже зародыши феодальных отношений. Говоря о последних, акад. Джанашиа пишет: «Само собой разумеется, что этот феодальный уклад имел в то время примитивную форму, и до окончательной победы в данной стране ему предстояло еще пройти длинный и сложный путь. Лишь в сравнении с другими элементами феодальный уклад проявляет большие жизненные способности и растет значительно быстрее». Власть князей в эпоху Арриана, по мнению акад. Джанашиа, и возникает на почве раннефеодальной дифференциации. Становление Эгрисского (лазского) царства также происходит в результате роста и усиления этих раннефеодальных отношений. Причем, именно в Лазике феодальный уклад развивается гораздо интенсивнее, чем в других владениях, а поэтому она раньше их окрепла социально и политически, сумев впоследствии покорить себе владения соседних племен, в том числе абазгов и апсильев.

Далее, путем критического анализа косвенных указаний ряда византийских авторов (Прокопий, Менаандр и др.) акад. Джанашиа убедительно устанавливает, что абазги, апсилы, саниги и другие племена подпали в вассальную зависимость от лазов в 80 – 90 годах IV столетия.

Таким образом, в разбираемой работе акад. С. Н. Джанашиа важнейшие вопросы истории Абхазии первых веков нашей эры получили основательное научное освещение.

Немало важных сведений по вопросам древней истории Абхазии можно почерпнуть также в известном труде акад. С. Н. Джанашиа «Грузия на пути ранней феодализации» (1937).¹ Так, например, во II главе названного труда дан блестящий анализ характера политической зависимости Западной Грузии от Рим-

¹ ს. ჯანაშია. საქართველო აღრინდელი ფეოდალიზაციის გზაზე. თბილისი, 1937.

ской империи. Подчеркивается, что интересы Рима в Закавказье сводились, прежде всего, к стремлению использовать местные народы как вспомогательную воинскую силу, которая должна была осуществлять контроль над торговыми и военными путями, связывающими Закавказье с Северным Кавказом. Среди этих путей важное значение имели также перевальные пути, проходящие по долине р. Кодори (Клухорский, Марухский и др. перевалы). По этим путям римляне переправляли огромные массы рабов, одним из важнейших поставщиков которых был район Северного Кавказа (древняя Сарматия). Разумеется, что рабов вывозили также и из собственно Абхазии.

Акад. С. Н. Джанашиа отмечает далее, что политический режим, установленный римлянами на восточном побережье Черного моря, оказывал немалое влияние на социально-экономическое развитие Западной Грузии. В третьей главе разбираемого труда автор посвящает отдельный параграф развитию феодальных отношений в Западной Грузии и образованию Эгрисского царства. В этой части акад. Джанашиа использовал также и выводы рассмотренной выше работы «Происхождение царства Лазики».

При изучении истории Абхазии древнего периода большое значение имеет книга «Феодальная революция в Грузии» – один из важнейших трудов акад. С. Н. Джанашиа.¹ В этой книге дан основательный научный анализ социальных и политических событий происшедших в VI веке, который, по словам акад. Джанашиа «был настоящим историческим переворотом с точки зрения развития нашей страны в древнюю эпоху».² Это был период окончательной победы феодализма в ведущих районах Грузии.

В этой книге, между прочим, подробно излагается история Лазского царства (Эгриси), в систему которого входила в то время и Абхазия.

¹ს. ჯანაშია. ფეოდალური რევოლუცია საქართველოში. თბილისი, 1935.

²„მეექვსე საუკუნე ნამდვილი ისტორიული მოსაბრუნია ჩვენი ქვეყნის განვითარების თვალსაზრისით ძველ ხანაში“ (სტრ. 1).

На фоне внутренней жизни Грузии того периода автор детально знакомит с историей «Большой войны» в Лазике между Ираном и Византией (542–562 гг.). Ряд эпизодов этой войны, как известно, имел место и на территории Абхазии.

Положению в Абхазии той эпохи автор уделяет отдельную главу (стр. 62–72). Анализируя сообщения Прокопия Кесарийского об Абхазии VI столетия, акад. Джанашиа приходит к выводу, что среди абазгов в то время имелась «достаточно развитая социальная дифференциация» (“საკმაოდ განვითარებული საზოგადოებრივი დიფერენციაცია”). Цари («басилевсы») принадлежали к сословию рабовладельцев но так как рабовладельческий способ производства в Абазгии был развит слабо, то власть этих князей не могла иметь прочной социальной базы. Против них выступили уже достаточно окрепшие феодальные элементы и, свергнув царей, установили свое политическое господство.¹ Не случайно поэтому, что именно в этот период абазги принимали христианство: оно явилось религией молодого и победоносного в то время класса феодалов.

Далее, акад. Джанашиа подробно излагает историю Абхазии в эпоху Юстиниана (527-565 гг.). В частности, рассказывается о самоотверженной борьбе абазгов против византийских захватчиков (Трахейская битва). Здесь же автор выдвинул гипотезу, что местоположением древней Трахеи является район нынешнего города Гагра.²

Таким образом, как и для всей Грузии, VI столетие для Абхазии является веком окончательной победы феодальных отношений. Причем, этот переворот и здесь носил явно революционный характер.

¹¹ В одной из других своих работ акад. Джанашиа по поводу этого события писал: «В Абхазии, которая в начале VI-го века выделилась из Лазики в отдельное мтаварство, в 40 годах VI-го столетия была свергнута деспотическая власть старых царей. Крупные властелины страны (“ქვეყნის დიდებულნი”) и здесь избирают высших представителей феодальной власти – абхазских эриставов (ს. ჯანაშია. საქართველოს ისტორია უძველესი დროიდან მე-13 ს.-მდე. თბ. უნ.-ის შრომები, ტ. V, 1936, გვ. 66).

² “ფეოდალური რევოლუცია“... стр. 68-69.

Во 2-й половине VII века в большей части Восточной Грузии утвердились арабские завоеватели, которые вслед за тем стремились также укрепиться и в Западной Грузии. В одной из своих работ («Арабы в Грузии»)¹ акад. Джанашиа подробно излагает историю первого периода владычества арабов в Грузии и, в частности, специально останавливается на попытках арабов утвердиться в Западной Грузии. Детально рассказывает о нашествии Мервана Глухого в Лазику и Абхазию и в заключение подчеркивает, что Западная Грузия в основном осталась вне политического влияния арабов. Последним, в конечном итоге, не удалось преодолеть сопротивление местного населения. Их нашествия оказались только «отдельными эпизодами в истории Эгриси и Абхазии».²

Большое значение в истории не только Абхазии, но и всей Грузии имеет вопрос о времени и условиях возникновения Абхазского царства. Последнему, как известно, суждено было сыграть значительную роль в истории средневековой Грузии. Вопрос сводился к тому, – когда и каким образом бывшее Абхазское эриставство освободилось полностью от византийской зависимости, а владетель (მთავარი) Абхазии принял титул «царя абхазов» (აფხაზთა მეფე). Данный вопрос не был до этого предметом специального изучения. От названной проблемы исследователей отпугивала, по-видимому, чрезвычайная скудость источников. Но, несмотря на это, акад. С. Джанашиа приступает к ее научному разрешению, что ему и удалось сделать в работе «О времени и условиях возникновения Абхазского царства», изданной в 1940 году.³

Еще царевич Вахушти, первый из грузинских историков, считал, что воцарение абхазского эристава Леона произошло в 786 году.⁴ Но Вахушти, к сожалению, не указал, на чем он основывает эту дату. Акад. М. Броссе, находясь, по-видимому, под

¹ ს. ჯანაშია. არაბობა საქართველოში. თბილისი, 1936.

² Там же, стр. 35.

³ См. Известия Института языка, истории и материальной культуры, т. VIII, 1940 г., стр. 137-152.

⁴ ვახუშტი. საქართველოს ისტორია. ნაწ. I, ტფ., 1885 წ., გვ. 28-54.

влиянием построения Вахушти в этом вопросе, также считал 786 год датой воцарения Леона. Броссе, кроме того, подкреплял эту дату им же введенной в научный оборот генеалогической таблицей абхазских царей.¹ Этот документ Броссе нашел среди материалов по истории Грузии, собранных иерусалимским патриархом Досифеем (XVII век), по сообщению которого данная таблица была извлечена им из составленной царем Баграта III «Истории Абхазии» (აფხაზთა ცხოვრება). Впоследствии Е. Такайшвили² обнаружил и опубликовал грузинский подлинник этого весьма ценного документа, который, по определению акад. Джанашиа, представляет собой «нечто вроде исторического меморандума, в котором Баграт III подчеркнул свою связь с абхазской династией и свои наследственные права».³ На основании хронологических указаний этого источника Такайшвили попытался, путем обратного от Баграта III вычисления, установить годы царствования перечисленных в списке абхазских династий, и для упомянутого Леона получил годы 746 – 791. Эту датировку принял и акад. Джавахишвили.⁴

В разбираемой работе акад. Джанашиа критически анализирует соображение Такайшвили, а также других исследователей и, справедливо отвергая их выводы, к определению даты воцарения Леона подходит другими путями.

Прежде всего, акад. Джанашиа анализирует скупые сообщения грузинского анонимного источника “მატიანე ქართლისაჲსაჲ”, в котором дается краткий рассказ об обстоятельствах воцарения Леона и освобождения его от византийской зависимости. В первую очередь, акад. Джанашиа обращает внимание на сообщение этой летописи о двух важных обстоятельствах, при

¹ M. Brosset. Additions et éclaircissements a e Nhistoire de la Georgie. P. 137–175.

² ე. თაყაიშვილი. საისტორიო მასალანი „ძველი საქართველო“, ტ. II, გვ. 28554.

³ С. Джанашиа. О времени и условиях возникновения Абхазского царства, стр. 139.

⁴ ივ. ჯავახიშვილი. ქართველი ერის ისტორია, წ. 2, თბილისი, 1948, стр. 90.

которых произошло окончательное отпадение Абхазии от Византии и провозглашение Леона «царем абхазов». Обстоятельства эти следующие: 1) ослабление Византийской империи и 2) выступление хазар против Византии на стороне Абхазии. Для уяснения этих обстоятельств акад. Джанашиа приступает к детальному изучению истории Византии и Хазарии в течение всего VIII столетия. Выясняется, что взаимоотношения между этими государствами в силу их обоюдной вражды к арабам долгое время были весьма дружественными. В частности, в период царствования византийского императора Константина Копронима (741 – 745 гг.) Византия была еще весьма могущественна в военном и политическом отношениях и, между прочим, поддерживала тесные связи с хазарами. Это время, справедливо замечает акад. Джанашиа, не могло быть удобным для отпадения от империи абхазского эристава и превращения последнего в независимого царя. Поэтому, заключает он, дату, которая для этого события была предложена Такайшвили и принята другими исследователями, приходится «решительно отбросить».¹ Более благоприятные для этого условия создаются лишь в конце VIII века, когда внутренние смуты и неудачи в борьбе с арабами значительно ослабляют Византийскую империю; особенно благоприятным моментом мог быть период правления жестокой и властолюбивой императрицы Ирины (797 – 802 гг.), когда внутреннее и внешнеполитическое положение Византии ухудшалось в еще большей степени.

«Нужно думать, – говорит акад. Джанашиа, – что именно в это смутное время, и, может быть, после 797 года, в единоличное управление Ирины, и совершил Леон абхазский свой акт».² В это же время абхазскому эриставу мог помочь и хазарский хакан, который должен был мстить Ирине, захватившей власть в результате свержения и ослепления своего сына Константина VI, приходившегося хакану близким родственником (не то племянником, не то внуком).³ Важно отметить, что как

¹ Там же, 143.

² Там же, 145-146.

³ Леону абхазскому хазарский хакан приходился дедом по матери.

раз в этот период (90-е годы VIII в.) Хазария вела активную борьбу с Византией за господство на Крымском полуострове.

Не ограничиваясь этими данными, акад. Джанашиа привлекает и другие, независимые от рассмотренных выше, источники, которые поддерживают сделанный им вывод. В частности, он приводит интересные сообщения о состоянии Абхазии в начале 80-х годов VIII в. известного грузинского писателя того времени Иоанна Сабанидзе. «Описание внутреннего состояния Абхазии так и дышит благополучием и рисует силы, накопленные в результате предыдущего развития страны и позволившие абхазскому эриставу в скором времени освободиться от всякой иноземной зависимости».¹ Особо подчеркивает акад. Джанашиа указание Сабанидзе о политическом состоянии Абхазии. Он отмечает то обстоятельство, что владетеля Абхазии Сабанидзе называет не эриставом (что соответствует царскому чиновнику – правителю области), а мтаваром. Этим Сабанидзе намекает на то, что правитель Абхазии пользуется каким-то «суверенитетом»; он, видимо, являлся наследственным династом, хотя еще и не царем. «Таким образом, – заключает акад. Джанашиа, – абхазский владетель уже стоит прочно на пути своего освобождения от какой бы то ни было иностранной зависимости, но конечной цели он еще не достиг».² Далее акад. Джанашиа научно обобщает все сообщения И. Сабанидзе об Абхазии и на основании их дает всестороннюю характеристику Абхазии того периода.

Рассмотренная выше статья акад. Джанашиа «О времени и условиях возникновения абхазского царства» является одной из важнейших работ по историографии Абхазии.

Свои исследования по вопросам древней истории Абхазии акад. С. Н. Джанашиа систематизировал в очерке «Абхазия с древнейшего времени до X века», написанном им в 1938 году для подготовлявшегося к печати коллективного труда по истории Абхазии.³ В этой работе освещены следующие вопросы:

¹ Там же, 148.

² Там же, 149.

³ Отпечатанный на «ремингтоне» оригинал этой работы объемом около 4-х форм хранится в Абхазском институте языка, литературы и истории АН Грузинской ССР.

древнейшая история абхазских племен, их роль и значение в системе Колхидского царства, римские интересы в Колхиде и, в частности, в Абхазии, борьба абхазов против Рима, возникновение племенных княжеств на территории древней Колхиды, образование и история царства Лазики – Эгриси, Абхазия в пределах лазского царства, положение в Абхазии в период римско-персидской войны (542 – 562 гг.), возникновение Абхазского царства и его положение в системе феодально-политических образований Грузии, а также ряд других вопросов.

Кроме основных вопросов древней и средневековой истории Абхазии, акад. С. Н. Джанашиа осветил также одну из интереснейших проблем культурной и политической истории Абхазии XIX – XX вв. Мы имеем в виду его обстоятельную монографию о Георгии Шервашидзе.¹ В данной работе акад. С. Н. Джанашиа дает культурно-исторический очерк Абхазии и Мегрелии XIX века, а также выясняет роль и место Г. Шервашидзе в культурной жизни Грузии на рубеже XIX–XX веков.

Г. Шервашидзе, как известно, был сыном последнего абхазского владетеля Михаила (Хамуд-бея), и поэтому его биография тесно связана с политической историей Абхазии второй половины прошлого столетия. В силу этого в первой части названной работы акад. Джанашиа на основе документальных архивных материалов излагает историю присоединения Абхазии к России, историю упразднения абхазского владительства и последующие факты. Здесь, между прочим, изложены социальные и политические причины, вызвавшие большое восстание абхазского крестьянства в 1866 году. Дана также краткая история этого восстания.

Изучение первого периода жизни Г. Шервашидзе крайне затрудняется почти полным отсутствием источников, и поэтому автор был вынужден проделать большую работу, чтобы восполнить этот пробел. Много труда пришлось ему посвятить также

¹ Первое издание этой работы вышло в 1939 году (см. მასალები საქართველოს და კავკასიის ისტორიისათვის, ნაკვ. III), а второе (дополненное) в 1946 году в Сухуми. См. გიორგი შერვაშიძე. ლირიკა, ეპოსი, დრამა. აკად. ს. ჯანაშიას რედაქციითა და ნარკვევით. სუხუმი, 1946 წ.

отысканию разнообразных произведений Г. Шервашидзе в различных периодических органах дореволюционного времени и у частных лиц. Собранный им богатый материал акад. Джанашиа опубликовал в 1946 году.¹ В это издание вошло несколько десятков стихотворений Г. Шервашидзе (на грузинском и русском языках), незаконченная историческая поэма “გვადანის ციხე” («Гваданская крепость»), историческая драма “გიორგი III” («Георгий III») и комедия. “მომაკვდავნი სურათნი” («Отмирающие картинки»). Все эти произведения, сопровождаемые пространственными примечаниями, акад. Джанашиа издал совместно с рассматриваемой нами монографией об их авторе.

Акад. С. Н. Джанашиа характеризует Г. Шервашидзе как одного из представителей грузинской культуры конца XIX и начала XX веков. «Георгий Шервашидзе, – пишет он, – всем своим существом был связан с грузинским культурным миром», а, в частности, грузинский язык был для него не только главным орудием культуры, но и предметом особенной любви.² Вместе с тем акад. Джанашиа подчеркивает, что эта культурная ориентация отнюдь не означала отрыва от родного очага. «Георгий Шервашидзе, – пишет он, – глубоко любил свою родину (Абхазию) со всей присущей ей спецификой».³

Последние страницы своего исследования акад. Джанашиа посвящает анализу поэтического творчества Г. Шервашидзе, которому в целом дается положительная оценка. С художественной точки зрения поэзия Г. Шервашидзе также стоит на высоком уровне. По словам акад. Джанашиа, Г. Шервашидзе «внес свою долю в развитие грузинского художественного стиля».⁴

В декабре 1946 г. по инициативе и при личном участии акад. С. Н. Джанашиа наша общественность отметила 100-летие со дня рождения Г. Шервашидзе.

Свой обзор научных исследований акад. С. Н. Джанашиа в области истории Абхазии мы завершим его статьей «Давид

¹ გიორგი შარვაშიძე. ლირიკა, ეპოსი, დრამა. სუბუმი, 1946 წ.

² Там же, 18—19.

³ Там же, 21.

⁴ Там же, 67.

Чхотуа и его очерки о поэме Руставели», опубликованной в 1938 г.

Д. З. Чхотуа (1849 – 1928 гг.) принадлежал к тому же кругу культурных деятелей, что и Георгий Шервашидзе, т. е. к либеральному крылу феодальной интеллигенции. Он, между прочим, был одним из первых абхазов, обучавшихся в университете (в быв. Петербурге).

Д. Чхотуа является автором весьма интересного очерка «Герои поэмы Руставели и их мировоззрение», который был издан акад. Джанашиа с приложением вышеназванной статьи.¹ Характеризуя его взгляды на поэму Руставели, акад. Джанашиа пишет: «Взгляды Чхотуа являются отчасти плодом ее нового рассмотрения с точки зрения буржуазной культуры Европы, отчасти же они повторяют унаследованные по традиции, выработывавшиеся из поколения в поколение взгляды передовых кругов грузинской феодальной интеллигенции».² Поэтому, заключает он, очерки Д. Чхотуа имеют, прежде всего, культурно-историческое значение; многие его соображения мы не можем разделить не только методологически, но и фактически, однако «автором высказываются и такие взгляды, с которыми современная руставелология должна серьезно посчитаться».³

В заключение отметим, что в последние месяцы своей жизни (летом 1947 года) акад. С. Н. Джанашиа написал краткий очерк истории Абхазии для 2-го издания Большой Советской Энциклопедии.

* * *

Таким образом, из вышеизложенного мы видим, что на протяжении своей сравнительно непродолжительной научной деятельности в области грузиноведения акад. С. Н. Джанашиа неоднократно обращался к изучению ряда важных проблем

¹ См. Сборник Руставели, к 750-летию „Вепхисткаосани“, издательство Грузфилиала Акад. наук СССР, Тбилиси, 1938, стр. 171–203.

² См. Сборник Руставели, к 750-летию „Вепхисткаосани“, издательство Грузфилиала Акад. наук СССР, Тбилиси, 1938, стр. 171–203.

³ Там же, 202.

древней и средневековой истории Абхазии. Он добился основательного их разрешения с присущей ему научной добросовестностью и глубиной. Основные выводы его работ по истории Абхазии нашли свое отражение в изданном под его редакцией учебнике по истории Грузии.

Труды Абхазского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа. XXV. – Сухуми. 1954. С. 347-357.

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АБХАЗИИ В КНИГЕ
П. ИНГОРКВА «ГЕОРГИЙ МЕРЧУЛЕ –
ГРУЗИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ X ВЕКА»**
(Тбилиси, изд. «Сабчота мцeralи», 1954 г.)

В своей книге П. Ингоркva уделяет истории Абхазии значительное место. Этому вопросу посвящена почти полностью четвертая глава книги, носящая название «Феодальное государство Западной Грузии («Абхазское царство») и сведения о нем в памятнике Георгия Мерчуле» (стр. 114–295).

Какие конкретно сведения об Абхазском царстве содержатся в сочинении Г. Мерчуле «Житие Григория Хандзтийского»? Прежде всего, здесь сообщается, что Григорий и его сподвижники поехали в «Абхазию» с целью создания там монастырских обителей и были хорошо приняты абхазским царем Дмитрием и (см. «Житие св. Григория Хандзтийского», изд. Н. Я. Марра. Тексты и разыскания по арм.-груз. филологии, 1911 г., стр. 100 и сл.) далее, в этом сочинении упоминаются некоторые исторические личности «Абхазии» (Дмитрий II. Баграт Шароели и др.) и наконец, в известной формуле – «Картлией считается обширная страна, в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке» (там же, стр. 113) – Г. Мерчуле имел в виду не только собственно Картли, но и Зап. Грузию («Абхазию»).

Все эти факты хорошо известны в грузинской историографии, но тем не менее, П. Ингоркva решил написать по поводу этих кратких сообщений целое исследование, занявшее в его книге около 10 печатных листов.

Что же побудило П. Ингоркva приняться за такое обширное исследование? Поводом к этому послужило его убеждение в том, что «взгляды на историю Зап. Грузии – «Абхазского царства», – которые приняты в грузинской историографии, не соответствуют

действительности» (стр. 116). П. Ингорква конкретно имеет в виду следующие «взгляды»:!) вопрос об этнической принадлежности «абазгов» античности и «абхазов» средневековья, 2) вопрос о времени и условиях образования «Абхазского царства» и 3) вопрос о характере национальной политики Абхазского царства (см. стр. 116 – 117 его книги).

Переходя к непосредственному разбору той части книги, в которой трактуются перечисленные выше вопросы истории Абхазии и «Абхазского царства», сразу же следует подчеркнуть, что П. Ингорква по первому вопросу (этническая принадлежность абазгов – абхазов) выдвигает явно неверный и тенденциозный тезис, по второму и третьему вопросам – искажает взгляды грузинских историков, а также пытается приписать себе выдвигание научных положений, давно известных в грузинской историографии.

Начнем с первого вопроса. На стр. 116 своей книги П. Ингорква пишет: «Территория Абхазии в ту эпоху, когда возникло «Абхазское царство», т. е. в VIII веке, была населена грузинскими племенами, и это не только в то время, в VIII веке, но и вообще на протяжении всей древней истории, в античное время и в средние века. Абхазы и живущие в Абхазии другие племена (апсилы, мисимиане, санихи) – это были такие же чисто грузинские племена, грузинского происхождения, говорящие на грузинском диалекте, как и другие грузинские племена Западной Грузии – карты, мегрелы и сваны».

То же самое П. Ингорква повторяет на стр. 188, на стр. 294 и в других местах своей книги.

Какими же данными П. Ингорква пытается «обосновать» свой неверный тезис о том, будто абазги-абхазы античности и средневековья не были предками современного абхазского народа, а являлись картвельским племенем?

Для этого он выдвигает три аргумента: 1) этимология этнонимического термина «абасх-абазг», который он возводит к термину «месх», 2) указание некоторых древних авторов, по которым якобы следует, что в античную эпоху на территории собственно Абхазии жили мосхи-месхи и 3) этно-и топонимические факты, свидетельствующие, по его мнению, будто картвельские племена являлись аборигенами почти всего Черноморского по-

бережья Кавказа (кстати, последнее положение П. Ингороква заимствует, без ссылки на источник, у Н. Я. Марра)¹.

Разберем эти «аргументы».

1) П. Ингороква пишет, что «первоначальным названием этого племени (т. е. абхазов. – **З.А.**) было мосхи, то же, что и месхи» (стр. 137). Далее (стр. 137 и сл.), он приводит следующую этимологию – мосх-масх-басх-абасх и т. п. Прежде всего следует подчеркнуть, что положение об этимологической связи между терминами «абхаз» и «месх» Ингороква заимствует без указания на источник у Н.Я. Марра (см. его работу «История термина «абхаз» в сборнике «О языке и истории абхазов», 1938 г., стр. 44 – 52).

Но главное в том, что ни Марр, ни повторяющий его Ингороква не могли доказать подлинность подобной этимологии, которая в лучшем случае может быть признана как гипотеза. Если же эта гипотеза и будет доказана, то это вовсе еще не говорит об этнической идентичности абазгов и месхов. В частности, сам Н. Я. Марр вовсе не утверждал этого, а допускал возможность расселения предков абазгов значительно южнее, по соседству с месхами (см. там же), имя которых могло распространиться на предков абхазов.

2) Для подтверждения положения, будто античные писатели локализуют мосхов на территории Абхазии, П. Ингороква ссылается на следующих авторов: Геланика Митиленского (V в. до н. э.), Палефата Абидосского (IV в. до н. э.), историков митридатовых войн и Страбона (1 в. до н. э.) (см. стр. 137).

Начнем с последних. П. Ингороква пишет: «И в более позднее время историки войн Митридата Великого, а также сам Страбон знают абхазов только под названием мосхов (в качестве их соседей упоминают гениохов и керкетов)» (стр. 137).

¹ В работе «Гермин «Скиф» еще в 1922 г. Н. Марр писал: «Языковой материал вскрывает взаимодействие этих яфетических народов (имеются в виду мегрело-чаны. – **З.А.**) с ионианами на этнокультурной стадии развития, имеющее первостепенное значение для этногенических вопросов, но прежде всего по населенному и населявшемуся чанами и мегрелами краю, а это все Черноморское побережье от Синопа с Halis'ом до Анапы, до Пантикапея. Ныне береговое распространение чано-мегрелов сокращено...» (См. Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V. М.—Л., 1935, стр. 25).

Здесь, прежде всего, П. Ингороква для вящей убедительности один источник (историки митридатовых войн) выдает за два источника («историки» и Страбон). Дело в том, что Страбон, перечисляя «мелкие народцы Кавказа», сам пишет, что он заимствует эти сведения у историков митридатовых войн (см. журн. «Вестник древней истории», 1947, № 4, стр. 214); следовательно, здесь мы имеем дело с одним источником, а Страбон, в данном случае, ни при чем.

Теперь разберем все эти источники по существу.

Страбон, следуя «историкам митридатовых деяний», перечисляет кавказские племена в следующем порядке: ахеяне, гениохи, керкеты, мосхи и другие «мелкие народцы Кавказа» (там же). Таким образом, мы здесь не имеем прямого указания на то, что мосхи живут именно на территории Абхазии. Отметим лишь то, что Страбон ставит мосхов рядом с керкетами.

Перейдем к Палефату, который сообщает: «К керкетам примыкают мосхи» (см. Латышев. «Известия...», т. 1, стр. 270). Здесь мосхи также поставлены рядом с керкетами, но определенного указания на их локализацию нет.

Теперь о сообщении Геланика. П. Ингороква не приводит точный текст источника, а пишет так: «Древнегреческий автор Геланик Митиленский (V в. до н. э.) проживавшее в современной Абхазии племя называет: мосхи. По сообщению Геланика, соседями мосхов Абхазии являются гениохи, корахи (обитатели ущелья р. Корах, современной Келасури), керкеты (черкесы, живущие за Кавказским хребтом) и хариманты. По этому сообщению, территория мосхов точно ограничивается зоной Внутренней Абхазии (собственно Абхазии)».

На самом деле Геланик пишет следующее: «Выше же керкетов живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы» (см. ВДИ, № 1 за 1947 г., стр. 316). Можно ли на основе этого путанного сообщения «точно» локализовать месхов? Разумеется, нельзя. Если же поверить Ингороква, будто упомянутые здесь керкеты живут «за Кавказским хребтом», а мосхи, по Геланику, обитают «выше керкетов», то и мосхов мы должны поместить на Северном Кавказе – «выше керкетов». Таким образом, Ингороква сознательно не приводит точный текст Геланика и приписывает автору свою собственную интерпретацию.

На самом деле вопрос обстоит не так просто, как это пытается представить П. Ингороква. Дело в том, что керкеты (а также гениохи) локализуются античными авторами не только в северо-восточном секторе Черноморского побережья, но и в юго-восточном секторе, т. е. вблизи тех мест, где действительно обитали месхи. Так, например, Квинт Курций Руф (I в. н. э.) помещает керкетов по соседству с моссиниками и халибами (см. ВДИ, № 1 за 1949 г., стр. 288). Именно потому, надо полагать, Палефат и говорит, что «к керкетам примыкают мосхи». Отсюда и возникла у некоторых древних авторов путаница локализации отдельных кавказских племен, на которую обратил внимание еще Страбон (см. ВДИ, № 4 за 1947 г., стр. 214). Поэтому решать вопрос о локализации месхов в районе современной Абхазии, опираясь на сомнительные сведения единичных авторов, ни в коем случае нельзя.

П. Ингороква замалчивает и то обстоятельство, что многие античные авторы, гораздо лучше осведомленные в этнической географии Зап. Кавказа, чем Геланик или Палефат, вовсе не упоминают о мосхах, говоря о данной территории. Так, например, Псевдо-Скилак Кариандский, подробно перечисляя все племена азово-черноморского побережья от Дона до Синопа, ничего не говорит о мосхах (ВДИ, № 3 за 1947 г., стр. 242 – 243).

Наконец, П. Ингороква выдвигает еще один «довод» в пользу грузинского происхождения абхазов. Ссылаясь на Леонтия Мровели, Ингороква утверждает, что абхазы, апсилы и саниги не упомянуты в сочинении Мровели потому, что автор-де «принимает их за грузинские племена, а именно эти племена Леонтий Мровели причисляет к эгрисской группе» (стр. 181).

Прежде, чем остановиться на этом «доводе» (Ингороква объявляет его «историческим показанием решающего значения»), придется сделать маленький историографический экскурс. В свое время (в 1941 г.), когда П. Ингороква надо было доказать, что Леонтий Мровели является историком VIII века, а не XI в., то он этот же довод, но в совершенно иной плоскости, выдвигал в пользу своего соображения. Так, он писал: «Ясно, что абхазское племя в это время не играло какую-либо значительную роль в жизни народов Кавказа. Исходя из этого, сочи-

нение Л. Мровели было написано раньше, чем началось то большое движение и политическая экспансия абхазского племени, которые оставили такой значительный след в политической истории древней Грузии, в результате которого абхазское племя втянулось в общую жизнь Грузии и внесло значительный вклад в дело государственного строительства древней Грузии» (Изв. ИЯИМК'а, т. X, стр. 127). Это «абхазское племя» Ингороква тогда не считал месхами, говорящими на грузинском языке, и, в частности, говорил о том, что после перенесения столицы царства в Кутаиси «абхазская династия... огрузинивается, переходит на грузинский язык» (Известия..., стр. 130).

Однако теперь, когда ему понадобилось во что бы то ни стало внести путаницу в хорошо известный вопрос об этнической принадлежности абхазов средневековья, он вновь обратился к этому же «доводу» (отсутствие упоминания об абхазах у Мровели), но изменил его коренным образом. (Отметим, кстати, что П. Ингороква, который свободно критикует всех и вся, всегда предусмотрительно умалчивает о противоречиях между его новыми установками и старыми положениями. Впрочем, и приведенное выше положение принадлежит не ему, а проф. К. Кекелидзе).

Вернемся снова к Леонтию Мровели. Итак, Ингороква утверждает, что Мровели не упоминает об абхазах, апсилах и санигах, поскольку считает их эгрисцами. Однако и здесь Ингороква замалчивает следующее важное обстоятельство: Л. Мровели употребляет термин «Эгриси» в двух смыслах: 1) для обозначения всей Зап. Грузии («от Лихи... до реки Малой Хазаретии» – см. «Карт. цх.», свод царицы Анны, стр. 2) и 2) для обозначения собственно Эгриси (Мегрелии) – территории «между Эгрисцхали и Риони, от моря до гор, внутри которой (территории) находятся Эгриси и Сванети» (там же, стр. 17). Следовательно, этнографическая граница Мегрелии находилась между Галидзгой и Риони. Границы же Сванетии Мровели определяет так: «(Территория) от Дидоети до Эгриси есть Сванетия» (там же, стр. 19). Значит, территория к северо-западу от Эгрисцхали – это уже не этнографическая Эгриси, а другая область, т. е. Абхазия. Леонтий Мровели упоминает эту область (о чем, конечно, умалчивает Ингороква), в частности, когда он говорит о пропо-

веднической деятельности Андрея Первозванного и Симона Кананита, которые-де распространяли христианство «в Абхазии и Эгриси» (там же, стр. 26).

Далее, если следовать логике П. Ингороква, Мровели не должен был упоминать и о сванах, так как, по Ингороква, он и их причисляет к эгрисцам, однако о «стране сванов» Мровели упоминает неоднократно.

Все это говорит о том, что нельзя придавать отрывочным сведениям Мровели «решающее значение» по вопросу об определении этнической принадлежности абхазов, и данный «довод» Ингороква следует откинуть как несостоятельный.

3) Теперь перейдем к так называемому «специальному» топонимическому экскурсу П. Ингороква (стр. 146–188).

П. Ингороква утверждает, что все приводимые им названия (136) принадлежат «к грузинскому языковому миру» (стр. 146). В данном случае мы не коснемся географических названий в современной Южной Абхазии (к югу от Кодора), поскольку в большинстве своем они действительно грузинского происхождения, так как в течение определенного времени эта область составляла часть Мегрелии, о чем нам хорошо известно и без Ингороква (см. ниже). Остановимся лишь на некоторых топонимических упражнениях Ингороква по вопросам северо-абхазской географической номенклатуры.

На стр. 146 – 147 П. Ингороква повторяет малоубедительную этимологию названия «Диоскурия – Цхуми» от грузинского слова “*ჭყუბონ*” («близнецы»), которую еще 45 лет назад предложил И. Орбели в своей статье «Город близнецов «Диоскурия» и племя возниц «гениохов» (см. ЖМНП, № 5 за 1911 г.), и уж, конечно, Ингороква не ссылается на первоисточник.

На стр. 148 – 149 Ингороква утверждает, будто название реки Бзыбь происходит от грузинского “*ბზ*” («самшит»). На самом деле в основе этого названия лежит убыхское слово “*ბზ*”, что означает «вода», «река» (сравни: Бзе-агу, Бзыч, Бзныч, Безюей, Зюе-бзе и др. названия рек района поселения убыхов, предки которых – саниги – проживали некогда в районе р. Бзыби). Кроме того, Ингороква умалчивает о том, что в

районе р. Бзыби вся топонимика – абхазо-адыгского происхождения.

На стр. 149 Ингороква название Гагра производит от груз. «Гаг-ар-и». В действительности слово Гагра происходит от названия села «Гаг-ри-пш», где «Гаг» («Как») – собственное имя, «ри» – аффикс принадлежности и «пш» – «вода» (в смысле «община»). Ср. Гуль-ри-пш, Званд-ри-пш и др. Причем, Ингороква ошибочно утверждает (сноска № 1 на стр. 150), будто «ᲗᲟᲗᲗ» по-абхазски означает «реку», «воду».

Далее целый ряд географических названий, имеющих окончания «სთა» и «ბთა» (Цанта, Кудепста, Гумиста и др.), Ингороква объявляет грузинскими по той причине, будто такие окончания характерны только для грузинского языка (стр. 153). На самом деле эти окончания весьма характерны и для абхазо-адыгской топонимики.

На стр. 160 Ингороква дает этимологию названия Сочи. Несмотря на то, что и в абхазском и в убыхском это слово употребляется с фонемой «ч» (С), Ингороква решил переделать это слово в «სოჭი», чтобы подвести его к названию дерева «სოჭი» («пихта»).

На стр. 161 дана этимология названия села Ачандара («აჭანდარა») от груз. «ჭანდარი» («тополь»), причем Ингороква подчеркивает, что слово «ჭანდარი» «неизвестно языкам черкесской группы, в грузинском же оно является коренным словом». В связи с этим надо отметить, что слово «ა-ჭანდარ» для обозначения тополя употребляется в абжуйском диалекте абхазского языка (заимствовано из грузинского).

На стр. 165 Ингороква приводит итальянское название географического пункта у р. Аше – Chali-zihа, в котором вторую часть («ziha») толкует как мегрельское «ჯიხა» («крепость»), а первую – как мегрельское «ღალი» («река»). На самом деле слово «ziha» означает «зихская» («адыгская»), а в chali, надо полагать, мы имеем турецкое «kale» – «крепость». Следовательно, «Chali-zihа» – означает «Зихская крепость».

На той же странице Ингороква утверждает, будто в названии «Мака-псе» (“მაკა-ფსე”) сохранилось наименование расположенной в этом районе крепости с грузинским названием «Бага». На самом деле «мака» – по-черкесски означает «сено», «Мака-псе» – «Сенная река».

На стр. 163 Ингороква поясняет употребляемое Аррианом название «Старая Лазика», которое, по его словам, «знаменательно указывает, что население этого края (т. е. по Ингороква, к северу от Туапсе, в районе р. Нидже-псухо. – З. А.) принадлежало к лазской ветви грузинских племен». Следует подчеркнуть, что на основе этого единственного указания Арриана (позднейшие авторы лишь повторяют его) нельзя делать такого далеко идущего вывода. Возможно, что здесь имеется в виду конечный северный пункт владений «Старой Лазики», т. е. Колхидского государства.

На стр. 183–186 Ингороква все древние названия рек Зап. Кавказа, имеющие корень «пс» (по-адыгски «вода», «река»), объявляет грузинскими, поскольку, говорит он, это слово характерно для грузинского языка, а в черкесском оно встречается как в языке, родственном грузинскому, или прямо «заимствовано из грузинского» (стр. 185). Здесь же Ингороква критикует работу С. Н. Джанашиа «Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии», умалчивая, кстати, о том, что и акад. Джавахишвили (см. его работу «Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока» (1939 г.) придерживался того же взгляда, что и акад. Джанашиа.

Такими методами, какими пользуется Ингороква, можно «доказать» все, что угодно. Позволительно поставить вопросы: почему названия рек с корнем «пс» встречаются именно в Зап. Грузии, а не в Восточной Грузии? Почему, чем дальше мы продвигаемся по Зап. Кавказу на северо-запад, тем больше встречаем названий с корнем «пс»? А именно потому, что этот корень как раз характерен для географических названий (рек) на языках адыгской группы.

Если бы П. Ингороква был знаком с соответствующими археологическими, лингвистическими, антропологическими, этногенетическими и другими данными о происхождении народов

абхазо-адыгской группы, то он, быть может, убедился бы в том, что гипотеза Джавахишвили – Джанашиа о продвижении предков этой этнической группы с юга на север в далеком прошлом имеет под собой реальную научную почву.

Таким образом, и в «специальном экскурсе» Ингороква вместо того, чтобы объяснить действительно грузинские элементы в топонимике Абхазии (напр., «Бичвинта») как результат многовековых исторических связей грузинского и абхазского народов, пытается, допуская непозволительные натяжки, «обосновать» свою «теорию» об отсутствии абхазов в Абхазии вплоть до позднего средневековья.

Наконец, особо следует подчеркнуть, что Ингороква, с одной стороны, искусственно подгоняет данные источников под свой тезис, с другой стороны, тщательно замалчивает те показания источников, которые имеют действительно решающее значение для определения этнической принадлежности абхазов. Так, в грузинской летописи начала XIII в. «История и восхваление венценосцев» (Изд. К. Кекелидзе, 1954 г., русск. перевод) имеются прямые указания на то, что этнически абхазы не принадлежат к картвельской группе. Сообщая о расположении грузинских войск перед началом битвы у Басиани, летописец пишет: «С одной стороны (расположились) абхазы и имеры, с другой – амеры» (стр. 77). То обстоятельство, что историк не включает абхазов в число имеров (т. е. «залихских» грузин), свидетельствует об их принадлежности к другому этническому миру. Этот же историк четко отличает абхазов от сванов и мегрелов (см. там же, стр. 49, 50). Наконец, летописец считает нужным перевести на грузинский язык значение имени «Лаша», поясняя, что это значит «Просветитель (вселенной)» (стр. 53). На каком же языке – именно на абхазском («на языке апсаров». – См. «Картлис цховреба», Свод ц. Вахтанга, изд. 3. Чичинадзе, стр. 434).

В той же летописи упоминаются и саниги. Вардан Дадиани, пишет летописец, «собрал всю Сванетию, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети и, присоединив санигов и кашагов, заставил бояр и воинов этих земель присягнуть русскому князю»... (стр. 48). Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на то, что саниги и кашаги особо выделены

из группы исторически грузинских областей, что явно указывает на их иную этническую принадлежность. Не случайно также и то, что саниги поставлены рядом с кашагами, т. е. черкесами, чем, возможно, летописец хочет указать на их этническую близость. И, действительно, саниги являлись предками позднейших убыхов и садзов, т. е. были ближайше родственны кашагам (адыгам), а не являлись «колхидско-лазским (мегрельским)» племенем, как это утверждает Ингорква (стр. 135).

Говоря о гениохах (стр. 134 – 137), Ингорква также объявляет их этнически колхским племенем и отождествляет с санигами. Причем одним из доводов для причисления всех племен с названиями, имеющими окончание “ბო” – генио-хи, сани-хи, абасхи и др. – к грузинским, Ингорква выдвигает то обстоятельство, что этот формант («хи») является обычным для грузинских этнических названий (стр. 138). В действительности же этот формант характерен и для этнонимии других иберийско-кавказских народов, например, для адыгов (ср. дос-хи, зи-хи, улы-хи (пёк-хи) и др.). Аналогичный формант в адыгских языках до сих пор употребляется в качестве показателя множественности.

Далее П. Ингорква замалчивает то обстоятельство, что гениохи, по античным авторам, это не единое племя, а собирательное название для группы родственных племен. Например, Плиний говорит не об одном племени гениохов, а называет «племена гениохов, различающиеся многими названиями». На это же указывает и анонимный автор V в.: «народ иниохов – разноплеменный» (см. Латышев, Известия, т. 1, стр. 275).

Касаясь вопроса об этнической принадлежности апсилов (стр. 140 – 142), Ингорква вовсе не увязывает его с самоназванием абхазов – «апсуа» (“აფსუა”).

Далее П. Ингорква не довольствуется утверждением, будто предки современных абхазов не проживали на территории нынешней Абхазии в античную эпоху и в раннее средневековье, но пытается доказать, что их не было здесь и в период позднего средневековья.

На стр. 133 П. Ингорква пишет: «На итальянских картах

XV в. (карты Бенинкази – 1480 г. и К. Фердучи – 1497 г.) гавань у устья Келасури обозначена названием «Porto Mengrelo». Отсюда Ингорква делает вывод, что этот район «был населен мегрелами, вследствие чего келасурская гавань называлась эгрисской или мегрельской гаванью».

П. Ингорква, надо полагать, не знает того, что в данный период (вторая пол. XV в.) территория Абхазии входила (совместно с Гурией и Мегрелией) в состав единого княжества Сабедиано, во главе которого стоял мегрельский мтавар Бедиани. Об этом княжестве говорится даже в учебнике «История Грузии», в котором читаем: «В состав Сабедиано входили: Абхазия, Мегрелия, Гурия и три значительных по тому времени черноморских города – Цхуми или Севастополь (нынешний Сухуми), Потти и Каджта-цихе (древний город Петра). Территория Сабедиано включала в себя также город Батуми» (изд. 1946 г., стр. 306).

Итальянские путешественники и картографы XV в. княжество Сабедиано именуют обычно Мегрелией и все владения правителей Сабедиано называют мегрельскими. Так, например, И. Барбаро, лично побывавший здесь во второй половине XV в., пишет: «Мингрельский государь называется Бендианом и владеет двумя большими крепостями на Черном море: Бати (Батуми) и Севастополь (Сухуми)» (см. Библ. иностр. писат. о России, 1836 г., стр. 45).

Если в данном случае следовать логике П. Ингорква, то выходит, что поскольку Батуми и Сухуми в XV в. были крепостями мегрельского мтавара, то их коренными обитателями должны быть мегрелы, а не гурийцы или абхазцы. А между тем, когда Барбаро рассказывает о беседе своего спутника с жительницей Батуми, то он приводит именно грузинские, а не мегрельские слова.

Итак, то обстоятельство, что на итальянских картах XV в. келасурская гавань именуется «Porto Mengrelo», отнюдь не говорит еще о том, что здесь, в районе р. Келасури жили мегрелы. Это свидетельство надо понимать в том смысле, что келасурская гавань находится в «Мегрелии», т. е. на территории политической единицы Сабедиано.

Но П. Ингорква на этом не останавливается и идет еще дальше. Он стремится доказать, будто и на территории нынеш-

него Гудаутского района даже в первой половине XVII в. коренное население состояло из мингрельцев. На этой же странице он пишет: «Заслуживают исключительного внимания сообщения турецкого путешественника Евлия Челеби, который в 1641 г. объехал побережье Черного моря. Из сведений Евлия Челеби выясняется, что грузинский язык (его мегрельский диалект) (?! – З.А.) являлся родным языком населения не только в «Шуа-Сопели» (в Моквском и Драндском районах) и в Цхумском (Сухумском) районе, но грузинский язык был родным языком населения» и основной части Абхазского владения в районе Чач (Сашервашидзе). Евлия Челеби пишет: «Главным племенем в Абхазии является племя Чач, которое говорит на том же мегрельском языке, который в употреблении по ту сторону Фаша (т. е. Риони. – З.А.). Этот основной край Абхазского владения – область Чач – есть Сашервашидзе, а именно край, центром которого был поселок Лыхны и который включал в себя территорию нынешнего Гудаутского района от Анакопийского (Ново-Афонского) сектора до Самшитовой гавани (до ущелья реки Мчиш)» (стр. 133).

Приведенное утверждение Ингоркв absolutely не соответствует действительности и целиком основано на недоразумении. Прежде всего, следует подчеркнуть, что П. Ингорква пользуется не оригиналом сочинения Ев. Челеби (на турецком языке), а его русским переводом с английского (см. примеч. на стр. 133), в котором неверно представлено цитированное место из сочинения Челеби. На самом деле в оригинале Челеби ничего похожего на приведенную П. Ингорква цитату (см. выше), а также интерпретацию этой цитаты нет.

В оригинале Ев. Челеби читаем: «Племя (род) Чачей. И по-мегрельски говорят, поскольку по ту сторону Риона расположена исключительно Мегрелия» (см. Ев. Челеби. «Книга путешествий», Стамбул, 1896–1897 гг., стр. 102).

Основной смысл приведенной цитаты сводится к тому, что племя(-род) Чачей (кроме абхазского) говорит «и на мегрельском языке», поскольку проживает в непосредственном соседстве с Мегрелией. Следовательно, здесь речь идет не о «главном» абхазском племени (слово «главный» Челеби вовсе не употребляет), а о первой от Мегрелии (Челеби путешествовал с

юга на север) области, которая непосредственно граничит с Мегрелией и локализуется, по данным Челеби, в районе р. Кодори («один день езды от Риони»). Кроме того, автор говорит не о «племени» в этническом смысле, а о жителях, подчиненных определенному «роду», в данном случае роду тавадов Чачба (Шервашидзе). Доц. С. Джикиа по этому поводу пишет: «Я думаю, что «племя» Челеби мы должны понимать как род (“საგვარეულო”) или же как фамилию какого-либо феодала, которого, надо полагать, Челеби принимает, вместе с его подданными, за единое племя» (см. С. Джикиа. «Ев. Челеби о лазах и лазском языке», Иберийско-кавказское языкознание, VI, 1955 г., стр. 249).

Самое главное, однако, в том, что Челеби приводит ряд абхазских слов и фраз (более 30) для характеристики языка «Абхазской области» (Челеби. Цит. соч., стр. 109 – 110), но П. Ингороква, конечно, умалчивает об этом, поскольку это полностью противоречит его ошибочному положению.

П. Ингороква даже не замечает того, что он вступает в явное противоречие с самим собой, когда пишет: «По сведениям Арканджело Ламберти, к середине XVII в. северо-западной политической и этнической границей Одиши была река Кодори и Драндская зона» (стр. 134). И это после того, как буквально на предыдущей странице Ингороква утверждал, ссылаясь на неправильно понятые им сообщения Челеби, Вахушти и патера Иоанна, будто в Сухумском и Гудаутском районах жили в то время мингрельцы.

Отметим, кстати, что сообщение Вахушти и патера Иоанна о том, что в конце 20-х годов XVII в. граница между Абхазией и Мегрелией проходила в секторе Анакопии (Нового Афона), отражает лишь временное явление, когда Левану II Дадияни, совершившему в 1627 году удачный поход в Абхазию (см. Ф. Жордания. Хроники, т. II, стр. 447), удалось на время установить политическую границу между Мегрелией и Абхазией в районе Нового Афона. Однако, вскоре эта граница вновь была отодвинута к реке Кодору.

Наиболее надежным первоисточником для определения политической и этнической границы между Абхазией и Мегре-

лей в первой половине XVII в. является «Описание Колхиды» Ар. Ламберти, который в течение 1633 – 1650 гг. безвыездно прожил в Мегрелии. А. Ламберти пишет: «Границей Колхиды со стороны абхазцев или абасков служит река, называемая Туземцами Кодор» (см. Сборн. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа, вып. 43, стр. 2). Или еще конкретнее: «Совершенно так, как Фазис отделяет Мингрелию от Гурии, так и Коракс (Кодор) отделяет ее от Абхазии, а как за Фазисом мегрельский язык сразу сменяется грузинским, так за Кораксом сменяется абхазским». И дальше: «После переправы через Кодор живут абхазцы со своим особенным языком» (там же, стр. 200 – 201).

Таким образом, в течение большей части XVII в. этнографическая и политическая граница между абхазами и мегрелами проходила по р. Кодори. Лишь в конце XVII в. абхазские владетели, воспользовавшись ослаблением мегрельского княжества и благопрയാтствовавшими им социальными моментами, отодвинули границу своих владений сначала к р. Галидзге, а затем, в начале XVIII в., – к р. Ингури. В своей «Истории Грузии» Вахушти указывает: “აფხაზნი... დაიპყრეს ვიდრე ეგრისის მდინარემდე და დაიმეზობდნენ თვით აფხაზნი”, т. е. «абхазцы... овладели (территорией) до р. Эгриси, и сами обосновались там» (изд. 1913 г., стр. 317).

В одном из источников начала XIX в. сообщается, что сыновья абхазского владетеля Зегнака Шервашидзе – Ростом, Джикешия и Квапу поделили между собой Абхазию: Ростом, как старший, взял себе в удел собственно Абхазию, Джикешия получил «Шуа-Сопели» (т. е. земли между Кодором и Галидзгой), а Квапу – область между Галидзгой и Ингуром, которая впоследствии, по имени сына Квапу Мурзакана, стала именоваться «Самурзакано». В области, отхваченной абхазскими мтаварями у мегрельских («Шуа-Сопели» и «Самурзакано»), абхазские владетели поселили ряд княжеских, дворянских и крестьянских семей (Ачба, Инал-ипа, Маан, Зухба, Кецба и др.).

Тот факт, что до конца XVII в. этническая и политическая граница между Абхазией и Мегрелией проходила по р. Кодори, хорошо известен в грузинской историографии (см., например, С. Какабадзе. «История Грузии. Эпоха новых веков», 1922 г.; С.

Макалатия. «История и этнография Мегрелии», 1941 г.; И. Антелава. «Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII вв.», 1950 г. и др.), но П. Ингорква почему-то хочет выдать это за свое собственное открытие.

Вопросу о том, как произошли этнические изменения на территории Абхазии, Ингорква пообещал посвятить «специальный очерк» (стр. 132), но этого очерка мы в рецензируемой книге не нашли. Поэтому напомним, как объяснял он этот факт в первой публикации своей книги: «Население здесь переменялось только в новые века, а именно в XVII в., когда этот район заняли кавказские горцы (?! – З.А.), и древние коренные насельники этого края – эгриссы – частично поселились во внутренней Эгриси, частично смешались с поселившимися здесь кавказскими горцами» (см. Журн. «Мнатоби», № 3 за 1950 г., стр. 129).

Не говоря о том, что подобное утверждение абсолютно не соответствует исторической действительности, следует подчеркнуть, что П. Ингорква пытается лишить абхазов даже их этнического имени и неопределенно называет их «кавказскими горцами».

Теперь перейдем к вопросу о времени и условиях возникновения Абхазского царства. На стр. 115 П. Ингорква пишет: «В грузинской историографии относительно образования Западной Грузии – Абхазского царства» – принят тот взгляд, будто во второй половине VIII века имело место завоевание (“*ჯიბ-ყრბი*”) Западной Грузии абхазами (которые, в соответствии с этим ошибочным взглядом, окрещены в негрузинское племя) и будто после этого в течение двух последующих столетий (9 – 10 века) была своего рода «абхазская эра» в истории Зап. Грузии».

Вслед за этим заявлением П. Ингорква приводит пространную выдержку из учебника «Истории Грузии» по вопросу о возникновении Абхазского царства (см. груз. текст учебника, изд. 1948 г., стр. 146 – 147; русск. перевод учебника, 1946 г., стр. 152), где якобы проводится изложенная П. Ингорква мысль.

Не касаясь в данном случае вопроса об этнической принадлежности абхазов (см. выше), мы подчеркнем, что здесь П. Ингорква дважды искажает взгляды акад. С. Н. Джанашиа.

Во-первых, С. Н. Джанашиа никогда категорически не утверждал, что в конце VIII в. имело место именно завоевание Зап. Грузии абхазами. В русском переводе учебника он по этому поводу пишет: «К этому времени древнее лазское царство уже было обессилено и абхазский князь сравнительно легко присоединил (так Джанашиа переводит слово “*დაბჰურობა*”, употребляемое в грузинском тексте) к своим владениям собственно Эгриси и Аргвети» (стр. 152). В работе «О времени и условиях возникновения Абхазского царства» С. Джанашиа говорит о «захвате или мирном присоединении Лазики абхазским владетелем» (Труды, т. II, стр. 339).

Следовательно, С. Н. Джанашиа не категорически утверждает о захвате, завоевании Лазики, как это приписывает ему П. Ингорква, а оставляет данный вопрос открытым, допуская возможность и «захвата» и «мирного присоединения».

Что касается самого П. Ингорква, то вопрос о возникновении Абхазского (Западно-грузинского) царства он трактует следующим образом:

«В основном историческом первоисточнике – в памятнике «Матианэ Картлисай» – прямо отмечается, что абхазский эристав отложился от греков (византийцев), завладел “*დაბჰურა*” Абхазией и Эгриси до Лихи», т. е. абхазский эристав не из Абхазии завладел Эгриси, а оба края, Абхазию и Эгриси до Лихи, захватил у византийцев, освободил от византийского господства» (стр. 116).

Здесь П. Ингорква сводит воедино два разных факта: 1) присоединение Эгриси к Абхазскому мтаварству и 2) освобождение Абхазии и Эгриси от византийского господства. На самом деле, как это можно заключить из сочинения Сабанисдзе, к концу 80-х годов Эгриси уже была включена в состав Абхазского владительства (см С. Джанашиа. Цит. соч., стр. 339), а освобождение от Византии было осуществлено лишь в 90-х годах (возможнее всего в конце 90-х гг.) VIII века (там же, стр. 361).

Ввиду скудости источников, трудно сказать определенно, каким образом был осуществлен первый акт (т. е. присоединение Эгриси к Абхазии); автор «Матианэ Картлисай» ставит этот акт в зависимость от кончины правителя Эгриси Иоанна и старости Джуаншера («Ибо был мертв Эристави Иоанн и стар – Джуаншер»). Поэтому нам кажется не лишним основания следующее утверждение акад. С. Н. Джанашиа:

«Глубоко интересно, что у Сабанисдзе нет даже намека на Эгриси (Лазику) и его владельца; этот факт, в свете некоторых сообщений других грузинских источников, наводит на мысль, что к данному времени императорское правительство сумело ликвидировать местные органы управления и последние остатки автономии Лазики, что и облегчило ее захват (или мирное присоединение, с санкции императора) абхазским владетелем» (там же, стр. 339).

На стр. 200 – 201 П. Ингорква говорит относительно объединения Абхазии и Эгриси, но по поводу его рассуждений по этому вопросу следует сделать два замечания: во-первых, он выдвигает необоснованное положение о том, будто бы это объединение произошло сейчас же после изгнания арабов из Зап. Грузии (стр. 200), и, во-вторых, заимствует из цитированной работы С. Н. Джанашиа положение об обстоятельствах принятия Леоном II титула мтавара (стр. 201). Что же касается вопроса о принятии Леоном II титула «царя абхазов», то акад. С. Н. Джанашиа ставил этот факт в прямую зависимость от освобождения «полностью от византийской зависимости» Абхазии, т. е. всей Зап. Грузии – и собственно Абхазии, и Эгриси (см. его работу «О врем. и услов. возн. Абхаз. царства»).

Таким образом, мы видим, что П. Ингорква, направляя острие своей критики против акад. С. Н. Джанашиа, значительно искажил его взгляды в данном вопросе, а частично заимствовал его положения.

В этой связи укажем и на другое обстоятельство: П. Ингорква, говоря об «ошибках грузинской историографии», критикует учебник «История Грузии», изданный под редакцией акад. С. Н. Джанашиа (первое изд. вышло в 1943 г.), но ни слова не говорит о том, как сам он освещал вопрос о возникновении Абхазского царства еще в 1941 году в работе «Леонтий Мровели,

грузинский историк VIII века», где он говорил о «большом движении и политической экспансии абхазского племени» (см. Изв. ИЯИМК, Груз. филиала АН СССР, т. X, стр. 127).

Непосредственно вопросу о времени и условиях возникновения Абхазского царства П. Ингороква уделяет стр. 215 – 218 своей книги. Следует особо подчеркнуть, что и здесь он целиком повторяет аргументацию и выводы по этому вопросу, содержащиеся в работе акад. Джанашиа «О времени и условиях возникновения Абхазского царства». В частности, Ингороква вслед за Джанашиа указывает на следующие два обстоятельства, облегчившие Леону II освобождение от византийской зависимости: 1) ослабление Византии (стр. 216) и 2) помощь со стороны Хазарии (стр. 217) и повторяет ту же дату – конец VIII в. (стр. 216).

Не ссылаясь, в данном случае, на названную работу Джанашиа, Ингороква опять-таки присваивает чужое положение.

На стр. 208 и сл. П. Ингороква полемизирует с акад. С. Н. Джанашиа по вопросу о том, входил или нет город Трапезунт в состав Абхазского княжества. В своей работе «О времени и условиях образования Абхазского царства» (см. Труды, т. II, стр. 322 – 341) акад. Джанашиа убедительно доказал, что Трапезунт входил не в состав «Абхазии», а в состав Византии. Однако П. Ингороква с этим не согласен и пытается доказать обратное. На стр. 208 своей книги он приводит следующее место из сочинения Н. Сабанидзе «Житие Або Тбилели»: «Границей их (т. е. жителей Абхазии. – З.А.) является море Понтийское, достояние полностью христиан, до рубежей Халдии, где Трапезунт, и местность Апсареа и Напсайская гавань...».

Затем, отождествляя Напсайскую гавань с Никопсией, П. Ингороква следующим образом раскрывает эту цитату: «Граница их (т. е. абхазских владений Западной Грузии) есть Черное море («море Понтийское») достояние христиан, до тех мест», до которых доходят границы Халдии («до рубежей Халдии»). Там (на Черноморском побережье Зап. Грузии) расположены: Трапезунт (у южного рубежа), Апсар (посередине) и Напсайская гавань (у северного рубежа)» (стр. 211).

Подобной «интерпретацией» П. Ингороква стремится доказать, что Трапезунт, как и другие пункты, упомянутые в сочи-

нении Сабанисдзе (Апсар и Напсайская гавань), входили в состав Абхазского княжества. На самом деле И. Сабанисдзе определенно указывает, что перечисленные пункты являлись владением именно Византии. В этом сразу же можно убедиться, если полностью процитировать соответствующее место из сочинения Сабанисдзе.

«... А блаженный Або еще больше благодарил бога, потому что нашел он страну ту (т. е. Абхазию. – З. А.) исполненную христовой веры и нет никакого неверного среди коренных жителей в их пределах. Ибо сопредельно им море Понтийское, достояние полностью христиан, до рубежей Халдии, где Трапезунт, и местность Апсареа и Напсайская гавань. И являются города те и места владением слуги христового, ионского царя, который восседает на престоле в великом граде Константинополе» (см. изд. К. Кекелидзе. «Ранняя груз. феод. лит.», 1935 г., стр. 66).

Таким образом, в приведенной цитате содержится прямое указание на то, что Трапезунт, Апсар и Напсайская гавань являются «владением слуги христового, ионского царя», т. е. византийского императора. Совершенно очевидно, что в данном случае мысль Сабанисдзе сводится к следующему: Абхазия потому де является сплошь христианской страной, что по соседству с ней находятся христианские владения, а, в частности, и города – Трапезунт, Апсар и Напсайская гавань, которые подчинены «слуге христову», т. е. императору Византии.

Однако такая, единственно правильная, интерпретация не устраивает П. Ингоркву, и он сознательно опускает соответствующие места из сочинения Сабанисдзе, т. е. производит фальсификацию исторического источника.

Мало того, П. Ингорква ни одним словом не обмолвился о том, что еще в 1935 г. проф. К. Кекелидзе, таким же точно путем, как и П. Ингорква (тоже со ссылкой на П. Пеетерса), пытался доказать, будто Трапезунт входил в состав Абхазского княжества (Кекелидзе. Цит. соч., стр. 28 и 25).

В цитированной П. Ингорква работе С. Джанашиа (см. стр. 208–209 реценз. книги) как раз и ведется полемика с неверной точкой зрения П. Пеетерса и К. Кекелидзе, а П. Ингорква,

в данном случае вновь пытается протащить это ошибочное положение, выдавая его за собственное открытие.

Что касается других источников, на которые ссылается Ингороква (стр. 12 и сл.) для обоснования своего тезиса о вхождении Трапезундской области в состав «Абхазии», то они вовсе не подтверждают этот тезис. Так, сообщение Елифана Константинопольского о Трапезунте как о «городе Лазики» (стр. 214) или сообщение Ефимия Мтацминдели о том, что Трапезунт находится «в стране Мегрелов» (стр. 215) имеет лишь геоэтнографическое значение, а отнюдь не свидетельствует о вхождении Трапезунта в состав политической единицы – Абхазского царства. Названные авторы хотят сказать, что город Трапезунт географически расположен в стране «лазов» или «мегрелов».

Теперь перейдем в вопросу о национальной политике Абхазского царства и о так называемой «двухвековой абхазской эре», о которой, якобы, писал акад. Джанашиа.

Надо с самого начала подчеркнуть, что никто из грузинских историков, ни тем более акад. Джанашиа, ничего подобного никогда не утверждали. Наоборот, С. Н. Джанашиа неоднократно подчеркивал, что политика «абхазской династии» была именно грузинской политикой, что так называемое «Абхазское царство» было по существу грузинским политическим образованием, в котором существенную роль играли и собственно абхазские элементы.

Так, в очерке истории Абхазии, помещенном в БЭС, акад. Джанашиа писал: «В дальнейшем резиденцией абхазских царей стал город Кутатиси (ныне Кутаиси), находящийся ближе к центральным грузинским областям. Это указывало на главное направление политики Абхазского царства, с самого начала своего возникновения вступившего в общую систему феодальных образований Грузии... Абхазские цари... встали на путь объединения не одной лишь Западной Грузии, но и Грузии в целом... Кутаиси к этому времени уже был пунктом, по которому проходил важнейший путь страны, где скрещивались хозяйственные и культурные связи западногрузинских племен и где раньше, чем в остальных городах Зап. Грузии, развилась грузинская национальная культура, шедшая из Картли. С конца VIII в. грузинский язык окончательно вытеснил греческий, о чем свидетель-

ствуют сохранившиеся поныне лапидарные и иные надписи того времени. Развивается грузинская письменность. Новое западногрузинское образование приняло название Абхазского царства» (БСЭ, изд. 2, стр. 47).

Таким образом, приписывая акад. Джанашиа тезис о какой-то «абхазской эре», П. Ингороква явно искажает истину. Мало того, на стр. 117 своей книги он совершенно так же, как и Джанашиа, излагает вопрос об историческом значении Абхазского царства, приписывая тем самым подобную трактовку вопроса себе.

Дальше, в связи с вопросом о национальной политике Абхазского царства П. Ингороква подробно останавливается на вопросе о церковной реформе в Зап. Грузии, т. е. на вопросе о том, когда западно-грузинская церковь освободилась от подчинения византийской церкви, в связи с чем, в частности, из церкви был вытеснен греческий язык и заменен грузинским (стр. 231 и сл.). Здесь также П. Ингороква повторяет аргументацию и выводы по этому вопросу, содержащиеся в работе проф. Н. А. Бердзенишвили «Вазират в феодальной Грузии», ч. II (Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 г.), но вовсе не ссылается на эту работу, приписывая, следовательно, и данное научное положение.

Остановимся, наконец, на еще одном «открытии» П. Ингороква. Он утверждает, будто правящая династия, стоящая во главе Абхазского царства в течение двух столетий, была по своему национальному происхождению не абхазской, а лазской (стр. 192). Это «открытие», надо полагать, понадобилось П. Ингороква на тот случай, если он не сумеет протащить свой ошибочный тезис об этнической принадлежности абхазов – в этом случае, быть может, удастся хоть династию отобрать у абхазов.

Касаясь этого вопроса, следует, прежде всего, отметить, что сам П. Ингороква данную династию считал когда-то «абхазской» (см. Изв. ИЯИМК, т. X, стр. 130), но теперь он об этом не вспоминает. Однако, прав был Ингороква, разумеется, тогда, а не сейчас. Положение о лазском происхождении династии «Аносидов» шито белыми нитками. Для «обоснования» этого положения Ингороква и здесь не останавливается перед явной фальсификацией источников. Так, Леона I он именует «мтаваром Лазики» (стр. 197) в то время, как источники всегда назы-

вают его «эриставом Абхазии» (см., напр., «Карт. цховр.», свод ц. Анны, стр. 152). Византийскому историку Феофану (1 пол. VIII в.) Ингороква приписывает сообщение о мтаваре Лазики Георгие Барнуковиче (стр. 196), который фигурирует в генеалогическом списке Ингороква (стр. 193), в то время как в действительности у Феофана упоминается «Петрикий Лазики Сергей», а не Георгий (см. Мат. по ист. Груз. и Кавк., 1940 г., вып. 1, стр. 105). Вот каким способом Ингороква пытается «обосновать» свою выдумку!

При всем этом, разумеется, П. Ингороква весьма далек от уяснения действительной роли абхазов в истории Грузии.

Чем же объяснить, что абхазы, этнически негрузинское племя, сыграли такую важную позитивную роль в истории Грузии? П. Ингороква решает этот вопрос легко и просто: абхазы – это не абхазы, а мосхи, т. е. грузинское племя, а поэтому, мол, они и осуществляли грузинскую политику. Однако на деле это объясняется тем, что еще задолго до образования Абхазского царства, уже с первых веков I тысячелетия до н. э. население Абхазии стало все теснее и теснее связываться – культурно, экономически и политически – с Зап. Грузией. Многовековое совместное существование абхазов с западно-грузинскими племенами нашло широкое отражение в археологических и лингвистических материалах, а также в письменных источниках ряда эпох. Длительное вхождение предков современных абхазов в состав Колхидского, а затем Лазского политических образований не могло не отразиться соответствующим образом на абзагах-абзахах. В частности, еще прогрузинская политика Леона I (I пол. VIII в.), который, являясь вассалом Византии, в то же время считал себя вассалом грузинских царей Арчила и Мира, явно опиралась на многовековые традиции грузино-абхазского единства. Исторические данные (в частности, археологический материал) убедительно свидетельствуют, что влияние древнегрузинской культуры на население Абхазии было намного сильнее, чем греческое влияние. Стремление абхазского народа освободиться от византийской зависимости могло, в тех исторических условиях, осуществиться лишь в результате укрепления единства с Зап. Грузией, а затем и с Грузией в целом. Именно поэтому правящие круги абхазского общества берут твердый

курс на дальнейшее сближение с Грузией, который и завершается образованием Абхазского царства.

К сожалению, до сих пор в грузинской историографии никто еще не разработал этого вопроса, и если бы П. Ингороква направил свое исследование именно в этом направлении, то он мог бы оказать действительную услугу науке. Но вместо этого Ингороква предпочел выдвинуть неверный тезис об этнической принадлежности абазгов-абхазов и на этом поставил точку.

Таким образом, в своем «исследовании» по вопросам истории Абхазии и Абхазского царства П. Ингороква проявляет следующие черты, чуждые советскому историку:

1) явный дилетантизм, незнание многих фактов и источников из истории Грузии, неумение научно интерпретировать источники;

2) присваивание научных положений, разработанных или выдвинутых другими учеными;

3) фальсификация источников с целью «обосновать» свои ошибочные положения;

4) игнорирование материалов, противоречащих его «концепции».

Особенно должна быть подвергнута осуждению вредная попытка П. Ингороква вычеркнуть из прошлого абхазского народа более 1,5 тыс. лет его истории, перечеркнуть многовековую историческую связь и единство братских грузинского и абхазского народов.

Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. гулиа. XXVII. – Сухуми. 1956. С. 261–278.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАРТСКОГО ЭПОСА

Настоящий доклад посвящен одному из наиболее важных и спорных вопросов нартского эпоса – вопросу о времени и условиях его возникновения. Постановка этой проблемы требует ответов на вопросы, – где, т.е. в какой географической области, **когда**, т.е. в какой хронологический отрезок времени, **в какой конкретно-исторической обстановке** (в данном случае я имею в виду определенную ступень развития первобытнообщинной формации) и, наконец, **в какой этнической среде** зародился нартский эпос.

Но прежде чем приступить к изложению материалов, относящихся непосредственно к теме доклада, разрешите сделать мне несколько предварительных замечаний:

Уважаемая А.А. Петросян, упомянув на вчерашнем заседании доклады У.Б. Далгат и мой, отметила, что они посвящены спорным вопросам нартского эпоса. (Кстати, доклад У.Б. Далгат так и называется). В связи с этим разрешите заметить, что если у кого-нибудь и будут критические замечания по нашим докладам (а они, конечно, могут быть), то у меня с У.Б. Далгат никаких принципиальных разногласий по вопросам нартского эпоса нет. Я был весьма удовлетворен, когда, выслушав ее интересный и содержательный доклад, нашел, что целый ряд моментов, которыми я хотел поделиться с Вами, затронуты в ее докладе и в такой же форме, в какой предполагал сделать это я сам. Это первое замечание.

Второе замечание, которое я считаю нужным сделать перед уважаемыми фольклористами, состоит в том, что я, не имея по роду своей специальности прямого отношения к вопросам фольклора, решил все-таки выступить с моим сообщением, поскольку думаю, что как историк смогу, быть может, оказаться небесполезным при исследовании некоторых деталей историче-

ского эпоса, в котором отражен определенный этап развития общества, создавшего этот эпос.

Третье предварительное замечание сводится к следующему: 20 лет тому назад мне довелось в Тбилиси выслушать доклад нашего крупнейшего нартовед, многоуважаемого Василия Ивановича Абаева. Доклад был посвящен проблемам происхождения и развития нартского эпоса. В этом докладе проф. В.И. Абаев, касаясь абхазских нартских сказаний, заявил, что они не являются родными для абхазского народа и распространены среди абхазов лишь в фрагментарном виде. Это дало ему основание сделать вывод, что нартские сказания, бытующие среди абхазов, заимствованы ими у других народов.

Спустя некоторое время В.И. Абаев приехал в Абхазию в научную командировку с целью изучения ряда интересовавших его вопросов, среди которых одним из главных был вопрос о нартском эпосе. Еще до появления его статьи, посвященной результатам Абхазской экспедиции, я имел удовольствие иметь с ним личную беседу, в которой он сообщил мне, что его прежнее мнение о том, будто нартский эпос имел у абхазов незначительное распространение, не подтвердилось; теперь он убедился, что нартский эпос широко распространен в абхазском народе, а поэтому заслуживает особого внимания и изучения.

В своем выступлении на первой нартской конференции в г. Орджоникидзе В.И. Абаев ставит уже вопрос об оригинальности, самобытности абхазского нартского эпоса и высказывает предположение, что, наряду с известными центрами формирования и развития нартского эпоса – осетинским и адыгским, – придется, возможно, признать и наличие третьего центра – абхазского. И я был очень рад, когда вчера в своем докладе он заявил, что действительно существовало три центра нартского эпоса – осетинский, адыгский и абхазский. Этот прогресс в развитии взглядов В.И. Абаева является подтверждением того, что в абхазских сказаниях мы имеем такой вариант нартского эпоса, который вполне позволяет нам оперировать им при решении самых актуальных вопросов нартоведения.

Мне бы хотелось также остановиться на развитии взглядов уважаемого Е.М. Мелетинского. В своих прежних высказыва-

ниях относительно нартского эпоса и, в частности, об этнической среде, в которой он возник, Е.М. Мелетинский проводил тот взгляд, что этот эпос заимствован у скифо-алано-сарматских племен. Он говорил, например, что кабардинцы, поскольку они заняли территорию, на которой до них обитали осетины, могли заимствовать этот эпос именно у осетин. Что касается абхазского эпоса, Е.М. Мелетинский считал, что самостоятельного значения он не имеет и примыкает к адыгским нартским сказаниям.

Но, слушая вчерашний доклад Е.М. Мелетинского, я имел удовольствие констатировать, что и он изменил свою точку зрения. Так же, как и В.И. Абаев, он признает теперь самостоятельное, оригинальное значение абхазского нартского эпоса, считает, что нельзя говорить о каком-либо одном народе, как о создателе эпоса, а полагает, что нартский эпос является творением предков целого ряда народов, проживающих на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа, а именно: осетин, кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абхазцев, ингушей, чеченцев и некоторых других.

Я считаю вполне правомерным воспользоваться этим положением и оперировать абхазским вариантом нартского эпоса как важным подспорьем при постановке и решении ряда коренных вопросов нартоведения.

Перейду теперь непосредственно к теме моего доклада.

Каковы же те представления, которые мы имеем на сегодняшний день по вопросам, поставленным в начале доклада?

Одни исследователи считают, что нартский эпос возник в основном на территории Северного Кавказа, но другие допускают возможность включить в географический ареал его формирования и некоторые области к северу от Кавказа. Третьи авторы расширяют этот ареал еще более, вводя в него территорию Западного Закавказья. У меня под рукой имеются соответствующие выписки и цитаты, но, чтобы не загромождать доклад, я на этом специально останавливаться не буду. Отмечу лишь, что по вопросу о географическом ареале распространения нартского эпоса на сегодняшний день нет единой точки зрения.

Второй вопрос – более важный – это вопрос о той стадии социально-экономического развития, которая в основном отражена в эпосе. Как справедливо отмечают некоторые исследователи нартского эпоса, и в первую очередь В.И. Абаев, этот эпос, как и аналогичные эпосы других народов, является полистадиальным, многослойным, т.е. в нем отражен ряд этапов социально-экономической истории народа, создавшего этот эпос.

Но вместе с тем была ведь какая-то одна, определенная стадия исторического развития, к которой следует отнести появление основного ядра нартского героического эпоса. И в этом вопросе также существуют разногласия.

Некоторые авторы считают (или считали), что основное ядро нартского эпоса возникло в эпоху матриархата. Главный довод, которым они оперируют является, естественно, образ Сатаней-Шатаней. В нем они видят основной, первичный этап возникновения этого эпоса и датируют его эпохой матриархата. Такой точки зрения придерживался К.Д. Кулов в своей работе «Матриархат в Осетии», изданной в 1985 году.

Такая же тенденция проявлялась и в работах некоторых других исследователей. Например, Е.М. Мелетинский в своей книге «Происхождение героического эпоса» говорит о «матриархальной общине нартгов». Ш.Д. Инал-ипа также писал (в книге «Абхазы»), что «нартское общество организовано в материнский род» (хотя в другом месте возникновение эпоса он относит к эпохе патриархата).

Вторая точка зрения сводится к датировке возникновения эпоса эпохой раннего патриархата. Такого взгляда ныне придерживается упомянутый К.Д. Кулов, который отказался от прежней датировки эпоса периодом матриархата. В результате датировка возникновения основного ядра эпоса поднялась на целые тысячелетия.

Однако подавляющее большинство исследователей нартского эпоса, на наш взгляд, правильно относит возникновение эпоса к позднему патриархату и хронологически датирует его первой половиной I тысячелетия до н.э. В период позднего патриархата, как известно, происходил интенсивный процесс разложения первобытнообщинного строя.

Что касается вопроса об этнической среде, в которой сложился нартский эпос, то и здесь существуют определенные разногласия.

В прежние времена, когда осетинские нартские сказания были хорошо известны, адыгские – в меньшей степени, а абхазские и вовсе неизвестны была выдвинута точка зрения, по которой создателем нартского эпоса являлся осетинский народ в лице своих предков, в первую очередь, аланов. Такая точка зрения настойчиво проводилась В.И. Абаевым. Его поддерживали и некоторые историки (Б.В. Скитский, Л.П. Семенов и др.), которые пытались обосновать это положение историческим материалом.

Вместе с тем очень осторожно, но также настойчиво выдвигалась другая точка зрения, по которой нартский эпос являлся не аланским, а адыгским эпосом.

Однако успехи в области нартоведения позволили преодолеть эти узкие точки зрения и на сегодняшний день большинство исследователей придерживается взгляда, что в целом нартский эпос является многонациональным эпосом (в пределах Северного Кавказа и частично Закавказья). Правда, у некоторых народов он бытует в законченном виде, у других представлен менее богато, но такие современные народы Кавказа, как осетины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы и абхазцы, являются коренными носителями этого эпоса. Данное положение является одним из важнейших выводов, сделанных на I нартской конференции в Орджоникидзе.

Но все-таки вопрос о происхождении первоначального ядра нартского эпоса не снимается. В.И. Абаев по-прежнему стоит на том, что создателем основного ядра эпоса являются скифо-сарматские элементы. Так, он проводит эту точку зрения в предисловии к книге «Нарты», изданной в Москве в 1957 году. Какое мнение по данному вопросу имеет Василий Иванович теперь, он, быть может, скажет в своем докладе.

Иначе говоря, касаясь вопроса об этнической среде, создавшей первоначальное ядро эпоса, В.И. Абаев и ряд других авторов продолжают выдвигать в качестве таковой скифо-сармато-аланскую среду, появившуюся на Северном Кавказе не ранее VII столетия до н.э. из Средней и Центральной Азии. По-

этому фактически ставится вопрос о привнесении нартского эпоса иммигрировавшими на Кавказ ираноязычными элементами, а затем заимствованиями его коренным населением Кавказа – предками адыгов, абхазов и др. – от скифо-сарматских пришельцев.

Однако в последнее время все смелее выступают отдельные специалисты (не только фольклористы, но и этнографы, историки, археологи и др.), которые настаивают на том, что этнической средой, создавшей эпос, является местная, коренная кавказская, доаланская среда.

Хотя попытки дать правильное решение вопроса о происхождении основного ядра нартских сказаний делались пока лишь в общей форме – статьях, рецензиях или докладах, тем не менее мы не вправе не отметить эти труды.

Прежде всего я хотел бы вспомнить выдающегося ученого, крупнейшего специалиста по этнографии народов Кавказа Г.Ф. Чурсина. Еще в 1981 году он опубликовал краткую аннотацию своего интересного доклада об «Абхазо-осетинском яфетическом мире», в котором подчеркивал, что народы Центрального и Северо-Западного Кавказа отличаются единством культуры. Одно из важных положений, которое он выдвинул это вопрос об общих для этих народов корнях нартского эпоса.

Эта была первая правильная постановка вопроса, причем характерно, что она была выдвинута не только в результате изучения нартского эпоса, но и на основе глубокого знания этнографии народов Кавказа.

Далее, я хочу отметить небольшую рецензию Б.А. Гарданова, опубликованную в 1947 г. на один из трудов В.И. Абаева. В этой рецензии поставлен ряд важных вопросов о происхождении и этнической среде нартского эпоса. В частности, Б.А. Гарданов подчеркивает общекавказское происхождение нартского эпоса.

В последнее время по этому вопросу выступил Е.И. Крупнов, который в своей работе «Древняя история Северного Кавказа», полемизируя с Е.М. Мелетинским и В.И. Абаевым, доказывает, что нартский эпос сложился в кавказской среде до аланского времени.

Те положения, которые я собираюсь развить в своем докладе, не являются чем-то новым и оригинальным. В основном я придерживаюсь взгляда таких авторов, как Б.А. Гарданов. Но попытаюсь дополнительно обосновать эти положения с привлечением материала из абхазских нартских сказаний.

Учитывая, что на нашем заседании присутствуют не только специалисты, но и более широкая аудитория, хочу отметить, что те публикации нартского эпоса, которыми мы на сегодняшний день располагаем, недостаточны ни по объему своего содержания, ни по форме изложения материала, чтобы дать основание сделать решающие выводы. Возьмем, к примеру, абхазское издание – «Приключения нарта Сасрыквы и его 99 братьев» – это прекрасно сделанный перевод, в прозе – Г.Д. Гулиа, а в стихах – С.И. Липкиным, неутомимым переводчиком памятников народной поэзии не только абхазов, но и других народов Кавказа. Тем не менее я считаю, что с научной точки зрения – думаю, что специалисты, присутствующие здесь, со мной согласятся, – мы не можем оперировать этими переводами так, как хотя бы той публикацией, которую сделал Ш.Д. Инал-ипа в 1949 году.

Это замечание в еще большей степени можно отнести к сборнику юго-осетинского варианта нартских сказаний, изданному в Москве В. Абаевым и В. Колоевым, где для удобства читателей прозаические сказания полностью переведены стихом. Читателю, конечно, стихи легче воспринимать, но в научной работе оперировать таким материалом труднее. Не совсем удачно также и кабардинское издание.

В этом отношении, мне кажется, лучшим изданием, ближе всего стоящим к оригиналу и отражающим его специфику, является северо-осетинское (1948 и 1949 гг.), где дан точный перевод всех основных сказаний в том виде, в каком они бытуют в народе, преимущественно в прозе и в отдельных случаях в виде белого стиха.

Это все, чем мы располагаем, если не считать отдельных циклов эпоса (осетинских и кабардинских), которые публиковались раньше. Так что у нас еще недостаточно материалов, добротных с точки зрения научной значимости, и поэтому выдвижение тех или иных тезисов на основе научно изданного мате-

риала – это дело будущего. Интересы дальнейшего развития нартоведения настоятельно требуют научной публикации вариантов и версий всех эпических циклов, бытующих у различных народов Кавказа.

Перехожу конкретно к вопросу о времени и исторических условиях возникновения нартского эпоса,

Здесь коснулись этого вопроса У.В. Далгат и некоторые другие докладчики. Но мне кажется, что настало время говорить об этом не в общих чертах, ссылаясь на отдельные, более или менее характерные детали эпоса, а соединенными усилиями специалистов (фольклористов, историков, этнографов, языковедов и др.) решить эту проблему в монографическом плане. Для меня лично, как историка, не оставляет никакого сомнения, что в нартском эпосе мы имеем дело по преимуществу с поздней стадией патриархального строя, при котором пока еще налицо все основные моменты патриархального общества, как базисные так и надстроечные, но в то же время дают о себе знать явные признаки его социально-экономического разложения.

Среди этих признаков важнейшими являются зачатки частной собственности, накопление богатств отдельными нартскими родами и политический строй «военной демократии». Возьмем, например, «народные собрания» нартов (Большая хаса, ныхас). Во всех основных вариантах эпоса – абхазском, адыгском и осетинском – эти типичные народные собрания эпохи позднего патриархата, т.е. собрания взрослых мужчин-воинов, на которые не допускаются ни женщины, ни дети. Вместе с тем на этом «народном» собрании первое слово всегда принадлежит старейшим и родовитым нартам, а основная масса рядовых нартов фактически ступшевана.

Другой институт, связанный с строем военной демократии, – это совет старейшин, именуемый в адыгском варианте эпоса Малой хасой. Он играет решающую роль в повседневной жизни нартов.

В этой связи я хочу остановиться и на Абхазских нартских сказаниях. Специалисты отмечают, что в них матриархальные черты проявляются более ярко и выпукло, чем в других национальных вариантах нартского эпоса, но тем не менее и абхазское нартское общество, несмотря на то, что во главе его стоит

женщина (Сатаней-Гуаша), живет в условиях типичного патриархального строя.

Взять хотя бы мотив кровной мести. В своей ранней работе, посвященной абхазским нартским сказаниям, Ш.Д. Инал-ипа писал, что кровная месть совершенно чужда абхазскому нартскому эпосу. Но в то время у него было еще мало материала, а впоследствии выяснилось, что этот мотив не чужд абхазскому эпосу. Кровная месть, может быть, в эпосе отражена слабо, но в сказании о Шаруане этот мотив проявился весьма ярко.

Инал-ипа: Само это сказание позднее.

Анчабадзе: Сказание позднее, но не выходит за рамки основного ядра эпоса. Теперь Вы пишете, что в абхазских сказаниях мотива кровной мести «почти» нет, а раньше писали «совершенно» нет. Несомненно, дальнейший сбор материала даст нам дополнительные сведения по этому вопросу. Но если этот мотив (кровная месть) в абхазском варианте отражен слабо, то это лишний раз указывает на то, что в этом эпосе представлена более низшая ступень поздне-патриархального общества, чем в осетинских и адыгских сказаниях, где мы имеем высокую ступень позднего патриархата, для которой кровная месть представляет типичное явление.

Возьмем такой эпизод: рождение Сасрыквы. По абхазскому варианту эпоса сыновья Сатаней-Гуаши во главе со старшим сыном Ситом ребром ставят вопрос перед матерью – откуда взялся ребенок («пусть не ведает позора нартов семья»), требуя объяснить появление Сасрыквы и сомневаясь в том, что здесь сыграл свою роль их отец – немощный старик (а в иных вариантах отец вовсе отсутствует). Является ли эта ситуация матриархальной? Конечно, нет. Такое отношение к матери возможно лишь в условиях позднего патриархального общества.

Это подтверждается и наличием у абхазских нартов патрилокальных брачных поселений, за исключением Сасрыквы, все нарты после женитьбы, привозят жен в свой дом. Даже сама Сатаней-Гуаша по своему происхождению принадлежит не к роду нартов, а к роду элхвыс и живет среди нартов по патрилокальному признаку.

Можно было бы указать на целый ряд других моментов (систематические военные походы, ведущая роль мужчин в хо-

зьяйстве и др.), которые дают основание утверждать, что стадия социального развития абхазских нартов в принципе не отличается от уровня развития адыгских и даже осетинских нартов.

Вместе с тем совершенно правы Е.М. Мелетинский и Ш.Д. Инал-ипа, что абхазские нартские сказания являются более архаичными, чем адыгские или осетинские. Можно привести немало примеров, подтверждающих это обстоятельство. Укажем, прежде всего, на образ Сатаней-Гуаши, который, как известно, всегда выдвигается на передний план при характеристике матриархальных пережитков в нартском обществе. Если сравнить абхазскую Сатаней-Гуашу с адыгской Сатаной и осетинской Шатаной, то мы убедимся, что первая сохранила значительно больше матриархальных черт. Абхазская Сатаней – это действительно мать – руководительница нартской общины. Все нарты являются ее сыновьями. Вспомним ситуацию зачатия Сасрыквы. Сатаней вышла на берег реки и на противоположном ее берегу увидела пастуха, который ей понравился. Она приказала ему переплыть к ней, и тот попытался беспрекословно ей подчиниться. Существенными отличиями характеризуется та же сцена в адыгском варианте эпоса. Адыгская Сатана также стоит на берегу реки, а на противоположном – пастух. Но они как бы меняются ролями: не Сатана проявляет активность, а пастух. Это он добивается ее любви, она же покоряется ему, ведет себя как женщина в условиях патриархального быта. В осетинских сказаниях Шатана имеет самое отдаленное отношение к появлению Сосруко. В одном случае его родителем является Урыз-маг – муж Шатаны. Он ласкает камень в пещере, а Шатана затем извлекает из этого камня сына своего мужа, т.е. выступает лишь в роли повивальной бабки. А в другом случае отцом Сосруко является Хамыщ, и Шатана не имеет никакого отношения к его появлению на свет. Таким образом, абхазская Шатана больше мать Сасрыквы и других нартов, чем адыгская или осетинская.

Возьмем сцену принятия Сасрыквы в общество нартов. Когда абхазские нарты, усомнившись в нартском происхождении Сасрыквы, потребовали у матери объяснить, откуда он взялся, то Сатаней-Гуаша властно ответила, что Сасрыква настоящий нарт и приказала своим сыновьям принять его в свою

среду. Другую ситуацию мы имеем в адыгских сказаниях. Прежде всего, появление Сосруко вызвало возмущение нартских женщин. Все набросились на Сатану – откуда, мол, у нее ребенок, ведь мужа-то у нее нет, назвали ее даже патаскухой. Подобная ситуация, разумеется, чужда матриархальным условиям жизни. Когда же решила ввести своего любимого сына в круг нартов, то, отправляясь на хасу, она приделась и нарядилась, чтобы понравиться старейшинам нартов. Но те дают ей резкий отпор, когда она попросила допускать на хасу Сосруко. В ответ на просьбу Сатаны один из нартов ей отвечает:

«Матерей мы уважаем,
Но богатырей на Хасу
Не зовем по просьбе женщин...»

Нарты отказывают Сатаней в ее просьбе, – и она вынуждена уйти ни с чем.

Что касается осетинского варианта эпоса, то здесь совершенно нет такой ситуации (просьбы Шатаны принять Сосруко в число нартов); здесь Созурко-Сослан с самого начала является нартом, как сын Урызмага или Хамыца, и с Шатаны даже ничего не спрашивается в этом вопросе.

Далее приведу весьма характерное место из осетинского эпоса:

«Старший у нартов – старик Урызмаг,
Хозяйка у них – мудрая Шатана...»

Мы имеем здесь одно из подтверждений того, о чем говорила У.Б. Далгат в своем докладе: – Шатана – это типичная матрона большой патриархальной семьи, недаром она своего мужа (Урызмага) называет «хозяином моей головы». Это не исключает того, что Шатана женщина мудрая и нарты, не исключая мужа, часто обращаются к ней за советом. Конечно, и у Шатаны сохранились матриархальные черты, но абхазская Сатаней выступает в особенно яркой матриархальной оболочке.

Большая архаичность абхазского варианта эпоса в сравнении с осетинским и даже с адыгским бросается в глаза и при знакомстве с другими героями эпоса. В данном случае я имею в виду Батрадза и Цвица. Они, несомненно, являются двойниками – это подтверждается целым рядом моментов, связанных с их рождением, воспитанием и местом в нартском обществе. Но если проанализировать хотя бы ситуацию рождения героя, то мы увидим, что матриархальных черт у Цвица больше, чем у Батрадза или Патареца. В последнем случае мать, рассердившись на мужа, выбрасывает плод и, сделав разрез на спине Батрадза, вставляет плод туда. Затем фактически отец рождает сына, а мать никакого отношения к его воспитанию не имеет.

Другую ситуацию мы видим при рождении и воспитании Цвица. Здесь, несмотря на то, что мать сердита на мужа, она не покидает своего сына, и всегда покровительствует ему. Она дает ему волшебную шапку и меч, с помощью которых Цвиц совершает свои подвиги.

Я мог бы значительно умножить аналогичные примеры, но и приведенных достаточно, чтобы сделать твердый вывод о более архаическом облике абхазских нартских сказаний, чем сказаний, бытующих в настоящее время у адыгов и осетин. Этот вывод, сделанный моими уважаемыми предшественниками, несомненно, правилен. Вместе с тем считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что в целом, несмотря на более сильные матриархальные пережитки, абхазское нартское общество такое же позднепатриархальное, как адыгское и осетинское, т.е. мы и здесь видим отражения распада первобытнообщинного строя и наличие законченного института военной демократии.

Второй вопрос – о месте и времени возникновения основного ядра нартского эпоса.

Я не случайно так подробно остановился на вопросе о большей архаичности абхазских (а также адыгских) нартских сказаний. Это обстоятельство позволяет вынести твердое убеждение, что нартский эпос не мог возникнуть за пределами Кавказа и быть привнесенным сюда ирано-язычными предками осетин. Конечно, аналогичный эпос должен был быть и у этих последних, ибо эпос такого рода всегда возникает у патриархальных племен в «героический» период их истории. Древний аланский эпос, как видно, в

какой-то своей части вошел в состав нартского эпоса вместе со сказаниями, унаследованными от аборигенного народа-субстрата, оформился впоследствии в осетинский вариант нартского эпоса. Основная область формирования нартского эпоса – это Центральный и Северо-Западный Кавказ, не исключая территории Западной Грузии. Именно в данной области на рубеже II–I тысячелетий до н.э. констатируются весьма тесные для того времени взаимосвязи местного населения.

Об этом здесь вчера говорил Е.М. Мелетинский, цитируя Крупнова и других авторов. Е.И. Крупнов считает, что бытовавшие в то время на данной территории три культуры – Кобанская, Прикубанская и Колхидская – ближайше родственны между собой и в совокупности существенно отличаются, например, от восточно-кавказской культуры.

Период существования названных культур как раз и является временем интенсивного разложения первобытнообщинного строя у племен, населявших указанную территорию. Это именно тот период, который более всего отражен в нартском эпосе.

Как показывают археологические материалы, между обитателями трех культурных областей существовали теснейшие связи различного порядка: экономические, культурные и, несомненно, политические. Именно в этот период существовали наиболее благоприятные условия для формирования общего эпоса у предков нынешних адыгов и осетин.

Следует отметить, что территория Абхазии в целом включается археологами в ареал Колхидской культуры, но в то же время отличается специфическими особенностями, позволяющими поставить ее в особое положение в системе названной культуры. Грузинские археологи считают, в Абхазии существовал весьма оригинальный, своеобразный вариант Колхидской культуры. Одной из черт этого своеобразия являлось то, что в культурном отношении Абхазия была гораздо теснее связана с соседними северокавказскими культурами в первой половине I тысячелетия до н. э., чем другие области распространения Колхидской культуры. Следовательно, в тот период население Абхазии было особенно связано с Северным Кавказом, с обитателями которого оно имело не только тесные культурные связи, но и этническое

родство, возможно, более близкое, чем на сегодняшний день, как это небезосновательно утверждают современные исследователи.

Вопрос о формировании основного ядра нартского эпоса может быть решен, по моему убеждению, только в аспекте изложенных выше соображений и фактов.

Правильно отметил вчера Е.М. Мелетинский, что не следует углубляться в этом вопросе и сводить возникновение эпоса к какому-либо одному народу, как это предлагали некоторые специалисты.

В какой же хронологический отрезок времени сформировалось основное ядро нартского эпоса? Отвечая на этот вопрос, мы должны отметить возможность с абсолютной точностью датировать ту стадию социально-экономического развития народов Центрального и Западного Кавказа, на которой и происходило скорее всего формирование первоначального ядра нартских сказаний.

Самый главный момент в этом вопросе – это степень и масштаб распространения железной металлургии в нартском обществе. Многие исследователи отмечали тот факт, что в нартском эпосе мы имеем широкое распространение железа, и, следовательно, в эпосе отражен тот период истории народов Кавказа, когда железный век утверждался на территории, являющейся ареалом распространения данного эпоса.

Вопрос об этапах развития железного века на территории Западного Закавказья хорошо разработан грузинскими советскими археологами (исследования Р. Абрамишвили, И. Гдзелишвили и др.). И поскольку Северный Кавказ в своем историческом развитии по пятам следовал за Закавказьем, то периодизацию раннежелезного века, установленную для Грузии, мы с полным правом можем применять и к истории освоения железа на Северном Кавказе.

Началом железного века считается тот период, когда начинается непрерывное развитие железной металлургии. Это становится возможным лишь тогда, когда изобретается способ получения губчатого железа в открытых горнах из железной руды, добытой в залежах, и способ изготовления из него стального оружия.

Эпоха широкого освоения железа на территории Грузии хронологически подразделяется на три ступени: **первая** датируется концом II тысячелетия – IX в. до н.э. На данном этапе железные орудия часто повторяют формы предшествующих им бронзовых изделий.

Вторая ступень относится к VIII – первой половине VII вв. На этой ступени значительно улучшается качество железных изделий, и повторение форм бронзовых прототипов имеет место уже редко.

Третья ступень датируется VIII–VI вв. На этой ступени железо уже окончательно вытесняет из употребления бронзу. В VI веке в Грузии происходит полное освоение железа.

Металлургия железа на Кавказе, и в частности в Абхазии, имеет глубокие местные корни, о чем, в первую очередь, свидетельствует воспроизводство в железе ряда бронзовых орудий предшествующего времени. А.Л. Лукин по этому поводу пишет: «Преемственность металлургических производственных традиций III этапа (позднеколхидского – **З.А.** сказывающегося в ранних железных изделиях Абхазии, свидетельствует об автохтонности освоения железа мастерами местных общин, носителями названных традиций, непрерывно вырабатывавшихся в течение длительного предшествующего времени».

В VIII–VII вв. железные изделия получают в Абхазии широкое применение.

К сожалению, наши археологи до сих пор не использовали нартский эпос в той его части, в которой он блестяще отражает все три ступени железоделательного производства на территории наших предков. В этом отношении замечательная картина сохранилась в адыгском варианте нартских сказаний. Именно здесь мы имеем налицо все три ступени: Дабеч – это самая ранняя ступень, первая ступень освоения железа; вторая ступень – ступень широкого распространения железа, на которой происходит обожествление процесса его производства, блестяще представлена в образе Глепша; третья ступень представлена в образе Худима, который овладел секретом производства железа и стал ковать орудия для широких масс народа.

Широкое распространение лошади в нартском обществе тоже падает на эту же эпоху, т.е. конец II тысячелетия – первые

века I тысячелетия до н.э. На этот же период падает возникновение в кавказском обществе таких явлений, как наличие далеко зашедшего процесса имущественной дифференциации, превалирование скотоводческого хозяйства над земледельческим, господство военно-демократического строя и ряд других явлений, которые как раз и составляют основу хозяйственной и общественной жизни нартвов, наиболее характерную для эпоса.

Я уверен, что когда наши фольклористы в контексте с историками, археологами, этнографами и лингвистами глубоко и всесторонне исследуют данную проблему, то гипотеза некоторых авторов (В.И. Абаев и др.), что основное ядро эпоса сложилось в первой половине I тысячелетия до н.э., полностью подтвердится и получит убедительное обоснование.

Вместе с тем мне хочется еще раз подчеркнуть большую арахичность абхазских нартских сказаний в сравнении с адыгскими и осетинскими в свете соображений и материалов, которые только что мною приводились, а именно: в абхазских сказаниях отражена более низкая ступень освоения железа, чем в других. Кузнец абхазских нартвов Айнарджи знаменует собой самую примитивную стадию утверждения культуры железа и не является еще божеством в полном смысле этого слова. Судя по той характеристике, которую он получает в эпосе, его можно поставить лишь на одну ступень с адыгским кузнецом Дабечом. То же можно сказать и по вопросу об одомашнении лошади. Если в адыго-осетинских вариантах эпоса лошадь имеет уже широкое распространение среди нартвов и об ее одомашнении здесь не говорится ни слова, то в абхазских сказаниях это последнее обстоятельство получило яркое отражение. Ведь одна из заслуг Сасрыквы заключается в том, что он приручил лошадь и дал ее народу, а до этого только отдельные нартвы имели лошадей.

Следовательно, и здесь констатируется та же картина: в абхазских нартских сказаниях отражена заключительная стадия первобытнообщинного строя, что и в нартском эпосе в целом, но более архаичная ее ступень, которая хронологически относится к раннему периоду указанной выше датировки.

В заключение хочу остановиться на весьма важном, по моему мнению, обстоятельстве, которое вскользь уже отмеча-

лось. Это вопрос о несомненном соучастии в создании нартского эпоса скифо-сармато-аланского этнического элемента, оказавшего в свое время большое влияние на развитие древнего населения Северного Кавказа. Когда знакомишься с осетинскими нартскими сказаниями, то встречаешь там целый ряд таких моментов, которые чужды абхазо-адыгским сказаниям. Так, например, в осетинском варианте эпоса встречаются названия таких стран и народов, о которых исследователи не могут сказать что-либо определенное. Ничего подобного нет в абхазо-адыгских вариантах, в этом отношении они более конкретны. Затем в осетинском эпосе обращает на себя внимание такой факт, как женитьба Уарызмага на своей сестре Шатане. Правда, нарты удивляются этому факту, но быстро примиряются с ним. Ничего подобного не может быть в абхазо-адыгских сказаниях: здесь все брачные отношения нартов построены на принципе экзогамии. Эндогамия же, как известно, была характерна для иранских племен.

В осетинском эпосе мы сталкиваемся и с целым рядом характерных героев, которых нет в адыгском и абхазских вариантах эпоса (Урызмаг, Ахсар, Ахсартаг и др.). Правда, в адыгском варианте мы встречаем Уазырмеса, но это явный двойник Уарызмага, заимствованный у осетин и занимающий в адыгском эпосе периферийное место.

Наконец, можно отметить и такое обстоятельство, как более сильные патриархальные черты осетинского эпоса в сравнении с абхазо-адыгскими вариантами. Это, мне кажется, должно быть отражением аланского патриархального быта. В условиях длительных и дальних походов у аланских скотоводческих племен должны были выработаться сильные патриархальные традиции и условия жизни.

Теперь в отношении образа Шатаны (Сатаны). Этимология этого имени еще не установлена. Большинство исследователей, в том числе В.И. Абаев, считает, что имя вошло в эпос из местного кавказского субстрата. Но значит ли это, что аланская среда целиком заимствовала этот образ из местного субстрата, который она ассимилировала? Вряд ли это так. Надо полагать, что в аланском героическом эпосе была своя Шатуна. В связи с

этим я хотел бы обратить внимание на образ старушки Уорсар из адыгских нартских сказаний. Это имя, как мне сказали, иранского происхождения: по-осетински оно означает «белая голова». Характерно, что при той громадной роли, которую занимает в адыгском эпосе Сатана, старушка Уорсар несколько раз упоминается как самая умная женщина среди нартов. В некоторых сказаниях она фигурирует, как известно, в начале матриархальной эпохи. Может быть, образ Уорсар – это и есть аланская Шатана, заимствованная в свое время предками адыгов и сохранившаяся в их эпосе, но исчезнувшая из осетинского. Впрочем, и в осетинских сказаниях мы встречаем ряд женщин, которые соперничают с Шатаной.

И в заключение еще об одном обстоятельстве – это вопрос о так называемом хатиагском языке, на котором говорят некоторые герои осетинского варианта эпоса. Аналогичного явления нет в абхазо-адыгских сказаниях – здесь никто не говорит на каком-то загадочном языке. Среди осетинских героев его знает очень ограниченный круг лиц, – в частности Шатана и Батрадз, т.е. герои, которые вероятнее всего проникли в осетинский эпос из местного субстрата. К хатиагскому языку Шатана и Батрадз прибегают тогда, когда надо передать какое-либо тайное известие. Единственным способом, с помощью которого можно открыть сундук, содержащий оружие предков, также является обращение к нему Шатаны на хатиагском языке.

С. Бритаев в своих примечаниях к осетинскому изданию нартских сказаний (1949 г.) высказывает предположение, что в хатиагской речи мы имеем, возможно, хеттский язык. Но, может быть, это и есть язык того местного этнического субстрата, который впоследствии был ассимилирован пришлыми аланами. Этот язык скорее всего был языком иберо-кавказской группы, которая, по мнению многих специалистов, была родственна протохеттским языкам. Так или иначе вопрос о хатиагском языке в осетинском варианте эпоса, по моему мнению, заслуживает пристального внимания исследователей в аспекте выяснения местных (субстратных) корней в осетинском варианте нартского эпоса.

Таким образом, исторический анализ нартского эпоса и сравнительное изучение его национальных вариантов (в рамках существующих публикаций) в связи с историей народов Кавказа

– носителей эпоса позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

1) Географический ареал формирования нартского эпоса – это центральная и западная часть Северного Кавказа, а также северо-западная часть Закавказья (Абхазия и, возможно, некоторые районы к югу от нее). Фигурирующие в эпосе области, расположенные вне Кавказа (Подонье, Поволжье и др.), а также «неизвестные» народности свидетельствуют, с одной стороны, о географических представлениях и внешних связях создателей эпоса, но главным образом, по-видимому, отражают более ранний ареал распространения ираноязычных предков создателей нартских сказаний (это особенно наглядно проявляется, естественно, в осетинском варианте эпоса).

На территории очерченной области на рубеже II–I тысячелетий до н.э. бытовали три ближайшие родственные археологические культуры – Кобанская, Прикубанская и Колхидская.

2) Конкретная историческая обстановка, в которой был создан первоначальный костяк нартского эпоса, представляет собой заключительную стадию первобытнообщинного строя – период позднего патриархата и военной демократии. Прежде всего, это еще типичный патриархально-родовой строй со всеми его базисными и надстроечными атрибутами. Вместе с тем налицо и явные признаки его социально-экономического разложения.

Патриархальные элементы особенно ярко отражены в осетинском варианте эпоса, в меньшей степени в адыгском варианте, еще меньше в абхазских нартских сказаниях. Сравнительный анализ центральных образов эпоса (Сатаней–Шатана, Сасрыква–Сосруко–Созырко–Сослан, Айнарджи–Тлепш–Курдалагон, Цвицв–Патраз–Батраз–Батрадз, Урызмаг–Уазырмес) приводит к заключению, что наиболее архаичными чертами отличаются герои абхазского варианта эпоса и наименее архаичными – осетинские эпические герои. Среднее место в этом отношении занимают герои адыгских сказаний. В соответствии с этим пережитки матриарха-

та в большей степени сохранились в абхазском эпосе и менее всего в осетинском.

Причиной этого явления следует считать то обстоятельство, что у абхазов значительно раньше складываются классовые отношения (в условиях Колхидского царства, под воздействием древнегреческих полисов и т.д.), чем у предков адыгов или осетин. Поэтому развитие абхазского варианта нартского эпоса было «приостановлено» значительно раньше, чем у народов Сев. Кавказа.

3) Наиболее приемлемой датой возникновения (точнее оформления) основного ядра нартского эпоса является первая половина I тысячелетия до н. э. и особенно его вторая четверть (сер. VIII–VI вв.). Именно в эту эпоху в истории народов–носителей эпоса складываются все социально-экономические явления, преимущественно отраженные в эпосе (сохранение ведущей роли скотоводства и охоты при наличии определенного веса и земледелия, утверждение металлургии железа, зарождение и развитие зачатков частной собственности и имущественной дифференциации, превращение войны в «регулярную функцию народной жизни», установление в связи с этим строя «военной демократии» и т.д.).

4) Нартский эпос, надо полагать, имеет два основных этнических первоисточника: а) абхазо-адыго-«кобанский» (под «кобанским» этносом подразумеваются родственные абхазо-адыгам аборигенные племена центрального Предкавказья, создавшие Кобанскую культуру эпохи поздней бронзы и впоследствии ассимилированные пришлыми ираноязычными элементами) и б) скифо-сармато-аланский.

Двойственное происхождение нартского эпоса особенно наглядно проявляется в его осетинском варианте, где четко выявляются эпические слои как «иранского» источника (Уархаг и его сыновья, Урызмаг, Сырдон и др.), так и «субстратного» источника (Созрыко-Сослан, Батрадз и др.). Образ Сатаней–Шатаны, самый архаичный в нартском эпосе, является, как видно, общим для обеих первоисточников (независимо от происхождения собственного имени, которое, очевидно, возникло на местной почве). Скифо-сармато-

аланский эпос, несомненно, имел свою Шатану, образ которой в значительной части слился с местной Сатаней, сохранив свои специфические черты.

Следовательно, этническая среда, в которой возник нартский эпос, – это прежде всего предки нынешних абхазо-абазин, адыгов и осетин (как в лице сармато-аланов, так и ассимилированного ими местного этнического субстрата), а также ирано- и – кавказоязычные предки карачаево-балкарцев и, по-видимому, предки вайнахов (вопрос о дагестанских «предках» остается открытым).

5) Исторической основой общности происхождения и межэтнического характера нартского эпоса являются конкретные условия жизни обитателей указанной выше части территории Кавказа в первой половине I тысячелетия до н.э., а также и в последующие времена: «эйлажное скотоводство, одомашнение лошади, распространение техники производства металла (бронзы и особенно железа), относительно быстрый рост межплеменных культурно-экономических и политических связей, внешние вторжения, этнические скрещивания, иначе говоря – весь комплекс разнообразных исторических взаимоотношений, связывавших народы Северного Кавказа и Западного Кавказа на протяжении многих веков.

Заключительное слово

Товарищи! Я хочу свое заключительное слово начать с одной индийской притчи. В ней рассказывается о том, как несколько слепых шли вместе и наткнулись на стоящего поперек дороги слона. Первый слепой взялся за хвост, пощупал и говорит: «веревка». Второй взялся за ногу и возразил: «Нет, это дерево», а третий ткнул слона в туловище и сказал: «Нет, это стена». На самом же деле это был слон, и нужно было быть зрячим, чтобы убедиться в этом.

Эту притчу напомнил, мне выступления некоторых товарищей: они приводили отдельные моменты, характерные для матриархата и отсюда делался вывод, что целиком нартский эпос возник в эту эпоху.

Справедливо сказал Василий Иванович, что нартский эпос многослойный, полистадиальный, в нем отражен ряд различных эпох. Но если отвлечься от частных и выявить его главные черты, то мы убедимся, что этот эпос создан в эпоху позднего патриархата – вся совокупность социально-экономических, культурных и прочих явлений даст нам только эту картину. Естественно, мы можем спорить о деталях, но не должны ставить вопрос о том, что эпос является порождением эпохи матриархата. Я думаю, что от этой точки зрения мы должны отказаться окончательно. Это один момент.

Второй момент – в отношении эволюции взглядов уважаемого В.И. Абаева. Если я говорил, что он всегда ищет аланское ядро эпоса, то сегодня он правильно сказал, что мы не будем его искать, а просто скажем, что это ядро возникло на определенной территории, где жили предки абхазов, адыгов и осетин (Апладисменты).

Третье замечание в адрес Е.С. Мелетинского. В его докладе на Орджоникидзеvской конференции совершенно четко говорится, что кабардинцы, перешедшие на территорию, принадлежавшую аланам, могли перенять у них нартский эпос. Такое положение я считал неправильным.

В книге «Происхождение героического эпоса», где большая глава посвящена нартскому эпосу, Е.М. Мелетинский тоже повторяет некоторые положения своих прежних работ, в частности, положение о сарматах и аланах, как об этнической среде, в которой возник нартский эпос, о раннем патриархате, как социально-экономической базе возникновения нартского эпоса. Я высказал удовлетворение, что он в своем докладе на данной конференции об этом ничего не сказал, а, наоборот, заявил, что эпос возник в более широкой этнической среде. Я заметил изменения во взглядах Е.М. Мелетинского в более правильную сторону, – в отличие от неверных положений, которые были высказаны в его предыдущих работах.

Некоторые наши коллеги, фольклористы, – это относится и к Е.М. Мелетинскому, – недооценивают необходимости более глубокого и тщательного изучения того народа,

который создал эпос, и вообще исторических проблем, относящихся к этому периоду. Тогда не возникало бы такого утверждения, что матриархат сосуществует с военной демократией. Это то же самое, что сказать, что рабовладельческий базис сосуществует с буржуазным политическим строем.*

*Выступление на Всесоюзной научной
конференции нартоведов в Сухуме,
в ноябре 1963 г.*

*Из домашнего архива. Публикуется впервые.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КРУПНОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ СЕНЬОРИИ В АБХАЗИИ XIX в.

Цель настоящей статьи – показать на конкретном примере постепенное изменение социально-политической природы одного из крупнейших феодальных владений Абхазии первой половины XIX в. – Гумского удельного княжества, потерю его владельцами политических привилегий и превращение их из феодальных сеньоров в обычных помещиков.

* * *

Территория Гумской Абхазии – удельного владения представителей боковой ветви владетельного дома, Хасанбея Шервашидзе и его потомков, – простиралась от р. Шицкуара (западнее Гумисты) до р. Кодор и от берега моря до Цебельдинского нагорья. Его площадь составляла не менее 25 тысяч десятин земли, а в его 23 селах в середине XIX в. проживало до 5 тысяч крестьян, непосредственно зависевших от правителя владения. Это были селения: Бабышира, Уарча, Цхубун (Дранда), Гулрыпш, Мархьяул, Акапа, Багбаран, Кьаласур, Абжакьуа, Бырца, Гумм, Яштухуа, Ачадара, Ешыра и др. В этническом отношении население Гумской Абхазии состояло из абхазов и обабхазившихся мегрелов.

Резиденция правителей удела находилась в с. Кьаласур, где на возвышенности стоял княжеский дом, защищенный боевыми башнями.

Гумский удел был основан в начале XIX в. владельцем Абхазии Келешбеем Шервашидзе, который передал его во владение своему младшему сыну – Хасанбею. После присоединения Абхазии к России (1810 г.) гумское владение официально назы-

валось Абхазским (или Сухумским) округом в составе Абхазского княжества. Владельцем округа был оставлен Хасанбей, после смерти которого (в конце 30-х гг. XIX в.) правителем удела стал его сын Дмитрий, служивший одновременно в русской армии. Дмитрий владел округом до своей кончины в 1858 г.

Последним владельцем Гумской Абхазии был Георгий Дмитриевич Шервашидзе (1846 г.р.), из-за малолетства которого сначала его опекуном, а затем главным представителем считался князь И.К.Багратион-Мухранский. Хозяйственными делами имения заведовали специальные управители.

Взаимоотношения между гумскими владельцами и владельцами Абхазии часто бывали неприязненными. Особенно враждовали между собой Михаил Шервашидзе и Хасанбей. Дело нередко доходило до вооруженных стычек. Михаил побуждал своих подданных из Псху, Ахчипсы, Цабала и других горных обществ, нападать на гумское владение. От таких столкновений особенно страдало трудовое крестьянство¹.

На протяжении XIX столетия изменялся и характер отношений между гумским владением и российскими властями. Исходя из интересов своего удела, Хасанбей иногда враждовал с русскими, так как в его раздорах с владельцем Абхазии, они поддерживали последнего. В 1821 г. Хасанбей был захвачен русскими и сослан в Сибирь, откуда вернулся лишь в 1827 г. Что же касается его сына, Дмитрия, то он верно служил российскому правительству и достиг чина полковника.

Последний гумский владелец, Георгий Дмитриевич, в конце 60-х гг. обучался в Московском университете, получая от правительства ежегодную пенсию в размере 2500 рублей. В его личном распоряжении оставалась лишь небольшая часть бывшего гумского удела.

С упразднением владетельской власти в Абхазии и введением в стране непосредственного русского управления, закончилась фактически и история гумского феодального владения.

Часть населения Гумской Абхазии приняла активное участие в антиправительственном восстании 1866 г. Так, активную

¹ Документы по истории Грузии. Серия II, т. I / Под ред. Ш.К.Чхетия. Тбилиси, 1954. С. 518 (далее: Документы...).

руководящую роль в восстании играли князь Мажара Ачба из с. Гумма, акапские князья Маршания и дворяне Чирикба из с. Яштухуа. На начальном этапе восстания в нем участвовал и владетель с. Абжакьуа, князь Чаабалырхуа, перешедший позднее на сторону царских войск. Население южной части Гумской Абхазии также было охвачено волнением, хотя непосредственно в восстании не приняло участие.

До упразднения Абхазского княжества основной отраслью экономики Гумской Абхазии было земледелие (в полеводстве главную роль играло выращивание кукурузы)¹. Второй значительной отраслью хозяйственной деятельности населения было животноводство. Большое значение имело также виноградарство и виноделие. Другие виды хозяйствования (огородничество, технические культуры, птицеводство, пчеловодство, охота, домашнее производство и др.), хотя и играли существенную роль, но занимали все-таки подчиненное положение.

Во внутренней торговле края большое значение имели рынки. На территории Гумской Абхазии известностью пользовались драндский и, особенно, кьаласурский рынки. В конце 60-х гг. значительная часть крепостных Г.Шервашидзе, проживавших в окрестностях Сухума, с разрешения владельца торговала на кьаласурском рынке и даже имела там лавки. Однако, несмотря на определенное развитие товарно-денежных отношений в крае, в целом еще господствовала система натурального хозяйства.

Социальный строй гумского владения характеризовался теми же особенностями, что и другие ведущие районы дореформенной Абхазии. Общество состояло из двух классов: феодалов и крестьян разных категорий. Классовое неравенство находило свое выражение уже в «цене крови». Если за убийство князя надо было отдать 30 душ крестьян, оседланную лошадь, полное вооружение и серебряную цепь, то за убийство крепостного – «расплачивались» лишь одним крестьянином.

¹ Подробную характеристику хозяйства удельного владения см.: *А.В. Фадеев. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года («Материалы по истории Абхазии», Сух., 1939).*

Привилегированный класс делился на два слоя – князей (*атауад*) и дворян (*аамыста*).

Крупнейшим феодалом в краю был сам удельный князь, являвшийся политическим сюзереном в своем владении в эпоху существования Абхазского княжества. В вассальной зависимости от него находились другие князья и дворяне, жившие на территории удела. Свою власть удельный владелец осуществлял с помощью особого чиновного аппарата, в состав которого входили домоправитель (*мажордом*) в его резиденции, управители (*груз. моурави*) на местах, вооруженный отряд (*кераз*) и др. В личную свиту Д.Шервашидзе входило 60 человек, среди которых были как представители княжеско-дворянского класса и сословия ашнакма.

Удельный князь был также самым богатым человеком в Гумской Абхазии. Общий доход Дмитрия Шервашидзе в 1858 г. составил 50 тысяч рублей. В число продуктов, из которых была составлена эта сумма, входили 13 тысяч ведер вина, 10 тысяч пудов кукурузы и гоми, а также лавровый лист, орех и др., 480 коров, овцы и козы. Он имел также большой табун лошадей, в котором одних кобылиц было 150 голов. Собственная запашка Д.Шервашидзе была невелика, составляя 100–120 десятин земли.

Таким образом, большая часть доходов гумского владельца состояла из податей, выплачиваемых зависимыми крестьянами. Все эти продукты расходовались на нужды владельческой семьи. Лишь в 50-х гг. начал Д.Шервашидзе выносить излишки кукурузы на продажу.

На территории Гумской Абхазии проживало несколько княжеских родов: Дзяпшипа, Ачба (Анчабадзе), Маршания, Эмухвари, Чаабалырхуа. Все они являлись вассалами удельного князя, хотя проживали в его владениях с разными правами. Верховным обладателем их земель считался удельный владелец, которому они были «обязаны личной службой... как в походах, так и в доме его, и только до тех пор оставались помещиками, пока находились в пределах округа и не выходили из повинове-

ния своему удельному князю, который в случае неповиновения их, мог конфисковать их имения...»¹.

Самой типичной княжеской фамилией Гумской Абхазии был род Дзяпшипа, владевший селением Ешыра (где их поселил Хасанбей Шервашидзе). Дзяпшиповы были номинальными владельцами земель и эксплуатировали различные категории крестьян.

В гумском уделе проживали также князья Ачба, наследственно владевшие должностью управителей селения Гумм. Это село лежало на границе с горными обществами Псху и Ахчипсы, и главной обязанностью его жителей была защита гумского удела от набегов горцев. Жившие в Гумме *анхаю* (юридически свободные крестьяне) считались находящимися в зависимости непосредственно от удельного владельца, но часть податей выплачивали также князьям Ачба, как местным управителям. Кроме того, Ачбовы владели и определенным количеством собственных крепостных (*ахуцшва*) и рабов (*ахашала*).

Остальные князья (Маршания, Чаабалырхуа, Эмухвари) проживали в различных селениях гумского удела на основе феодальной коммендации, на правах «гостей» (*асас*), т.е. они не имели в личной собственности землю и крестьян, а находились под покровительством удельного владельца, за что наподобие других князей и дворян были обязаны ему службой. Но князья отнюдь не всегда беспрекословно подчинялись сюзерену. В источниках сохранились сведения, что они иногда отказывались выполнять распоряжения владельца, а порой даже с оружием в руках выступали против него. Такое непокорство часто проявляли князья Ачба из селения Гумм, а акапский князь Кызылбей Маршания в 1852 г. напал на крестьян Д.Шервашидзе близ Сухума, спалил их жилища, некоторых убил, а других захватил в плен с целью продажи в рабство. Подобных случаев было немало.

Дворяне, проживавшие в уделе, находились в вассальной зависимости от владельца и князей. «Тот не князь, кто не имеет своего дворянина», – гласила абхазская поговорка. Некоторые дворяне удельного князя служили управителями в отдельных

¹ Документы... С. 518.

селениях. Так, например, Званба – в Дранде, Маргания – в Гулрыпше, Чирикба – в Яштухуа и др. Большинство дворян, как зависимые помещики, проживали на землях удельного владельца и других князей.

Общее количество крестьян Гумской Абхазии составляло 15421 душ обоего пола¹. Из них подавляющее большинство (12587 чел. или примерно 81%) составляли лично свободные поселенцы – *анхаю*. За ними шли крепостные крестьяне – *ахуцшва* (1975 чел. или 12,8%) и, наконец, домашние рабы – *ахаша-ла* (859 чел. или 6,2%).

В документе подчеркивается, что зависимые сословия не имели собственной земли и жили на землях своих помещиков, которым ежегодно выплачивали повинности, состоящие из определенной работы, сельскохозяйственной продукции и части приплода скота².

Повинности анхаю были сравнительно легкими. Трудовая рента, как правило, состояла из обязательства работать три дня в году со своими тяглыми животными на земле помещика, который должен был в этот период обеспечивать их двукратным питанием.

Натуральные подати анхаю (это была основная рента) состояли из одной коровы (или 10–12 рублей), двух голов мелкого рогатого скота (две овцы или коза и овца), от 5 до 8 пудов кукурузы, 12–16 ведер вина и др. Выдавая дочь замуж, анхаю должен был преподнести помещику корову, но в таком случае, и барин чем-то одаривал его взамен. Накануне реформы незначительно возрастает денежная рента.

Самые зажиточные анхаю, имевшие коней, обязаны были по требованию помещика сопровождать его в разъездах. Некоторые повинности анхаю были замаскированы под видом патриархально-общинных пережитков (аталычество и пр.).

Юридически анхаю были лично свободные крестьяне. Их нельзя было продавать и покупать. Однако, проживая на помещичьей земле, они находились в полной экономической зависимости. При переходе к другому помещику анхаю терял свой

¹ Документы... С. 503.

² Документы... С. 438.

надел. Выморочные земли анхаю также отходили помещику, за исключением небольшой женской доли, если в семье оставались таковые.

В условиях политической раздробленности и частых междоусобиц, анхаю оказывались и во внеэкономической зависимости от феодалов, которые в отношении своих крестьян выступали в роли «покровителей» (*ахылапшы*), что вело уже к личной зависимости от владельца.

Экономическое положение анхаю не было одинаковым. Среди них выделялась зажиточная верхушка (*анхаю-цкья* – «чистые анхаю»), представители которой порой владели десятками десятин земли, имели собственных крепостных (*ахоую*) и рабов (*ахашала*). Иногда они имели в зависимости также рядовых анхаю (анхаю-хипши – «зависимый анхаю»). Обычно размеры основного надела земли у рядового анхаю не превышали 3–5 десятин на дым¹.

Абхазские помещики систематически наступали на права и свободы анхаю для их полного закрепощения, добиваясь иногда этой цели. Естественно, что анхаю упорно сопротивлялись этому.

В Гумме, и как во всей Абхазии, типичными крепостными крестьянами были *ахоую*. Они имели собственное хозяйство и были прикреплены к господской земле, вместе с которой, согласно адату, их можно было продавать вместе с семейством (помещики нередко нарушали это правило). Цена одной крестьянской семьи в 60-х гг. XIX в. колебалась в пределах 40–55 коров.

Основной повинностью, которую выплачивали *ахоую*, была трудовая повинность. «Каждое семейство крестьян в рабочее время года обязано три дня в неделю со своим скотом работать в пользу помещика, в остальное же время года мужской пол исполняет мелкие работы помещика по его указанию.... Кроме того, крестьяне обязываются смотреть за стадами и отарами, принадлежащими их помещикам и охранять их от пропажи. До-

¹ Очерки истории Абхазской АССР. Сух., 1960. С. 159.

чери крестьян должны служить в доме своих помещиков до замужества»¹.

Ахоую выплачивали и натуральные подати, давая помещикам почти половину урожая и продуктов животноводства. Кроме того, каждое семейство ахоую удельного князя Шервашидзе, было обязано в зимнее время в течение двух недель содержать у себя в доме пару помещичьих коней и при них одного человека.

При выходе замуж дочери ахоую, от жениха в пользу помещика поступал калым (*ачма*) – от 8 до 20 коров, стоимостью каждая в 12 рублей. Зато когда женился его собственный крепостной, то определенную часть причитавшегося с него калыма за невесту уплачивал его помещик. Удельный князь Шервашидзе «за крестьянок своих калыма с женихов не берут, но зато крестьянки без согласия их не могут выйти замуж и большей частью поступают в приданное за дочерьми или сестрами своих владельцев»².

С экономической и правовой точки зрения среди ахоую наблюдались определенные различия. Некоторые из них имели своих рабов и даже крепостных, которых обычно посылали работать у помещика вместо себя. Зажиточный крепостной мог выкупить себя из неволи. Выкупная цена за человека колебалась в пределах 20–30 коров. Перед отменой крепостного права выкупная цена (как и продажная стоимость) заметно упала.

В источниках *ахашала* характеризуются, как типичные рабы. Они не имели никаких прав и собственности и были обязаны трудиться всю жизнь на своего господина. Владелец в гневе мог убить своего раба, и никто не мог привлечь его к ответу. Русские власти пытались ограничить самоуправство феодалов в отношении рабов, однако большого успеха в этом не добились.

Рабов приобретали путем покупки, иногда же в рабство обращали пленников или несостоятельных должников.

Среди прочих категорий крестьян надо упомянуть *азатов* и *асасов*, которых, впрочем, в Абхазии было немного.

¹ Документы...С. 500.

² Там же. С. 501.

Перевод крестьянина той или иной категории в ранг азата, обычно означал его продвижение вверх по социальной лестнице. Ахашала, посаженный на землю и приобретший собственное хозяйство, становился ахоуо. Этот последний мог быть переведен в категорию анхаю и избавиться от повинностей из-за особых заслуг перед владельцем (так, от повинностей полностью освобождались аталыки детей феодалов).

От анхаю происходили т.н. *ашнакума* – самая привилегированная прослойка крестьян, которые получали от удельного князя в собственность участок земли и выполняли при его дворе почетные (иногда «дворянские») обязанности.

Что касается категории асасов (асас – «гость»), то это были крестьяне, переселившиеся с земли других феодалов, и по своему положению походившие на грузинских *хизан-миндобили*. Крепостной крестьянин, ставший асасом у другого феодала, не освобождался от обязательств перед прежним своим владельцем.

Крестьянство Гумской Абхазии вело систематическую классовую борьбу против удельного князя и других феодалов, проявлявшуюся в активных и пассивных формах.

Одной из распространенных форм классовой борьбы крестьян были побеги в Псху, Ахчипсы, Дал и Цабал, где феодальные отношения были развиты слабее.

Вторая пассивная форма сопротивления крепостных крестьян заключалась в обращении в «народный суд» с жалобой на незаконные действия феодала или зажиточного крестьянина, обложившего истца незаконными повинностями. В таком случае жалобщик должен был привести в суд 12 свидетелей из среды свободных людей, которые могли клятвенно подтвердить справедливость его ламентации.

Более активной формой классовой борьбы являлся самовольный захват помещичьих земель и отказ от выполнения феодальных повинностей. Например, в 60-х гг., бежавшие из Бзыбской Абхазии крестьяне поселились близ с. Ачадара, на землях Георгия Шервашидзе, но ничего не платили ему¹. Южнее них,

¹ Очерки... С. 189.

на базе других беженцев возникло еще одно, довольно крупное поселение.

Распространенным видом классовой борьбы было абречество. Это особая форма партизанского движения особенно активизировалась в Гумской Абхазии в 30-х гг. XIX в. В 1835 г. одна из абреческих групп совершила вооруженное нападение на Драндское укрепление. В 1852 г. князь Дмитрий Шервашидзе сообщал властям, что в его владениях действуют 300 абреков, замышляющих напасть на его имение.

Происходили и массовые крестьянские выступления. Так, например, в апреле 1830 г. в с. Мархьяул собралось свыше 4 тысяч крестьян, поклявшихся не подчиняться владельцу Абхазии. Во время восстания 1866 г. крестьяне атаковали Кьаласурскую резиденцию Хасанбея¹.

После упразднения Абхазского княжества (июнь 1864 г.) там было введено военное управление. Был создан т.н. «Сухумский военный отдел» и Гумская Абхазия стала одним из его округов, введенных затем в состав Пицундского округа (1866 г.). В 1883 г., когда Абхазия получила гражданское управление и превратилась в «Сухумский округ», Гумская область стала одной из ее участков.

Потеря политических прерогатив, превратила Георгия Дмитриевича Шервашидзе в обычного помещика. У него остались имения в селах Кьаласур, Бабышира, Уарча и некоторых других местах.

Г. Шервашидзе был одним из крупнейших помещиков послереформенной Абхазии. Площадь земель, оставшихся в его собственности, составляла 6 тысяч десятин. Кроме того, в 1873 г. правительство назначило ему ежегодную пенсию в размере 6 тысяч рублей.

После окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и подавления абхазского восстания 1877 г., значительная часть абхазского народа, как известно, выселилась в Турцию (т.н. «махаджирство»). От этого исхода больше всех пострадал Гумистинский участок, который был полностью покинут его аб-

¹ Г.А.Дзидзария. Восстание 1866 года в Абхазии. Сух., 1955.

хазским населением (2221 семейств). Поместье Г.Шервашидзе осталось без крестьян.

В 1878 г. пицундское окружное управление предложило всем желающим арендовать земли между Гумистой и Кодором. Обширные территории были безвозмездно переданы русским помещикам и крупным чиновникам.

Начиная с 80-х гг. в Гумской Абхазии стали возникать новые грузинские, русские, греческие, армянские, эстонские села. Широкое распространение получила арендная колонизация. Ограбленное реформой крестьянство Зугдидского уезда в массовом порядке устремлялось в Абхазию и оседало на помещичьих землях, выплачивая кабальную арендную плату натурой, составляющую от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ части урожая. Казенные и частные земли в арендное содержание брали также многочисленные греческие и армянские беженцы из Турции. Именно они составили основной контингент рабочей силы во владениях Г.Шервашидзе в конце 70-х гг. XIX в.

Доходы Г.Шервашидзе от арендных выплат и продажи сельскохозяйственных продуктов (вино, кукуруза, табак, лес, дрова и др.) в 1883 г. составили 7 тысяч рублей. В селениях Бабышира и Дранда у него были собственные магазины.

Таким образом, помещик-феодал постепенно превратился в помещика-фермера, хотя надо отметить, что в его владениях оставались сильные пережитки феодальных отношений. Основная часть земельного фонда была отдана в пользование крестьянской бедноте на условиях крепостнической натуральной аренды (как правило, $\frac{1}{4}$ часть урожая)¹.

Работа впервые опубликована в сборнике: «Вопросы истории народов Кавказа». Издательство *Мецниереба*. Тбилиси, 1966 (на грузинском языке).

¹ Г.Гиоргадзе. К вопросу об истории крестьян-хизанов Абхазии // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И.Гулиа. Т. XXXII. Сух., 1961. С. 161 (на груз. яз.).

**СТАТЬИ ИЗ
«ГРУЗИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»**

Том 1, 1975 г.

ААМСТА, в древней Абхазии, соответствовал груз. *азнауру* позднефеодального периода. Различались Ахиамста (аҭ – владетель) – азнауры трона (владетеля) и атауадиамста – княжеские азнауры. В абазинской группе тапанта существовала категория Аамыста-ду (букв. – большие аамста).

Лит.: Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сух., 1958.

АБАЗГИ (греч. Abasgio), др. абх. племя. Впервые упоминает Флавий *Арриан* (II в.). В то время А. проживали севернее *апсил*ов и занимали примерно терр. совр. Очамчирского р-на. В VI – VII вв. переместились к северу и заняли терр. от Гумисты до Бзыби, сев.-зап. которой проживали *саниги*. Назв. «абазг» того же корня, что и «апсил». Из этого названия происходит груз. «абхази» – абхаз.

Лит.: см. при статье *Абазгия*.

АБАЗГИЯ (греч. Abasgia), ист. область на терр. совр. Абх. АССР, населенная абазгами. В начале н. э. занимали примерно терр. совр. Очамчирского р-на. В I – II вв. тут возникло княжество абазгов, которое в VI – VII вв. переместилось между реками Гумиста и Бзыбь. Важными приморскими центрами А. были *Пицунда* на сев. и *Анакопия* на юге. А. в начале входила в состав Егрисского царства. В сер. VI в. подчинилось Византии, но абазги сопротивлялись завоевателям (см. *восстание абазгов 550*). К этому времени в А. уже происходил процесс феодализации. В VIII в. А. и *Апсилия* слились в одно княжество.

Лит.: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.), Сух., 1959; Он же, История и культура древней Абхазии, М., 1964.

АМАЦУРАСГУ (абх. букв. – работник сердца), немногочисленная верхушка крепостных крестьян в позднефеодальной Абхазии. В отличие от основной массы крепостных (ахоую) пользовались определенными правовыми и имущественными привилегиями.

Лит.: Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сух., 1958, с. 320–325.

АНХАЮ (абх. букв. – хозяйствующий человек, земледелец), феодальнозависимый крестьянин в Абхазии (в Самурзакано – «пиоши»). Составляли, примерно, 4/5 всей массы крестьян. А. юридически были свободны, их нельзя было продавать или покупать. В правовом и юридическом отношении делились на две группы: анхаю-цкя – «чистые анхаю» и анхаю-хипши – «зависимые анхаю».

Том 2, 1977 г.

АПСИЛИЯ, Апшилети, этнополитическая единица *апсил* в древней Колхиде. Возникла на территории совр. Абхазии. Вначале охватывала совр. Гальский р-н. В I–II вв. А. сложилась в княжество. В IV в. христианство стало государственной религией. В V – VII вв. в связи с перемещением апсил на север, А. охватила территории нын. Сухумского и Гульрипшского р-нов. После ослабления Егриси в VIII в. А. была подчинена *Абазгией*. После этого из источников исчезают названия «апсил» и «Апсилия».

Лит.: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.), Сух., 1959; Он же, История и культура древней Абхазии, М., 1964.

АПСИЛЫ, Апшилы, одно из древнейших абхазских племен. Первое упоминание у римского писателя Гая Плиния Секунда (I

в.). Этноним А. сохранился в самоназвании абхазов «апсуа». В I в. они создали княжество *Апсилию*.

Лит.: Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии, М., 1964.

АХАШАЛА, ахашвала (абх. букв. – лишний, стоящий вне общества), категория крепостных крестьян в феодальной Абхазии. Не имели семей и имущества (то же, что «моджалабе» в Имерети и Мегрелии). А. был пленник, купленный, полученный в подарок, или в виде приданного, крестьянин.

АХОУЮ, крепостной крестьянин в феодальной Абхазии (мегрельский «моинале»). В Самурзакано назывался «долмахоре». А. составляли 15-20% крестьян.

Лит.: Дзидзария Г.А., Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сух., 1958.

Том 3, 1977 г.

ГЕОРГИЙ I Агцепский, абхазский (западногрузинский) царь 861–869; сын *Леона II*. До воцарения правил уделом Агцепи. Отсюда его прозвище – Агцепели (Агцепский). Наподобие своему предшественнику хотел завладеть областью Картли, что временно ему удалось, назначив там эриставом (правителем) своего племянника, сына Дмитрия II.

Источник: Матианэ Картлиса, в кн.: Картлис Цховреба, изд. С.Г.Каухчишвили, Т.1. Тб., 1955 (на груз.яз.).

Лит.: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). Сух., 1959.

ГЕОРГИЙ II, абхазский (западногрузинский) царь 922–957, сын *Константина III*. В первые годы правления власть у него оспаривал единокровный брат Баграт. Г. II только после смерти Баграта сумел укрепиться на троне. В его владения входила Картли, эриставом которой он назначил своего старшего сына Константина. Константин, желая захватить царский престол, при поддержке картлийских азнауров восстал против отца. Г. II

подавил восстание, казнив Константина, а эриставом Картли посадил своего другого сына Леона (впоследствии царь *Леон III*). При Г. II Абхазское царство достигло вершины своего могущества. В 20-х гг. X в. Г. II вторгся в Кахети и пленил хорепископа Квирике II, который признал права абхазского царя на Кахети. Г. II освободил Квирике II из плена, но последний, с помощью картлийских и кахетских азнауров, опасавшихся усиления Г. II, вернул себе Кахети. В 957 Г. II послал на завоевание Кахети войска во главе со своим сыном Леоном, но в разгар военных действий Г. II умер. Леон и Квирике заключили мир, по условиям которого Квирике признал себя вассалом абхазского царя. Влияние Г. II распространялось и на Тао-Кларджети, а также за пределами Грузии. Дочь Г. II, Гурандухт, была женой царя царей Гургена. При активном содействии Г. II во второй половине X в. в стране алан христианство было признано государственной религией. Продуктивной была его деятельность и в сфере культуры. Грузинский источник именует Г. II строителем церквей. Им была основана епископская кафедра в Чкондиди (Мартвили).

Источник: Матианэ Картлиса, в кн.: Картлис Цховреба, изд. С.Г.Каухчишвили, Т.1. Тб., 1955 (на груз.яз.).

Лит.: Лордкипанидзе М. Д. Политическое объединение феодальной Грузии (IX–X вв.). Тб., 1963 (на груз. яз.); Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). Сух., 1959.

Том 10, 1986 г.

ШЕРВАШИДЗЕ Асланбей, владетельный князь Абхазии в 1808–1810 гг., старший сын Кейлаш Ахмед-бея. Связался с турецкими элементами, восстал против отца, убил его и завладел тронем. Резиденцию имел в Сухумской крепости, защищенной турецким гарнизоном. Активно боролся на стороне имеретского царя Соломона II против русских властей. В июне 1810 русские войска изгнали Ш. вместе с османцами из Сухума, посадили на княжеский трон его брата Георгия (Сафарбея) *Шервашидзе*. Ш. бежал в Османскую империю. Впоследствии вер-

нулся в Абхазию, сражался с Сафарбеем и русскими властями, но потерпел неудачу. После окончательного поражения бежал в Турцию. Там же скончался.

Лит.: Антелава И. Г. Очерки из истории Абхазии XVII–XVIII вв. Сух., 1949; Из книги Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1. Сух., 1960.

ШЕРВАШИДЗЕ Дмитрий (Омарбей) (ум. 16.X.1822 г.), владетельный князь Абхазии в 1822–1823 гг. До того жил в Петербурге, фактически, как заложник. Учился в Пажеском корпусе.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Джикешиа, второй сын Зегнака Шервашидзе. После раздела отцовских владений ему досталась территория между Кодором и Галидзгой (Абжуа).

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Зегнак, владетельный князь Абхазии в конце XVII в. После смерти Ш. его сыновья Абхазское княжество разделили на уделы: собственно Абхазию, Абжуа и Самурзакано.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Зураб, владетельный князь Абхазии во второй половине XVIII в. Османцы его утвердили правителем Бзыбской Абхазии вместо старшего брата, Манучара *Шервашидзе*. В 1771 вместе с самурзаканским владельцем Леваном Шервашидзе восстал против турок и занял Сухумскую крепость. Османцы вернули вскоре Сухум. В 1780 г. совместно с племянником Кейлаш-беем и самурзаканским владельцем Леваном, решил завладеть ингурским левобережьем, но в Рухском сражении потерпел поражение от Каци II Дадияни, которому помогал имеретский царь. Вскоре Кейлаш-бей при поддержке турок низложил его с трона и стал единоличным правителем Абхазии.

Лит.: См. при статье Шервашидзе.

ШЕРВАШИДЗЕ Квапу, младший сын владетельного князя Абхазии Зегнака *Шервашидзе*. Получил в удел территорию между рр. Галидзгой и Ингури. При нем эта территория была освоена абхазами. Значительная часть местного населения, в т.ч. крестьяне, принадлежавшие западногрузинскому каталикосу, была продана в рабство. Католикос Давид (Немсадзе) требовал от него прекратить подобную деятельность. Ш. пытался овладеть и левобережьем Ингури. Только в начале XVIII в. правитель Мегрелии Георгий Липаритиани, с помощью имеретского правителя Георгия Абашидзе сумел остановить натиск абхазских феодалов.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Кейлаш Ахмед-бей (Келешбей), владетельный князь Абхазии с 80-х гг. XVIII в. до 1808 г. Сын Манучара *Шервашидзе*. В молодости был заложником в Стамбуле, где принял ислам. В начале 70-х гг. вернулся в Абхазию, с помощью турок сверг с престола своего дядю, Зураба Шервашидзе, и захватил власть. Османцы назначили Ш. также и сухумским пашой. Энергично боролся за укрепление владетельской власти, опираясь при этом на средних и мелких феодалов. Сумел подчинить своей власти ряд крупных владельцев. После вступления Мегрелии в российское подданство в 1803 г., Ш. тайно пытался добиться российского покровительства и для Абхазии. В 1806 г. укрыл у себя опального турецкого сановника, трапезундского пашу, и тем самым вступил в открытый конфликт с Османской империей. Турки не смогли силой подчинить Ш. и организовали против него заговор во главе с его старшим сыном, Асланбеем *Шервашидзе*, который убил отца и захватил власть.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Леван, князь, самурзаканский владелец второй половине XVIII в. В Русско-турецкой войне 1768-1774 гг. участвовал на стороне России. Обратился к ген. Тотлебену с просьбой принять под русское покровительство. Из-за ухода русских войск и условий Кучюк-Кайнарджийского мира, данная акция не была осуществлена.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Манучар, владетельный князь Абхазии сер. XVIII в. Османцы низложили его с престола и вместе с братьями, Леваном и Ширваном выслали в Турцию, где их обратили в ислам.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Манучар (ум. в 1813 г.), самурзаканский владелец. Жестоко обращался со своими подданными, особенно крестьянами, за что и был убит.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Михаил (Хамутбей) (1811–1865), последний владетельный князь Абхазии (1822–1866), второй сын Сафарбея. В первые годы своего правления, из-за создавшегося в Абхазии сложного положения, жил в основном в Мегрелии и Имерети, затем в Тбилиси. Здесь изучил русский язык, а грузинский выучил в семье. Был воспитанником одного из предводителей убыхов – хаджи Берзека Дагумоква. Правил княжеством в полном согласии с русскими властями, за что получил чин ген.-адъютанта. Постоянное несогласие имел с мегрельским владетелем. Во время Крымской войны, когда русские войска покинули Абхазию, Ш. остался там. Турки пытались переманить его на свою сторону, назначив пашой Черноморского побережья (от Анапы до Натанеби), но Михаил ничего не сделал для них. Несмотря на это, после окончания войны русское правительство захотело его сместить, якобы за измену, но отложило этот вопрос до покорения западноадыгских и горных абхазских (джигетских) племен. После окончания Кавказской войны, в 1864 г. Михаила низложили с престола и выслали в Воронеж, где он умер. Похоронен в Моквском монастыре.

Лит.: Джанашиа С. Н. Георгий Шарвашидзе. В кн.: Георгий Шарвашидзе, лирика, эпос, драма. Тб., 1985 (на груз. яз.); Из книги Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1. Сух., 1960.

ШЕРВАШИДЗЕ Мурзакан, сын Квапу. Самурзаканский владелец нач. XVIII в. Внук Зегнака *Шервашидзе*. После раздела территории Абхазского княжества, доля его отца, Квапу *Шерва-*

шидзе, осталась за Ш. и получила название Самурзакано от его имени.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Путо, владетельный князь Абхазии первой трети XVII в. Одной из его резиденций был «Старый Сухум» (близ устья Гумисты). Исповедовал христианство. Враждовал с владетельным князем Мегрелии.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Ростом, владетельный князь Бзыбской Абхазии в конце XVII в. Старший сын Зегнака Шервашидзе. После смерти отца завладел собственно Абхазией от Джикети до Кодора. В номинальной зависимости от него находились братья: Джикешиа – владелец Абжуа и Квапу – владелец позднейшей Самурзакани.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Сарех (Сорех), владетельный князь Абхазии в 70–80-х гг. XVII в. В годы его правления абхазы окончательно обосновались в междуречье Кодора и Егрисцкали (Галидзги). Затем Сарех энергично атаковал левобережье Галидзги, завоевал значительную часть Мегрельского княжества и объявил себя владетелем Мегрелии.

Лит.: Тамара швили М. История католичества среди грузин. Тифлис, 1902 (на груз. яз).

ШЕРВАШИДЗЕ Сафар Али-бей, Георгий (ум. в 1821 г.), владетельный князь Абхазии в 1810–1821 гг., сын Кейлаш Ахмедбея. Во время его убийства, когда Абхазией овладел Асланбей, Ш. находился у владетельного князя Мегрелии и с его помощью пытался вернуть себе власть, но безрезультатно. В 1809 г. обратился с просьбой к русскому правительству утвердить за ним абхазский престол и установить протекторат. После возобновления Русско-турецкой войны, 10 февраля 1810 г. император Александр I утвердил Сафарбея владетелем Абхазии на условиях признания им верховной власти России, и с сохранением внутренней автономии. В июне 1810 г. русский морской десант

захватил Сухумскую крепость, изгнав оттуда Асланбея. III. похоронен в Лыхненском монастыре.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕ Сетеман, владетельный князь Абхазии в первой половине XVII в. На его дочери был женат владетельный князь Мегрелии Леван II Дадиани, который с помощью своего тестя и гурийского владетеля воевал с имеретским царем Георгием III. Впоследствии был побежден Леваном II.

Лит.: См. при статье Шервашидзе Сарех.

ШЕРВАШИДЗЕ Сустар, владетельный князь Абхазии в 50–60 гг. XVII в. В период его правления усилились набеги абхазов на Мегрелию и абхазы стали селиться между реками Кодором и Галидзгой.

Лит.: См. при статье Шервашидзе Сарех.

ШЕРВАШИДЗЕ Хутуниа, самурзаканский владелец в середине XVIII в. В Хресильской битве (1757 г.) убил 16 турецких воинов, но и сам погиб.

Лит.: См. при статье Шервашидзе А.

ШЕРВАШИДЗЕВЫ (абх. Чачба, груз. Шарвашидзе, мегр. Шарашиа). Династия владетельных князей феодальной Абхазии. Происхождение рода и его фамильного имени предание увязывает с ширваншахами. В самой Абхазии этот род носит название Чачба, что увязывают с фамильным именем Ачба (Анчабадзе). Представители этого рода, согласно абхазскому преданию, управляли Абхазией до III. В грузинских источниках III. впервые упоминаются в XIII в. (цхумский эристав Отаго Шервашидзе, участник борьбы с монголами, полководец Дардын Шервашидзе). Высказано предположение (Н. Бердзенишвили), что упомянутый в «Летописи Картли», в связи с событиями первой пол. XI в. Отаго Чачасдзе, был Чачба, хотя для того, чтобы решительно настаивать на этой версии, нет достаточных оснований. По мнению С. Джанашиа, возможно, позднейшие III. генеалогически не связаны с древнейшими предста-

вителями этого рода. В позднее средневековье Ш. являлись эриставами Абхазии, входившей в состав княжества Сабедиано, а в XVI в. зависели от владетельных князей Мегрелии. В нач. XVII в. они становятся независимыми правителями. С 1810 г. вступили в российское подданство, как владельцы автономного Абхазского княжества (упраздн. в 1864 г.). В конце XIX и нач. XX в. из рода Ш. вышли многие общественные и культурные деятели.

Лит.: Джанашиа С.Н. Георгий Шарвашидзе. В кн.: Георгий Шарвашидзе, лирика, эпос, драма. Тб., 1985 (на груз. яз.); Антелава И.Г. Очерки из истории Абхазии XVII–XVIII вв. Сух., 1949; Из книги Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1. Сух., 1960; Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сух. 1959.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СЕРЕДИНЕ ВЕКА

Ч. I
(VI – VIII вв.)

Тбилиси, 1982

Содержание

Предисловие
Гунны на Сев. Кавказе
Болгары на Сев. Кавказе
Хазары на Сев. Кавказе
Народы Дагестана в VI–VIII вв.
Вайнахи в VI–VIII вв.
Аланы (овсы) в VI–VIII вв.
Адыги в VI–VIII вв.
Генезис феодализма в Грузии и северокавказские «варвары»

В V–VI столетиях на территории Северного Кавказа, преимущественно в его степной полосе, большую роль играли племенные союзы тюркского происхождения, которые в византийских и некоторых других источниках того времени фигурируют под названиями, большей частью, гуннов-утигуров и гуннов-савиров. Прокопий Кесарийский сообщает, что «за сапинами (санигами-сдзами ?) осели многие племена гуннов».

Гунны занимали, по-видимому, северо-западную часть степей нынешнего Краснодарского края и бассейн среднего и нижнего течения Кубани, непосредственно соседствуя с адыгскими племенами. О появлении их в этом секторе Агафий Схоласт повествует: «Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой (Урал?). Все они назывались гуннами или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались кутригурами, другие утигурами, некоторые ультизурами, прочие вуругундами. Спустя много столетий они перешли в Европу... перешли каким-то образом Меотидское озеро, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись на чужой территории, причиняли ее обитателям величайшие бедствия своими неожиданными нападениями».

Появление гуннских кочевых племён в степях Восточной Европы не привело к созданию здесь новой обширной империи. Кочевники остались разрозненными, представляли собой отдельные племена и локальные небольшие и малоустойчивые объединения. Самое значительное из таких объединений в степях Предкавказья в VI в. было создано савирами, которые проживали юго-восточнее утигуров и котригуров, ближе к горам.

Гунны-савиры, по Прокопию, проживали «у Кавказского хребта». Он пишет далее: «Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на множество самостоятельных колен».

Характернейшей чертой гуннов, и в том числе савиров, была их готовность стать военными наемниками. Такими же услугами охотно пользовались «великие державы» того времени – Византия, Иран и др. Тот же Прокопий пишет по этому поводу: «Их (савиров) начальники издревле вели дружбу одни – с римским императором, другие – с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности». То же самое пишет о савирах и Агафий: «Этот народ, и величайший и многочисленный, весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу, присоединя-

ясь в качестве участника войны и опасности то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с персами, то с римлянами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим». Эти сообщения Прокопия и Агамия свидетельствуют, что гунны-савиры находились еще на стадии «варварского строя», для которого война и военное наемничество с целью грабежа и обогащения являются очень характерным явлением.

В этой связи необходимо отметить специфическую «однобокость» развития савиров – только в сторону военного искусства. В частности, они умели сооружать замечательные осадные орудия, подробно описанные Прокопием. Умели строить и оборонительные сооружения.

Гунны-савиры были хорошо известны народам Закавказья, в частности, грузинам и абхазам. Во время Большой войны в Лазике они не раз побывали в Западной Грузии, воюя то на стороне византийцев, то на стороне иранцев. Иногда же они заключали военные союзы непосредственно с грузинскими или абхазскими правителями. По словам М.Артамонова, участие савир в борьбе между Ираном и Византией «особенно ярко обрисовано» в войне из-за Лазики (особенно в самый ее разгар – в 550 – 556 гг.). Так, царь лазов Губаз, узнав, что Хосрой хочет заселить Лазикку иранскими колонистами, заключил союз с аланами и непосредственными соседями савирами. За триста фунтов золота они согласились не только защищать вместе с лазами Колхиду, но и опустошить Вост. Грузию, находящуюся во власти Ирана и служившую базой для вторжения в Лазикку. Эти деньги Губаз обещал аланам и савирам от имени Византии, но с выплатой их получилась задержка, вследствие чего аланы перешли на сторону персов и в армии последних оказалось также 12 тыс. союзных савир.

Когда Юстиниан прислал деньги для савир, то за получением их к византийцам, осаждавшим Петру, где укрепились персы, пришли три савирских вождя, которые построили римлянам легкие переносные тараны, решившие судьбу Петры в пользу византийцев.

Командующий персидскими войсками Мерверой не доверял явившимся к нему другим савирам и, опасаясь измены, оставил при себе только 4 тыс. чел., а остальных богато одарил и отправил домой. С оставшимися савирами персы осадили Археополис, применяя здесь те же машины, что савиры построили римлянам под Истрой, но на сей раз удача не сопутствовала противникам Византии.

В течение той же войны, в 555 г. двухтысячный отряд тяжелооруженных савир оказался на стороне Византии. Отрядом командовали три гуннских военачальника. В дальнейшем савиры опять выступали то на стороне Ирана, то на стороне Византии. Но больше – на стороне Ирана, с которым они непосредственно соседнили. А с Византией непосредственных границ не имели, да и аланы часто не пропускали их к ним. (Ар.т.)

Определенные связи с гуннскими племенами поддерживали и абхазы, которые считались ближайшими соседями северокавказских гуннов. Об этих связях свидетельствует хотя бы тот факт, что после восстания абазгов против Византии в 555 г. правитель Восточной Абазгии Опсит «удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта». Этот факт говорит во-первых, о том, что Опсит среди тех гуннов, к которым он бежал, имел верных союзников, а это несомненно указывает на давнишние и тесные связи с ним.

БОЛГАРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В первой половине I тыс. до н. э. в степях Предкавказья, наряду с другими тюркоязычными племенами, обосновался крупный этнический массив, вошедший в историю под названием болгаров. В отличие от многих своих сородичей болгары рано перешли от кочевого образа жизни к оседлому, земледельческому (Алекс.-I, с. 17).

Письменные источники отмечают болгар в Предкавказье уже с первых веков н. э. У армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци сохранилось сведение сирийского автора III в. Мар Абаса Катины, по которому болгары якобы уже во II в. до н. э. появились в Закавказье, придя туда из Сев. Кавказа. Ссылаясь

на указанного автора, Хоренаци пишет, что болгары жили «на северной равнине у подошвы великой Кавказской горы, в долинах, в глубоких продольных ущельях, начинающихся с южной горы до устьев великой равнины», т. е. занимали предгорья Северного Кавказа.

По поводу самого факта появления болгар в Закавказье, в частности, в Армении, М. Хоренаци, ссылаясь на того же Катину, пишет, что это будто бы произошло в царствование армянского царя Аршака¹ (131 – 118 г. до н. э.) – «возникли смуты в цепи Кавказской горы в земле булгаров, из которых многие, отделившись в нашу землю (Армению) и на долгое время поселились на юге от Коха, в плодоносных и хлебородных местах» (там же).

По поводу этого интересного сообщения необходимо сказать следующее. Явно не заслуживает доверия сообщение Катини о том, что болгары якобы уже во второй половине II в. до н. э. проживали на Сев. Кавказе, и даже в его предгорьях, и совершали походы в Закавказье. Здесь события либо контаминированы, либо М.А.Катина смешивает позднейших болгар скорее всего со скифами.

О болгарях, как обитателях Северного Кавказа, пишет анонимный автор середины IV в. Хронограф (на греч. яз.).

В VI в. сведения о болгарях увеличиваются. Их хорошо знает готский историк Иордан, который помещает их «над Понтом», т. е. где-то к северу или северо-востоку от Черного моря.

Подробнее сведения о болгарях содержатся в «хронике» сирийского автора VI в. Захария Митиленского. По свидетельству этого источника болгары («бургар») обитали в Предкавказье, к западу от «Каспийских ворот» – в данном случае имеется в виду Дарьялский проход, а не Дербентский – имели свою территорию, даже города.

В середине VI в. болгары столкнулись с аварами – кочевыми племенами, пришедшими из Центральной Азии. В борьбе с аварами болгары потерпели поражение и частью были истреблены, частью увлечены на запад, а частью оттеснены в горы Кавказа – (см. там же, с. 17).

Перед вторжением тюркютов болгарские племена были объединены в два племенных союза, которые известны под названием утигуров и котригуров. С аварами в Панонию (будущую Венгрию) ушли кутригуры, а утигуры остались под властью тюркютов.

В начале VII в. на исторической арене появляется большое племя гуннугундугов, которое, как предполагают, родственно ранее известным оногурам – так называли болгаров, которые жили к востоку от Азовского моря, между Доном и Кубанью.

В 30-х годах VII в. выдвинулся вождь анагуров Кубрат, который объединил все болгарские племена, проживавшие к востоку от Азовского моря и к северу от Кубани. Созданное им объединенное царство получило название Великой Болгарии. Таким образом, кавказские болгары были окончательно освобождены от власти тюркютского каганата.

Кубрат в молодости находился при византийском дворе (возможно, в качестве заложника), там принял христианство. Впоследствии он последовательно осуществлял византийскую политику. Это следует объяснить, конечно, тем, что в своей борьбе за объединение Кавказской Болгарии Кубрат нуждался в поддержке такого могущественного государства, каким была Византийская империя.

Правление Кубрата продолжалось до 40-х гг. VII в. В течение всего этого времени он сохранял преданность Византии, которая, в свою очередь, сама заботилась о расширении своего политического влияния на Кавказе.

Ценные сведения о великой Болгарии имеются у византийского писателя начала IX в. Феофана Исповедника, использовавшего более ранние источники. В своей «Хронике» он пишет: «На восточных берегах Меотийского озера за Фанагорией... живут многие народы. За тем озером, выше Куфиса (Кубань), в котором ловят болгарскую рыбу куист, находится древняя Великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги» (стр.262).

По мнению М.Артамонова и некоторых других авторов, Великая Болгария включала в себя не только кавказских болгар, но и северо-черноморских кутригур (стр.166). Возможно, что это было так, но основную территориальную базу и политиче-

ский центр Великой Болгарии составлял именно регион Северо-Западного Кавказа.

Феофан приводит далее болгарскую легенду, по которой у Кубрата было три сына – Батбай (старший), Котраг и Аспарух (младший). Имя второго – Котрага – Артамонов считает домислом «византийского» книжника» и высказывает предположение, что это не собственное имя, а племенное название «котригуры» или «котраги» (с.166). Однако это не довод для отрицания историчности второго сына Кубрата, основавшего впоследствии Болгарское царство на Кама.

После смерти Кубрата между братьями, как видно, начались междоусобицы, которые привели к ослаблению Великой Болгарии и постепенному падению ее политической роли на Кавказе. Этим воспользовались соседние хазары, которые освободились от тюркютской зависимости примерно в то же время, что и болгары и выступали соперниками последних в борьбе за гегемонию на Кавказе и в Подонье-Приазовье. Примерно в 60-х гг. VII в. болгары потерпели окончательное поражение в борьбе с хазарами и были вынуждены окончательно уступить им гегемонию. Та часть болгар, которой предводительствовал младший сын Кубрата Аспарух, ушла в степи Северного Причерноморья на Дунай, где покорила местных славян и на их этнической базе образовала новое царство под названием Болгария. Другая часть под руководством среднего сына Кубрата Котрага ушла на север, где в бассейне Волги, на р. Кама, основала государство камских болгар, а третья часть болгар, как видно, наиболее многочисленная, во главе со страшим сыном Кубрата Батбаем осталась на Кавказе, но признала над собой верховного Хазарского каганата и в дальнейшем фигурировала в источниках под названием «черных болгар», т. е. зависимых (в данном случае от Хазарии). По всей вероятности Батбай остался на «родине» по праву первородства, а младшие братья были вынуждены покинуть родные земли и искать себе удачи на чужбине.

Важные сведения о болгарях содержатся в так называемом «Новом списке армянской географии», составленном не ранее конца VII в. и приписываемом известному армянскому ученому Анания Ширакаци. В этой географии при описании северокавказского региона «Сарматий» говорится следующее: «В

Сарматии лежат горы Кераунские и Гипшийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Меотийское озеро. Из Кавказа текут две реки: Валданис, текущая с горы Кракс, которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Меотидой и Понтом. Другая река Псевхрос – рукав Кубана – отделяет Боспор от тех мест, которые имеются по названиям рек: Купи-Еулгар, Дучи-Булгар, Отхондор-Булкар-пришельцы, Чдар-Болкар. Эти названия «чужды Птоломею. «Под названием рек, «чуждых Птоломею» армянский ученый XIX в. Патканов усматривал местные наименования, хотя интерпретация данного места у разных авторов различная, нередко характерная взаимоисключающими противоречиями. Так, например, Алексеева считает, что название «купи-болгар» означает «кубанские – болгары», а названия других племен якобы «генетически связаны с названием «балкарцы» (с. 18). Однако по данному вопросу сказать что-либо определенное, выходящее за рамки шатких гипотез, нет оснований. По мнению же Артамонова под «отхондор-булкар-пришельцами» подразумеваются болгары Аспаруха, переселившиеся на Дунай.

В данном случае исторические судьбы древних болгар, в особенности кавказских болгар, представляют для нас интерес в связи с проблемой происхождения карачайцев и балкарцев. По мнению ряда ученых, болгары являются одним из тюркоязычных предков названных выше горских народов Кавказа, один из которых – балкарцы – сохранил даже древнее наименование «болгаров». Алексеева, например, пишет, что « в конце VII в. часть приазовских болгар была оттеснена хазарами в горные районы Северного Кавказа. Таким образом, судя по письменным источникам, в массовом количестве на территории Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии они могли появиться где-то на рубеже VII – VIII вв. Отдельные же группы болгар проникли в горы уже с середины VI в., потесненные туда аварами» (с.19).

Таким образом, в VIII в. было известно четыре группы болгар: на Дунае, на Волге, в Поднье-Приазовье и на Северном Кавказе. Алексеева рассматривает кратко археологические памятники (поселения, могильники и др.), связанные с каждой из этих групп, и приходит к выводу об их единстве. Особенно под-

робно она останавливается на северокавказских и пишет по этому поводу: «Археологические исследования последних лет, проведенные в Карачаево-Черкесии и в смежных с ней районах Кисловодска, а также в Кабардино-Балкарии, открыли ряд поселений и могильников, которые мы с полной уверенностью можем сопоставлять ...с памятниками Подонья-Приазовья, Средней Волги и Дуная и, следовательно, считать их болгарскими» (с.21).

Для болгарских археологических памятников были характерны следующие черты. В отличие, например, от своих соседей алан, которые хоронили своих покойников в катакомбах, болгары хоронили покойников в узких и длинных грунтовых ямах; весьма характерной была болгарская керамика, антропологические остатки характеризуются брахикефалией и небольшой монголоидной примесью и т.д.

Окончательный вывод автора гласит: таким образом, в конце VII в. болгары проникли в Карачаево-Черкесию (Джегутинско-Джеганасский район и правобережье Кубани) и в Кисловодский район, а также на территорию Балкарии. Балкарские археологические памятники этих районов относятся к концу VII–IX вв. и показывают, что болгары жили здесь вместе с другими северокавказскими племенами (с. 28–29).

ХАЗАРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

По своему этническому происхождению хазары принадлежат к древнетюркским племенам, на что указывают как византийские, так и арабские авторы. Их этноним производят от тюркской основы «каз» – «кочевать». По языку они ближе всего были к болгарам. Так, например, ал-Истахри и ибн-Хаукаль определенно заявляют: «язык хазар подобен языку болгар». Из современных тюркских языков хазарский наиболее близок к чувашскому, т.е. принадлежал к западной (огузско-печенежской) группе тюркских языков.

«Хазары», упоминаемые в сочинениях М. Хоренаци и М. Каганкатваци, по справедливому заключению М. Артамонова, не отражают реальной действительности и привнесены автора-

ми, жившими тогда, когда хазары и каганы действительно существовали (с.116). Более реальными следует признать сообщения арабских писателей (Балазори, Ибн ал-Асир и др.) о вторжениях хазар в Закавказье в первой трети VI в.

Вначале, как видно, хазары локализовались на Северо-Восточном Кавказе, точнее в Северном Дагестане, где они были известны также под названием акациров (хотя и не все считают правомерным увязывать акацир с хазарам). Здесь они входили в савирский племенной союз и вместе с гуннами-савирами совершали походы в Закавказье через Дербенто-чорский проход. Но затем, после того как савиры частично переселились в Закавказье, а частично были потрепаны аварами, хазары заняли в союзе господствующее положение, а савиры сами оказались в числе подвластного им населения (там же, с.128).

Однако не успели хазары освободиться от власти савир, как попали под власть тюркютов, создавших сильное государство. Между тем в составе Тюркютской державы хазары постепенно выдвинулись и заняли головное место среди местного населения восточной части Азово-Каспийского междуморья, постепенно распространяя на них свое господство и свое имя.

В самом конце VI в. тюркюты и хазары вошли в коалицию с Византией против Ирана. По сообщению грузинской летописи посредником в этом союзе был грузинский владетель Гуарам, который и сам вместе с приглашенными им аланами выступал против персов. После этого о хазарах ничего не было слышно в течение 35 лет. Однако в 20-х гг. VII в. византийский император Ираклий заключает военный союз с «хазарами», которые во главе с Джебу-каганом (ябгу-каган) вторглись в Закавказье и, в частности, в Грузию, осадили Тбилиси, разоряли Западную Грузию (по сведениям Феофана Хронографа, те же факты содержатся и в «Истории» М.Каганкатваци), – подробнее об этом в параграфе, посвященном грузино-хазарским отношениям.

Тюркюты способствовали консолидации хазар, выделив их, в частности, в самостоятельную административную единицу вместе с родственными им племенами – барсилами, беленджерами, семендерами и др. С распадом Западнотюркютского

каганата хазарское объединение получило полную самостоятельность (с. 651).

Однако в середине VIII в. у хазар появился могущественный соперник в лице Великой Болгарии, в борьбе с которой должен был окончательно решиться вопрос о гегемонии на Северном Кавказе. Оба союза – и болгарский, и хазарский – были, как выше отмечалось, родственными образованиями, оба были осколками некогда могущественной Тюркютской империи и возглавлялись династиями тюркютского происхождения.

Итак, вопрос о гегемонии пришлось решать на поле боя. Впоследствии хазарский царь Иосиф в письме к своему испанскому корреспонденту писал: «В стране, в которой я живу, жили прежде в-н-нт-р'ы и наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-нт-р'ы ... не могли устоять перед хазарами, оставили страну и бежали..., а хазары заняли их страну до настоящего дня» (КОк, 92).

Под «фигурирующими здесь в-н-нт-р'ами» имеются в виду те же болгары, которые, например, в греческих источниках выступают под именем гуннугундугов или оногуров. Нибольшую активность в борьбе с хазарами, как видно, проявил хан Аспарух, а брат его Батбай покорился хазарам. Что касается орды Аспаруха, около 660 г. преследуемая хазарами, она появилась на Дунае, где, как известно, и осела.

В 40-х гг. VII в. в Закавказье утвердились арабские захватчики, которые в конце 40 – начале 50 гг. попытались проникнуть через Дербентский проход и на Северный Кавказ. Были совершены два похода в Дагестан, подчиненный хазарам, но они окончились неудачно. Таким образом, вновь созданное хазарское государство сразу же столкнулось на своих южных границах с новым могущественным противником, а арабы поняли, что к северу от Кавказского хребта им не так легко будет осуществить свои завоевания. Между тем сами стали готовиться к грабительским походам в Закавказье. Застрельщиком в этом деле было подчиненное хазарам «Царство гуннов», расположенное в Северном Дагестане (Арт., 180).

Около 662 г. хазары вторглись через Дербент в Албанию, но были отражены ее владетелем Джуаншером, который считал себя вассалом Византии. Через два года «гунны» повторили по-

ход, но уже с более удачным исходом: прорвались до Аракса, захватили много скота и пленных. Джуаншер был вынужден заключить с ними соглашение, женился на дочери гуннского вождя и вернул себе значительную часть взятой гуннами добычи.

Северо-дагестанское царство «гуннов» арабский писатель Ибн Хордадбех (IX в.) называет Сувар, или Савир. По-видимому, это было одно из подразделений болгар, ранее известное под именем савиры (Гунны-савиры Прокопия). Савиры были тесно связаны с другим болгарским племенем барсиллов, локализуемом примерно в тех же местах. Возможно, что «царство гуннов» представляло собой государственное образование обоих названных племён, находящееся, естественно, в вассальной зависимости от хазар, но пользовалось значительной автономией, вплоть до права самостоятельно вести войны. Такими льготами, видимо, пользовались и другие «племена», входившие в Хазарскую державу, которая, по словам Артамонова, «складывалась в виде обширной федерации племен, сохранявших в неприкосновенности свою внутреннюю организацию и даже значительную часть внешнеполитической самостоятельности в пределах подчинения верховной власти хазарского кагана» (с.189).

У нас нет прямых указаний о социально-экономическом строе Хазарии, но по мнению Артамонова, он «во многом сохранял еще старые патриархальные черты» (там же). По-видимому, общественная структура Хазарии представляла собой разновидность раннеклассовых отношений, в частности, той ее разновидности, которая была характерна для кочевых обществ: ведь хазары еще долгое время оставались кочевниками, кочуя главным образом на территории Азово-Каспийского междуморья.

После победоносного завершения войны с болгарами хазары могли уже более активно взяться, во-первых, за укрепление внутреннего единства своего государства, а, во-вторых, за дальнейшее развитие своей экспансии, в частности, в сторону Закавказья.

К 684 г. относится одно из наиболее опустошительных нашествий хазар на Закавказье. В данном случае хазары вос-

пользовались внутренними неурядицами в халифате и опустошили здесь ряд областей, захватили громадную добычу и много пленных. В сражениях с ними пали правитель Армении Григор Мамиконян и многие вельможи Албании и Грузии.

После данного нашествия долгое время не было других вторжений. Видимо, установление мирного соглашения между Византией и арабами усилило их позиции в Закавказье. По этому соглашению арабы и византийцы поделили между собой господство над народами Закавказья: они оказались в двойном подданстве, доходы с них подлежали дележу пополам, а албанцам, кроме того приходилось платить дань и хазарам. По свидетельству М. Каганкатваца, правитель Албании «князь Вараз-Трдат (преемник Джуаншера) платил подать трем народам: хазарам, таджикам (т.е. арабам) и ромеям».

Однако в конце VII в. Византия впала в продолжительную анархию, чем воспользовались арабы и прочно и надолго закрепили свое господство в Закавказье. Тогда же они сильно укрепили дербентский проход, чтобы закрыть доступ сюда и хазарам.

В начале VIII в. Византия вышла из анархического состояния и заключила союз с Хазарией, которая к тому времени становилась одним из самых могущественных политических образований Восточной Европы. Это был «прочный, долговременный союз... против общего врага – арабов – и о разделе сфер влияния в Закавказье. Это было главное, в чем обе стороны были заинтересованы в одинаковой степени» (с. 201).

С этого времени начинаются длительные войны хазаров с арабами. В 711/12 гг. хазары вторглись в Албанию и подвергли ее опустошению. В ответ известный арабский полководец Маслама вновь захватил Дербент и вторгся в Северный Дагестан, дойдя до г. Тарку. Но когда против него выступили главные силы хазар, он, не решившись сразиться с ними, через горный Дагестан ушел в Иверию, оставив врагу все свое имущество и даже гарем.

Отразив Масламу, хазары не замедлили вновь вторгнуться в Албанию. В это время арабы осаждали Константинополь, но диверсии хазар в Закавказье заставили их снять осаду столицы Византийской империи. Все это заставило арабов подготовить серьезное наступление против хазар. В 20-х гг. VIII в. они

вторглись в Дагестан под командованием Джарраха и одержали крупную победу над правителем гуннского «царства», которому едва удалось с горсткой своих сторонников скрыться в Семендере. Джаррах хотел продолжить поход до Семендера, но получив известие, что хазары подготовили крупные силы, а в тылу против него объединяются покоренные им племена (очевидно, дагестанские), поспешил вернуться назад и расположился на зимние квартиры в Шаке.

В 725/726 г. правителем «Армении» (Закавказья) вместо Джарраха был вновь назначен Маслама, который, как мы знаем, имел уже раньше большие заслуги в борьбе с хазарами. Его личность вообще считалась в халифате легендарной. «Назначение его в Закавказье свидетельствовало о большом значении, которое придавалось событиям в этой стране, в особенности на фронте войны с хазарами» (там же, с. 209).

Однако на сей раз счастье оказалось не на стороне Масламы. Он совершил несколько походов против хазар, но особых выгод они ему не принесли. Хазары, в свою очередь, участвовали свои набеги на Закавказье. В 729/730 г. халиф вновь отозвал Масламу и опять поручил управлять Закавказьем Джарраху, который участвовал также в набегах арабов на Хазарию.

В ответ на непрестанные атаки арабов хазары в 730/731 г. организовали крупный поход в Закавказье. Они вначале вторглись в Закавказский Азербайджан и подвергли его страшному опустошению, а затем проникли и в Иранский Азербайджан, захватили Ардебиль, который был полностью разорен и разграблен. Затем они разорили Тавриз и другие крупные города региона.

Успехи хазаров пока были весьма велики. Даже сам Джаррах погиб в борьбе с ними, а гарем его попал к хазарам. На смену Джаррахе был прислан Сайд ибн Амр ал-Харагаи, который до этого тоже не раз боролся против хазар. Он собрал остатки войск Джарраха, присоединил их к своему 30-тысячному отряду и стал один за другим уничтожать отряды хазар, которые разбрелись по разным местам Азербайджана с целью грабежа.

Затем в Закавказье прибыл Маслама, снова назначенный туда наместником. Сайд занимал эту должность временно (до приезда Масламы).

Маслама усилил борьбу с хазарами, организовав несколько новых походов против них. Вместе с тем он укрепил Дербент и поселил здесь колонию сирийцев из 25 тысяч человек поручив им охрану крепости.

Чтобы обеспечить полную победу над хазарами вновь назначенный наместник Закавказья Мерван ибн Мухаммед потребовал от халифа 120-тысячную армию, пока же стал усмирять отложившихся от арабов народы Закавказья, Так, в 735 г. он обрушился на Грузию и подверг ее страшному разорению, за что и получил прозвание «Кру». Затем он совершил поход в Аланию, где арабы захватили три крепости. Только в 737 г. , после основательной подготовки, Мерван приступил к осуществлению своей основной задачи – к завоеванию Хазарии, предварительно распустив слух, что он якобы готовится к походу не против хазар, а против алан.

По данным арабских источников (Галадзори, ибн ал-Асир и др.) Мерван собрал 150-тысячное войско, которое, правда, состояло не только из арабов, но и из представителей народов Закавказья. Атаковать хазар он решил сразу двумя путями – через Дербент и через Дарьял. Сам он своими силами направился через Дарьял (видимо, у него действительно была задача – покорить Аланию), а другая армия под командованием Язида направилась через Дербент. Обе армии должны были соединиться в Семендере, что и было с успехом осуществлено. Узнав об этом, каган, не ожидавший арабского вторжения, оставил свою столицу ал-Бейд, в низовьях Волги, и ушел в Заволжье собирать войска для отпора.

Разгадав замысел кагана, Мерван быстро дошел до хазарской столицы, но не стал ее осаждать. Он стал преследовать отступающего кагана по правому берегу Волги, и вступил в пределы земли буртасов, которых разорил и увел 20 тыс. чел. в плен (буртасы находились в вассальной зависимости от хазар). Затем Мерван неожиданно перешел Волгу и напал на хазарский лагерь. 10 тыс. хазар пали, 7 тыс. было взято в плен, а остальные разбежались. Командующий хазарским войском Хазар-тархан еще накануне, увлекшись охотой, угодил в плен к арабам.

Узнав о гибели своего войска, каган отправил к Мервану посла с просьбой о мире. Мерван потребовал за это принять ис-

лам, и каган был вынужден согласиться. С 40 тыс. пленных Мерван возвратился в Закавказье. Так закончился «быстрый рейд», как назвали поход Мервана в Хазарию арабы.

Однако военная победа арабов над хазарами и принятие последними мусульманства отнюдь не означала, что Хазария полностью покорилась. Для этого необходимо было оставить там сильную армию, чего уже арабы сделать не могли. Артамонов, Данлоп и др. считают, что если бы арабам удалось омусульманить Хазарию, тогда бы «история Восточной Европы сложилась бы совсем иначе, чем мы ее знаем» (с. 224). Тогда бы, мол, весь Восток Европы оказался бы омусульманенным, и был бы оторван от западноевропейской цивилизации. «Роль Хазарии в таком именно направлении совершенно бесспорна и обеспечивает за ней всемирно-историческое значение» (с. 224).

На наш взгляд, здесь несколько преувеличена историческая роль Хазарии. Во-первых, задержка арабов в Закавказье это не только заслуга хазар (и не столько), но народов Закавказья и Сев. Кавказа. А кроме того, распространение ислама в более поздние времена на территории Сев. Кавказа и Поволжья (Золотая Орда, затем Казанское Астраханское ханства) все равно произошло, но это отнюдь не привело к омусульманиванию всей Восточной Европы.

Во второй половине VIII в. между хазарами и арабами установились более или менее мирные взаимоотношения, во всяком случае ни та, ни другая сторона не ставила перед собой столь больших задач, как в начале того века. Хазары должны были примириться с окончательной утратой Закавказья, а арабы убедились в том, что покорение хазар недостижимо.

Тесные политические связи хазары имели с Византией. Одной из главных причин, толкающих их в объятия друг друга, была борьба против арабов, которые одинаково угрожали обеим сторонам полным завоеванием. Как уже отмечалось выше, в 717/178 г., когда столица Византии Константинополь была окружена арабами с суши и моря, она была спасена тем, что силы арабов были отвлечены хазарами. Поэтому ради союза с хазарами византийцы даже поступились своими интересами в Крыму. Император Лев Исавр женил своего сына Константина (Ко-

пронима) на дочери кагана, сын которого вошел в историю под именем Льва IV Хазара. Сама хазарская царица носила имя Чичек, что значит «цветок», после крещения ее назвали Ирина (сестра Чичек была матерью первого абхазского царя Леона II).

Сближение хазар с Византией, конечно, никак не устраивало арабов. Маслам, а затем Мерван, совершая походы, преследовали цель разгромить хазар и таким образом лишить Византию ее союзника.

В самом конце VIII в. произошло крупное столкновение хазар с арабами, во время которого каган подверг Восточное Закавказье страшному разорению. Поводом для вторжения послужила загадочная смерть хазарской царицы, которую везли в жены арабскому наместнику Закавказья.

Таким образом, Хазария по-прежнему составляла собой серьезную противодействующую силу халифата, которому приходилось делать большие затраты, чтобы сохранить свои завоевания в Закавказье. Особенно ценна была военная помощь хазар для Византии. Благодаря хазарам Византии удалось не только устоять перед арабами, но нанести им ряд чувствительных ударов (там же, с. 251).

Одним из самых характерных моментов в истории Хазарии VIII в. был постепенный переход степного кочевого населения к оседлости и связанному с ней земледелию. Дело в том, что многие районы степного Предкавказья в античное (и в более раннее время) отличались широким развитием земледелия, но в связи с бурными событиями IV – VII вв. земледелие здесь было почти полностью сметено. Сохранялось оно лишь в предгорной зоне. Однако после этого, как свидетельствуют археологические материалы, в ряде районов Азово-Каспийского междуморья, вдоль степного течения р. Кубани появляются оседлые земледельческие поселения. Возникает ряд новых городских центров. В этой связи надо сказать несколько слов о столичном городе Хазарии.

Вначале столицей хазарского государства, по сведениям арабских источников, был город Семендер, точное местоположение которого еще не установлено, но он находился у подошвы Кавказских гор в непосредственной близости к Сериру, т. е. по-видимому, сев. Дагестана, возможно, в его южной зоне. Од-

нако затем, не раньше 20-х гг. VIII в., в связи с постоянной экспансией арабов, столица была перенесена на нижнюю Волгу, в Ал-Бейда, впоследствии переименованный в Итиль, по названию реки. Был в Хазарии большой город Геленджер, который некоторые авторы отождествляют с Тарки, но, видимо, это разные города, поскольку в некоторых источниках они упоминаются вместе.

* * *

Ниже будет кратко рассмотрен вопрос о грузино-хазарских взаимоотношениях, в частности, по данным грузинских источников.

Прежде всего рассмотрим сведения о хазарах, содержащиеся в сочинении Джуаншера Джуаншериани «Жизнь Вахтанга Горгасала». Отметим в первую очередь, что эти сведения значительно беднее, чем сведения, содержащиеся в сочинении Леонтия Мровели. На первый взгляд такое деление кажется странным: в историческом сочинении, в котором трактуются события V–VIII вв., как раз будто бы и место рассказам о хазаро-грузинских (или шире – хазаро-закавказских) взаимоотношениях. Но тем не менее, за исключением нескольких по существу не очень значительных эпизодов, Джуаншер нам почти ничего не сообщает о хазарах, их стране и взаимоотношениях с Грузией и Закавказьем. Рассмотрим, однако, содержащиеся в нем интересующие нас сведения.

Первое упоминание о хазарах содержится в рассказе Джуаншера о походе Вахтанга Горгасала против алано-осов. По сообщению нашего историка, Вахтанг якобы организовал этот поход, будучи еще 16-летним юношей, т.е. где-то в середине VI в. В Осетию он вторгся через Дарьяльское ущелье. Осетины призвали на помощь хазар. Противники встретились у выхода Осетинской Арагви (Терек) в степи. В течении недели стояли друг против друга войска грузин и осетин с «наемными отрядами хазар (ბოჯადბი ხაზართაბი)» не решаясь вступить в бой. Затем вышел вперед хазарский богатырь по имени Тархан и стал вызывать на единоборство богатыря противной стороны. В ответ

на этот вызов Вахтанг приказал одному богатырю-персу по имени Фарсман-Фарух, который состоял в первом персидском отряде, вступить в бой с хазарским богатырем Тарханом. Единоборство закончилось победой хазар. Тогда якобы Вахтанг сам решил вступить в бой с Тарханом и в упорной борьбе победил его.

Приведенный рассказ содержит, на наш взгляд, следующие реальные данные. Во-первых, хазары фигурируют здесь не в качестве сюзеренов алано-осов, как это уже имело место не позднее середины второй половины VIII в., а выступают в качестве самостоятельного вспомогательного отряда наемников «ниджади», приглашенного осетинскими правителями и находящегося у них на службе. Положение этого отряда в составе осетинских войск ничем не отличается от положения «персидского наемного отряда», который состоял в войсках Вахтанга. Такое положение соответствовало раннему периоду хазаро-осетинских взаимоотношений, когда хазары и аланы представляли собой отдельные политические силы на Сев. Кавказе. Такое положение целиком может быть отнесено к VI столетию (а может быть, и к более раннему времени), когда хазары, по свидетельству, например, византийских источников, часто выступали в качестве военной наемной силы у различных политических образований. Сам же Джуаншер датирует это событие не позднее середины V в. (напомним, что, по Джуаншеру, Вахтангу было тогда всего 16 лет).

Как бы то ни было, приведенный сюжет не содержит ничего такого, что могло бы противоречить реальным историческим обстоятельствам. В период борьбы Грузинского государства за овладение и контроль за Дарьяльским путем естественно у него должны быть столкновения с алано-осами, обитавшими в этом секторе, а те призвали на помощь военные отряды хазар, для которых, как отмечалось, военное наемничество являлось тогда весьма характерным явлением.

Далее в этом рассказе обращает на себя внимание и следующий момент. Перед началом общего сражения происходит единоборство между богатырями обеих сторон. Со стороны противников Вахтанга в единоборство, как мы видели выше,

вступает хазар по имени Тархан (кстати, это весьма характерное имя для хазарской антропонимики). А такая практика, как известно, была типична для тюркской военной организации в раннее средневековье и в этом отношении тюрки-хазары, как видно, не составляли исключения – этот эпизод, насколько нам известно, является первым фактом такого рода, из сохранившихся в исторических источниках.

Кроме того в сочинении Джуаншера имеются определенные указания на хазаро-византийские и хазаро-персидские взаимоотношения. Историк рассказывает, что однажды против Вахтанга выступили персы, и он отправил к византийскому императору посла с просьбой о помощи, но тот в это время находился в походе против хазар. «Когда пришли послы царя Вахтанга (в Константинополь), кесарь ушел (уже) в страну хазар, откуда не успел бы придти в Картли».

События эти, по словам историка, происходили в царствование персидского царя Хосро, т. е. в VI в. и, следовательно, значительно позднее царствования Вахтанга, но здесь для нас не столь важно соблюдение хронологии описываемых событий, сколь самый характер этих событий.

Византийцы, продолжает Джуаншер, узнав об активности персов, решили покончить с ними миром: «(решили) заключить мир между кесарем и Хосро, потому что боялись греки – чтобы не вторглись персы в Грецию, т. к. все войска греческие находились в Хазарии».

Эти события – борьба византийцев против «Хазарии» могли иметь место в конце VI в., когда происходила упорная борьба между Византией и Западно-Тюркютским каганатом, в состав которого входили (а затем стали его непосредственными преемниками) хазары. Война эта велась тогда главным образом из-за Крымского полуострова. Именно в этот период царствовал в Персии и Хосро II, которого, очевидно, имеет в виду грузинская летопись.

Как сообщает далее Джуаншер, ведя борьбу против Византии, хазары обращаются за помощью к сасанидскому Ирану. Об этом якобы поведал Вахтангу сам шах Хосро, который хотел его привлечь на свою сторону. В ответ на сообщение Вахтанга, что он добивается мира между персами и византийцами, Хосро

сказал, что византийцы – враги его и пользуются любой возможностью, чтобы навредить ему; он добавил, что у него уже давно находится хазарский посланник, который ждет от него определенного ответа. Затем автор рассказывает, что Вахтангу наконец удалось примирить персов и ромеев ценой взаимных территориальных уступок и тогда, мол, Хосро вызвал к себе хазарского посланника и отказал ему в помощи, т. к. уже достиг своей цели.

Здесь перед нами встает сложный переалет внешнеполитических отношений на Кавказе. С одной стороны – Иран, с другой – Византия, с третьей – Тюркютский («Хазарский») каганат и между ними – маленькая Грузия. Здесь, следовательно, мы имеем одно из ценных подтверждений того, что хазарский вопрос играл весьма важную роль в ирано-византийских взаимоотношениях того времени, а Грузии приходилось лавировать между этими тремя крупными силами, интересы которых в значительной части переплетались в Закавказье.

В сочинении Джуаншера есть также рассказ о взятии Тбилиси Джибу-каганом, но он целиком заимствован из «Обращения Картли» и поэтому данный эпизод будет рассмотрен в соответствующем месте.

Самым ранним грузинским источником, в котором содержатся сведения о хазарах, является летопись «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли»), написанная неизвестным автором между VII и IX вв. В этой летописи читаем: «Тогда пришел через Грузию Ираклий, царь греческий, и начальник крепости из Калы тифлисской обозвал царя Ираклия козлом, на что Ираклий ответил: «если это слово относится ко мне, то я воздам тебе по заслугам» и, топнув ногой, взял книгу Даниила и прочел следующее место: «пришел козел запада и сокрушит восточного овна». И, оставив эристава Джибу для ведения осады (Тбилиси), сам отправился в Багдад воевать с царем Хуасро». А Джибу этот по прошествии немногих дней взял Калу, пленил упомянутого начальника крепости, наполнил его рот драханами и, сняв с него живого кожу, отправил вслед за царем в Гардабан, в дом Вараз-Григола» (правитель Албании, союзник императора Ираклия).

В «Истории агван» М. Каганкатвази этот эпизод называется несколько иначе: Джибу взял Тбилиси не сразу же после отъезда Ираклия, а спустя определенное время, – во время вторичного нападения хазар на Тбилиси.

М. Артамонов считает, что большего доверия заслуживают сведения Каганкатвази (с. 61), однако нам кажутся более правдивыми сведения «Мокцевай Картлисай», и вот почему. Ведь император Ираклий, появившись у стен Тбилиси не прекратил похода, а двинулся дальше, сначала в Албанию, а оттуда намеревался отправиться в собственно Персию. Сомнительно, чтобы в таких условиях он оставил бы не осажденной такую твердыню, какой была Тбилисская крепость. Правильнее считать, что после ухода Ираклия осада Тбилиси продолжалась и вскоре завершилась взятием города. Если бы осада Тбилиси не увенчалась успехом, то авторитет Ираклия, в частности в Албании, был бы сильно подорван.

Следующим в хронологическом порядке излагаемых событий, относящихся в данном случае к 80-м гг. VIII в., является «Мученичество Або Тбилели» Иоанэ Сабанисдзе. Как известно, эрисмтавр Картли Нерсе, после освобождения из багдадской тюрьмы, где он провел три года, заблаговременно укрыв свою семью в Абхазии, с 300 всадниками бежал через Дарьял к хазарскому Кагану. Хотя в житии об этом прямо не говорится, но можно считать, что в Хазарию его вела надежда получить помощь в борьбе против арабов, но надежда эта не оправдалась; как видно, каган отказался оказать Нерсе военную помощь.

В житии сообщаются некоторые, правда, скудные сведения о Хазарии. Иоанэ сообщает, что хазары народ грубый, звероподобный и кровожадный, без религии, но считающий единого бога-творца. Между тем в Хазарии много городов, в которых жители свободно исповедуют христианскую религию.

Вскоре арабы простили Нерсе и разрешили вернуться на родину. Артамонов полагает, что у арабов были серьезные основания для такой терпимости (с.248). Она заключалась скорее всего в том разочаровании относительно помощи со стороны хазар, которое пережил Нерсе и которое де-

лало его не только не опасным, а, наоборот, полезным арабам. В лице Нерсе арабы получили живое свидетельство тщетности надежд на вмешательство хазар в дела Закавказья. Что причина терпимости заключалась именно в этом доказывают дальнейшие события. Когда во второй половине 80-х гг. хазары опять стали угрожать арабам, то мусульманские власти казнили Або, и хотя о судьбе Нерсе в житии ничего не сообщается, но едва ли и он избежал кары со стороны арабов.

Возможно не совсем дело было так, как представляет Артамонов, но не исключена в той или, иной степени и такая возможность. Арабские власти расправились с Або, чтобы показать твердость в отношении хазар и ориентирующихся на них жителей Закавказья.

Интересный эпизод из истории грузино-хазарских отношений во второй половине VIII в. сохранился в грузинской летописи XI в. «Матиане Картлисай». Приведем его полностью.

«По преставлении святого мученика Арчила остались у него сыновья Иован и Джуаншер. Отправился Иован в Эгриси и забрал с собой мать и двух сестер. А Джуаншер с двумя (другими) сестрами остался в стране Картлийской и Кахетской. Сестра же младшая его была прекрасна ликом, и слухи о красоте ее дошли до царя Хазарского Хакана; прислал он гонцов, дабы просить Шушан себе в жены, взамен обещав пособить в борьбе с сарацинами. И когда посол Хакана подступил (к Картли), Джуаншер поведал обо всем своему брату и матери. Однако они не поддались и ответили: «Уж коли нам невогону, то лучше удалиться в Грецию и обратиться к христианам, нежели позволить язычнику опохабить дитя наше». И Шушан гневно порицала Хазарского царя.

Спустя три года после этого снарядил хакан спасалара своего Блучана; прошел он дорогу Лекетскую (очевидно, через Кодорский перевал) и вступил в Кахети; осадил крепость, в которой пребывали Джуаншер и сестра его Шушан и через немного дней овладел (крепостью) и увел их в плен; сокрушил город Тбилиси, полонил Картли и всю эту страну.

И когда они ступали по дороге Дариалана, Шушан молвила однажды своему брату: «Лучше мне помереть, дабы

господь сопричастил меня святой матери, нежели быть поспрамленной язычником». И тут же выщербил из перстня своего драгоценный камень, высосала скрытое под ним смертное зелье и тотчас пала мертвой.

Затем прибыл Блучан к хакану и представил ему Джуаншера; поведал также о кончине сестры его Шушан. И разгневался хакан, что не принесли ему тела усопшей, узреть которое он желал. Схватили Блучана, накинули ему на шею аркан, отдали двум всадникам на растерзание и оторвали ему голову немилосердно. По истечении семи лет Хакан отправил Джуаншера в собственную страну, одарив его обильно...

Этот отрывок весьма содержателен с исторической точки зрения: здесь не только яркий конкретный факт, представляющий, в частности, очень интересный материал для широкого художественного полотна, но и картина типичных форм взаимоотношений Хазарского царства с подчиненными странами.

В той же летописи сохранился и другой весьма важный факт, относящийся к истории взаимоотношений хазар с Абхазским княжеством. Это сообщение связано с фактом оказания хазарами помощи абхазскому князю в деле высвобождения его от византийской зависимости и провозглашения царем. По этому поводу в летописи читаем: «Когда же ослабли греки отложился от них эристав абхазский по имени Леон, племянник эристава Леона, которому была дана в наследство Абхазия. Сей второй Леон был сыном дочери царя хазаров и с их помощью отложился он (Леон) от греков, присвоил Абхазию с Эгриси до Ляхи и нарекся царем абхазов».

Данное сообщение интересно во многих отношениях. Во-первых, отсюда мы узнаем, что мать Леона II была по национальной принадлежности хазаркой, дочерью самого хакана. Как известно, хазарские цари и крупные вельможи женились на девушках из рода правителей покоренных народов, а дочерей хакана, как правило отдавали замуж за себе равных, например, за византийских императоров и престолонаследников. Так что выдача хазарской царевны за абхазского князя, отца Леона II, говорит о том большом значении, которое придавали правящие круги Хазарии Абхазскому княжеству.

Таким образом, мы видели, что грузинские источники сохранили весьма ценные сведения по истории грузино-хазарских взаимоотношений, а также по истории самих хазар.

* * *

Есть необходимость сказать также несколько слов о религиозных верованиях хазар и конфессиональном положении многоплеменного населения Хазарского царства.

До конца VIII в. хазары исповедовали древнетюркские верования; еще в 80-х гг., когда писал свое сочинение Иоанн Сабанисдзе хазары считались язычниками, хотя и верили в общего бога-творца. Этот бог, конечно, ничего общего не имел с библейским богом, а представлял собой древнетюркское верховное божество языческого пантеона.

Однако к тому времени хазарское общество достигло уже той ступени, идеология господствующего класса, которого требовала более высших форм религиозного мировоззрения. Соседние государства – Халифат и Византия, – хотели навязать хазарам каждая свою религию.

Таким образом, перед хазарами стояла дилемма – либо христианство, либо – ислам, а хазары выбрали третью религию – иудаизм, который, с одной стороны, обеспечивал им вхождение в состав средневековых цивилизаций, а с другой – самостоятельное положение между борющимися между собой христианами и мусульманами (см. Арт.– с. 264).

Иудаизм они, видимо, восприняли от евреев, живших на Кавказе, в частности, в Дагестане, издавна, еще до арабского нашествия. Кроме того, надо отметить, что иудаизм восприняло не все население Хазарии, а только ее верхушка: каган, бек и высшая знать царства, а различные слои населения исповедовали различные религии: христианство (в VIII в. в Хазарии было даже несколько епископов, которые подчинялись Готскому (в Крыму) архиепископу (митрополиту), ислам, распространенный главным образом в городах; собственно хазарские рядовые массы и другие тюркоязычные племена каганата по-прежнему поклонялись языческим божествам.

Причинами полирелигиозности населения Хазарии были, прежде всего, его многонациональность, а затем полное отсутствие прозелитизма у иудейства: эта религия была однонациональной, и исходя из идеи богоизбранности еврейского народа, не впускала в свое лоно никого «посторонних». Этим, в частности, и объясняется толерантность правящих кругов Хазарского каганата.

НАРОДЫ ДАГЕСТАНА В VI–VIII ВЕКАХ

Территория современного Дагестана в рассматриваемое время в политическом отношении не представляла собой единого целого. Южная приморская часть Дагестана, которая прежде входила в состав Албанского царства, примерно с середины V в. составляла часть Иранского государства, хотя и пользовалась некоторой внутренней автономией. В нагорной и северной части Дагестана возникло несколько местных политических образований, которые явились результатом развившихся здесь раннеклассовых отношений. Наиболее крупными из них были: Дербент, Лакз, Табасаран, Серир, Зирихгеран, Кайтаг (Хайдак), Гумик, «царство гуннов» и др. Более четко территориальный и этнический облик указанных политических образований вырисовывается к VII в. В рамках этих образований в течение раннего средневековья и складываются в основном непосредственные этнические предки современных народностей Дагестана.

Дербент представлял собой очень важный стратегический и экономический пункт, расположенный в месте подступа восточных отрогов Главного Кавказского хребта к Каспийскому морю – единственное в данном регионе место, где можно было пройти с юга на Северный Кавказ и с севера в Закавказье и на Ближний Восток. Неудивительно поэтому, что каждое крупное государство, соседствующее с данным регионом, всегда стремилось овладеть данным пунктом. Не случайно, что само слово «Дербент» в буквальном переводе с персидского языка означает «узел ворот». Уже в начале нашей эры в Дербенте существовали какие-то укрепления, а впоследствии по приказанию иранских шахов грандиозные оборонительные сооружения,

В 60-х гг. V в. Дербент перешел под власть Ирана и здесь было создано военное наместничество, главной задачей которого было не допускать в Азербайджан полчища северных завоевателей. Вместе с тем Дербент становится важным торгово-экономическим центром.

Раннесредневековые армянские авторы Чога или Чор (Джора) некоторые местные дагестанские народы до сих пор называют Дербент, именем, сходным с древнеармянским названием города – Чуруль (по-лакски) и Чулли (по-даргински). Вначале, видимо, Чогом назывался город, расположенный к югу от Дербента, а затем это название было перенесено на самый Дербент.

Табасаран впервые упоминается в источниках IV–V вв. М. Хоренаци и др. Табасаранцы проживали к северо-западу от Дербента в бассейне р. Рубас. Правитель области носил титул табасаран-шах. В силу своего географического положения Табасаран не раз попадал в зависимость от феодальных правителей Дербента, табасаранские отряды не раз вводили в состав воинских соединений, защищающих город.

Серир был расположен в нагорном Дагестане, который в сирийской хронике VI в. Захария Метиленского фигурирует под названием Бат-Даду (дидойцев?). В арабских источниках Нагорный Дагестан называется Сериром, что по-арабски означает «трон». Название якобы происходит от легенды, по которой последний шах сасанидской династии прислал на хранение в горы Дагестана свой трон. Другая этимология выводит это название от иранского «сер», что означает «гора». Следовательно, «Серир» означает ни что иное, как «Страна гор». Впоследствии, видимо, иранское «сер» было заменено тюркским «даг» («гора») и образовалось «Дагестан» (с добавлением иранского «стан» – «страна», «область»).

Первоначально территория Серира соответствовала приблизительно территории позднейшей Аварии, но впоследствии она расширилась (после VIII в.), охватив почти весь нагорный Дагестан. Таким образом, территория нынешнего Дагестана примерно с середины VII в. делилась на три основные части: Серир, Дербент, «гунское царство» хазаров.

В исторических источниках рассматриваемого периода на территории Дагестана фигурирует еще одна политическая еди-

ница – **Хайтаг**. Иногда она фиксируется и под другим названием – Джидан. По обоснованному мнению В. Минорского, это одно и то же политическое образование. Расположено оно было к северо-западу от Дербента. В данном случае мы, несомненно, имеем дело с даргинской этнополитической общностью, которая, как известно, впоследствии была известна под названием Кара-Кайтаг. Правитель Хайдака носил титул «салифан».

В Южном Дагестане было расположено политическое образование **Лакз**. Это, конечно, лезгинская этнополитическая общность, занимавшая именно ее историческую территорию, т. е. земли в бассейне р. Самура и южнее его. Последняя часть Лакза, ныне называемая Мушкур, представляла территорию бывшего Маската, фигурирующую в одной сирийской хронике VI в. под названием Базгун.

Следующая политическая единица, упоминаемая в источниках того времени, это **Зирихгеран**, что в переводе с персидского означает «кольчужники». В данном случае, несомненно, имеется в виду аул Кубачи (что в переводе с тюркского тоже означает «кольчужники»), являвшийся тогда центром относительно крупного территориально-политического образования.

Следует, наконец, упомянуть объединение Гумик, расположенное там, где ныне проживают лакцы. Название, видимо, произошло от имени центрального поселения лакцев – Кумух. Самоназвание этнической общности «лак» легло в основу грузинского наименования населения нагорного Дагестана – «леки».

Помимо перечисленных относительно крупных этнополитических образований раннесредневекового Дагестана на его территории располагались и более мелкие единицы, локализация которых порой не поддается точной локализации, ввиду скудости источников.

Как выше уже отмечалось, на территории Сев. Дагестана (к северу от Сулака) в VI в. образовалось государство, которое в источниках фигурирует под названием «царства гуннов», хотя его этническую основу составляли местные племена. По данным сирийской хроники VI в. в состав этого государства входило до 13 племен, в которых гунны, как верхушечный слой, растворились полностью. Вошедшие в

его состав кочевые группы под влиянием местного земледельческого населения постепенно стали переходить к оседлости.

По данным «Армянской географии» VII в., в государстве гуннов находились три крупных города: Варачан, Семендер и Чурганс, из которых столицей считался Варачан; Мовсес Каганкатвацци называет его «великолепным городом». Археологи локализуют его в местности Урцеки, где сохранились развалины большого раннесредневекового города.

В середине VII в., территориальным центром Хазарского государства был северодагестанский регион; здесь находилась первоначальная столица Хазарии – город Семендер, локализация которого не поддается точному определению (некоторые считают, что он тождественен Тарки). В 50-х гг. VIII в. из-за опасности со стороны арабов государственная столица была перенесена в Итиль (на Волгу), но Семендер не потерял своего значения как важный экономический и стратегический центр.

Этот период является одним из сложнейших и тяжелейших в истории народов Дагестана. Он находился как бы между молотом и наковальней, т. е. между хазарами и арабами, которые начиная со второй половины VII в. постоянно воевали друг с другом.

* * *

Рассматриваемый период (вторая половина первого тысячелетия н.э.) является временем постепенного зарождения и развития раннефеодальных отношений, которые шли на смену раннеклассовым и патриархально-общинным отношениям. Это являлось, прежде всего результатом дальнейшего развития производительных сил и прежде всего земледелия и скотоводства. Широкое распространение получило искусственное орошение полей, а в горной зоне террасное земледелие.

В скотоводстве особенное развитие получило разведение мелкого рогатого скота. Широкое развитие в Дагестане того периода получило садоводство, как в сельской местности, так и пригородах.

Характерной чертой того времени была многочисленность населения Дагестана, о чем свидетельствует множество археологических остатков как в горной, так и плоскостной зонах Дагестана.

Особенный подъем наблюдался в ремесле. Высокого уровня достигают гончарное, ювелирное, ткацкое, кузнечное и другие ремесла. Дагестанские полотна широко экспортировались в зарубежные страны. Дальнейшее развитие ремесленного производства нашло свое выражение в формировании локальных вариантов раннесредневековой культуры Дагестана – предгорной, горной и северной (присулакской). Ремесленное производство получило развитие главным образом в городах, но в этот период складываются и сельские ремесленные центры, имевшие порой не только локальное, но и более широкое значение.

Дагестан принимал также участие в международной торговле того времени. Правда, в V–VI вв. территория Дагестана стояла еще в стороне от отважных международных путей, но затем, с их перемещением, он втянулся в так называемую «арабскую» торговлю, проводившуюся через Каспийское море. В торговлю были втянуты не только приморские, но и внутренние районы Дагестана. На рубеже V–VI вв., а эпизодически и еще раньше, через Дагестан на территорию Восточного Закавказья начинают систематически вторгаться гуннские племена. Определенная часть населения Дагестана в той или иной форме оказалась втянутой в эту войну. Чтобы задержать продвижение гуннов, сасанидские правители в районе Дербента стремились создавать мощные укрепления, которые позволяли с небольшим гарнизоном задерживать многочисленные полчища «варваров». Строительство дорогостоящих оборонительных сооружений на Каспийском побережье осуществлялось главным образом силами местного населения и на их средства.

При Хосрое Ануширване была проведена перепись местного населения, и введена новая система обложения, которая привела к усилению налогового бремени. В своей захватнической политике иранские власти опирались на местные феодальные верхи. По этому поводу Баладзори писал: «И выбрал Ануширван царей и предоставил каждому из них шахство над от-

дельной областью» и затем перечислены следующие «области» Дагестана – Серир, Филан, Табасаран, Лакз, Маскат, Эрихгеран и др.

Тем не менее местные этнополитические образования продолжали вести борьбу против Ануширвана и других иранских шахов. Нередко эта борьба велась совместно с народами Закавказья. Много сведений об этой совместной борьбе сохранилось в грузинских и армянских источниках. Так, например, в «Картлис цховреба» есть сообщение о том, как грузины, армяне, овсы, леки и хазары совместно выступили против Х.Ануширвана и даже проникли в Иран. Там же сообщается, что грузинский правитель Гурам (вторая половина VI в.) «приглашает овсов, дурдзуков и дидойцев и идет против персов».

После падения сасанидского Ирана под натиском арабов эти последние утверждаются в Восточном Закавказье и начинают оттуда наступление против Дагестана. Захватив Дербент, арабы тем самым прибрали к своим рукам важный торговый путь, прилегавший по Каспийскому побережью Дагестана. Из-за него между арабами и хазарами развернулась длительная и ожесточенная борьба, которая в значительной части протекала на территории Дагестана и местным политическим образованиям приходилось лавировать между обоими захватчиками.

По сообщению Баладзори, в середине VII в. арабский военачальник Салман наложил дань на Маскат, Дербент, Лакз и Табасаран, но вскоре правители этих областей отказались от выплаты дани. Так, например, жители Дербента с помощью хазар разгромили 4-тысячный арабский гарнизон и освободились от власти арабов в 653 г. Однако в 685 – 686 г. Дербент был вновь захвачен арабами.

Начало VIII в. характеризуется усилением арабской экспансии, продолжавшейся около ста лет. В течение этого времени наиболее крупные вторжения арабов в Дагестан связаны с именами военачальников Джерраха, Масламы и Мервана, о которых говорилось выше, в связи с хазаро-арабскими взаимоотношениями.

Обосновавшись в Дербенте, арабы стали стремиться к утверждению и во внутреннем Дагестане. Так, согласно исторической хронике «Дербент-наме» арабы разорили Кайтаг, жители

которого не хотели принимать ислам. Силой оружия были покорены лаки, принудили принять ислам табасаранцев. Затем покорен был Серир. Наконец, все жители Дагестана были обложены данью.

Однако дагестанцы систематически восставали против арабов, стремясь сбросить с себя их иго, и захватчикам неоднократно приходилось устраивать карательные экспедиции, с целью восстановления своего господства. Так, Мерван ибн Мухаммед в 732 – 739 гг. совершил не менее шести вторжений в горы Дагестана, восстанавливая там арабское господство, всякий раз заново. Лишь в 739 г. Мервану удалось заключить выгодные договоры с правителями Серира, Тымана, Зирихгерана, Кайтага, Табасарана, Лакза, Филана и обязать их платить ежегодные подати.

Как уже отмечалось, в VIII в. политическая и экономическая экспансия арабов в Дагестане все время усиливается. Во второй половине VIII в. арабские власти провели денежную реформу, по которой были изъяты из обращения все византийские, хазарские и местные денежные единицы и введена единая арабская денежная система. Это, с одной стороны, укрепило господство «арабов, а с другой – способствовало расширению торгово-экономических связей. В таких условиях систематически возрастало значение Дербента. Уже в начале VIII в. здесь чаканилась местная арабская монета. Кто владел Дербентом, тот контролировал волжско-каспийский торговый путь.

С середины VIII в., с утверждением в халифате династии Аббасидов (заменивших Омейядов), налоговое бремя и национальный гнет еще более усилились, что, естественно, вызывало возрастание сопротивления местного населения. Усиливается борьба и в Дагестане. В ответ арабы предпринимают ряд исключительных мер, чтобы укрепить свое положение там и, в частности, в Дербенте.

Налоговая система арабов, как известно, состояла из двух элементов – харадж и джизья. Харадж составляли в основном продовольственные подати. Так, например, Мерван ибн Мухаммед наложил на дагестанские политические образования следующий харадж: Серир – 100 мер зерна. Туман – 20 тыс.

мер, Зирихгеран – 10 тыс. Хамзин – 30 тыс., Лакз – 25 тыс. Одним из важнейших «товаров», который интересовал арабских захватчиков, были рабы. Так, Джаррах обязал вносить ежегодную подать – от Серира 150 юношей и 500 девушек, от Тумана – 50 юношей и 150 девушек, от Зирихгерана – 50 юношей и т.д.

Джизья являлась подушной податью и взыскивалась с немусульман деньгами. Освобождались от джизьи только женщины, дети и старики, т. е. те, «с которыми нельзя сражаться», а также священнослужители и монахи. Одной из форм утверждения арабского владычества было распространение ислама, вначале в городах – в Дербенте, Семендере, а затем и в сельских местностях. В первую очередь ислам принимали представители господствующего класса и правители местных этнополитических образований. Основная же масса населения придерживалась традиционных верований. Сообщения ряда местных исторических хроник о том, что якобы уже в VIII в. ислам утвердился во всем Дагестане, не соответствует исторической действительности.

Исторические источники сохранили интересные сведения о взаимоотношениях народов Дагестана с соседними народами Кавказа. Так, тесные связи имели они с соседним Ширваном, во главе которого стояли ширваншахи («царь льва»). Уже первый ширваншах присоединил к своим владениям Дербент. Но в середине VII в. Ширван подпал под власть арабов, а Дербент стал резиденцию арабского наместника.

Глубокие корни имеют и взаимоотношения народов Дагестана с Арменией. Албанская церковь находилась под влиянием армянской монофизитской церкви. Армянские католикосы высылали своих проповедников в Дербент еще с IV в., но попытки насадить христианство в Дербенте не увенчались успехом, хотя этому способствовали иранские власти, которые поддерживали монофизитов в противовес Византии. В середине VI в. армянский епископ Чога был вынужден перенести свою резиденцию в Партав.

Весьма тесный характер носили дагестано-грузинские связи. В «Картлис цховреба», например, сохранились сведения о совместной борьбе грузин и дагестанцев против персидских и

арабских захватчиков. Существовали и интенсивные торгово-экономические связи, а также культурные взаимоотношения.

Из Грузии в нагорном Дагестане распространялось христианство. В этой связи интересен тот факт, что почти во всех дагестанских языках слово «крест» обозначается армяно-грузинским словом «хач» – «хати».

Происходили также этнические взаимопроникновения. Об этом свидетельствует, например, то обстоятельство, что в ряде аулов имеются роды – тухумы древнего происхождения «гергилал» – «грузинский».

Между Грузией и Дагестаном, как отмечалось, существовали тесные экономические взаимосвязи, которые осуществлялись через многочисленные горные перевалы, главным образом, через Кодорский. Однако в этом отношении имел значение и Дербентский проход, хотя непосредственно он связывал Дагестан с Восточным Закавказьем. Грузия экспортировала в соседние области, в том числе и в Дагестан, шелк, шерсть, одежду, керамические изделия, зерно, соль и другие товары. Из Дагестана в Грузию поступали произведения ремесленников – предметы быта, орудия труда, вооружение, украшения и другие изделия.

Тесные связи в рассматриваемую эпоху Дагестан поддерживал с Хазарским каганатом. Последний всегда стремился подчинить своей власти дагестанские политические образования. Но они искусно лавировали сначала между хазарами и иранцами, а затем между хазарами и арабами. В результате в целом им удавалось сохранить свою независимость, хотя иной раз и приходилось платить дань хазарам. В «Картлис цховреба» по этому поводу читаем: «...хазары, став могущественными, стали воевать против племен Лек и Кавказ, с их правителем Дурдзуком, сыном Тирета..., который платил дань царю хазар». В последующие времена дагестанцы освободились от хазарской зависимости, то вступая с ними в союз, то воюя против них. Местная хроника «Ахтынаме» тоже сообщает, что хазары в течение 10 лет осаждали Ахты, но так и не смогли взять его, потерпев поражение от объединенных войск «эмиров Тарсы, Рутула, Джиныха и Руфука».

Но нередко, как отмечалось, народы Дагестана выступали в союзе с хазарами, в частности, в борьбе с иранскими и особенно арабскими захватчиками. В так называемых арабско-хазарских войнах, как правило, дагестанцы выступали на стороне хазаров, так как это больше соответствовало их интересам. Хазары, как известно, отличались веротерпимостью и вели обширную торговлю, в которую были втянуты и народы Дагестана.

Большие политические и культурно-экономические контакты народы Дагестана поддерживали с аланами, проживавшими по соседству с ними. На территории аланской культуры впоследствии сложились национальные культуры осетин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев (Ист. Даг., 1, с.171). В данном случае, конечно, выражение «аланская культура» надо понимать в собирательном смысле, а не как этническая культура одних только аланов.

К рассматриваемому периоду относится и зарождение спорадических связей между народами Дагестана и древними славянами. Самое раннее известие о славянах (саклабах) относится к VII в. (речь идет о появлении их на Востоке). Это короткое упоминание о наружности славян в «Книге песен». Рано появляются они и на Северном Кавказе. Так, например, славянские поселения стали возникать в торговых городах Хазарии.

Торговые связи славян с Востоком с конца VIII в. начинают принимать более или менее регулярный характер, осуществляясь главным образом по волжско-каспийскому торговому пути, т.е. через Дагестан. Дальнейшее расширение русско-дагестанских контактов происходит в последующую эпоху.

ВАЙНАХИ

Предки вайнахов издавна проживали по верхнему и среднему течению Терека (вайнахское название, засвидетельствованное в грузинских источниках – Ломеки) и к востоку от него. В центральной части Главного Кавказского хребта жили цанары и двалы – предположительно тоже вайнахского происхождения.

К востоку от цанаров на центрально-кавказском высокогорье проживали горские племена, которые в древнегрузинских источниках фигурируют под названием дурдзуков. Основным ареалом их расселения были предгорные и горные районы нынешней Чечено-Ингушетии. По мнению А. Генко, под дурдзуками надо разуметь предков нынешних ингушей, но по более обоснованному утверждению Е.И. Крупнова, этот этноним представляет предков всех нахских народностей (стр. 27). В анонимной армянской Географии 711 в. приводится только один этноним, который может быть сопоставлен с вайнахами – нахчаматъяны. В нем, по предположению некоторых исследователей, заключается древний этноним нахской общности – нахчо-мохк – земля Нахчо (легендарный предок вайнахов).

Источники сообщают весьма скудные сведения о вайнахах в рассматриваемое время, имеется, например, указание Леонтия Мровели о том, что дурдзуки платили дань хазарам. Правда, это сообщение контаминировано, в частности, что увязывается с событиями, которые происходили до нашей эры, но ничего нереального в нем нет и скорее всего оно связано с подлинными хазарами и поэтому хронологически должно быть отнесено примерно к VII в. Из этого сообщения следует, что до образования Хазарской державы область расселения нахских (дурдзукских) племен в Предкавказье была значительно шире, но затем, под давлением хазар, они были вынуждены поддаться в горы и поселиться в «узких скалистых ущельях».

Леонти Мровели неоднократно упоминает дурдзуков, которые вместе с осами (аланами), дидойцами и леками (дагестанцами) принимают активное участие в различных событиях, происходивших в Закавказье. Правда, и эти события контаминированы, но и о них смело можно сказать то же самое, что и о хазаро-нахских взаимоотношениях.

По некоторым данным грузинских («Обращение Хартли») и арабских (Баладзори, Йбн ал-Факих) источников, предки вайнахов на определенном этапе поддерживали политические связи с Ираном. В частности, после того, как на Северный Кавказ вторглись авары и тюркюты. Есть основание полагать, что Хос-

рой Ануширван проводил какие-то фортификационные работы в горном Дагестане и Чечено-Ингушетии.

Очень тесные связи вайнахи поддерживали и с соседними аланами. По справедливому утверждению А. Гадло, борьба с арабами за горные проходы Центрального Кавказа была делом общим для алан, дурдзуков и других этнических групп данного региона.

О тесных культурных контактах предков вайнахов с аланами свидетельствуют и определенные археологические материалы. Из них следует, что западная часть вайнахов в некотором смысле входила в ареал раннесредневековой «аланской» культуры.

АЛАНЫ В VI – VIII вв.

В европейских источниках сведения об аланах появляются в I в. н. ., когда они распространяются в степях Восточной Европы и, подчинив местное сарматское население, предпринимают походы в Закавказье. Аланы, как и сарматы, состояли из ряда самостоятельных племен и принадлежали к ираноязычной группе индоевропейцев. С аланами связаны захоронения в подземных камерах-катакомбах. Особенно часто они встречаются в бассейнах Терека и Кубани, где, по-видимому, находились зимовья алан, кочевавших в степях Предкавказья.

Около середины IV в. аланы стали теснить гунны. По сообщению Аммиана Марцеллина (кон. IV в.), примерно в 370 г. гунны сломили сопротивление алан, «многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе». Тот же писатель дает подробное описание гуннов и аланов, из которого явствует, что и те и другие представляли собой кочевые скотоводческие племена, сохранявшие сильные пережитки родоплеменных отношений.

Уже в первой половине V в. аланы заселяли не только степные районы Предкавказья, но и горную зону – от Западного Кавказа до «Каспийских ворот» (в данном случае Дарьялский пр.). Во всяком случае, в VI в. они, бесспорно, локализируются там (Прокопий и др.). В дальнейшем территория

расселения кавказских алан подразделяется на две зоны – Западная Алания (непосредственно граничила с Абхазией и Зап. Грузией) и Восточная Алания (граничила с Восточной Грузией).

Аланы поддерживали тесные связи – экономические и политические – с Грузией, в частности, в годы ирано-византийской войны в VI в., причем, если гунны, как правило, выступали на стороне Ирана, то аланы – на стороне Грузии и Византии.

В середине VI в. в степи Азово-Каспийского междуморья вторглись авары, где они столкнулись с осевшими здесь гуннскими племенами. Авары нашли себе друзей в лице северокавказских алан, оттесненных гуннскими племенами в горы и нуждавшихся в союзниках со своими опасными противниками. Через аланского вождя Сарозия авары установили контакт с византийским военачальником в Лазике и в 558 г. отправили свое посольство в Константинополь, добиваясь союза с Византией.

В 70-х гг. VI в. упомянутый выше аланский правитель Саросий в союзе с абазгами и лазами участвовал в борьбе против персов в Армении, на стороне Византии.

Во второй половине VI в. в северо-кавказских степях утвердились тюркюты. С ними у алан сложились вначале враждебные отношения, но затем они заключают с ними союзнические отношения, особенно с их преемниками хазарами, так как они должны были вести совместную борьбу с арабами, появившимися здесь с середины VII в.

Как можно судить на основании весьма скудных источников, Алания до середины VII в. сохраняла полную независимость. По сведениям анонимной армянской географии, приписываемой ныне Анании Ширакаци, Алания VII в. представляла собой две крупные и относительно самостоятельные общности, на базе которых впоследствии сложились этнические ветви осетинской народности – дигорская и иронская. Западная Алания была населена аш-тигорамми, а восточная – собственно аланами (алан – алон – ирон).

В середине VII в. восточные аланы впервые столкнулись с арабами, которые в лице Хабиба-ибн-Масламы заключили до-

говор с «жителями ал-Лана», наложив на них харадж. Аланы, однако, опираясь, видимо, на старые связи с Византией, вскоре порвали отношения с арабами. Под 662/623 г. Ибн ал-Асир говорит о походе арабов на алан и «румов», который привел к поражению союзников, по несмотря на поражение, аланы продолжали оказывать арабам сопротивление, и Византия по-прежнему рассчитывала на них в своей борьбе против арабов в Закавказье.

Единственное западное известие об Алании, связанное с событиями рубежа VII–VIII вв., сохранилось у Феофана Хронографа. Это рассказ о том, как в Алании пребывал спафарий Лев, будущий византийский император Лев VIII Исавр.

В этот период абазги и лазы отложились от Византии. Чтобы отплатить им за «измену», византийское правительство решило использовать для этой цели аланов. Оно направило к ним Льва Исавра, который слыл искусным дипломатом, с поручением инспирировать алан на опустошительные вторжения в Лазуку, и, главным образом, в Абазгию. Феофан пишет по этому поводу: «Юстиниан послал (Льва Исавра) в Аланию; он дал ему огромную сумму денег и повелел натравить аланов на абазгов». Лев Исавр прибыл в Лазуку и через Апсилию сумел пробраться к аланам. Однако взятые с собой деньги он на всякий случай припрятал в Фазисе (Поти). Тем не менее аланы поверили Льву, «приняли его с большой почестью... вторглись в Абазгию и опустошили эту страну».

Правящие круги Абазгии решили заполучить Льва Исавра из Алании и направили туда с этой целью послов, которые заявили аланам, что Исавр обманывает их, и что византийский император направил его к ним с единственной целью погубить его, т.к. видел в нем своего соперника. Послы предложили аланам выдать им Исавра, пообещав за это им три тысячи золотых монет. Но аланы не поверили им и ответили, что из-за денег они не изменят Византии. Тогда абазги вновь отправили послов к аланам и предложили им на сей раз 6 тысяч монет. И аланские правители не устояли перед таким искушением и ответили абазгам, что они принимают их предложение. Но затем они не решились порвать с Византией и сообщили Исавру, что лишь при-

творно согласились с предложением абазгов, дабы получить возможность произвести разведку на территории Абазгии, пообещав по пути напасть на абазгов и освободить его, что им удалось удачно осуществить.

Вслед за этим аланы (очевидно, по наущению Исавра) совершили новое вторжение в абхазские «клизуры» и увели с собой много пленных.

Спустя некоторое время письмо правителю Абазгии прислал византийский император, который просил спасти Исавра и доставить его невредимым в Византию. За исполнение этого приказа, – писал он, – «я прощу вам все ваши ошибки». Под «ошибками» абазгов Юстиниан, надо полагать, имел в виду их отпадение от Византии и переход на сторону арабов.

Как сообщает Феофан, абазги «с радостью услышали (это предложение императора)». Однако, несомненно, эта «радость» была вызвана не желанием восстановить прежнее господство Византии, а использовать ее в борьбе против арабских захватчиков, которые за весьма короткий срок показали, что они никак не смогут сойти за силу, способную помочь народам Зап. Грузии избавиться от иноземных захватчиков, ведь, наоборот, арабы проявили себя намного хуже византийских поработителей.

Чтобы исполнить повеление императора, абазги снова отправляют послов к аланам с предложением выдать им Льва Исавра для отправки его в Византию. Но Исавр не доверял абазгам и наотрез отказался возвращаться в Византию «абхазским путем». Лишь спустя некоторое время Льву Исавру удалось выбраться из Абхазии с помощью апсилы, восставших против арабов.

Как мы видели все приключения Льва Исавра происходили по соседству с Абазгией и Апсилией. Это говорит о том, что в данном случае речь шла о Западной Алании. По свидетельству Феофана, между аланами и абазгами существовали постоянные торговые связи и движения купцов.

В начале VIII в. хазары совершили, видимо, набег в горные области Центрального Кавказа. В частности, Ибн ал-Асир сообщает, что в 721–722 гг. хазары напали на алан, после чего они напали на арабов. Спустя год арабский полководец ал-Джаррах ответил на это походом вглубь аланской территории.

Как видно, Джаррах прошел не только горную Аланию, но и ему удалось выйти в степную Аланию, где, по свидетельству источника, он «захватил большую добычу».

Следующий поход в Аланию был совершен полководцем Масламой в 727–728 г. (ал-Якуби). Он проходил на фоне борьбы с хазарами и племенами нагорного Дагестана. Ал-Якуби пишет, что Маслама совершил «поход против турок, захватил у них ворота Аллан и столкнулся с каганом». Очевидно, хазары усилили свой натиск на алан и захватили Дарьял, который являлся важнейшей дорогой вглубь северокавказской степи.

В 736–737 гг. под предводительством Мервана ибн Мухаммеда арабы вновь проникли на землю хазар «со стороны аланских гор». Путь Мервана прошел вдоль Кавказского хребта в сторону Каспия до Семендера. Таким образом, арабские войска вновь обрушились на территорию восточной предгорной Алании. Поход арабов привел к разрушению «городов и замков» страны и к переселению жителей в горы.

Несмотря на некоторые успехи, арабские войска не смогли закрепиться на Северном Кавказе, что являлось результатом освободительной борьбы местного населения против иноземных поработителей. Арабы, сообщает, ал-Баладзори, «завоевали Баб-Аллан и разместили там гарнизон». Против них выступило местное племя санаров, которых поддерживали аланы, и другие соседние племена.

Северокавказская политика арабов, по мнению А.Гадло, главной своей целью ставила подчинение или, во всяком случае, нейтрализацию Хазарского каганата. Не случайно Рададзори, рассказывая о деятельности арабского наместника Закавказья Ясида ибн Усайда в одном ряду помещает три события – завоевание Баб-Аллана, поражение санаров и попытку Ясида породниться с «царем хазар» (60 – нач.70 гг.).

Арабские источники дают основание считать, что с усилением арабо-хазарских войн в первой половине VIII в. активизировались и объединительные силы степного Предзакавказья и горных областей Кавказа. Систематические вторжения арабов, а затем и политика массовых переселений и перемещений больших групп населения, которая проводилась ими, угрожала самой этнической целостности горских обществ. В этих усло-

виях, естественно возникло тяготение к той единственной силе, которая в данном регионе могла активно противостоять арабам. Такой силой было Хазарское государство, (с.169 – 170), которое в VIII в. достигло вершины своего могущества.

На территории современной Балкарии и Карачая сохранилось много следов пребывания там аланского населения в рассматриваемый период. Прежде всего об этом свидетельствуют археологические памятники, в частности, остатки катакомбных захоронений. Однако наряду с последними обнаруживаются более древние захоронения, синхронные с ними. Это говорит о том, что в Зап. Адании проживали не только собственно аланы, проникшие туда, видимо, после гуннского нашествия в IV в., но и остатки аборигенных племен, восходящие еще ко временам Кобанской культуры. Кроме того, как выше уже отмечалось, в тот же период здесь обитали и племена тюркского (болгарского) происхождения.

Однако собственно алан здесь было не так много, и поэтому позднее они были ассимилированы тюркоязычным населением, как видно, кипчакского происхождения. Между тем современный карачаево-балкарский язык сохранил много элементов аланского языка, в частности, около трехсот слов-корней, вошедших в этот язык не позднее – из осетинского а, как доказано специалистами, еще в средние века.

Иная картина сложилась в центрально-горном Предкавказье, здесь алан было больше (или местных элементов меньше) и поэтому этническим победителем вышел алано-осский элемент. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в следующем разделе.

АДЫГИ в VI–VIII вв.

На исторической родине адыгов – Северо-Западном Кавказе – в античную эпоху предки адыгских племен были известны под собирательным названием меотских племен. Примерно те же места они занимали и в средние века. Упоминание о меотах, синдах, зихах, керкетах мы встречаем и у раннесредневековых авторов.

Так, Аммиан Марцеллин (кон. IV в.) пишет: «Вокруг этих крайних и отдаленных болот (меотийских) живет много народов, отличающихся разнообразием языков и всего строя жизни – яksamаты, меоты, язиги, роксаланы, аланы, меланхлены, гелены и агафирсы». Автор V в. Исихий Александрийский в своем «Лексиконе» пишет: «Керкеты народ синдский». Об этом же народе Аноним V в. замечает: «керкеты народ справедливый, добрый и весьма опытный в мореходстве». Этот же автор упоминает синдов, зихов и др. – «От Гермонасы до Синдской гавани живет народ, называемый синдами... Эти синды варвары, но нравами кротки... Река Ахунт отделяет зихов от санихов... Итак, от Старой Ахеи до Старой Лазики и затем до реки Ахсунта прежде жили народы, носившие имена – иниохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи. От гавани Пагры до Старой Ахеи прежде жили так называемые ахэйцы, а теперь живут зихи... От Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты, а ныне живут эвдусианы».

По Стефану Византийскому (около 500 г.) «синды живут на юге Меотийского озера. Некоторые также говорят, что синдский народ есть отторгнутая ветвь меотийского племени».

Наконец, автор VI в. Прокопий Кесарийский отмечает, что «за пределами абазгов до Кавказского хребта живут брухи (убыхи?), находясь между абазгами и аланами. По берегу же Понта Евксинского утвердились зехи (зихи) ... За ними племя сагидов».

Из приведенных авторов наиболее определенные сведения о расселении древних племен на западном и, в частности, северо-западном Кавказе дает Аноним V в. (Алекс., Матер., 222). Сиды жили от Гермонасы до Синдской гавани, т. е. от ст. Таманской до Анапы. От Синдской гавани до Пагры, т. е. от Анапы до Геленджика, где прежде обитали керкеты, появился загадочный народ эвдусиане. От гавани Пагры до реки Ахеун, т. е. от Геленджика до р. Псезуапе (или Шахэ) жили зихи. Территория их расселения, по сравнению с древним периодом, несколько расширилась на юг, очевидно, за счет более мелких племен, обитавших здесь прежде.

Восточными соседями зихов и других адыгских племен были аланы, занимавшие в то время территорию Центрального Кавказа, восточнее Зеленчуков и верхней Кубани, что и было отмечено Прокопием из Кесарии.

Таким образом, как отмечено выше, потомки синдо-меотских племен в VI в. населяли примерно ту же территорию, как в предыдущий период – побережье Черного моря от Тамани до Туапсе и Северо-Западный Кавказ до берегов Кубани.

Сведения о политической истории адыгских племен в средневековый период (до X в.) в источниках почти не сохранились. Глухие упоминания о столкновениях древних адыгов с гуннами, аварами и хазарами сохранились в адыгских исторических преданиях и песнях, которые приводит Ш.Б. Ногмов в своей книге «История адыгейского народа». Так, в одной из песен упоминается борьба адыгов с Аттилой. О борьбе адыгских племен, в связи с событиями второй половины V в., с грузинами упоминается в сочинении Джуаншера «Жизнь царя Вахтанга Горгасала». В нем рассказывается, как Вахтанг через Дарьяльский проход вступил на Северный Кавказ в борьбе против осов, на стороне которых выступали и зихи. Он захватил в плен много зихов, которых затем обменивал на пленных грузин.

В V–VII вв. часть адыгских племен, населявших Причерноморье, в первую очередь зихи, были включены в сферу влияния Византийской империи. В частности, Византия стремилась насадить среди зихов христианство и подчинить их своему религиозному влиянию. Между адыгами и зихами существовали также торгово-экономические взаимоотношения. Согласно некоторым источникам, даже цари зихов иногда назначались византийскими императорами. В прежние времена, пишет Прокопий, римский (византийский) император ставил над ними (зихами) царя». Во времена же Прокопия, как видно, практики назначения зихских царей византийскими императорами уже не существовало. О том, что западно-кавказские цари и правители назначались византийскими императорами, сообщается и в грузинских летописях.

В VI веке зихи принимают христианство в качестве официальной религии, причем решающую роль в этом сыг-

рала тогда Византия; столетием раньше, по сообщению Джуаншера, среди оссов и адыгов христианство насаждал Вахтанг Горгасал. В VI в. на территории Северо-Западного Кавказа было четыре епархии – Фанагорийская, Метрахская (Таматархская), Зихопольская (на мысе Кодой?) и Никопсийская (ныне Ново-Михаиловское). В 20-х гг. VI в. Фанагорийский и Зихийский (Дамиан) участвовали в вселенских соборах.

Византия и Грузия стремились насадить христианство среди адыгов, чтобы укрепить там свое политическое влияние. В первой половине VII в. Грузии удалось достичь значительного успеха в этом направлении. Согласно сообщению грузинской летописи, VII Вселенский собор, проходивший в годы правления грузинского царя Адарнасе (613 – 639 гг.) подчинил Осетию и Черкесию Милетскому патриаршему престолу. В церковном подчинении Грузии оставались адыги и при преемнике Адарнасе Стефанозе (639 – 663 гг.).

Однако здесь, несомненно, речь идет не о приморских адыгах, которые в церковном отношении были подчинены Византии, а об оссах и зихах, живших в Центральном и Западном Предкавказье.

Адыгские исторические предания сохранили память о военных столкновениях с аварами. В упомянутой выше книге Г. Ногмова содержатся сведения о борьбе адыгов во главе с князем Лавристаном против аварского правителя Гайкана, который подверг адыгские земли страшному разорению.

Приведенные выше сведения из политической жизни адыгов свидетельствуют, что таких сведений по рассматриваемому периоду сохранилось очень мало. Зато кое-что по социально-политической истории адыгов можно почерпнуть из археологических материалов. В Закубанье известны городища IV – IX вв., принадлежащие, несомненно, адыгам (Алнкс. там же, с. 228–229), есть также и могильники. Однако в целом материальная культура адыгов того времени в археологических памятниках представлена слабо. Тем не менее кое-что все-таки можно сказать об их экономике и социальном строе.

Прежде всего, можно считать установленным, что адыги тогда были оседлыми земледельцами. В поселениях обнаруже-

ны земледельческие орудия (серпы, мотыги, зернотерки), кости домашних животных (свиньи, овцы, коровы, лошади), а также наконечники охотничьих стрел, рыболовные крючки и т.п. Все это указывает на то, что адыги того периода занимались земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством. Кроме того, обнаруженные в поселениях и могильниках ремесленные изделия различного вида свидетельствуют о широком развитии ремесленного производства – металлообрабатывающего, гончарного и др.

Большое место в экономической жизни адыгов занимала торговля с Крымом, славянским Поднепровьем, народами Кавказа (аланами, грузинами, абазгами и др.), а также с Византией и Ираном. На археологических объектах обнаружено много предметов явно привозных, попавших к адыгам в результате торгового обмена. Обнаружены также византийские и арабские монеты, хотя и в небольшом количестве. Дальнейшее археологическое изучение адыгских памятников того периода даст, несомненно, много новых материалов.

О социальном строе адыгов в VII – VIII вв. сведений почти не имеется. Как отмечали Аноним V в. и Прокопий, были у них «цари», которые иногда назначались, о чем выше говорилось, византийскими императорами. По мнению Алексеевой, это были, «очевидно, племенные вожди, являющиеся одновременно и предводителями в военных походах» (с. 229). Однако, видимо, это были не обычные родоплеменные вожди, а наследственные династы раннеклассовых народностей, о чем можно судить еще по данным Арриана.

Характерной чертой того времени было военное наемничество. Источники того времени сообщают, что византийские, грузинские, персидские и другие правители нанимали к себе на военную службу отряды из Северного Кавказа. Среди наемников фигурируют гунны, алано-оссы, а также зихи (джики грузинских летописей).

За военную службу наемники получали плату золотом и серебром, а также часть военной добычи. По мнению Алексеевой, этим и объясняется сравнительное богатство кавказских могильников IV–IX вв. (особенно V–VII вв.).

Однако наряду с богатыми захоронениями в одном и том же могильнике встречаются синхронные им бедные захоронения, что свидетельствует об имущественном расслоении адыгского общества на богатых и бедных. Тем не менее утверждение Алексеевой, что все были свободные и рабов не было (в частности, потому, что в даже самых бедных мужских погребениях находилось оружие) и что в IV–IX вв. «адыгские племена все еще переживали период военной демократии», по нашему мнению, не может быть принято. Как отмечалось выше, адыги рассматриваемого периода представляли собой раннеклассовое общество, в котором наряду с другими укладами был и примитивно-рабовладельческий, но рабами в таком обществе могли быть только иноплеменники, которых на местном родо-племенном кладбище не хоронили, почему и погребения их в могильниках не встречаются.

В источниках последующего времени содержатся уже более подробные сведения об адыгах-зихах.

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА В ГРУЗИИ И СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЕ «ВАРВАРЫ»

Как известно, западноевропейское феодальное общество возникло в результате сложного социального синтеза – соединения двух предшествовавших ему форм общественной организации: с одной стороны, рабовладельческого строя Римской империи, с другой – «варварского» по существу еще доклассового или раннеклассового строя кельтов, германцев, славян и других племен, живших к северу от империи. Процесс взаимодействия этих двух факторов был настолько интенсивным, что он относительно быстро привел к образованию феодального способа производства в тех странах Западной Европы, где в свое время рабовладельческие отношения достигли высокого уровня развития (Италия, Южн. Франция, Восточная Испания и др.).

Известно, с другой стороны, что степень этого синтеза в Восточной Римской империи (будущая Византия) была значительно менее выраженной. Здесь этот процесс более яркое во-

площение получил лишь в некоторых балканских провинциях, расположенных к северу от Греции. Что касается последней, а также основной части Малой Азии, т. е. областей, составивших территориальную основу Византийской империи, то здесь влияние «варварского» строя в целом оказалось гораздо менее значительным, чем на Западе, и поэтому процесс утверждения феодализма и изживания рабовладельческого строя затянулся на целый ряд столетий.

В сравнении с отмеченными процессами в Западной и Восточной Римских империях процесс феодализации в Грузии имел свои особенности. Прежде всего, рабовладельческий строй здесь не достиг того уровня, на каком он стоял на Западе, и до конца оставался на ранней, патриархально-рабовладельческой стадии развития в центре и раннеклассового уровня на окраинах. Патриархально-территориальная община в равнинной и особенно в горной Грузии прочно сохраняла свои позиции. Таким образом, наряду с ведущим, примитивно-рабовладельческим укладом, сохранялись (не только в горах, но и на равнине) сильные пережитки патриархально-общинных отношений. Поэтому развитие феодализма, здесь шло по двум линиям: с одной стороны, разложение рабовладельческого уклада и постепенная трансформация его в феодальный, а, с другой стороны, разложение патриархально-общинного уклада и развитие его в том же направлении – в феодальный способ производства. Иначе говоря, здесь мы сталкиваемся с тем же синтезом, т. е. с соединением двух предшествующих феодализму форм общественной организации (доклассового и рабовладельческого), но с той существенной особенностью, что этот синтез протекал внутри грузинского патриархально-рабовладельческого общества, а не в результате взаимодействия внутреннего (рабовладельческого) и внешнего (патриархального), как это было на Западе. В последнем случае, как мы знаем, это взаимодействие осуществлялось в форме резких столкновений между римским рабовладельческим миром и кельто-германо-славянскими «варварскими» племенами, что приводило не только к сокрушительной ликвидации античной социальной системы и массо-

вым людским жертвам, но и к разрушению многих культурных ценностей, созданных античной цивилизацией.

В Грузии же процесс феодализации, в силу отмеченного выше внутреннего синтеза, в условиях которого он протекал, происходил, во-первых, сравнительно «мирным» путем (в отличие от Западной Римской империи), и, во-вторых, осуществился относительно быстрыми темпами (в отличие от Восточной Римской империи).

Однако значит ли все это, что Грузия на заключительных этапах рабовладельческого периода и начальных стадиях раннего феодализма вовсе не знала столкновения с внешним «варварским» миром, который, несомненно сыграл определенную роль в развитии феодализма в Грузии, а в некоторых районах страны, я бы сказал, весьма важную роль. На эту сторону процесса феодализации Грузии еще никто не обратил достаточного внимания, а ее, несомненно, нельзя сбрасывать со счетов при исследовании проблемы генезиса грузинского феодализма.

Прежде чем перейти к изложению конкретного материала, следует указать на следующие два момента: во-первых, роль внешнего фактора в формировании грузинского феодализма ни в какое сравнение не может идти с ролью такового в Западной Европе. Здесь он сыграл роль определенного катализатора, если можно так выразиться, ускорителя процесса, основе которого, повторяю, лежал лишь внутренний синтез доклассового и рабовладельческого укладов. Во-вторых, поскольку этот фактор сыграл все-таки определенную роль в феодализации страны он потребует, несомненно, самого пристального внимания.

До сих пор в нашей историографии, когда речь шла о процессе феодализации Грузии, главным образом указывалось на роль сасанидской Персии в этом процессе. В частности, уже давно отмечалось то обстоятельство, что молодой формирующийся класс грузинских феодалов использовал персидских захватчиков, чтобы окончательно ликвидировать рабовладельческую государственную власть и установить феодальную форму политического порядка. Это обстоятельство, как известно, имело весьма важные последствия в процессе утверждения феодального способа производства в раннесредневековой Грузии.

Однако другую сторону этого процесса, а именно – роль северокавказских «варваров» в процессе феодализации Грузии еще никто не исследовал так, как того заслуживает это явление. Поэтому считаем нужным, в общем плане грузино-северокавказских взаимоотношений, специально остановиться на этом вопросе.

Как известно, взаимоотношения с Северным Кавказом еще в дофеодальную эпоху занимали важное место в исторической жизни Грузии. На рубеже нашей эры северокавказский вопрос получил даже широкое международное значение. Так, он играет существенную роль в грузино-римских отношениях I в. до н. э. и I в. н. э.. Академик С.Д. Джанашиа по этому поводу указывал: «Роль Иберии для Рима увеличивало то обстоятельство, что на ее территории были «расположены те значительные перевальные пути с Северного Кавказа на юг (Дарьялское ущелье и др.), через которые Иберия всегда могла нанять кочевые северокавказские племена (в данный период аланов) и использовать их по своему усмотрению для военных надобностей» (т. 1, с. 184–185). Именно поэтому римское правительство всегда добивалось от Иберии охраны этих перевальных путей, чтобы оградить свои восточные владения от набегов со стороны северокавказских «варваров».

Интересные сведения об использовании северокавказских племен в своих политических целях грузинскими правящими кругами приводит Леонти Мровели в рассказе о борьбе картлийских царей Азорка и Армазела (сыновей Фарсмана) против Армянского царства «с целью (восстановления) границ Картли (захваченных армянским царем Иарвандом)»: «Тогда убил Сумбат Бавратиан Иарванда, царя армян, и посадил царем брата Иарванда, имя которого Арташан. Тогда эти цари картлийские Азорк и Армазел привели овсов и леков (по эту сторону Кавказских гор) – царей овсов двух братьев витязей, по имени Базук и Амбазук, с войском овсетским. И они привели с собой печенегов и джиков. И пришел царь леков и привел с собой дурдзуков и дидойцов... Тогда Сумбат Бавратиан призвал войско армянское, и быстро собрались армяне и стали (их) преследовать...». Далее рассказывается подробно о борьбе между картлийцами, армянами и северокавказцами

Эта цитата приведена для иллюстрации того факта, что еще задолго до окончательной победы феодализма в Грузии «северные родичи», как их называет Л. Мровели (т. е. народы и племена Северного Кавказа), принимали самое активное участие в политической жизни грузинского народа. Предки нынешних осетин, вайнахов и дагестанских народностей участвовали во многих войнах Иберийского царства как с соседними государственными образованиями Закавказья, так и с иноземными интервентами. Грузинские цари, разумеется, не только стремились использовать наемную военную силу в борьбе с внешними противниками, но и, несомненно, опирались на нее в борьбе за утверждение и укрепление своего социального господства. Подобных фактов из источников можно привести немало, но и этого достаточно для подтверждения выдвинутого положения.

Правящие круги грузинского общества широко пользовались поддержкой своих северокавказских соседей и в последующее время. В V – VI вв., когда в социальном развитии Грузии происходили решающие сдвиги, т. е. когда на смену раннеклассовым и рабовладельческим отношениям приходил феодальный строй, участие народностей Северного Кавказа в социально-политической жизни Грузии еще более активизируется, причем это относится как к Восточной, так и к Западной Грузии. Касаясь последней, в частности, напомним, что по сообщению Л. Мровели, еще картлийский царь Парнаваз одну из своих сестер отдал в жены правителю Эгриси Куджи, а другую выдал замуж за овского царя. Так что дети «царя овсов» и правителя мегрелов были уже близкими родственниками.

В этой связи большой интерес представляет рассказ Л. Мровели о конфликте между алано-осами и картлийским царем Амазаспом (182 – 186 гг.). Леонти рассказывает, что овсы вторглись в Картли по «двалетской дороге» и вышли к ущелью Лиахви, готовясь напасть на Мцхета, ибо Дарьялский проход, как видно был укреплен Амазаспом. Однако военное счастье не улыбнулось овсам: Амазасп в союзе с армянами разбил их и затем сам вторгся на территорию Осетии – «пленил Овсети и вернулся победителем».

Спустя некоторое время против Амазаспа восстали его эриставы, которые, как видно, были недовольны его централизаторскими устремлениями. По словам Мровели, от Амазаспа отложились эриставы Одзрхе, Клардаети и Цунды. Они обратились за помощью к овсам, а те «с радостью отправились, поскольку кровником их был Амазасп. Перешли они (горы) по дороге Такверской и пришли к эристам (через) Эгриси». Если данное сообщение Л. Мровели соответствует действительности, то становится очевидным, что в этом случае осетины приняли участие в той внутренней междоусобице, которая произошла между царем и его эристами. Последние, несомненно, представляли децентрализаторские силы в Картлийском государстве и являлись зародышем будущего класса феодалов.

Характерно, что осетины (в данном случае нас не интересует цель, которой они руководствовались, на этот раз пришли через Такверские ворота, расположенные к западу от Двалетских, и направились в Мегрелию, где соединились с мегрельским ополчением и совместно с ним пошли в Картли. Леонти пишет: «Овсы и мегры перешли через Малую гору (Сурамский хребет?) и соединились с отложившимися эристами».

С помощью мегрелов и осетин восставшие эриставы нанесли поражение царю Амазаспу. Овсы же, по-видимому, сумели добиться своей главной цели – осуществить освобождение перевальных путей от царских войск.

Комментируя изложенные выше события, Г. Тогошвили пишет: «Таким образом, осетины были использованы грузинами не только в борьбе против внешних врагов, но они бывали нередко участниками внутренней (классовой и внутриклассовой) борьбы, которая происходила в грузинском обществе» (с. 83).

Развивая это положение, мы должны отметить, что вспомогательные силы из Северного Кавказа (осетины и другие народности) были, несомненно, использованы также и зарождающимся классом феодалов против рабовладельческой царской власти. Одним из проявлений этого факта было, конечно, и восстание эриставов против Амазаспа. В еще большей степени северокавказские силы должны были быть использованы в последующее время, в момент решающих схваток между старыми и

новыми социальными группами. Эти силы, таким образом, играли объективно-прогрессивную роль в процессе генезиса феодальных отношений в Грузии. В частности, они играли большую роль в период решительного натиска феодалов на царскую власть во второй половине V в., в годы правления Вахтанга Горгасала.

Еще в пору малолетства Вахтанга, по сообщению Джуаншера, «перешли (через горы) бесчисленные войска овсетские и пленили Картли от Куры до Хунани, и разорили поля, а города-крепости не взяли, кроме Ксани. Только город Ксани захватили и пленили и взяли (с собой) сестру Вахтанга Мирандухт, девочку трех лет... Прошли через двери Дербентские, потому что Дербентский путь сочли более благоприятным и возвратились в Овсетию победителями».

Стоит ли подчеркивать, что такие вторжения не могли не использовать в своих интересах молодые феодальные элементы. Набеги ослабляли центральную власть и давали возможность представителям зарождающегося класса феодалов укреплять свои не только социально-политические, но и экономические позиции. Как известно, феодальная экономика в целом, и особенно на ранних стадиях своего развития, отличается хозяйственной раздробленностью, которая в тех условиях стала наиболее удобной формой прогрессивного хозяйствования. Поэтому военные набеги северокавказских полчищ, подобные описанному выше не могли серьезно подорвать экономику страны, поскольку в ту эпоху ее основу составляли натурально-хозяйственные отношения.

Однако если бы дали этой внешней силе полное раздолье, она могла нанести зарождающемуся феодализму немалый вред. Ее можно было использовать лишь в рамках, необходимых и полезных классу феодалов. Поэтому последний, несомненно, поддерживал те мероприятия, которые царская власть во главе с Вахтангом предпринимала для упорядочения грузино-северокавказских взаимоотношений.

По сообщению Джуаншера, Вахтанг собрал огромное войско, с которым прошел через Дарьяльские ворота, и на реке Терек разбил такое же многочисленное осетинское войско. В

борьбе «овсы были побеждены и бежал лагерь их», грузины захватили множество пленников.

После этого осетины и картвелы окончательно примирились. По данным вставки к летописи Джуаншера, Вахтанг «покорил овсов и кипчаков, и создал (укрепил) двери овсетские, которые назвал Дариаланом. И построил там башни высокие и защитниками в них посадил живущих по соседству с теми местами горцев. После этого не смели выступить овсы и кипчаки кроме как по повелению царя картвелов».

Утверждение твердого контроля Грузии над перевальными путями, соединявшими обе стороны Кавказа, означало, что отныне она установила свое политическое влияние над населением соседних областей Северного Кавказа. Это означало использование северокавказских сил в дальнейшем в интересах Грузии.

Однако вскоре после этих событий власть рабовладельческих царей была упразднена персидскими захватчиками, при которых феодальные отношения окончательно восторжествовали. В новых условиях изменяют свой характер и грузино-северокавказские взаимоотношения, т. е. принимают черты, присущие политически раздробленной феодальной страны.

Картину, аналогичную Восточной Грузии рассматриваемой эпохи, мы имеем и в Западной Грузии. Например, в VI столетии, в годы Большой войны в Лазике, мы часто встречаем здесь наемников из Северного Кавказа. В происходящей борьбе принимали участие в качестве наемников главным образом алано-овсы и гунны, как об этом говорилось в соответствующих разделах. Царь Губаз, например, нанимал аланов и других, и с их помощью укреплял свои позиции. По сообщению Прокопия Кесарийского, Губаз «втянул в союз аланов и сабиров, которые не только должны были... защищать для лазов их страну, но и так разорять Иберию, чтобы отныне персы не могли бы туда прибывать». Агафий Схолост также сообщает, что царь Губаз использовал в борьбе против Византии «живущих за горами Кавказа варваров».

В таких условиях вряд ли приходится сомневаться, что северокавказские «варвары» были использованы местными феодалами для утверждения своего социально-политического

строю. В тех исторических условиях освобождение Западной Грузии от византийского господства означало в то же время и окончательное торжество феодализма. Вспомним, что образование самого феодального крупного в период средневековья государства в Западной Грузии – Абхазского царства – произошло при прямой поддержке хазар, которых использовал Леон II.

На втором этапе раннефеодальных отношений (IX – X вв.) характер взаимоотношений Грузии с Северным Кавказом принимает новые черты, о чем подробнее речь будет идти в следующей главе.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

- Агафий. О царствовании Юстиниана. М. – Л., 1958.
Армянская география VII в., приписываемая Моисею Хоренскому, СПб, 1877.
Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927.
Ибн ал-Асир. Из Полного свода истории. Баку, 1940.
Каганкатвацци М. История агван. СПб, 1861.
Картлис цховреба («Жизнь Грузии»), т. I, Тб., 1955 (на груз. яз.).
Караулов Н.А.. Сведения арабских географов IX – X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане, вв. XXIX, XXXI, XXXII, XXXVIII. Тбилиси, 1901 – 1908.
Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в., Ленинград, 1932.
Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
Менандр. Продолжение Истории Агафия. СПб, 1860.
Пигулевская И.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М. – Л., 1941.
Прокопий из Кесари. Война римлян с персами. СПб, 1880.
Его же. Война с готами. Москва, 1950.

Сабанидзе И. Мученичество Або Тбилели. Изд. К. Кекелидзе. Тбилиси, 1956.

Хоренаци М. История Армении. Москва, 1893.

Литература

Алексеева Е.Л. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Москва, 1971.

Ее же. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.

Ее же. Материалы к древней и средневековой истории адыгов (черкесов). Труды Черкесского НИИ, вып.2. Черкесск, 1954.

Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI – VII вв.). Сухуми, 1959.

Его же. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

Артамонов М.И. История хазар. Ленинград, 1962.

Бернштам А.И. Очерк истории гуннов. Ленинград, 1956.

Буниатов З.М. Азербайджан в VII – IX вв. Баку, 1965.

Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Сев. Кавказа. Москва, 1973.

Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV – X вв. Ленинград, 1979.

Гамрекели В. Тбилиси, 1961.

История Дагестана. т. I, Москва, 1967.

История Кабардино-Балкарской АССР. т. I, Москва, 1967.

История Кабарды. Москва, 1957.

История Чечено-Ингушетии. Грозный, 1968.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Москва, 1971.

Кудрявцев А. «Длинные станы» на Восточном Кавказе. Вопросы истории. 1979, № II.

Лавров Л.И. Адыги в раннее средневековье. Сб. статей по истории Кабарды, вып.4, Нальчик, 1955.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. Москва, 1963.

О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы. Нальчик, 1960.

Очерки истории балкарского народа с древнейших времен до 1917 г. Нальчик, 1961.

Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1967.

Очерки истории СССР III – IX вв.. Москва, 1958.

Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.–Л., 1959.

Из домашнего архива. Публикуется впервые

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	5
Очерк этнической истории абхазского народа.....	7
Вопросы истории Абхазии в трудах акад. С.Н. Джанашиа.....	205
Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингорква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века»...	223
К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса.....	247
Социально-политическая эволюция крупной феодальной сеньории в Абхазии XIX в.	270
Статьи из «Грузинской Советской Энциклопедии».....	281
Очерки истории народов Северного Кавказа в средние века.....	291

**ЗУРАБ ВИАНОРОВИЧ
АНЧАБАДЗЕ**

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
В ДВУХ ТОМАХ**

II

**ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
АБХАЗСКОГО НАРОДА.**

СТАТЬИ

Редактор **Л.С. Пачулия**
Корректор **Л.З. Клычева**
Компьютерный набор и верстка **Л.Р. Чамагуа**